

ИГОРЬ ШЕСТКОВ НОРДРИНГ

International

Literary

magazine

KR S T C I N A K

Игорь
ШЕСТКОВ

НОРДРИНГ

Четыре повести

БИБЛИОТЕКА «КРЕЩАТИКА»
ПОЕЗІЯ, ПРОЗА, ПУБЛІЦИСТИКА

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛЕГА ФЕДОРОВА**

Игорь
ШЕСТКОВ

НОРДРИНГ

Четыре повести

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2023

УДК. 821.161.8'19-2
Ш-34

СЕРІЯ «Библиотека “КРЕЩАТИКА”»
Заснована у 2023 році

Шестков И.

Ш-34 Нордринг / Игорь Шестков — Друкарський двір
Олега Федорова 2023 — 444 с.

ISBN 978-617-8252-13-7

Игорь Шестков (Igor Heinrich Schestkow)

Родился (1956) и вырос в Москве. Окончил мехмат МГУ. Работал в НИИ. В восьмидесятих годах участвовал в выставках неофициального искусства в галерее Горкома графиков на Малой Грузинской улице в Москве. В 1990 году эмигрировал в Германию. Берлинец. Автор психоделических и сюрреалистических рассказов, повестей и эссе об искусстве и литературе. В книгу «Нордринг» вошли четыре повести и четыре рассказа.

УДК 821.161.8'19-2

ISBN 978-617-8252-14-4 (серія БК)
ISBN 978-617-8252-13-7

© Шестков И., 2023
© Федоров О.М., видавець, Київ 2023

ВТОРЖЕНИЕ

Вторжение

Первые боевые машины десанта вошли в Берлин в субботу, шестого декабря 2014 года. Ехать им было недалеко — военно-транспортные самолеты доставили их на заброшенный аэропорт Вернойхен, находящийся в двенадцати километрах от границы Берлина, бывшую советскую военную базу. Двадцать перегораживающих взлетную полосу полуметровых резиновых конусов-заграждений, прикрепленных к бетону шурупам, были заблаговременно убраны путинскими агентами, приехавшими в Вернойхен на двух микроавтобусах из Берлина за четыре часа до приземления первого Ил-76 в среду. Они же помогли новоприбывшим занять круговую оборону, снабдили их картами и оперативной информацией. Никто на вторгнувшихся, впрочем, не нападал. Даже полиции не было рядом, только с десяток прибежавших на шум вернойхенских мальчишек и два тамошних вьетнамца смотрели, открыв рты, на вылетающие из утроб ревущих самолетов нелепые гусеничные чудовища с зачехленными еще пушками и на похожих на роботов, недружелюбных высоких солдат в странной, плохо сшитой форме.

В ближайшие три дня было совершено около сорока посадок на Вернойхене, русские спрятали свои боевые машины в старых ангарах, разбили палаточный лагерь, а затем, убедившись в отсутствии немецких войск, сформировали несколько колонн, проломили танками невысокую земляную стену в ближнем к Берлину конце взлетной полосы и покатали по дороге 158. У станции Арнсфельде они свернули на одноименную улицу и направились по кратчайшему пути к центру города. Проехали и мимо моего одиннадцатизэтажно-

го дома на Фалькенбергер шоссе. Никакого сопротивления никто им не оказывал и по пути в центр. Наоборот, я заметил группки берлинцев, стоявших на обочине и приветливо махавших руками высунувшим из люков свои шлемастые головы механикам-водителям. Некоторые кидали в сторону тяжело рокочущих и пускающих в воздух сизо-черные фонтаны выхлопов машин цветы. Откуда они их взяли? Цветочные магазины были давно закрыты. Кто они, эти предатели? Немецкие левые, так до сих пор ничего и не понявшие? Зеленые? Бывшие агенты ШТАЗИ? Путинские засланцы? Или российские немцы и их русские жены, которых Германия впустила, чтобы хоть как-то расово компенсировать растущую турецкую популяцию?

Одна бабушка танцевала на дороге от счастья и кричала так громко, что я расслышал ее слова на своем седьмом этаже: Сынки, сынки, ехайте, ехайте, мы вас тут заждались, будет теперь и у нас жизнь!

Веселую эту старушку я несколько раз видел в магазине Кайзер. Она покупала там сигареты, вино и закуску. Однажды худенькая застенчивая продавщица-немка, видимо подрабатывающая студентка, вежливо попеняла ей на то, что та не оплатила килограммовый кусок копченой колбасы (не положила ее на движущуюся дорожку, а оставила в руке). Старушка видимо испугалась, что ее оштрафуют, и разохалась: Верцаен, верцаен, фрау феркойферин! Ик бин дура старая! Никс мер, нимальс!

А отойдя от кассы прошипела: Фашистка проклятая! Шоб ты сохла, и чтобы твои дети-фашисты подохли!

Вслед за десантными частями к Берлину подкатили и подоспевшие из Польши мотострелковые дивизии — началось полномасштабное вторжение.

...

Я не верил ни Меркель, ни Обаме, ни НАТО.

Постаревшая, усталая канцлерша так привыкла молоть языком и ничего не делать, что не была способна ни на какие поступки, Обама показал себя за годы президентства слабым, грозный североатлантический альянс НАТО, как выясни-

лось, просто не существовал, был игрой воображения. Американцы, очевидно, не хотели умирать за Европу. А самостоятельно Старый континент, долго не воевавший и расслабившийся, раздираемый эгоизмом монополий и влиятельных кланов, не был способен защитить себя от полчищ новых гуннов. Оружия и солдат у Европы было более чем достаточно, но не было ни воли, ни мужества решительно противостоять наглому агрессору. Французский президент и английский премьер публично заявили, что «ни при каких обстоятельствах» не будут применять своего ядерного оружия. То же самое провозгласил в обращении к американскому народу Обама, только сформулировал более обтекаемо.

Россия, проиграв «гибридную войну» Украине, 20 сентября потеряла и отобранный ранее у соседки Крым. Загнанный в угол Путин нажал на ядерную кнопку. 21 сентября Киев и Львов были уничтожены тактическими ядерными ракетами. После этого Россия предъявила Украине и Западу свой «воскресный ультиматум». Политики свободного мира, не привыкшие к ответственным решениям, метались в истерике или просиживали штаны на бесполезных совещаниях, граждане тряслись от страха. Мировая финансовая система рухнула 23 сентября, этот день вошел в историю как «черный вторник». Американские военные покинули Германию (это было одним из условий Путина), Шестой флот уплыл в Майами. Началась паника. Хорошо обеспеченные немцы бросили свои дома и фирмы и — кто как мог — полетели или поплыли в Англию и в Новый Свет.

...

Несчастливая Украина после ядерного удара братского народа безоговорочно капитулировала, и русские войска за несколько дней растеклись по ней, как синие чернила пятьдесят лет назад по моему письменному столу из выпавшей из неловких детских рук баночки. Беззащитное население мужественной страны попало в лапы путинской солдатни. Начались массовые убийства, пытки, изнасилования и грабежи. Особенно свирепствовали проигравшие свою войну и жаждущие реванша донецкие и луганские «сепаратисты», великодушно отпущенные Порошенко в Россию.

Не сопротивляющихся украинских военных, участников Майдана, энтузиастов и патриотов Украины русские, предварительно подвергнув чудовищным пыткам, перебили поголовно уже в первую неделю после капитуляции. Мужчин от двадцати до шестидесяти лет загнали в концентрационные лагеря, где приступили к их систематическому уничтожению непосильной работой и регулярными избиениями. Детей отобрали у матерей и отправили в детские дома России — на «перевоспитание в традициях великой русской культуры». Женщин постарше заставили работать на фабриках и шахтах в условиях сталинских трудармий. Украинских девушек продали в московские и арабские бордели. Мальчиков от семнадцати до девятнадцати лет забрили в путинскую армию. А пенсионерам не платили пенсию, в надежде на то, что они, как выразился помощник Путина по национальному вопросу Глинов, «подохнут сами». Обо всех этих ужасах я узнал из передач независимого украинского радио «Надія», вещавшего на коротких волнах из Лондона.

...

Белоруссия отдалась России раньше всех. В немецких новостях показали, как коленопреклоненный Лукашенко вручил светящемуся как божество Путину символические ключи от Минска, пожирая его слезящимися глазами.

В начале октября российская армия, пополненная миллионами добровольцев и резервистов начала дальнейшую экспансию. А к концу месяца путинцы уже хозяйничали в оккупированных почти без боев Молдавии, Румынии, Болгарии, Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Словакии, Чехии, Грузии, Азербайджане и Армении. Русские меньшинства в этих странах передались врагу.

В Венгрии и Финляндии русские неожиданно напоролись на партизанское сопротивление. В Кремле серьезно обсуждали вопрос о ядерной бомбардировке Будапешта и Хельсинки, но не торопились с решением.

На Востоке доблестные российские войны взяли Астану (одетый в расшитый золотом халат Назарбаев встречал Путина хлебом и солью, подарил ему рыжего жеребца, что не спас

ло его однако от ареста, побоев и позорной казни) и начали дальнейшее продвижение на юг и юго-восток... намереваясь «омыть русские сапоги в Индийском океане» до того, как это сделает с китайскими сапогами Большой брат из Пекина, с которым Путин поспешно заключил мир на тысячу лет, скрепив его тайной передачей Китаю половины Хабаровского края. Председатель Си Куи, подписывая документ, держал, как его научили советские студенты во время обучения в МГУ в далекие пятидесятые годы, за спиной фигу.

В начале ноября Путин отдал приказ стереть с лица земли «непотопляемый авианосец Америки — Японию», что и было с удовольствием исполнено его генералами. Московские интеллигенты-монархисты ворчали, мстительно щурясь: Это им за Порт-Артур и Цусиму.

...

Власти ФРГ даже после передислокации российских войск к восточным границам Германии не хотели публично признать то, что вторжение неминуемо. Частное телевидение трансляции прекратило, обличать политиков было некому. Вещали только первый и второй каналы. Дикторы, комментируя новости, кривили рты и краснели. Они знали, что врут народу в лицо и думали только о том, как бы поскорее самим убраться отсюда. Кроме новостей каналы транслировали старые комедии и развлекательные программы.

После уничтожения Японии миллионы немцев набили свои тачки барахлом и рванули на Запад, в надежде как-то пробиться и дальше — за океан.

Гражданские самолеты уже не летали — русские диверсанты, которыми кишела Европа (усердно принимавшая их как беженцев) испортили оборудование аэропортов, перерезали кабели, взорвали подземные хранилища с горючим.

Военные самолеты никто и не думал поднимать в воздух.

Швейцария и Швеция закрыли свои границы для беженцев, и объявили о нейтралитете. Надеялись, что длинная рука Москвы их не достанет. Последующие события показали, что зря.

В Австрию никто не бежал, потому что еще пятого ноября российские войска заняли Вену. В прошлом матерый антисо-

ветчик, писатель Леонид Калошный уехать из австрийской столицы не успел и был первым венцем, повешенным путинским военным трибуналом на Ратушной площади «за словопреступления против бывшего отечества». Калошный вел себя мужественно и перед казнью крикнул карателям: Всех не перевешаете!

...

Некоторые немцы успели проскочить через Бреннер в Италию и пытались взять там билет на корабль. Или купить катер. Или шлюпку. Часть из них умудрилась доплыть на небольших суденышках до африканского побережья. Власти Ливии, Египта и Туниса встретили беженцев не так, как европейцы еще недавно встречали у своих берегов тысячи африканцев, приплывших в Европу в погоне за лучшей жизнью — они приказали своим войскам открывать по ним огонь на поражение из крупнокалиберных пулеметов (поставленных им европейцами же для «борьбы за свободу»), а трупы выбрасывать в море, на съедение рыбам и медузам.

Турция объявила о поддержке «новой политики России» и о желании долгосрочного с ней альянса «для поддержания мира и благосостояния в Европе, Малой Азии и в акватории Черного и Средиземных морей». После чего оккупировала Грецию, Албанию и страны бывшей Югославии и начала там резню.

Иран завоевал Ирак, Сирию и оставленную американскими войсками Саудовскую Аравию.

Между Индией и Пакистаном началась война, грозящая затянуться на десятилетия.

Вьетнам оккупировал Лаос и Камбоджу.

Израиль затаил дыхание, потому что почувствовал, что мусульмане вот-вот бросятся на него со всех сторон, как стая голодных волков и раздерут его на части. Знали израильтяне и то, что их атомное оружие уже не остановит арабов, а от поджавшей хвост Америки и валяющейся у Путина в ногах Европы помощи не будет.

Что делала армия ФРГ с конца сентября, когда все уже стало ясно, по начало декабря, когда началось вторжение, мне

неизвестно, предполагаю, что офицеры и солдаты, поняв, что политическое и военное руководство страны не собирается сопротивляться русским, просто разошлись по домам, побросав оружие.

...

Жить в Берлине стало трудно. Больницы не работали, их персонал разбежался, оставив больных на произвол судьбы. Аптеки были разграблены. Университеты, школы, детские сады и музеи закрылись. Газеты и журналы перестали выходить. Интернет, телефоны и мобильники были отключены. Метро закрылось, трамваи и автобусы не ходили.

Несмотря на то, что большинство жителей покинуло Берлин, на улицах нередко возникали массовые этнические драки, оттуда доносились непристойная ругань и хлопки выстрелов. Кое-где валялись трупы животных и людей.

В пятницу, пятого декабря по Берлину еще можно было проехать на городской электричке.

Редкие, еще работавшие продуктовые магазины напоминали в этот последний перед вторжением день своей пустотой — московские универсамы времен поздней перестройки. В них принимали «новую марку», пародию на старую добрую немецкую валюту, введенную вместо евро в конце сентября. За хлебом и молоком стояли длинные очереди. Кассовые аппараты не работали, покупатели платили наличными. Никаких овощей или фруктов, мяса, рыбы, сыров, колбас, творога, йогурта и прочих прелестей не было в продаже с конца сентября. Иногда выбрасывали какую-то вонючую малосъедобную соленую рыбу.

Кофе, сигареты и шнапс можно было купить только на черном рынке в обмен на золотые монеты, цепочки и кольца. Серебро не котировалось. Пачку сигарет можно было обменять на теплую зимнюю куртку, сто грамм кофе — на добротные ботинки или сапоги. За игрушечную бутылочку водки можно было купить ночное блаженство с тремя проститутками-азиатками или с одной немкой. Невероятно высоко ценились карманные приемники, фонарики, батарейки, туристические ножи, спальные мешки, все виды огнестрельного оружия, противозачаточные пилюли и презервативы.

Электричество выключили, из кранов перестала литься вода, батареи парового отопления начали остывать. Питьевую воду люди качали в ведра на колонках, построенных в нашем районе предусмотрительными гэдээровцами на случай нападения на них «агрессивного блока НАТО».

...

Я ходил к колонке с двумя ведрами и поднимался потом на седьмой этаж (лифт не работал), делая минутные паузы на каждом этаже. Пытался успокоить бешено колотящееся в груди и висках сердце. Дома фильтровал воду, кипятил ее на спиртовке, непонятно как пережившей все мои переезды, бросал в прозрачный стаканчик четверть чайной ложечки кофе и столько же сахарного песка, осторожно мешал его стеклянной ложечкой и пил маленькими глотками.

Мне было ясно, что долго я не протяну, мы все не протянем.

Я понимал, что русские скоро найдут меня и убьют, как убили уже десятки тысяч недружественных им граждан стран бывшего Варшавского договора. Слишком часто я последние восемь лет, не скрывая имени и адреса, называл их кумира — вором и убийцей, плешивым карликом, подонком, а любящий его народ — свинорылым стадом, быдляком, сталинскими ублюдками.

Вспомнят тебя, когда достаточно нагрябят, найдут в списках и прикончат, — говорил я себе, наблюдая из окна за движением российской техники.

Прикончат, прикончат! Как же хорошо, что я отправил Марику к сыну в семью! Плывет, наверное, в Америку на роскошном теплоходе, на дельфинов смотрит и мороженое ест. А я, как видите, приплыл назад в СССР. Стоило ли уезжать тогда, в девяностом, из горбачевской Москвы, чтобы оказаться в 2014-м в путинском Берлине! Ну, здравствуйте, бэтээры и черные маруси, приветствую тебя, колючая проволока, бонжур, топтуны, парткомы, сексоты, Лубянка! Как же я вас всех ненавижу! Почему я не уехал с Марикой?

Не уехал, потому что не хотел больше бегать как заяц по всему миру. От них. Набегался уже. Потому что ее сын заявил мне, что возьмет к себе только старуху мать, без ее русского сожителя.

Убьют, значит убьют. Подохну, значит подохну.

Совсем уж неподготовленным к лихолетью я не был. Я ведь все уже в августе понял.

Понял, что победа Украины обернется для всех нас катастрофой, что беда придет и сюда, в кажущийся таким стабильным и безопасным немецкий мир... что Путин будет мстить за отобранный Крым, за развал СССР, за санкции. Не потому, что он силен, а потому что позорно слаб. Но его экономическая слабость — ничто перед импотенцией Европы, перед нерешительностью обамовской Америки. Державный глист почуял, что пришел его час. Ядерные грибы на Украине до смерти испугали Запад, а уничтожение Японии окончательно парализовало его волю. Наступил долгожданный закат Европы — звездный час воблоглазой гадины.

Начал готовиться к предстоящему испытанию. Потратил кучу денег на покупку ящика маленьких синеньких бутылочек шнапса (на обмен), четырехсот килограммов концентратов и консервов, почти полутонны сухарей, фильтров для воды, пяти килограммов сухого спирта, сотни рулонов туалетной бумаги. Врезал два дополнительных замка, укрепил входную дверь стальными стержнями, купил самурайский меч, пневматический пистолет и копию средневековой алебарды.

...

Техника прошла и шоссе опустело.

Редко-редко по нему проносились шальные мотоциклисты с зелеными знаменами. Они кричали «Аллаху акбар», поднимали передние колеса и неслись на задних.

Пошел за водой. В очереди к колонке томились человек двести. Люди стояли молча, вздыхали, кряхтели, переступали с ноги на ногу. Получил свою воду и потащился на седьмой этаж. Опять сердцебиение, потный страх смерти, пустота и безнадежность.

Перед сном выпил еще раз свой фирменный кофе и съел сухарик. Лег спать, не раздеваясь, укрылся тремя одеялами и заснул.

Проснулся я около трех часов ночи от страшного грохота и удара, потряхнувшего наш дом как землетрясение. Доблест-

ные русские войны саданули по дому из установки «Град», которую уж не знаю, как, затащили на крышу Кауфхауза на Александерлатц. Пробили дыру в бетонной стене соседнего подъезда, убили двух пенсионеров и сожгли их квартиру и квартиры их уехавших соседей. Стрелять по городу иваны начали в два часа ночи, может быть перепились на радостях, или получили приказ «пощекотать немчуру».

Пощекотали на славу. С третьей попытки попали в купол здания Бундестага, обрушили Бранденбургские ворота и американское посольство, долго палили по телебашне, которая не хотела падать, несмотря на несколько прямых попаданий. Когда башня наконец рухнула, то чуть не накрыла стрелков своим полосатым кончиком.

Я не знал, что делать, спускаться ли в подвал... остался дома назло всему, согрел воду, выпил еще один стаканчик кофе и съел еще один сухарь.

Заснуть так и не смог, по улице носился туда-сюда какой-то джип без номеров и ревел сиреной. Не удержался, встал, укутался одеялами как мексиканец и открыл окно.

Темь, звезды как золотники, воздух свежий... только порохом пахнет. На горизонте — зарево. Вокруг сберкассы и магазина велосипедов какая-то подозрительная кутерьма, наверное, грабят.

Опять лег в кровать. Некоторое время слышал только буханье «Градов». Затем с улицы донеслись сухие щелчки автоматных выстрелов, послышались матерные крики... топот погони... звук падающего тела... рыдания, мольба... еще выстрелы и нечеловеческий вой.

Сердце сжалось... и тут что-то блеснуло фиолетовой молнией, взорвалось... как мне показалось, прямо в спальне. Чудовищная сила подняла меня и бросила как мячик в потолок. Я ударился подбородком... почувствовал, как хлынула изо рта кровь... потерял сознание.

Пришел в себя только через несколько часов. Невыносимо саднили прокушенный язык и ямки от выбитых зубов. Раскаленной металлической струной тянуло что-то в позвоночнике. Ныли колени и ступни. Заставил себя встать и осмотреть квартиру.

Все оконные стекла были разбиты, двери (в том числе и входная) выбиты, книжные шкафы размолены в труху, наружная стена в кухне отсутствовала, часть стены в гостиной беспомощно, как удавленница, висела на улице, шмотки разодраны, а мои припасы, моя гордость, почти полностью уничтожены. Выметены на улицу свинцовой щеткой великана.

Я осушил единственную уцелевшую бутылочку водки и забился в противоположный от окна угол самой маленькой комнаты нашей квартиры, навалил на себя побольше тряпок и так встретил рассвет.

Утром, в очереди за водой, знакомые жильцы рассказали, что по всему городу идут погромы, что русские насилуют и убивают и женщин, и мужчин, что изверги бабахнули по нашему дому из гранатомета у церкви, убили мою соседку по лестничной клетке, кривобокую старую румынку, которую я недолюбливал за вечное ворчанье, и ее черного кота.

Весь день я бродил как леший по нашей уничтоженной квартире, по которой носился снежный сквозняк... с изумлением смотрел на скрюченный мертвый монитор, на разломанные стулья и столы, обгоревшую репродукцию «Рыцаря» Дюрера, выдранный из старинных часов циферблат, зеленую пуговичку, сломанный карандаш, матовый осколок лампы, фотографию дочери с дыркой посередине... искал меч и алебарду.

Пытался понять, откуда эта подметка, с Марикиных заношенных ботинок или с моих любимых желтых башмаков, читал какую-то изодранную, грязную книгу и спрашивал себя снова и снова, кто же ее автор, и так и не смог догадаться, что это моя «Африка». Вечером за мной пришли два солдата с автоматами...

Я люблю тебя, жизнь

Один из них, двухметровый бугай, был рядовым, другой, тоже не маленький, офицером, старшим лейтенантом. Я стоял перед ними, завернутый в одеяло, в руках у меня были подметка и книжка.

Бугай ткнул мне в живот дулом «Калашникова» и сказал: Хорош попугай! Тебя как звать, рожа гнойная? Покаж аусвайс, гниляк!

Я назвался после мучительного усилия. Немецкий паспорт лежал у меня в кармане. Но я не мог вспомнить, где карман и что это вообще такое, аусвайс. Горный цветок с ватными лепестками? Я никак не мог понять, зачем он понадобился российскому солдату. Закопался. Положил, наконец, теплую от моих рук подметку и книгу на пол и неожиданно понял, что это не подметка, а мой пляжный тапочек, купленный в Бельгии, после долгой прогулки по песчаному июньскому пляжу с моей тогдашней подружкой. Как же ее звали? Не помню, помню только ее мягкие груди и шелковый живот. Вынул пластиковую карточку, показал.

Старлей ситуацию упростил: Не трясись, урод. Ты нам живой нужен. Ботинки зимние есть? Портки, рубашка, куртка, шапка? Посмотри, Петро, его чуть не завалили. Все в кашу... артиллеристы бля!

Так много слов я осилить не смог. Ничего не сказал, застыл, как ящерица. Старлей нахмурился.

— Деда кажись контузило, вишь, молчит как дохлая вошь. Может он и не подойдет, опять они там в конторе нахимичили. Химики херовы.

Бугай был нетерпелив. Он ударил меня тяжелым кулаком зади в бок. Я успел расслышать: Сейчас мы его оживим.

Огненная струна в позвоночнике натянулась как тетива лука и лопнула. Мне показалось, что меня разорвало болью на части. Позже я узнал, что удар по почкам был фирменным блюдом «для гниляков» бугая Пети, которого старлей звал Петро. Этот удар не убивал, он был хуже смерти.

...

Очнулся я в полутемном высоком подвале, за решеткой, на широком деревянном поддоне... на каких устанавливают ящики для погрузки и транспортировки. Под грязным потолком висела мигающая на одном конце синеватая неоновая лампа, освещающая подвал неестественным стробоскопическим светом. Позвоночник болел умеренно, язык больше не свербило, но голову я повернуть не мог.

Ко мне подошел пожилой человек в темном пальто... он поднялся со своего поддона метрах в двух от моего... заглянул вопросительно мне в глаза и протянул мне бутылочку кока-колы.

— Хлебните. Тонизирует и помогает не отчаиваться.

Я машинально взял бутылочку, но пить не стал... не смог... поставил бутылочку на поддон.

— Где я?

— Вы будете смеяться, но Сара...

— Это что, ад?

— Не совсем. Это склад. Ящики.

Он показал мне рукой направо и налево — я разглядел огромные штабеля.

— Да-да, именно с кока-колой. Мы находимся на фабрике-производителе этого убийственно диабетического продукта, в который раньше добавляли кокаин. Мы — это вы, я, Борис Каневский, к вашим услугам, и Марик, Марк то есть, вон там, слева от вас. На своем поддоне возлегает, как Диоген. Дрыхнет мальчик, после неприятного разговора с Петяшей. Вы кажется с этим милым представителем современной России тоже близко познакомились. Он вас сюда и притащил. Как матерился... Кстати, а как вас звать-величать, позвольте узнать?

— Антон... Розен... Простите, не помню, надо в паспорт заглянуть.

— Не трудитесь, Антон, аусвайсы наши у них. Погодите, погодите, вы тот самый Розенмейер, который в ЛЕ, у литературного власовца Батшева рассказы публикует? Читал, читал, как же... Зачем же вы им понадобились?

— Не знаю. Я с жизнью простился, когда солдат увидел. В наш дом, знаете ли, граната попала, всю мою квартиру разнесло... меня головой о потолок ударило... поэтому я... как будто в страшном сне.

— Вся Европа в страшном сне.

Тут в наш разговор вмешался Марк: Господа теоретики, вы тут интеллигентским кокетством занялись, это конечно

похвально, но они возможно сейчас сюда придут... и нас в расход! Из бесшумного пистолета. Надо что-то делать, как говорил крановщик перед тем, как кран опрокинул.

Борис поднял длинный указательный палец: Слышите, «Градов» вроде больше не слышать, стало быть они от стадии разрушения перешли к стадии созидания! А для этого им нужны люди. Вот они нас и арестовали.

Марк засмеялся и заговорил язвительно: Как бы не так! Вы, гражданин Каневский, романтически настроенная личность. Евреи тоже так думали, когда их в Собибор отправляли. На работы, мол, поедем. Посмотрите на вещи трезво. Вы — собиратель марок, пенсионер и меланхолик. Розен, или как его, короче святой Антоний — писатель, болтун, такая же бесполезная как вы личность. Сплошная экзальтация. Извините, Антон, не обижайтесь, у нас тут тон вольный, потому как осталось нам все равно не много, чего уж теперь политкорректничать. Я — еще хуже вас обоих. Скрипач без скрипки. Поэт. Человек, живущий непонятно на что и непонятно зачем. Радикально лишний, и в России, и тут, и в джунглях Амазонки, в которых правда не бывал... Нет, тут что-то другое, мы им не для работы нужны, тут явно пакость какая-то затевается.

— Марк, вы гений. Так и есть... Погодите... Я по образованию физик, Антон, вы что заканчивали?

— Керосинку.

— Ага, а вы, Марк?

— Ничего не закончил, зато два раза начинал. Уже тут, в Германии, археологом хотел стать и дизайнером... все провалил как дядя Ваня.

— Не печальтесь, у вас все еще впереди. Или позади, что тоже неплохо. Однако, вот незадача. Никак мы в один узел не вяжемся. Давайте вместе подумаем, что у нас общего? Таак... начнем с главного... мы мужчины.

Марк прыснул в кулак и заметил: Ну это еще надо доказать.

Борис сделал вид, что не расслышал реплику Марка, и продолжил: Мы эмигранты из бывшего СССР.

Пришлось вмешаться: Я уезжал не из бывшего, а из самого еще настоящего Советского Союза. Было, знаете ли, такое государство рабочих и крестьян. Гречку продавало гражданам. И сгущенку раз в квартал.

— Хорошо, хорошо, помним. Мы все оттуда. Все приехали по еврейской линии. Ага, вот оно — мы типичные иммигранты-евреи. И они действительно чего-то от нас хотят... Чего?

— Я еврей наполовину, а вы, Марк?

— На две трети.

— Так не бывает.

— Бывает. На свете все бывает, бывают евреи на две трети и на четыре, а бывают только на одну. Терпеть не могу этнического сюсюканья.

...

Утром пришел бугай Петр, выдал нам шесть бутылочек Колы и грамм шестьсот немецкого черного хлеба. Сводил в туалет. Подождал нас у выхода и отвел назад в клетку. Запер. Прежде чем ушел, заметил многозначительно: Сегодня, гниляки, вас ждет камуфлет. И посмейте только закукарекать или рожи скорчить, урою!

Борис еле слышно прошептал: Кишен тохас.

Зашел и старлей, раздал нам зубные щетки, мыло, полотенца и отвел в душ. Попросил поторопиться. Попытку Бориса втянуть его в разговор пресек решительно. Сказал, что придет через двадцать минут и повезет нас подышать свежим воздухом.

— На экскурсию! Форма одежды парадная, — пошутил старлей и нехорошо улыбнулся, показав залезшие один на другой передние зубы.

Борис сострил: На экзекуцию?

Марк парировал: На эксгумацию. Слюнявчик прихватите, господин Каневский, а то горлышко простудите... Камуфлетец случится изрядный!

— Зубные щетки выдали, значит, сегодня не расстреляют, завтра же покрыто мраком неизвестности, — заметил Борис, вздыхая.

— Не завтра, так послезавтра. Для того и выдали, чтобы успокоить, а сами... пиф-паф... из бесшумного пистолета... и вы в раю, геноссе «Если-кто-то-кое-где-у-нас-порой».

— Вечно вы язвите, а у самого небось штанишки мокрые.

— Зато у вас они всегда сухие.

Обнаружил на краю поддона мою верхнюю одежду, зеленую куртку мешком, черную вязаную шапку, кожаные перчатки и тяжелые зимние ботинки, которые мы с Марикой купили прошлой зимой в Линденцентре на распродаже. Натащил все это на себя... и провалился в прошлое. А там все розовое. Розовая Марика хохочет и тащит меня в дурацкий магазин. Я надеваю розовые ботинки на розовые ноги.

Где-то ты теперь моя бедная старушка? Хоть бы какую весточку получить. Что, если не успела на корабль и застряла во Франции? Может, французы тебя назад в Германию вытолкали, и ты бродишь где-то в Шварцвальде бездомной сукой? Милая моя, жизнь с тобой была такой скучной, а без тебя так тяжело.

...

Старлей и Петя отвели нас к выходу из подвала. Там ждал военный джип с пулеметом на крыше. Всезнающий Марк пробурчал: Батюшки, Тигр!

Бугай услышал и откликнулся: Молчать, Штейн! Горб продырявлю.

Вот оказывается, какая у Марка фамилия. Ювелирная.

Почему горб? Ах да, Марк сутулый, как все худые высокие евреи. На вид Марку лет тридцать... носатый... глаза печальные, как у пса... до боли знакомый тип. Моя противоположность.

Петя опять взорвался: Не бзди, тебя к героям не положат! У нас для гниляков другие места найдутся. На мусорке.

Затем наставил на нас автомат и сказал: Ну все, поперли, жида. Шевелите лапами!

Мы пошли сквозь ворота. Моим друзьям по несчастью было явно не по себе. Боря грыз от страха ногти, странно дергался и покашливал. Марк смотрел вниз, сутулился и играл желваками. Мне было все равно.

Дошли до первого монумента. Скорбящая Родина-мать... С длиннющей косой на голове. Как у Тимошенко. Там нас ждал человек с камерой. И два солдата. У одного на плече висели два гранатомета, подствольный, немецкий и наш родной, РПГ, легендарная «семерка», с которой нас познакомил на занятиях по военной подготовке подполковник Яблоков, у которого ужасно пахли ноги и часто шла из носа кровь, у другого несколько упаковок-мешков с гранатами.

Старлей раздал нам зачем-то черные береты солдат танковых войск бундесвера, приказал надеть и командовал оператору: Бери группу жидов в кадр! Рожи снимай, чтобы потом узнать можно было. А вы не лыбьтесь, козлы, тут вам война, а не гулянки!

Потом взял у солдата немецкий подствольник, вручил Борису и гавкнул: Целься в памятник! Не бойсь, не заряжен... Камера, бери в кадр жида с пушкой! Рыло покажи и палец на спуске и фигуру. Заснял? Хватит. Теперь остальные. Штейн, бери гранатомет! Так... У этого паяльник крутой, бери в кадр, подчеркни горб. Хватит. Теперь ты, жирный, давай, быстрее. Ухо крупначом, как у Баниониса. Так... Хорошо, теперь делом займемся.

Старлей отдал немецкое изделие солдату и взял родной РПГ, зарядил его кумулятивной гранатой, глянул в прицельное устройство, протер его, передал гранатомет Каневскому и приказал: Ну, дядя, давай, лупи вон по солдатам. Ну, по памятникам, козел. Выбери одного и лупи. А не выстрелишь, так тебе больше не жить. Петро, целься ему в затылок. На размышление даю двадцать секунд. Объектив, приготовься, и жида, и знамя бери. Начинаю отсчет. Двадцать, девятнадцать...

Несчастный Борис поднял на счет десять тяжелую железную дудку с кеглей на конце, беспомощно дернулся несколько раз, закрыл глаза и так, вслепую, выстрелил. Граната попала в правый треугольник, взрыв был сильнее, чем я ожидал. Статуя скорбящего солдата не пострадала, только верхушку гранитного знамени откусила граната. Старлей внимательно просмотрел заснятые оператором кадры, что-то ему сказал,

тот закивал. Борису пришлось стрелять еще два раза. Потом гранатомет взял в руки сам старлей. Ухитрился сбить правую статую с первого выстрела. Оператор снимал только взрыв.

Второго солдата и знамя за ним снес четырьмя выстрелами Марк. Когда он стрелял, в его лице показалось что-то библейское. Скорбь и покорность судьбе.

Затем все пошли к площадке между поверженными знаменами. Оттуда предстояло стрелять мне. По солдату с девочкой на руках.

Одно дело смотреть на других, другое — палить по памятнику самому. После того, как Бугай приставил дуло автомата к моему затылку, я попытался сосредоточиться. Собрал в себе все разбросанные по углам сознания советские гадости и мысленно вложил их в эту фигуру с оловянной рожей повара... камера шарилась по моему лицу... Я прицелился и выстрелил. В глаза мне плюнуло дымом и огнем. Отдача была не сильна.

Старлей посмотрел в бинокль и засмеялся. Подал бинокль бугаю. Тот тоже заржал. Бедный бронзовый солдат все еще стоял на своем зиккурате... в шинели, с дочкой советского коменданта на руках и огромным мечом... в животе его зияла неправильной формы дыра.

Немцы называли его «Памятник неизвестному насильнику»...

Дальнейшую работу доделали за нас старлей с бугаем. Не без азарта. Сопровождали пальбу комментариями: По деду с гранатой! А я по бабе с автоматом, прям по сиськам! Я по Минину и Пожарскому! А по Ленину на знамени, по бороденке. Я по танку! А я по городу-герою Ленинграду, чтоб ему, у меня там часы с руки сняли! Швейцарские.

Через полчаса все фигуры и барельефы с цитатами Сталина лежали в руинах.

Последней гранатой бугай хладнокровно снес с постаamenta Родину-мать. После чего защитники православного отечества распилили бутылку водки из горлышка. Мы безмолвно стояли в стороне.

По дороге на фабрику, в Тигре, бугай пел хриплым голосом песню «Я люблю тебя, жизнь» и громко рыгал перегаром.

На ужин мы опять получили Колу и хлеб.

После еды Борис заговорил: Ну теперь все ясно...

Нам как-то. Мы теперь изверги рода человеческого. И все готово для протокола. Видео, признание. Еврей-террористы в немецких беретах. Фашисты. Покусились на самое дорогое. А у меня между прочим Паркинсон.

Марк утешил: Погодите, то ли еще будет. Сегодня Мемориал грохнули, завтра нас пошлют Берлинский собор крушить, потом дворец Шарлотты, а послезавтра публично распнут на Алексе. Может быть, прямо на Красном Ратхаузе. Чтобы отовсюду видно было. Или в Нью-Йорк повезут, прямо на Генеральную ассамблею. Вот они, мол, виновники вторжения. Смотрите на них.

— Я, когда стрелял, представлял себе его, — Борис тревожно оглянулся, проверил не слышат ли нас посторонние уши. — Ну Воблоглаза, моль. Хотел его прямо в плешивую башку ужалить. Как же это ватники-хомяки допустили, что он так долго ими правит, да еще войну мировую начал?

— Да они не лучше его. Такие же скккоты, — Марк от злобы и волнения начал заикаться. — Паршивые скккоты. Чтоб им всем подддохнуть в атомном огггне...

Схватился за левый бок. Прохрипел что-то. Грузно осел. Борис громко закричал: Марк умирает! Помогите!

Старлей и бугай подозрительно быстро вынырнули откуда-то, открыли клетку, схватили Марка и унесли его как большую куклу.

— Куда вы его тащите, — заорал Борис, и был награжден тяжелым взглядом бугая и недобрым прищуром старлея. Через несколько минут они вернулись. На сей раз за Борисом. Он не хотел даваться им в руки и получил от бугая его специальный удар. И они унесли и его.

Я ждал, что они придут и за мной... приготовился стать землей. Но они не пришли.

Ни Бориса, ни Марка я больше в подвале не видел. Подумал, что их расстреляли... из бесшумного пистолета.

Вечером за мной зашел старлей, неожиданно вежливо попросил одеться и отвел меня во двор, к Тигру. Сел за руль. Меня посадил рядом.

Всю дорогу мы молчали. Когда подъезжали к Вернойхену, и Тигр затрясся от жуткого рева взлетающего гиганта, старлей сообщил: Мы летим в Москву. Что, жидок, соскучился по Родине?

Я машинально кивнул.

— А она по тебе...

Зимняя сказка

Мы вылетели около полуночи. В Ил-76 поставили кресла, набили салон пассажирами, а сумки и чемоданы свалили громадной кучей в хвостовой части. Сколько летело народу, понять было трудно, человек сто пятьдесят. Почти все военные, пьяные, разудалые, явно не без трофеев... хвастались друг другу фальшивыми ролексами, новейшими смартфонами, дорогими камерами, золотыми цепочками, элегантными туфлями от Версаче и Гуччи, снятыми ими с трупов, отобранными или сворованными в разгромленных магазинах и складах... жестикулировали, орали, курили, некоторые даже пытались танцевать в обнимку. Душно было в самолете страшно, воняло водкой и потом.

Современная русская музыка ревела как обиженный медведь... пассажиры топали ногами. Производимый ими шум заглушал ровное гудение реактивных двигателей. Слов я не знал, поэтому мне казалось, что из мутного рева, как из бурного потока руки утопающих, выбрасывались в сизое от сигаретного дыма пространство матерные частушки советского времени.

Захотелось старику... переплыть Москву-реку... тискал девку Анатолий... на бульваре на Тверском...

...

Моя правая рука была прикована к левой руке старлей наручниками. Сидели мы не в креслах, а на откидных стульях. Старлей поначалу кипятился, требовал у неопрятного майора с брелками на запястьях места в кресле, какую-то бумажку ему в небритую рожу совал. Потом обратился к пилотам. Никто с ним не разговаривал, может быть, потому, что он был в штатском.

Через час полета ноги у меня затекли, хотелось встать, подвигаться, но старлей спал как сурок, разбудишь его... а он обидится и расскажет этим ордынцам о том, что я солдату-освободителю брюхо продырявил... могут и из самолета выкинуть.

Ни пить, ни есть нам конечно не давали, а так хотелось холодного томатного сока.

При посадке нас потрепало. Да так сильно, что офицеры заблевали салон.

Сели мы в Быково. Вышли на обледенелую полосу, и тут же в лицо ударило мокрым снегом, закружило метелью... до костей пробирал лютый холод родины. Здания аэропорта не было видно... вообще ни зги не видать... колотун колотит. Старлей буркнул примирительно: Снесли Быково... капитализм... одна полоса осталась, приедем домой, сварю тебя какаву.

— А как же документы, погранцы, таможня?

— Ты не в Европе, привыкай. Прилетели мы спецрейсом, какая уж тут в душу таможня? Перестраивайся, жидок! Завтра с тобой разговор будет серьезный, думай, перед тем, как говорить, наламаешь дров, локти будешь кусать. Колобок стелит мягко, да жестко спать.

Вышли на какую-то узкую темную дорогу. Между дач, что ли. Протопали по ней сквозь метель с полкилометра, подошли к домам. Восьмизтажки. Разбитые и грязные. На газоне — горит, переливается огнями елка. А над елкой — надпись из светящихся неоновых трубок: «Зимняя сказка».

Старлей объяснил: Это бар ночной так называется. За четыреста в рот возьмут синюхи люберецкие. Снегурочки-бля... А дед Мороз там в вышибалах.

Сне-гу-роч-ка, Сне-гу-роч-ка — звали дети на елке во Дворце пионеров в далекие шестидесятые. Сне-гу-роч-ка!

Из темного угла выходила торжественным шагом широкая курносая красавица-массовичка в нелепом гриме и ужасном платье с блестками, так неловко пытающемся скрыть ее некрасивые ноги. Снегурочка призывала тонюсеньким голосом: Дети, позовем все вместе дедушку Мороза!

И двести пятьдесят будущих строителей коммунизма блеяли в унисон: Де-ду-шка Мо-роз, приходи к нам!

Под слепым фонарем стояла машина. Жигули. Старлей поговорил с шофером, мы забрались на заднее сиденье. Всю дорогу я проспал. Старлей разбудил меня, когда мы к дому подъезжали. И улица, и дом, и подъезд показались мне знакомыми. Поднялись на лифте на девятый этаж.

Тут ноги у меня подкосились, я начал медленно падать... старлей подхватил меня и вволок в квартиру, отстегнул наручник и посадил в кресло... принес горячий кофе. Я глотнул чужим, неслушающимся ртом.

...

Меня разбудила женщина. Ласково погладила по голове и сказала: Пора тебе в ванную.

Сердце сжалось и упало в живот, локти похолодели. Кто она?

Я встал и как в тумане... поплелся... а она меня легонько подталкивала, направляла. Раздеваться не пришлось... зеленая пена... хвоя... я влез в ванну не без труда и долго лежал, отмокал, согревался, пытался слепить из пены ее лицо.

Потом заплакал, потому что узнал ее. Женщина, сидевшая около меня на табуретке и трущая меня золотистой губкой, была моей женой, с которой я расстался тридцать три года назад.

— Да, милый, это я, вернее то, что от меня осталось.

— А где этот мерзкий тип, старший лейтенант, он ушел?

— Да, он только сделал свою работу, привез тебя ко мне. Не бойся ничего, все хорошо, я вымою тебя и уложу в кроватку, ты выспишься.

— Скажи мне, я в раю?

— Ты в Ясенево, в нашей квартире. Потерпи, тебе все объяснят вечером. Не думай ни о чем, все образумится. Тебе нужен покой.

Она обняла меня... и вдруг превратилась во вторую жену, тоже оставленную, тоже любимую, живущую с дочерью в Аргентине, и мы плакали и любили друг друга, а потом превратилась в Марику, и я целовал ее старое доброе лицо и пытался

ся расспросить, добралась ли она до Нью-Йорка и встретил ли ее там сын, но она только улыбалась. Все мои любимые побывали у меня и все они были влюблены в меня, и я был влюблен в них.

...

Вечером рай прекратился. Век догнал меня. И бросился мне на плечи. Открыл глаза и увидел рядом со мной похожего на Бабеля толстяка в белом халате. Колобок! В руке у него поблескивал шприц. Инстинктивно отпрянул. А он преследовать меня не стал, а постучал меня ладонью по ступне, уютно покачал курчавой толстой головой и заговорил: Все хорошо, все хорошо, не бойтесь, это только укрепит вас и успокоит, укрепит и успокоит... маленькая доза мескалина... шучу, шучу.

Вколол иглу мне в бедро, не торопясь впрыснул лекарство, похлопал меня по плечу и закивал, как китайский фарфоровый бог счастья.

— Замечательно держитесь! Нервы как канаты. Другой бы на вашем месте... Поешьте немного, вот, тут, на подносе, а потом садитесь в кресло и поговорим... и погутарим... надо вам кое-что объяснить... а уж вы потом решите сами, что мы будем делать... да-с, сами решите.

Я съел булочку с маслом, выпил стаканчик апельсинового сока, встал, надел пижаму, подошел к окну.

— Мало что изменилось, не правда ли, капитализм только испортил их, — задумчиво заметил толстяк, — дома постарели, а их обитатели... сами увидите. Сходите на кухню... пойдите в холодильник... ощутите, что вы в реальности, а не в страшном сне. Мы постарались все в квартире оборудовать так, как тут было в вашей прошлой жизни, чтобы облегчить вам вхождение в жизнь новую, так сказать... Телевизора у вас тогда не было, и мы решили обойтись без него. И компьютера, конечно, тоже не было... зато радио, пожалуйста, слушайте сколько угодно, ваша «Спидола» к вашим услугам. На улице выходить я вам сегодня не рекомендую, но завтра, будьте любезны, вы не заключенный и не заложник. А сейчас я готов ответить на все ваши вопросы. Устраивайтесь поудобнее в кресле... Спрашивайте, мальчики, спрашивайте.

Не знал, с чего начать. Ударил наугад: Марк и Борис живы?

Колобок-Бабель поморщился. После затянувшейся паузы каркнул негромко: Да.

— Они в Москве?

— Да.

— Они работают на вас?

— Какой вы догадливый! Штирлиц просто!

— Что вам от меня надо?

— Никак не могу поверить, что вы этого не знаете в мельчайших деталях.

— Что конкретно? Фильм, интервью, покаяние?

— Умница. Фильм уже монтируют... интервью пойдет отдельно. И еще кое-что.

— Сроки?

— Как раз на ваше Рождество, за несколько дней до Нового года покажем по всем программам. С переводом на английский и другие языки.

— Что будет, если я откажусь?

— Не откажетесь.

— Почему вы так уверены?

— Не откажетесь.

— Кто?

— И ваш сын, и его жена, и ваши внуки, и ваша первая жена. И... сюрприз... ах-ах... ваша Марика... все они у нас... и от вас зависит их судьба, здоровье. Мы не будем приносить вам каждый день на блюдечке пальчик... или глазик... но... кто знает, что придет ему в голову? Он ведь у нас мечтатель... пудинг наш кремлевский... не без игривости, знаете ли... может такое придумать, чего и в ваших рассказах не встретишь.

— Почему я? Я не фотогеничен.

— Шармант! А вы подумайте, почему вы. Вы сами виноваты! Сами на себя все и навлекли... и никого не вините, кроме самого себя. Тщеславие-с. Референты прочитали текстик ваш... да-да, о наших лондонских гешефтах... кое-что подчеркнули... и ему на столик положили на газетный. Он прочитал и решил вас, так сказать, лично пригласить.

— Очень лестно! А потом, что будет? Показательный процесс и казнь? Как неоригинально!

— У нас, как вы, наверное, знаете, не казнят. Процесс — конечно будет, но исход его будет зависеть от вашей готовности с нами работать. Палитра широкая. От пожизненного карцера... до освобождения и посильного вспоможения. Можем эту квартиру вам подарить... и писать позволим... и опубликуем хорошим тиражом.

Тут я не выдержал и хрястнул Колобка по толстой морде кулаком. А когда он упал, пнул его ногой в круглый живот, а потом бил по голове тумбочкой, пока он не сдох. Помочился на его окровавленный труп.

Шутка! Я конечно его и пальцем не тронул. Вопросов больше не задавал. Через час проговорил с трудом: Не трогайте моих, сегодня же освободите сноху с внуками, все сделаю как надо, будете довольны, и еще... дайте мне денек осмотреться и очухаться. Не убегу, не бойтесь.

— Понимаю, понимаю, что не убежите. Тихими стопами. Сейчас позвоню кое-куда, согласую и вам волю руководства сообщу.

Толстяк ушел на кухню и разговаривал там с кем-то по мобильнику минут десять. Вернулся сияющий.

— Ну вот, все согласовал, и денек для вас добыл, хотя были возражения, да-с, были-с. Сноху с внуками выпустим, как только закончим фильм и интервью, остальных — после процесса, завтрашний день ваш. Дома вы одни, а если погулять захотите или куда съездить, будет машина за вами следовать, с двумя сопровождающими, да, да, в штатском конечно, и подвезет вас, куда прикажете, и на всякий случай... Вы уж, пожалуйста, тут Джеймса Бонда не разыгрывайте, наше сопровождение воспринимайте как... персональную охрану. Москва, она такая... продырявить могут живот... в ваших же интересах здоровым и бодрым оставаться... да-с здоровым и бодрым. Вот вам мобильник для связи со мной... эту кнопку нажмете, а потом вот эту... простенькое устройство. Смотрите, не навлеките беду еще на кого. Что же, разрешите попрощаться... как говорится, приятно было познакомиться... еда в холодильнике

ке. Да, забыл сказать... не пугайтесь, если... как бы это получше сформулировать... если что-то будет не так, как вы себе представляли, даже совсем не так... даже невозможно и фантастично. Принимайте все спокойно и все-все будет хорошо.

Я взял в руки Спидолу как старого любимого кота. Поймал Би-би-си и дождался новостей.

Германия была завоевана, Франкфурт-на-Майне был объявлен столицей «НОВОЙ ГДР», сокращенно НГДР. У Франции была отобрана Эльзас-Лотарингия и присоединена к НГДР. Кроме того к НГДР были присоединены Швейцария, Австрия, Венгрия (сопротивление ее было сломлено коварными бомбардировками), Чехия, Западная часть Польши и итальянский Южный Тироль. По всей территории Новой ГДР началась постройка сети русских гарнизонов и военных баз, ответственность за снабжение которых была возложена на местную администрацию, состоящую из левых политиков оккупированных стран. Для строительных работ используется труд заключенных.

Территория России была увеличена за счет прекратившей сопротивление Финляндии, Швеции, балтийских республик, Белоруссии, восточной части Польши, Румынии, Словакии, Молдавии, Украины, Грузии, Казахстана и бывших среднеазиатских республик СССР.

Китаю было позволено колонизировать бывшую Японию и оккупировать русскую Сибирь от Сахалина и Колымы до линии Красноярск-Норильск.

Турции Россия уступила — по настоятельной просьбе трудящегося населения этих республик — Болгарию, Азербайджан и Армению.

Российские войска, наступающие в направлении Индийского океана, были уничтожены неизвестным противником, о них было приказано забыть.

На торжественном собрании дипломатического корпуса в Кремле Путин объявил, что Россия завершила первую стадию справедливого передела Евразии и объявляет мораторий на военные действия на пять лет.

Комментатор Би-би-си закончил военно-политический блок новостей саркастическим замечанием: Русские оставили в покое Норвегию, Англию, страны Бенилюкса, изуродованные Францию и Италию, Португалию и Испанию — чтобы было кого завоевывать и грабить через пять лет.

...

Бедные мои родные, как же мне вырвать вас из лап этого страшного государства? Я успокоил себя советом опытного собаководы: Иногда надо просто спокойно, не оборачиваясь, идти дальше, все равно куда. Ничего не говорить, не трогать, и главное не смотреть в глаза яростно рычащим животным.

Тасманский тигр

Перед тем, как лечь, обошел квартиру.

Обстановка действительно напоминала ту, что была у нас когда-то. Темный трехстворчатый шкаф, купленный в мебельном на Ленинском. Красная двуспальная тахта. Торшеры.

Штук тридцать книжных полок на стенах. Старые книги... добрые, единственные мои друзья... вы одни помогли не задохнуться в затхлой брежневщине, ощутить, не выходя из советской тюрьмы, радостную истому бытия свободного человека. Фолкнер, Пруст, Гессе, «Острова в океане»... с полсотни Литературных памятников... читабельная треть Всемирной литературы... десять томов Махабхараты, Диккенс, Чехов, Дневники писателя... Булгаков, Торо, Бирс, Платонов, Рембо... даже крохотную «Лолиту» и огромного двухтомного «Дон-Кихота» с иллюстрациями Доре раздобыли чекисты.

Старый папин финский письменный стол. На боку процарапанные шилом в день смерти Брежнева слова из Библии: Мене, мене, текел, упарсин.

Кухня только какая-то не такая, с прибабасами, а у нас была простенькая. Холодильник Саратов. А внутри — почему-то одни немецкие продукты, знакомые йогурты из Лидла, сыры и колбасы из Альди. Плита Лысьва. Тарелки и чашки итальянские.

Открыл дверь на лестничную клетку, а там красный огонек пляшет.

— Вы кто?

Темнота ответила: Не узнал, что ли, жидок?

— Старлей?

— К вашим услугам. Но теперь я для вас просто Гена. Буду вас охранять. А внизу, в машине — изнашивает от скуки Петро. Зубы точит на вас.

— Пусть лучше себе шишку точит в «Зимней сказке»!

— Да вы стали тут у нас храбрецом, товарищ Розен!

— Кофе хотите?

— Рад бы, но не положено. Вы потом Колобку проболтаетесь, и мне по шапке дадут. Нет уж, теперь вы — овечка, а я ваш охранник-волк. Такое у нас распределение ролей. Ложитесь спать, не думайте ни о чем, утро вечера мудренее, завтра погуляете, посмотрите на новую Москву, кое-что поймете, может быть, потихоньку все и разрешится. Больше ничего вам сказать не могу, они там считают, надо, чтобы вы сами... Спокойной ночи!

Гена захлопнул дверь, а я к лежбищу своему потянулся. Мучительные вопросы терзали меня как августовские мухи.

Не лгал ли подонок Колобок? Неужели всех моих действительно в заложники взяли? И сына и его семью, которая меня и в глаза не видела? Первую жену? Бедную Марику из Франции похитили? Или с теплохода? Подводную лодку, что ли, послали?

Надо бы позвонить по нескольким телефонам, которые случайно не забыл. Может, прямо сейчас и звякнуть? Нет, предупредил тебя Бабель: Не навлеките беду еще на кого. Попросишь кого-нибудь о помощи и его тотчас схватят и к остальным — в кутузку.

Что он имел в виду, когда говорил «кое-что поймете»? Что еще тут понимать? Сцапали, заложников взяли, шантажируют, опозорят, натравят на меня совков, а потом на площадь вытолкнут и народ меня на части разорвет.

Но для этого не надо было мои книги собирать и письменный стол у нынешнего хозяина изымать... да и квартира,

наверное, не пустовала. Достаточно было меня арестовать и в крысятник. Что же у них еще на уме? Какого лешего они со мной возьмется? Что будет «не так, как ожидаю»? Что «невозможно и фантастично»?

Да... тут все не так... все невозможно и фантастично.

Двор, дом, подъезд, квартира, книги... все какое-то ненастоящее!

И первая жена, Натка... что-то в ней было странное... неестественное... только вот что?

Понятно, что. Такой ласковой и страстной она с тобой и в первую брачную ночь не была!

Эта, теперешняя, Натка была такой, какой ты хотел видеть свою жену тогда, в семьдесят восьмом. И не постарела она совсем.

Надо отоспаться.

...

Заснул... и вот, лежу на песке, на краю крутого невысокого обрыва... кругом провалы, осыпи, по берегам пересохших потоков возвышаются конические башни, похожие на положенные друг на друга толстые оладьи из глины и коричневого песка. Ландшафт этот я узнал... видел его с Масады... только там все светлое, искрящееся, соляное, а здесь темное.

Серо-лиловое сумеречное небо то и дело озаряют электрически оранжевые сполохи. Никакой растительности, кроме пережаты-поля. Карстовые ямы зияют... из них доносятся странные глухие звуки. Скорпионы? Посмотрел на свои пальцы... под ногтями грязь... это не мои руки... шестипалые... с перепонками. Ноги тоже не мои, вытянутые, как у баскетболиста, жилистые ходули... каждая с двумя коленями. Верхнее смотрит вперед, а нижнее назад.

Встал, отряхнулся, побежал... прыгнул... в прыжке раскрыл перепончатые крылья и спланировал как летучая собака. Приземлился неудачно. Лег на спину... стемнело... на небе показались незнакомые созвездия... взошли сразу две Луны, обе полутемные, фиолетово-свинцовые.

Кто-то дернул меня за руку и что-то гортанно пропел... это было такое же существо, как и я... самка... она приблизила

свою голову с крупными зазубренными мандибулами к моей шее, как будто принохиваясь... затем мотнула головой, как бы давая знак — за мной... прыгнула и полетела.

Я бросился за ней.

Мы мчались как остервенелые дьяволы по песчаным барханам, скакали с обрыва на обрыв, летали, приземлялись, кувыркались в холодном песке, вскакивали, вновь прыгали и парили, парили между свинцовыми лунами и изрезанной оврагами землей.

Я пытался догнать ее, но она была больше, сильнее и быстрее... иногда она поджидала меня, сидя на песке как йогиня... мандибулами вверх.

Своей синеватой шестипалой лапой она указывала мне на колоссальную, всю составленную из мерцающих бриллиантов, статую богомола с воздетыми к небу передними конечностями, вокруг которой порхали светлячки.

Мы совокупились с ней в полете, как пчелы.

Она откусила мне во время оргазма голову.

...

Проснулся я как в мыле. Принял душ. Зубы почистил. Опять двадцать пять. И мыло, и паста, и щетка немецкие. И туалетная бумага. Кофе выпил растворимый. Арабика, фирма Контал-Пенни. Булочку съел с козьим сыром. Сыр французский, но надпись на бумажке по-немецки. Что же это, господа?

Подскочил к окну, впился глазами в небо. Небо, как небо. Обычное московское утреннее небо в декабре — белесое, как сметана. И двор вроде тот. Пустой, заснеженный, в меру загаженный. Машины у подъездов... такие же, как в Берлине, только грязнее. Собака вон бездомная бежит... овчарка что ли... повернула морду и посмотрела снизу на меня.

Погодите, а это что такое? Справа должна была быть видна окружная дорога, а за ней — гэбистское гнездо, здоровенный домище. Ничего этого не было видно, только голубовато-серый лес струился заснеженной громадой к размытому горизонту. Зимний Сихэвэн?

И, как только я это подумал, сейчас же заметил и дорогу и здание. Поклясться готов, полминуты назад ничего кроме леса там не было.

Нашел в шкафу выглаженные джинсы, фланелевую рубашку и любимое английское пальто, которое я купил еще в городе К.. Чудеса! А это что... откуда эти сапожки на молнии? Я же сам их выбросил. И эта кепка... я ее пожертвовал, когда одежду собирали для беженцев, своими руками в контейнер кинул.

Что же со мной происходит? Колбаса на постном масле.

Оделся и на улицу вышел.

...

Не спеша пошел вдоль нашего дома по направлению к универсаму.

Дом у нас длинный, подъездов шесть или семь. Шел вдоль него, ни одного человека не встретил. Да и не хотел, признаться, встречать. Знакомых тут было когда-то... еще узнают, начнутся расспросы, приглашения.

Ощущение — как у пассажиров рейса номер 29, когда они в Бангоре приземлились. Лангольеров однако не слышать. Несмотря на мороз, из мусорных ящиков несет кислой гнилью. И свет в окнах.

Вышел через арку на Паустовского. Свернул налево. Ни одного автомобиля!

Тьфу, а это что?

Вот автобус пыхтит, тяжело берет подъем, а вот и другой, спускается вниз, подъехал к остановке на перекрестке, забрал двух человек и двинул к Окружной. Жигули, тойоты, форды. Едут себе. Как же я их сразу не увидел? И люди спешат по своим делишкам. Вон мальчишка лет десяти погнал к универсаму, пенсионеры с авоськами завернули в арку, толстая тетка в грязном пальто прошла мимо, обдав меня винными парами. За ней еще одна, видимо, домохозяйка в лисьей шубке и с кожаной сумочкой... алкаш в ужасной засаленной ушанке и ватнике потащился непонятно куда.

Все правильно? Не совсем. Потому что церкви не видно, там, справа, наверху.

Не видно? Не сразу, но показалась и церковка. Кирпич красный, крыша и купол темные. Закрыв глаза и представил, что церковь выкрашена в противный желтый цвет, а крыша и купол — синие. Глянул на нее. Получилось!

Подошел к универсаму. Универсам как универсам. Называется только теперь как-то иначе.

На европейский магазин внутренность этого барака походить не хотела. Чем-то все тут напоминало Большой базар в Стамбуле, только не было в этом русском базаре, ни восточного колорита, ни аромата, ни шика. Универсам было поделен на небольшие ячейки или закутки, в каждом из которых работало по несколько продавцов в мятых белых халатах. Прошел туда, где продавали мясо. Свинины вегетарианской не обнаружил, не нашел и аккуратных кусков охлажденного свежего мяса, как в немецких магазинах. Ничего похожего на колбасу или ветчину в продаже не было. На огромной осклизлой цинковой доске лежали окровавленные куски свиных туш. Головы, ноги, спины. По ним ползали зеленые мухи.

Продавец отрезал длинным острым ножом куски и предлагал их покупателям. Кидал на весы. Те просили его поменьше или побольше, отсюда или оттуда, капризничали, бранились. Продавец посмотрел на меня и мне почудилось... вот он поднес сверкающий нож к своей бычьей шее, выпучил глаза, ощерился на меня ужасными свиными зубами и с хрустом перерезал себе горло. Кровь хлынула на белый халат и смешалась с свиной кровью лежащей перед ним туши.

Выскочил из мясного закутка и попал в молочный.

Посередине помещения стоял алюминиевый бидон-гигант, из которого толстая продавщица разливала литровым паловником сметану в стеклянные банки покупателей. Рядом с сметанным стояли еще два бидона, с молоком. На деревянном прилавке лежали горки комкастого творога. Продавщица возвещала грозно: Граждане, в одни руки полкило сметаны, литр молока и полкило творога.

К прилавку вела очередь, человек тридцать пять. Я спросил стоящую в конце старушку, почему нету сыра, и получил такой ответ: Али ты не знаешь, милок, что в сыре НАТА наны колдуйские прятала. Как поест такого сыру русский чилавек, так одно у него на уме — Володимера Володимирыча загу-

бить. Наны эти спрятаны и в масле, и во всем, поэтому мы только наше молочко пьем, нашу сметанцу ядим и творожок кушаем... Нама ихние разносолы не нужны!

Ага, подумал я, опять Солнце Володимирыч.

Подумал я это, только подумал, но как-то само собой получилось, что три раза громко сказал: Путин вор!

Все стоящие в очереди бабки тут же, как по команде, повернули ко мне свои лица и стали хищно принюхиваться.

А потом... я увидел танец смерти... танцевали... отвратительные склеротичные ноги, когтистые старческие руки, покрытые коричневыми пятнами отвислые груди, морщинистые ягодицы... в середине хоровода возвышалась худая бледная старуха, в руках она держала длинную пирамиду, покрытую слизью. У пирамиды этой был глаз и глаз этот смотрел на меня... Вместо ног у старухи были длинные сиреневые щупальца с присосками. Из зубастого ее рта высовывался длинный черный язык и жутко качался из стороны в сторону. На прилавке между бидонами уселось белое, широкое чудовище, с какими-то отвисшими до полу белыми мешками вместо ног, вместо рук, ушей, глаз висели такие же белые мешки. Из мешков этих непрерывно сыпалась пудра. За ней танцевала черная старуха, вся покрытая чешуею, со множеством тонких рук, сложенных на груди, и вместо головы у ней была худющая задница с воткнутой в нее морковкой. С потолка универсама свешивалось какое-то болезненно распухшее тело, всё состоявшее из одних покрытых волдырями ног; эти ноги бились одна об другую и неестественно выгибались.

Я зажмурил глаза, а когда открыл их, все было как прежде. Бидоны, молоко, творог, терпеливая очередь из старых женщин и толстая продавщица с грубо нарумяненными щеками и синими тенями на веках.

...

Заглянул в газетный киоск на перекрестке.

В киоске продавались только Известия. А продавцом работал там не человек... а стоящий на задних ногах тасманский тигр, полосатый, с длинной мордой и в курьезных роговых очках. Он сообщил мне, что: Рык-рык-рык... газета свежая... рык-рык... двадцать пять рублей...

От тигра почему-то пахло палеными перьями. Я положил на тарелочку сторублевою бумажку, ту самую, с квадригой и Аполлоном.

Тасманский тигр прорычал мне: Сдачи нету.

— Не надо сдачи... купите себе... мяса что ли...

— На такие деньги мяса в Москве не купишь... только кости...

— Ну, хорошо, купите себе кости, поглодайте, а то вымрете...

— Тилацин в 1930 году вымер, господин хороший.

— Вы тут прямо не продавец, а словарь Даля.

— Многому научился у покупателей. Да и книжечки, признаться, почитываю, грешник.

— Ладно, пойду, счастливо оставаться!

— Идите, идите, пока ходилки ходят, и не забудьте рот прополоскать...

— Это вы к чему?

— Я имел в виду ваше подсознание, мистер Мейер! Сон разума порождает монстров!

— Уже до сумчатых волков доигрался, жидок! — сказал старлей и скептически покачал головой.

— А вот мы тебя по почечкам, гнилая ты морда, — гаркнул Петя-бугай и заржал жеребцом.

— А пальчик детский жареный, не хотите попробовать, или глазок? — пропищал Колобок и укатился куда-то.

...

Дома я развернул газету. С первой страницы, как впрочем и со всех остальных, на меня глядел Путин. В костюме, улыбающийся, сосредоточенный, в дзюдоге и в дзюбоне, в шлеме пилота, в скафандре водолаза, в пилотке, с детьми, с птицами, с роженицами, на Луне, на Марсе, в рабочей столовке Уралвагонзавода.

О содержании статей говорить бессмысленно, достаточно перечислить несколько заголовков.

Мы — за Путина! Крым наш и Европа наша!

Владимир Путин — самое дорогое, что есть у русского человека!

Наше Солнце: Визит в Туркмению.

Посещение Владимиром Путиным сиротского дома для мальчиков в Биробиджане.

В Большом премьеры: балет и оратория «Он выше, быстрее и красивее всех».

Европа и США на коленях.

Открытие мемориала «Он здесь служил» в Дрездене.

Турция подарила Путину три новых шапки Мономаха и алмазный скипетр.

Народный скульптор России Церетели приступил к работе над циклом двадцатиметровых скульптур из гранита: «Пусть всегда будет Солнце и Путин».

Новое слово в герантологии. Путин бессмертен, потому что он вечен.

...

Канальство! А не попробовать ли мне... Вдруг получится? Решил начать с малого.

Закрыв глаза, сжал кулаки и сосредоточился, но... обессилел и задремал.

Проснулся от бешеного крика: Что вы наделали?! Какое непростительное мальчишество! Идиот!

Кричал стоящий рядом со мной Бабель потрясал в воздухе «Известиями». Дрожащей от гнева рукой сунул мне скомканную газету.

Знакомое, изуродованное ботоксом, лицо улыбалось с первой страницы так же, как и раньше. Но набранная крупно надпись над фотографией изменилась.

Мы — за Вонючкина... Прохиндей Вонючкин — это самое дорогое, что есть у русского человека... Наш Прохиндей выше, быстрее и красивее всех... на коленях перед нашим Прохиндеем... Вонючкин бессмертен, потому что вечен...

Не успел я рассмеяться, как произошло нечто и вовсе невероятное. Какая-то непонятная сила сжала Колобка в точку, и эта точка улетела, жужжа, в полуоткрытую входную дверь.

Оранжевая, крысы и напольные часы

После обеда решил съездить в центр. Но не по линии Ясенево-Октябрьская, доставляющей любителей Сурикова и Репина в Третьяковку, а по любимому пути паломничества

странствующего подмастерья Юго-Западная-Кропоткинская, по которому столько лет носился под землей в Пушкинский музей на свидание с Крапахом и Фаюмскими портретами.

Заглянул в газетный киоск. Все там было нормально, витрины ломились от желтой прессы. Маленький продавец в бежевом костюме и полосатом галстучке нисколько не напоминал тасманского тигра, говорил высоким голосом, продал мне двадцать билетиков-карточек и пожелал хорошего дня.

Пошел к автобусу номер 642.

Все победила, как всегда побеждает, извечная рутина. Законы природы восстановили свое постылое господство. Пасмурно... грязный снег, мерзлый асфальт, замерзшие деревья, бетонные коробки, невымытые, нещадно чадающие автомобили... сломавший себе где-то в космической глубине хребет декабрьский московский день уже уступает место сиреневым сумеркам.

Лица пассажиров в автобусе кажутся особенно хмурыми, мрачными... как будто жизнь обнесла их всеми своими лучистыми дарами... превратила их тела в желатин, убрала радости и оставила только боли и заботы.

Недалеко от меня сидели двое — мать и сын. Глаза у обоих такие скучные, невыразительные, что непонятно, как они вообще могут жить, дышать, ходить... почему не умирают.

Мать процедила сквозь зубы: Я тебе говорила, что они татары!

Сын отозвался неохотно: Ну и чо, что татары?

— Как чо, нехристи они. Не понимаешь, что ли? Они свинину не едят! Вот как ведь!

— Ну и чо, что не едят!

— А Томка свинину затушила.

— Ну и чо, что свинину затушила?

— Она затушила, а они ее не едят! Вот как. Она старалась.

— Ма, не говори «вот как»! Ты в маразме.

— Как же мне говорить-та? Ты пойми, Томка-то свинину затушила, Тимуру, уроду казанскому, это надо понимать! Вот как!

— А говорили, Тимур полиомиелитный.

— Полимитный али нет, не знаю, но мог бы раньше Томке сказать, не ядим мы свинину-то! Уроды они с братом! Переживаю я!

— Ну чо ты разошлась, ма? Чо ты зря переживаешь?

— Как не переживать, она старалася. Вота как. Как никак дочура... роднакрывь. А Тимур кто? Чурка черножопая!

...

Слова «черножопый» и «чурка» не оставили равнодушными трех дагестанцев, сидевших в акустической досягаемости от матери и сына. Один из них, должно быть старший... низкий, косолапый, как будто весь состоящий из самшитовых корней, встал, подошел к матери, тяжело посмотрел на нее и сказал, грозно шевеля черной чёлкой и бровями: Ты слова не говори, нельзя... Ты сама черножопый русский козел. Ты русня, а наша нация...

Он не успел договорить, как с другого конца автобуса к ним решительно направился паренек в овчине и тельняшке, по-видимому услышавший слова «козел» и «русня». На помощь ему поднялись еще несколько национально-озабоченных мужчин славянской внешности разного возраста, среди них и не совсем трезвый коротышка-дедок в короткой дубленке и с тросточкой в руках. Тросточку эту дедок держал в правой руке как дубинку и нервно постукивал ею по ладони левой руки. Дагестанцы тихо достали ножи. Двое русских громко вынули из карманов велосипедные цепи.

Назревало столкновение на национальной почве.

Но тут произошло то, что никто из присутствующих и представить себе не мог.

От пола до самой крыши автобуса поднялись вдруг цветущие флоксы и незнакомые мне экзотические растения с листьями и плодами удивительной формы. Салон превратился в оранжерею. Повсюду распространился странный розовато-синий свет.

Нежно заиграла панфлейта.

Зазвенели стеклянные колокольчики.

было нельзя. У меня першило в горле, слезились глаза, но аборигены, кажется, вовсе не страдали от той гадости, которой дышали.

Не понимаю я москвичей. Понастроили огромные безобразные бетонные коробки. Повесили, чтобы скрыть архитектурное убожество, где только можно, рекламные баннеры. Накупили западных машин. А очистить воздух, попадающий в легкие им и их детям — не удосужились. Не удосужились и организовать достойную большого города систему общественного транспорта. На многочисленных остановках стояли, в ожидании автобуса или маршрутки, тысячи людей. Брала, как и в советское время, автобусы штурмом.

Лезли в двери, не уступая друг другу, толкались, грубили.

Поневоле, поверьте, поневоле... представил себе, как в автобус лезут, кусая, рыча и налезая друг на друга, гигантские крысы.

Господи! Не надо было мне этого представлять! Этого зрелища не забуду никогда!

Крысы напирала, падали, вставали, скрежетали зубами, откусывали друг другу лапы... рубиновые их глаза светились от ярости... некоторые прыгали на крыши, атаковали уже сидящих там... крупные крысы пожирали маленьких.

В этот момент кто-то схватил меня за рукав.

— Ты что же делаешь, жидок, погубить нас всех хочешь?

Голос Гены-старлея дрожал не то от ярости, не то от страха. Руки у него тряслись, по щекам текли слезы. Губы его были окровавлены. В двух шагах от нас нервно переступал с ноги на ногу бугай Петя. Он изумленно смотрел на свои большие руки и ноги. Щупал себе нос.

Боковым зрением я увидел, что многие штурмующие очередной Лиаз мужчины и не заметили того, что несколько секунд были крысами... оставь я их крысами, они, возможно, так и не заметили бы этого до утреннего бритья.

— Ты, вы, только посмотрите, что вы наделали, — умоляюще проговорил старлей, показав мне рукой на два безголовых женских трупа на остановке, и высморкался в большой белый платок.

— Прошу вас, наконец, осознать опасность того, чем вы занялись! Весь этот мир, я, Петя, Москва... пластилин, пластик! Понимаете, пар! Подул Господин Розенмейер и все-все стало по-другому. Представил себе что-то, а из нас, как из пластилина это что-то тут же материализовалось.

Снующие вокруг испуганные и возбужденные прохожие начали останавливаться, окружать нас и слушать старлея. Тот отреагировал по-военному: Прошу в машину.

В черном джипе Чероки было сильно накурено.

Мы отъехали с полкилометра вниз по Вернадскому и повернули направо. Выехали на тротуар у огромного нового дома, похожего на самолет.

— Вы поймите, поймите, это ведь не галлюцинация... Вот вы с газетками изволили пошутить... а миллионы людей это прочитали и расстроились... вы их не рассмешили, вы их обидели, это ведь наши люди... вы подумали что-то... а Колобок в муху превратился, улетел, и нет его, все... У него две дочери, жена, машина, служба... а он мухой летает! Может быть, извините, на какую кучку присел.

— Он мне грозил каждый день пальчик или глазик приносить на тарелочке.

— Он ведь какой-никакой, а человек! Жесткий, но пальцы у детей резать бы не стал. Проверял он вас. И мы вас проверяли, там в парке. Дело сложнее, чем на первый взгляд представляется. Много непонятного. А физики, те вообще, только руками разводят.

— Скажите, что известно, обещаю играть честно, в крыс или тараканов никого больше превращать не буду. Только гэбистов. Пошутил, пошутил.

— Я не спец... надо бы вам с Борисом поговорить. Короче, вы не один такой... есть и другие. Способности эти приходят и уходят. Как волны. И сила ваша или скажем, дальность, радиус действия, может автобусом ограничиваться, или площадкой, ну с футбольное поле... а может... кто знает... и всю Москву схватить или весь мир.

Тут старлей достал из кармана маленький пистолет, улыбнулся криво, показал опять свои налезшие один на дру-

гой передние зубы, и сказал: Вот, это бесшумный пистолет, я вас из него сейчас застрелю и этот мир, такой, какой он есть, зацементируется и опять будет подчиняться только законам природы. Но мне, нам, хотелось бы, чтобы этот мир стал лучше, потому я вас отпущу и попрошу хорошенько подумать и начать с нами дружески сотрудничать.

— Откройте рот.

Гена сейчас же почувствовал что-то, потрогал зубы рукой, побледнел и сказал: Спасибо.

— Мои родные действительно у вас?

— Да, и вашей силы не хватит их освободить. Они в специальном бункере, там неплохо, сам видел. Пять звездочек отель. Где бункер, не скажу, даже если вы меня в клопа превратите или на дыбу положите.

— В клопа я никого еще не превращал. Может, сейчас попробуем? Петя...

— Еще раз прошу вас ничего не делать спонтанно, не подумав, не взвесив. А родным вашим поможет только одно — если вы сделаете то, что мы от вас хотим.

— Что же вы хотите? Чтобы на Марсе яблони цвели, или чтобы Путин стал Римским папой?

— Нет, мы хотим, чтобы мир стал таким, каким он был до ноября 2013-го. Нужно осуществить что-то вроде перезагрузки, как в компьютере. Все остальное — наша забота. Мы исправим наши ошибки, вправим Азарову и Януковичу мозги, мы не будем душить Украину и вторгаться в Европу. Мы устроим все так, что и волки будут сыты и овцы целы. Подумайте, подумайте... Если вы не захотите сотрудничать, мы задействуем другого, неизвестного вам человека, мы зовем его, кхе-кхе, «волкодавом», который возможно превратит вас в кузнечика, а ваших внучат — в божьих коровок.

— Вы что же серьезно верите в то, что я могу раскрутить Землю и всю вселенную назад на год? Выведите сами войска из Европы и Азии, освободите Украину, которую вы поработили, протяните им руку помощи, извинитесь... и не надо будет время назад крутить, в тайны мироздания вмешиваться.

— Мне ли вам объяснять, что все это невозможно. Что легче запустить Луну в Юпитер, чем кремлевских заставить вести себя разумно?

— Вербуете? Я вам не Чебурашка, Гена. Ладно, отвезите меня на Красную площадь. Похожу по центру, успокою нервы.

— Хорошо, только прошу вас, как говорил ваш детский любимец — без членовредительских штук, и не посягайте на святыни, обожжете крылышки, предупреждаю!

— Постараюсь.

Бугай Петя во все время нашего разговора и последующей поездки сидел напряженно, смотрел только на дорогу и не смел ни поднять, ни скосить заплывшие глаза.

...

Высадили они меня у здания Исторического музея, рядом с конной статуей Жукова, у которого вся грудь в орденах, как в кольчуге. Посмотрел на памятник. Отметил про себя вопиющую бездарность автора. Сами собой пришли в голову пушкинские строки: И, озарен луною бледной, простерши руку в вышине, За ним несется Всадник Медный, На звонко-скачущем коне...

И тотчас выглянула на московском небе какая-то подозрительно бледная луна.

А бронзовый Жуков преобразился, потяжелел и словно вобрал в себя энергию пролетавшего мимо адского духа... поднял неожиданно царственно свою правую руку, недобро глянул на меня мертвыми глазами и загремел мелодично отделившимися от тела наградами. А затем... резким движением поднял коня на дыбы и соскочил с пьедестала. И тяжело поскакал в сторону Тверской, пугая туристов.

Я обошел здание Исторического музея и вышел на Красную площадь. По дороге обернулся и посмотрел на запарковавшийся недалеко от постамента джип. Старлей стоял рядом с машиной и укоризненно показывал на пустой постамент. Я пожал плечами.

Пошел к Мавзолею. Там, как оказалось, меня ждала засада. Другой черный Чероки, точная копия нашего, неожиданно резко стартовал от здания ГУМа и подлетел ко мне. Из него выскочили четыре мордоворота в штатском. Растопырили ру-

ки, чтобы меня заграбастать... Я закрыл глаза, и джип, и мордороты исчезли. Я мог бы их забросить на Луну и оставить там издыхать, но... я всего лишь отправил их развеяться... в Челябинск, на площадь перед знаменитым памятником Ленину. Да-да, тому самому.

Мордороты вначале ошалело глазели на памятник, потом начали тупо бегать по площади... и получили еще одну неприятность... восьмиметровый гигант спрыгнул со своей колонны, раскрыл бронзовые объятия и понесся за ними, картова гогоча.

...

Стоящий невдалеке солидный дядя в шапке пирожком оторопело взглянул на то место, где только что стоял джип с открытыми дверями, потом на меня, съежился и убежал. Другие прохожие ничего не заметили. Их ожидал спектакль по чиче исчезновения джипа.

И опять все вышло само, я и глаз не закрывал, только на Мавзолей засмотрелся. Вспомнил один бородатый анекдот. И сейчас же это нелепое бетонное здание, облицованное порфиром и лабрадором, начало вытягиваться вверх, как встающий из могилы призрак. Мавзолей превратился в готический собор, а собор — в колоссальные напольные часы с полукруглой горизонтальной дорожкой под циферблатом. Из часов на эту дорожку вели двое ворот.

И вот... прохожие и туристы завороженно глядят на часы высотой с кремлевскую стену... внутри часов что-то скрипит, скрежещет, поет... дверки открываются... и через правые ворота выезжает на середину дорожки броневик... в натуральную величину... в точности такой, как на известной картине Самохвалова. На нем стоит воскресший Ильич с воздетой правой рукой... похожий на мертвую рыбу.

Ленин оглядел площадь... вонзил взгляд в небеса, открыл рот, вытянувшийся в птичий клюв, и закричал резким, пронзительным, невыносимым голосом: Ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Прокуковав двадцать раз вождь мирового пролетариата захлопнул клюв... броневик увез его через левые ворота вглубь дьявольских часов, часы потихоньку опали и стали опять мавзолеем.

Люди на площади щипали себя за руки и терли себе глаза. Я поплелся к Лобному месту. Старлей, наблюдавший в толпе за метаморфозой мавзолея, не стал меня преследовать, а посеменил назад к музею, оживленно говоря с кем-то по мобильному телефону.

Лобное место

Звонок старлея не остался без последствий.

Гена по-видимому позвонил агентам, контролирующим «волкодава», и дал им указание выпустить его на охоту. Охоту на меня.

Началась охота даже забавно — народу на Красной площади вдруг стало заметно больше. Судя по одежде и прическам, эти, новоприбывшие, были не современными москвичами, а людьми сталинской эпохи. Было в их лицах и фигурах что-то особенное... тоска обречённых. И еще... эти люди были черно-белыми, как персонажи старых фильмов.

На площади работал кто-то, легко и целенаправленно меняющий реальность. И этот кто-то не шутил. Уже через несколько секунд после появления серых, я был зажат ими, как клещами. Давящий меня сбоку своим чугунным плечом ударник прошипел: Мало тебе, европейская гниль? Через пять минут высунешь язык... Засакай время.

Стахановец, работающий с другой стороны локтями, добавил: Приехал над нами издеваться? И попал в петлю.

А прижатая ко мне сзади и энергично толкавшая меня твердыми как кривошипы кулаками и коленками дама прошептала мне на ухо: Что, хлыщ, попал в давилку? Теперь из тебя ГПУ кишочки выпустит. Ноги будешь лизать, чтобы побыстрее казнили.

И в это же время внутри Лобного места сами собой — медленно, медленно — росли помост с небольшой трибуной, а рядом с ним — внушительная деревянная виселица с недвусмысленной петлей. На трибуне появилась тройка, в составе прокурора-судьи и двух народных заседателей-палачей. На их лицах читалась голая решимость мрачных идиотов.

Я закрыл глаза, сосредоточился и представил себе вместо толпы, Собора Василия Блаженного и Лобного места — площадь перед собором Святого Марка в Венеции. Открыл глаза. Ничего не вышло. Толпа, трибуна, палачи, виселица, серые люди...

Прокурор взял в руки какой-то сомнительный микрофон и заговорил.

— Мы сегодня собрались тут, дорогие товарищи, для того, чтобы совместно заклеить позором и наказать врага Сталина и Путина, супостата нашей родной Коммунистической партии единой России и советского народа Розенмейера. Вот он, стоит среди вас, ухмыляется и надеется на то, что ему все сойдет с рук, что он как-то выкрутится, обманет суд, усыпит нашу бдительность и будет спокойно вредить дальше. Посмотрите на него! Уже двести лет этот урод — грызет нашу великую Родину, отравляет колодцы, пьет кровь христианских младенцев, клеветает и насилует наших женщин. Но отщепенец, предатель и враг не уйдет от заслуженной кары!

Тут оратор показал на меня коротким пальцем. Стоящие рядом со мной серые люди тут же схватили меня и, раскачав, забросили в середину арены. Палачи обкрутили меня — как пауки свою жертву паутиной — веревкой, поднесли как куль с мукой к виселице и поставили на закрытый квадратный люк... накинули на шею пеньковую петлю.

Они не торопились.

Я посмотрел на замершую в ожидании казни толпу. На меня пялился огромный, с ужасным бельмом посередине, бесцветный зрачок разъяренного человеческого стада.

В толпе я заметил старлея и бугая. Гена покачивал головой, как бы приговаривая: Я ведь тебя предупреждал, что обожжёшь крылышки, мотылек.

Бугай смотрел в сторону, видимо все еще трусил. Не хотел превращаться в крысу.

Рядом с ними стояли Борис и Марк. Борис что-то деловито диктовал Марку, а тот записывал в небольшой блокнот. Встретившись со мной взглядом, Борис кивнул мне сардонически, не бойся, мол, сейчас все кончится. Может быть, он и был эфэсбэшным волкодавом?

Неожиданно я заметил в толпе Марику. Она плакала и протягивала ко мне руки... как бы умоляла помочь... руки ее были скованы наручниками.

Люк подо мной открылся, и я упал в бездну.

...

Очнулся я на арене. На арене для боя быков.

Я и был быком, черным, страшным, а в моем загривке уже торчали разноцветные бандерильи, причиняя ужасную боль. По горячим бокам струилась кровь.

Я носился по арене как сумасшедший, не понимая, что со мной происходит.

Наконец я заметил в руках у облаченного в золотистый костюм матадора мулету и шпагу, это означало, что он сейчас убьет меня. В дикой ярости бросился я на него, не обращая внимания на его дурацкую тряпку. Он успел вонзить мне шпагу в сердце до того, как я пробил ему брюхо до позвонков своим длинным острым рогом. Умирая, я слышал бешеный рев возбужденной смертью публики.

Мучения мои на этом не кончились. Волкодав резвился вовсю.

После смерти от удушья на Лобном месте и от шпаги на арене, он загнал меня в самолет Рио — Париж и заставил вместе с остальными бедолагами падать с одиннадцатикилометровой высоты в океан, затем для разнообразия бросил в жерло извергающегося вулкана, потом подверг пыткам в подвале чикагской мафии, познакомил с палачами Святой инквизиции и даже с самим Иродом Великим, заставил сражаться с инками на стороне конкистадоров и быть принесенным в жертву сатанистами.

После этого волкодав или его шефы, видимо, разочаровавшись в своих геоисторических изысканиях, решили сменить пластинку.

И вот, я уже вхожу в круглый вестибюль станции метро «Октябрьская», украшенный похожими на звезды светильниками, вделанными в вогнутый потолок. Свет лампочек режет мне глаза, но ничего страшного вроде бы не происходит. Еду на эскалаторе вниз, в московскую жуткую глубину, из которой

поднимается вместе с редкими пассажирами смрадный ветер. Иду по вестибюлю, смахивающему на пустую внутренность лежащей горизонтально ракеты, прохожу к платформе между пилонами, облицованными светлым мрамором с ядовито-лимонными разводами. Чувствую опасность, но не могу выйти из роли, в которую меня загнал волкодав.

Подходит поезд, набитый людьми как желчный пузырь больного камнями. Открывает двери с трудом, как будто вздыхает. Из ближайшей ко мне двери никто не выходит.

Рыхлая, рыжая, громадного роста дама в розовом пальто с огромными пуговицами-бутонами и немыслимой синей шапке, неудачно округляющей ее и без того круглую голову, шепчет, кивнув в мою сторону, маленькой косоглазой, похожей на сороку, простоволосой подружке в курточке на молнии: Вот туша... Если он так любит жрать, то пусть на персональном автотранспорте ездит... ноги все отдавит нам... мужло!

Подружка шипит в ответ в ее толстое ухо с золотой сережкой в виде розочки: Не мужчина, а бегемот... Зачем таких в метро пускают? С него гривенник брать надо за проезд.

Мне не хочется входить в вагон, но неодолимая сила заставляет меня втиснуться туда, прямо в человеческую стену... влез, вжался, надавил на рыхлую и ее подружку... рыхлая молотила меня громадными кулаками... подружка несколько раз клюнула меня в шею и ущипнула в бок остренькими как маникюрные щипчики ноготками. А ее семилетний сын укусил меня в зад.

Машинист смог закрыть двери только после трех безуспешных попыток.

...

Переполненный поезд тяжело трогается, медленно разгоняется, а через минуту резко тормозит и останавливается в полутемном туннеле... кабели, висящие на его сегментированных бетонных стенах похожи на вены варикозных больных.

Вот оно!

Остановился поезд... бывает... часто бывает в метро... стоим и тронемся... и через три минуты я выйду на «Академической» (станция «Шаболовская» еще не работала). Там недалеко живет моя невеста, в «Березке» на Ферсмана.

Клаустрофобия... Стены вагона сдавливают твоё тело как гидравлический пресс. Руки холодеют, становятся влажными. Внизу живота рождается осьминог-сосунок... он подкатывается к восходящей аорте... обвивает её щупальцами и начинает душиТЬ тебя изнутри. Дыхание прерывается... сердце западает... глаза, кажется, вот-вот выскочат из глазниц.

Ты оседаешь как расстрелянный... и только давление потной человеческой стены не позволяет тебе окончательно соскользнуть вниз, под ноги яростной толпе.

Через пятнадцать минут в поезде гаснет свет.

По оконным стеклам текут струйки влаги. Это конденсат выдохов и испарины изнывающих от духоты людей. Люди пытаются открыть стеклянные форточки.

Ты не умираешь только потому, что твой бог-волкодав не даёт тебе умереть.

Ты ждешь... ты помнишь... после двадцати минут пытки твой поезд ТОГДА тронулся, свет зажегся, и ты вышел на «Академической» и пошел к ней... и она, смущенная, обняла тебя при матери и неловко поцеловала в нос.

Довольно, довольно.

О, этот крысиный дух совка... волкодав решил добавить перца в суп... и раздел догола томящихся в темноте и духоте пассажиров.

Невыносимо запахло потом. Я почувствовал неприятное прикосновение голых скользких тел. Прикосновение потихоньку перешло в охватывание, вдавливание, заглот.

Рыхлая дама, казалось, присосалась ко мне своими огромными грудями и животом. Её подруга колола меня своими лобковыми волосами, как проволокой, а её сынок царапал своими колючими плавниками мне промежность.

Ошалевшие люди начали ощупывать себя и друг друга.

Осознав свою наготу, женщины подняли немислимый визг. Вскоре паника охватила и мужчин. В невыносимой тесноте началось жестокое побоище.

И женщины и мужчины и дети — били и грызли друг друга. Драли за волосы, пинались, брыкались, стучали лбами в лбы, выдавливали пальцами глаза, отрывали уши, рвали пасти и ноздри, бешено кусали за все, что могли...

Казалось, муке не будет конца... но вдруг я пришел в себя все на той же Красной площади.

В Москве похолодало, на буром небе не было видно ни одной звезды, выл ветер, по оледенелой брусчатке мела поземка. Кроме меня по площади бродили только несколько туристов.

Потащился к музею... у памятника Жукову стоял черный джип. Меня впустили и отвезли в Ясенево. Я лег спать, стараясь не думать о том, что пережил.

Страшная догадка

Ну и что теперь? Тебе указали твое место. Наказали. Люди, более сильные чем ты. Возможно, из-за их негативного воздействия ты полностью утратил свой скромный дар. Что же мне делать? Искать тот бункер? А как? Брать заложников и пытаться играть с лубянскими тварями их же игру? Для этого ты недостаточно жесток. Обыграют тебя наперсточники. Пора проверить, годен ли ты хоть на что-нибудь.

Закрыв глаза и представил, что лежу в теплой средиземноморской водичке на пляже в Бланесе.

Открыл глаза.

Как же тут спокойно! Живописный город раскинулся амфитеатром... круглая башня Сант Жоан на невысокой горе, несколько похожих на крымские скал в бухте, отели, ботанический сад, по которому гуляли Байрон и Гёте.

Поплавал... посидел на камешках, вспоминал, как купался тут с второй женой и дочкой двадцать лет назад.

Постарался отделить мою тоску по ним от их фигур, рук, боялся вспоминать их лица.

Жить так, как будто ничего не произошло?

Превратиться в арабского шейха, построить виллу в Монте-Карло, нанять гарем из молоденьких фотомоделей, которые будут лизать тебе пятки и потихоньку изменять с охранниками?

Ты будешь забавляться в гареме, а твои родные будут и дальше мариноваться в пяти лубянских звездочках? Эти бульдоги их никогда не выпустят. А Колобок пришлет тебе через пару недель по почте пальчик.

Вернулся в Ясенево.

Воспользовался колобковым мобильником.

— Это я. Приезжайте, надо поговорить.

— Буду через полчаса.

Колобок сел в кресло и не без опаски посмотрел на меня. Несколько часов, проведенные им в теле короткоусых двукрылых оставили на нем странный отпечаток, он часто высывал удивительно тонкий язык и облизывал им губы, один раз даже облизал глаза. Как-то по-мушьи тер себе виски двумя руками... и непроизвольно жужжал, когда говорил.

— Мы не могли оставить ваши возмутительные фокусы безнаказанными. Жжуж-жжуж... Мы только показали вам, как чувствуют себя другие люди, если вы... издеваетесь над ними.

— Гена рассказал мне, что вы на самом деле от меня хотите. Зачем вам я, когда у вас на службе волкодав такой силы?

— Вы, писатель, жжу... и не поняли разницы? Волкодав — техник, исполнитель, а вы — поэт, романтик, фантаст, поклонник Гофмана. Он способен квалифицированно помучить пациента, жжу-жжу-жжу, точно воспроизвести то, что мы ему закажем, вы же можете импровизировать, кардинально изменять этот мир, заново выстроить всю эту ветку. И заменить вас пока нечем.

— Отпустите моих и начнем работать.

— У вас нет оснований ставить нам какие-то условия. Уничтожить вас, жжи-жжи, мы можем в любое время. И убежать от нас в какой-нибудь придуманный вами мир вы не сможете. Волкодав всюду следует за вами и тут же пошлет вас опять на Голгофу, если вы начнете фордыбачить. Покрасить церковь или вырастить розы в автобусе, это еще куда ни шло, но глумиться над памятью вожжжда — жжуж-жжуж, это уже никуда не годится. Руководство решило вам навстречу не идти. За вами первый шаг.

...

После ухода Колобка я долго сидел в кресле и размышлял. В запутанной как волосы бездомного мешанине пытался найти путеводную нить. Но вытягивал только короткие обрывки разноцветных ниток.

Наконец, поставил вопрос ребром: Мир, в котором ты сейчас находишься — это что? Реальность? Или твоя фантазия?

Возьми хотя бы этот автобус. Если бы ты не вмешался, они бы там друг друга поубивали. Ну так что же произошло на самом деле? Смертоубийство или чудо примирения в райском саду?

Поймал на «Спидоле» «Новое Эхо Москвы». Терпеливо ждал минут двадцать. Наконец, услышал следующие сообщения: Вчера, в автобусе, следовавшем по маршруту... произошло удивительное происшествие — в салоне выросли ни с того, ни с сего различные экзотические растения, появились мраморные фонтаны, поющие рыбы, говорящие попугаи и прочие чудеса...

Ты изменил реальность. Перевел вселенную на другую ветку. На другой лист. И этот, новый, лист не наложился на старый, а существует теперь самостоятельно. А старый возможно исчез, испарился, как будто его и не было. Что же теперь с мордворотами в Челябинске?

И опять помогла «Спидола». Радио «Маяк» сообщило: Вчера в Челябинске было совершено невероятное преступление. Неизвестные злоумышленники задушили четырех мужчин у памятника Ленину, что на площади Революции, а памятник сильно повредили. Вождь мирового пролетариата стоит теперь на асфальте с распростертыми руками, как будто кого-то ловит.

А еще через десять минут дикторша пробормотала как будто нехотя: В Москве, в районе метро Юго-Западная произошел феномен массового психоза. Множество людей почувствовали себя грызунами — крысами. Психоз длился несколько секунд, но за это время, при невыясненных еще обстоятельствах, случились несколько убийств пассажиров городского транспорта. Триста сорок семь человек было госпитализировано.

...

Бедный мой сынок с внучатами... сноха... Натка, Марика... Как же мне вас вытащить из ямы?

Я попытался представить себе сына. Но не мог вспомнить его лицо.

Когда ты видел его последний раз?

Много лет назад.

Нет, ответь, когда?

Не помню.

Может быть это волкодавовы козни? Представлять себе внуков или сноху я и не пытался, видел их только на фотографии.

Какой фотографии?

Тоже не помню.

Как звали твою бабушку? Маму? Отца? Как тебя зовут?

Забыл.

Какую ты заканчивал школу?

Как выглядит Марика?

Сколько тебе лет?

Кто ты?

Ты писатель?

Где твои книги?

Где ты провел детство?

Кого ты первый раз в жизни поцеловал?

Ничего не помню, одни расплывчатые тени в голове.

Помню вольный полет над Москвой.

Кристаллические крылья.

Небесный свет в пробирке.

А потом... иду я по полю. Грязное, странное место... как будто сняли бульдозером несколько лет назад верхний почвенный слой... а обнажившийся нижний слой темной глины так и не превратился в плодородную землю. На краю поля наткнулся на столб. К этому потрескавшемуся деревянному столбу двумя гвоздями прибита сильно поржавевшая табличка. В середине ее изображен равносторонний треугольник с вентилятором посередине. Сверху и снизу от него можно с трудом разобрать надписи:

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА
ПРОХОД И ВЪЕЗД
ПОСТОРОННИМ ЛИЦАМ ЗАПРЕЩЕН!

Стало быть, это не вентилятор, а символическое изображение радиации. Куда же меня теперь занесло? В Чернобыльскую зону? Нет, природа тут другая. Северная.

Вот и дорога. Давно не отремонтированная, покрытая глубокими лужами, но все-таки асфальт, цивилизация. Прошел метров триста, натолкнулся еще на один столб. Перед мостом через речушку. На нем тоже табличка. Река Тача.

Вдоль реки травы... сочные, зеленые... а у самой воды почему-то огненно красные... бурые тощие коровы бредут по берегу... гуси гоношатся. За мостом — церковь и колокольня. Без куполов, без стекол в окнах, краска облупилась, кирпич такой, как будто его столетиями царапали злые гномы. За церковью — деревенские дома. Брошенные, что ли? Ни огонька, ни дыма из труб.

Собака пробежала... белая, хвост под брюхом... морда ошалелая, трясется.

На мосту мужик стоит, на реку смотрит. В сапогах, солдатских штанах, в черном пиджаке и меховой шапке... Курит...

— Ей, вы, да, вы, что это за деревня?

— А-то ты не знаешь?

— Представьте, не знаю.

— Пить надо меньше, а еще учитель.

— Я учитель? Ты чего городишь, мужик? Я тут впервые... и не был никогда... Кончай базар, где мы?

— Где-где, в Угрюмове мы-то! Улюмский район. А ты тут учитель. В восьмилетке. И живешь ты тут, почитай четыре года.

— Учитель? Четыре года? А радиация почему на табличке?

— Кака такая рация? Мы люди простые, таких слов не понимаем. А к реке лучше не подходи, умрешь-то!

— А как же вон коровы там, видишь, прямо у реки пасутся, а вы тут небось их молочко пьете. И гуси.

— Шибко ты умный. Молоко-то в магазине дорогое, а гусятинки и вовсе нет.

— Ладно, ладно... Слышь, мужик, проводи меня домой!

— Пойдем, в школу-то. Небось жана-то заждалася своенодаря, а он на мосте чирикает... Про рацию-то... Это ты на уроке ребятам расскажи, а мне чево рассказывать-то. Мне немало осталось, ходить-то.

— Почему в школу? Домой веди.

— И то забыл, что при школе живешь? Ну, развело-то тебя как, учило!

— Тебя как звать?

— Да Михалыч я, слесарь со станции, не узнал что ль? Я же тебе водопровод правил. Что ж ты пил, расскажи-то. Чифиря напился-то?

...

Мы шли по неасфальтированной деревенской улице... домишки справа и слева все были какие-то тощие, убогие, заплатанные. Крыши покрыты толем, а в нем дырки, как будто кто прогрыз. Изгороди упали. Садики и огородики отсутствовали. Несколько раз мимо нас пробежали собаки-призраки, братья и сестры той, белой, у моста. Шарахались от нас, как ягнята от волков.

— Что их так напугало?

— Кого-то? Кобелей, что ля? Так их стреляют те-то, с комбината.

— С какого комбината?

— Крепко тебе памято-то сшибло, как ребят учить будешь? Да, со «Звезды победы». Отсюда семьдесят пять километров. От них сюда гнилая вода текёт. Они тут и землю-то сняли. Живем как без кожи-то. Колючку вдоль Тачи сварганили, да мы ее посымали. В цветметаллы продали колючку-то.

— А почему садики и огородов нет?

— Потому и нету-то. Зараженное все. Ну вот и школа-то! Прощевай.

Школа построена в те же доисторические времена, что и церковь. Три этажа, красный кирпич, светлая краска. Завитушки на фасаде. Краска облетела, завитушки обвалились, крыша провалилась. Все окна первого этажа — забиты досками и оргалитом.

Перед школой — место для линейки и памятник. Бетонный обелиск, а на верхушке, на толстом стержне приварена красная звезда. Павшим героям. В середине обелиска углубление, там список героев был, но его, наверное, отодрали и продали.

Постучал в огромную железную дверь. Никто не отозвался. Порылся в карманах, нашел связку ключей. Отпер, вошел... и потерялся в темном коридоре. Где тут выключатель?

Растопырил руки, пошел наугад, направо. Потихоньку глаза привыкли к темноте. В коридоре валялось много всякого хлама. Поломанные парты, вешалки, ящики, учебники, разорванные карты, помятые глобусы, запыленные портреты великих людей, старинные вольтметры-амперметры, битые колбы, черно-белые телевизоры с дырками на экранах, ложки... доска с фотографиями пионеров-героев... четыре бюста Ленина с отбитыми носами... ободранное чучело волка и пластиковый человеческий скелет с оторванной рукой.

Прошел направо до конца коридора. Ход налево вел к лестнице на второй этаж, а на правой стене — еще одна дверь. На ней надпись мелом «Квартира учителя». Под ней кто-то нарисовал карандашом писающего человечка с голым задом и написал «Антон Чехов — пидарас». Надпись была частично соскоблена, поэтому получалось «ончепир».

И для этой двери я нашел ключ. Открывал не без волнения, опасался встретить в квартире сварливую жену-старуху, которая тут же набросится на меня с проклятиями и упреками, а потом будет месяцами пилить как циркулярная пила.

Никто меня, однако, за дверью не поджидал.

Я очутился все в той же ясеневской квартире. За окном — знакомый двор. На стенах — все те же книги, в кухне — холодная Лысьва и Саратов с немецкой колбасой.

...

Тут и осенило меня.

Не было у меня никогда ни детей, ни друзей. Я никогда не был женат. Не застревал в метро. Не переходил через речку Тачу. Не существуют ни Натка, ни Марика, а мое прошлое — подлог, фальшивка, придуманная ИМИ.

Ты не человек, а фейк, бот, ончепир.

Нет у тебя родных и близких, но есть вложенная кем-то тоска по ним, боль за них. Ее вложили для того, чтобы легче было дергать за ниточки, управлять марионеткой. Способности тебе дали не для того, чтобы ты сады в автобусах разводил, а для того, чтобы ты для них что-то особенное, невероятное сотворил. Стрельба по памятнику была проверкой, сможешь ли. Сюжет хорошо разработан... и неизбежная кульминация ждет тебя за следующим поворотом.

За вами первый шаг, — сказал Колобок. Пора было этот шаг сделать.

Конец

Удивительно легко колдовать, когда знаешь, что, собственно, хочешь. Уже через несколько секунд после того, как я принял решение, рядом со мной сидело два моих двойника, или... представителя. Двойнику номер один, Джекилу, я сказал: Не умничай, дави на сантименты!

Он кивнул и пошел искать джип с старлеем и бугаем. Их он должен был попросить отвезти его к дому на Ломоносовском, в котором я когда-то жил, ностальгия мол, перед тем, как вершить судьбы мира и посетить живое божество в Кремле, хочу потрогать старые стены, приобщиться, напитаться.

Джекил перенял от меня все, кроме способности к изменению реальности: внешность, одежду, манеру говорить, голос. Надеюсь, он не подведет.

Для волкодава я припас другую обманку. Мое второе альтер эго, мистер Хайд, вовсе на меня не похожий, гнусный тип, похожий на Распутина, должен был отправиться в Кремль с чемоданом пиротехники и начать там палить. Волкодав подумает, что это я, и полетит туда.

Похлопал Распутин по плечу... он вылупил глаза и мрачно посмотрел в пол... представил себе, как он идет от Благовещенского к Архангельскому собору. И вот, он уже там, а я все еще у себя в Ясенево, у окна стою, чтобы меня получше видно было.

План заработал... старлеев Чероки прополз по нашему двору к арке дома напротив и выехал на Голубинскую. А я вышел на лестничную клетку, открыл окно и прислушался. Со стороны центра донеслись глухие раскаты... это орудовал мистер Хайд.

Я зашел в квартиру, попрощался с книгами и закрыл глаза.

А когда я их открыл, я уже стоял на небольшом заснеженном балконе на двадцать восьмом этаже главного здания МГУ и смотрел с высоты на любимый город.

Я знал, что у меня есть минутка-две, не больше. Волкодав, поглядев на Распутина, мигом раскусит мою детскую хитрость. Может быть, еще и помучает перед смертью. Мне однако было уже все равно.

Я сделаю первый ход, мой единственный и самый важный ход, который для вас, колобки-волкодавы, будет последним. Сейчас я пошлю ЕГО и всех вас в ад!

Закрыв глаза и представил себе, как со всех сторон подлетают к Москве трайденды и минитмены.

На месте Кремля образовался огненный шар... мгновенно вырос... и прыснул смертоносным светом.

Андреевский зал

Я почувствовал палящее дыхание смерти... но жар вдруг отступил... огненный пузырь начал сжиматься, а разрушенные и сожженные взрывом московские дома — восстанавливаться.

Москва восставала из руин на моих глазах... последними склеились и поднялись как модернистские матрешки новопостроенные небоскребы.

А меня выдернуло с балкона и понесло, понесло как бумажного воробья... через Москву-реку... и дальше, дальше... и вот, я уже стою в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца с голубыми шторами на окнах... передо мной под резным позолоченным балдахином с горностаями сидит на троне — САМ. За ним — двуглавый орел, корона, над балдахином — огромная золотая звезда... Солнце что ли.

Сам... на реального Путлера и не похож... скромный человек с европейскими чертами лица, одет в костюм с бабочкой, в руке — маленькая китайская чашечка, кажется, с халвой... ножки аккуратно на подушечку поставил... ботиночки... как два утюжка... На меня посмотрел спокойно, без ярости, ласково даже, ухмыльнулся правда чуточку криво, как сутенер, и сказал бархатным баритоном с перышком: Приветствую вас в Кремле! Вот вам подушка, садитесь прямо на паркет... а я уж тут посижу... редко, знаете ли, выпадает возможность... вот так по-царски посидеть.

Кинул мне узорчатую подушку. Я подушку поймал, но так и остался стоять.

Сам продолжил: Да-с, накормили вы нас березовой кашей... бурю устроили... в стакане воды... совсем вы запутались, писатель вы наш распрекрасный! В игривой вашей упоенности забыли, что уничтожить можете только вами же самим созданный город... Реальность-то давно от вас упорхнула. Сизым облаком. Живете в защитном бреде, господин хороший... И не смотрите на меня так... как бык на тряпку, хе-хе... в крысу вам меня превратить не удастся, поверьте... Вы ведь тут гость, а я хозяин, и могу с вами все что моей душеньке угодно сотворить... Не хотите ли поучительствовать в славном сельце Угрюмове? Вам там понравилось, я заметил... Неужели вы и впрямь надеялись обвести меня вокруг пальца как мальчика? И какая извращенная фантазия... Распутин в Кремле! С фейерверком. А вы в это время значит на балкончик... ракетки подогнали — и бу-буух! Как бы не так, не вышло-с! Мы с вами до сих пор поступали гуманно, так, пощекотали немного нервишки, а вы нас — в радиоактивную пыль? Хотите опять в поезд, к милым нашим женщинам? Они вас ждут. Или в петлю? В бетономешалку? Или — последняя разработка — в Александровскую слободу, прямо на кол или без шкуры — в чан с кипящим маслом? Что, затрепетали крылышки? Не бойтесь... в ту пору лев был сыт... да и не стал бы я вас с того света возвращать для наказания... много чести... так... любопытно было посмотреть на коллегу... обладать такой властью и использовать ее для выращивания овощей, на шутки с мумией... и для

уничтожения собственного создания. Печально, печально... а мы ведь могли объединить усилия, вы и я, и построить новый, прекрасный мир... Великолепие чрезвычайное сотворить.

— Вроде этого вашего зала с позолоченной лепниной? Сколько наварили на реставрации? Это мещанство. Фантазия Николая Палкина. Та же Золотая орда. Для царя — халва, а для раба — кнут, осклизлый кол и чан с кипящим маслом.

— Не надо, не надо банальности тут мне повторять, герр Мейер... Это скучно... Уверяю вас, будь вы на моем месте... смертей было бы еще больше... раз в пять. Хотите пари? Вернемся в ельцинское время и передадим... вам... матушку Россию... и посмотрим, что вы с ней сделаете... Сравним.

— Нет уж, увольте... я и своей-то жизнью распорядиться толком не смог... Да и правы вы, пожалуй, будь я на вашем месте, начал бы кромсать по-живому. Попытался бы отделить овец от козлищ, да и отправил бы всех совков на Солнце...

— Ага... признаете? Значит, не все мозги вам мои чудо-богатыри отшибли.

— Какие к лешему богатыри?

— А те самые. Которые из «Градов»... Сейчас я вам их покажу. Для разнообразия, а то от тоски помереть можно!

— Только ради бога, без саврасок и сивок-бурок. Терпеть не могу кавалерии! Они вам тут паркет испортят.

Сам усмехнулся по-урочьи, щелкнул залихватски коротенькими пальцами... и позади меня появились три фигуры. Не узнать их было невозможно. Двое с окладистыми бородами, один с бородкой. Первый, здоровяк с палицей и в кольчуге — Илья Муромец, второй бородач, с мечом — Добрыня Никитич, третий, с луком и стрелами, Алеша Попович.

Все трое подошли к невысокому ступенчатому пьедесталу, на котором стоял трон, и, грубо оттолкнув меня в сторону, картинно встали перед ним, как мушкетеры, на одно колено, сняли шлемы и преклонили гривастые головы.

Сам осмотрел их с видимым удовольствием... благожелательно кивнул, положил в рот кусочек халвы. Богатыри встали с колен, оттряхнули штаны, положили руки друг другу на плечи и тяжело заплясали какой-то древнерусский сиртаки, не сводя огромных черных глаз с Самого.

Добрыня заиграл на губной гармошке музыку.

Ямщик-Илья ужасно косолапил.

А Попович неудачно повернулся и уронил колчан... стрелы его разлетелись по сверкающему паркету, как палочки для игры в микадо.

Сам нахмурился, раздраженно щелкнул пальцами, и богатыри исчезли.

— Bravo, bravo, господин волкодав. Вы разоблачены. Кого еще на потеху позовете? Соловья-разбойника, Бову королевича или Китовраса? Куда теперь направимся? На берега Светлояра или на Калинов мост?

Не стоило мне его дразнить, но другой возможности прекратить этот спектакль у меня не было. Декорации тут же переменились. Сам пропал вместе с тронном... зал стремительно уменьшился в размерах... передо мной показались знакомый шкаф, кресло, красная тахта.

Меня опять загнали в ясеневское гнездо.

Трюк мой не удался.

Звонок

В половине первого ночи в моей квартире раздался звонок. Я дремал в кресле. Звонок испугал меня. После неудачной попытки уничтожить мир, в котором я против воли находился, и свидания в Кремле — я был дезориентирован, пассивен, слаб. Миры и эпохи крутились вокруг моей головы, как бабочки, остановить их я не мог.. в ушах жужжало эхо множества голосов... перед глазами проносились обрывки видений.

Я нашел в себе силы встать только когда позвонили в третий раз. Не сразу сообразил, что звонят в дверь. Отвык от простого звучания. Зззззыыы... Моя немецкая дверь пела как канарейка.

Посмотрел в глазок — и не разобрал, кто там.

Вроде бы знакомый силуэт... мужчина в пальто и шапке с опущенными ушами.

Старлей? Нет, нет конечно... у старлея военная выправка... и наглость читается в каждой линии... а этот силуэт не был мне враждебен... скорее вызывал жалость.

Колобок? Тот был на голову ниже, и всегда демонстративно открывал своим ключом. Отпер. Заглянул гостю в глаза. На мгновение оторопел, но тут же собрался, сбросил с себя ужас и протрацию как жмущие перчатки, обнял его, прижал к груди.

— Проходи! Проходи скорее, небось замерз. Вот... возьми эти тапочки... пальто на вешалку, а шарф оставь, у меня холодно... и сразу на кухню, я кофе сварю.

Боялся не узнать его голос... кто знает, может быть и он... копия или эхо.

— Антоша, ты же знаешь, я растворимый кофе не пью. Я привез с собой настоящий цейлонский чай. Принцесса Нури. А где Ирхен? Малышка? Спят?

Он, он, его хриловатый голос.

Замялся... не мог же я ему сказать, что вторую жену и дочку видел последний раз двадцать два года назад... а его самого за три года до этого.

— Спят, спят... Садись на свое место у окна... там дует немного... я дам тебе наш старый плед... помнишь, Леопард, который я в Синтетике купил, на Ленинском.

Я говорил это и вспоминал, как несчастный плед закончил свои бранные дни. Моя теща случайно подпалила его на кухне. Плед разрезали на тряпки.

Мы уселись за наш зеркально белый кухонный стол, Миша положил на него свои большие руки скрипача... сидел поникший... смотрел вниз, как бы что-то припоминая. А я глядел на него. Боялся как-то потревожить его своим любопытством... спугнуть... не хотел, чтобы он исчез как призрак.

Мой друг, сидящий сейчас передо мной, умер в начале девяностых, в Испании, при невыясненных обстоятельствах... мне об этом сообщили в письме его родственники, намекали многозначительно на что-то... я все эти годы скучал по нему.

— Антоша, извини, я забыл чай... Одурел, должно быть, от мороза. Завари индийский... У тебя же где-то валялся. Дарджилинг. Меня что-то знобит. Где твой Леопард?

— Сейчас принесу.

Я быстро прошел в комнату, открыл шкаф... там, на второй полке слева должен был лежать аккуратно сложенный плед. Но там ничего не было. Я закрыл глаза. Плед послушно появился. Но вместо леопардовых пятен, он был покрыт красными и синими треугольниками. Тратить время на раздумья не хотелось. Поспешил в кухню. Удивился — там был выключен свет. Щелкнул выключателем. Кухня была пуста. На зеркальной поверхности стола были видны отпечатки ладоней.

...

В ванной комнате шумела вода!

Постучал и зашел. Меня обдало горячим паром.

Мой друг лежал в ванне. Блаженно улыбался. Загадочно смотрел себе на пупок. Одежда его валялась на полу.

Сгрел ее и унес в комнату, бросил на тахту. Сел около ванны на табуретку.

— Миша, расскажи о себе. Мы так давно не говорили, друг.

— Я живу расчудесно. Хожу на работу и кушаю хлеб. После работы слушаю Тото Кутуньо и учу итальянский. Ночью сплю. Был у тебя неделю назад. Никогда не забуду граппу, настоящую на черной смородине, и трюфеля. Ирхен рассказывала, что ее шеф спятил и поцеловал толстую кассиршу, которая ущипнула его жену, а ты утверждал, что если очень сосредоточиться, то можно услышать то, что говорит или думает президент США в Белом доме. Малышка часто плакала, а Ирхен дала ей маленький кусочек шоколада.

— А-а. Граппа, шоколад... Помню... Это было перед смертью Брежнева. К тебе приезжал гость из Италии и оставил гостинцы... Как же его звали? Джеронимо?

— Джузеппе. Он и сейчас в Москве. Улетит послезавтра. Ты так говоришь, как будто это было давным-давно. Подожди, а что, Лёня умер пока я к тебе на метро ехал? Он же бессмертный! Как напился живой воды на Малой земле, так и обесмертел нам на радость. Что ты несешь, Антоша?

— Какое сегодня число, дорогой? Назови мне пожалуйста день недели, месяц и год.

— Десятое ноября, среда. Ну да, уже одиннадцатое, четверг. Что еще сказать? Дважды три — семь. Трижды восемь — двадцать пять. Достаточно?

— Скажи, какой год.

— У тебя что, жар? Год паскудный, как и все остальные. После Олимпиады в Третьем Риме второй.

— Старик умер вчера ночью. Его тогда в Ташкенте по кумполу хрястнуло. Вот он и помре. Сегодня утром объявят. Похороны пятнадцатого. Преемником будет Андропов.

— Ценю твою фантазию. Ты всегда делал две вещи хорошо — быстро бегал и фантазировал.

В ванную неожиданно заглянула Ирхен. Потрясла кудрявой головой и засмеялась. Хмыкнула.

— Какой у вас тут интим. Аж завидно! Привет, Мишенька, голенький!

Из комнаты донесся детский плач.

Меня затрясло так, что я испугался приближения неврастенического припадка. Начал рубить почти в панике: Да, Андропов поправил год и окошел. Потом был этот придурковатый, задыхающийся, Черненко. Но и он помер быстро. Затем Горбачев, он начал перестройку. Раскрутил гайки. В девяностом я уехал, а ты разбогател. СССР развалился в 91-м. В 99-м взрывали дома, Ельцина сменил гэбист Путин и правит до сих пор. Шесть лет назад Россия напала на Грузию. Недавно аннексировала Крым и атаковала Украину. Завоевала пол-Европы. Грозит всему миру. Меня привезли сюда насильно. Я давно не могу понять, сплю я или бодрствую. Кажется, мы все больше не существуем. Ты умер двадцать три года назад в Барселоне. Твое тело нашли на пляже. Расскажи мне, что случилось. Расскажи!

Друг мой молчал, загадочно улыбался и смотрел на свой пупок.

Потом неожиданно произнес: Меня задушил любовник. Завтра состоится суд.

Из комнаты все еще доносился плач моей дочери и увещевания Ирхен.

Тут еще раз позвонили. Я побежал открывать. За дверью стоял старлей. Я захлопнул дверь перед его носом и кинулся в комнату. Но она была пуста. Вещи Миши лежали на тахте. Заглянул в ванную... никого. Вернулся в комнату — вещи пропали. Пошел в кухню, открыл холодильник. Пусто. Вернулся в комнату, а там ничего нет, голые стены. Побежал в кухню — и там тоже пусто. Только плед лежит на подоконнике. Завернулся в плед, лег на пол и громко завыл.

Всю ночь мне снился голый мертвый Брежнев. Он противно чмокал и шамкал парализованными губами. Иногда принимался отвратительно хохотать, держась за синий живот. Подползал ко мне, приближал ко мне свое ужасное мертвое лицо, широко раскрывал рот и показывал черный язык и редкие потемневшие зубы. Под его языком располагалась поблескивающая желтыми огоньками Москва.

Суд

Ночью моя комната превратилась в карцер. Метров пять квадратных. В двери — маленькое зарешеченное окошко. В потолке — невыключающаяся грязная лампочка, заливающая помещение неприятным рябым светом. Железная койка, умывальник, замызганный толчок без сидения. Из крана сочится мутная вода, туалетной бумаги нет. Матрас набит соломой. Из белья — только плед.

Закрыв глаза. Попробовал лампочку выключить. Не вышло. Значит я тут раб. Тошно.

Принесли завтрак и тюремную одежду. Передали через закрывающееся прямоугольное окошко в двери. Горячая вода в кружке и кусок хлеба. Полосатые портки, рубаха, ботинки сорок шестого размера без шнурков. Все грубое, поношенное, с заплатами. Оделся, обулся. Лег на койку. Резкий голос тут же пролаял из коридора: Не ложиться! Стоять или сидеть!

Голос явно Петин. Значит, комедия продолжается... меня не вынесло в реал... и есть шанс выбраться.

Быстро понял — главное не думать о замкнутом пространстве. Надо попробовать закрыть глаза и представить се-

бе широкие светлые улицы, лесные поляны, заросшие дикой земляникой, цветущие яблоневые аллеи, величественные панорамы Кавказа. Сколько прекрасного есть на свете!

Нет, не выходит. Сквозь залитые солнцем парижские набережные проступали тюремные стены, на ослепительном пицундском небе вдруг появлялась мерзкая лампочка, на белоснежных склонах Аляскинского хребта кто-то рисовал ржавую койку, а бесконечные крымские тюльпановые поля превращались в красно-синий плед...

Не хочу описывать то, что уже много раз описано корифеями жанра и знаменитыми сидельцами.

Особенно мучили меня в карцере не боязнь замкнутого пространства, не голод и не холод, не одиночество, а неожиданная гостья — руминация. Любая приходящая в голову мысль как бы воспалялась, клонировалась... и повторялась, повторялась сотни, тысячи раз... смысл высказывания терялся уже на пятом повторении, а на пятисотом раскалывалось само бытие.

Я пробовал все... пытался не думать... громко пел... танцевал... бился головой о стену.

Не знаю, как долго я безумствовал... неделю, месяц или год.

Наконец, дверь в камеру открылась. Бугай Петя и старлей, оба в парадных формах, подхватили меня под руки и потащили в душ, бросили там на цементный пол и поливали с полчасика из шланга холодной водой. Эта процедура с успехом заменяла избиение ногами. Потом отвели в душевую кабину, вымыли, растерли полотенцами, подстригли мне волосы и ногти, побрили, припудрили, одели в приличную одежду, сунули мне под язык два куска колотого сахара и повели в тюремный суд.

По дороге я не удержался и спросил, сколько времени я провел в карцере. Ответил мне Петя бугай: Три дня всего. Но для гниляков хватает.

И тут же отвел от меня глаза.

...

Суд проходил в ничем не примечательной комнате, похожей на школьный класс. За учительским столом сидела зна-

комая мне уже по лобному месту троица — судья, он же прокурор, и два кивалы-заседателя, они же палачи. Во всех четырех углах комнаты стояли осветительные приборы и стационарные телекамеры. Операторы настраивали аппаратуру. Пятая камера висела на потолке и, неприятно попискивая, вращалась. Мое место было у боковой стены, справа и слева от меня стояли Петя и Гена. Все остальное пространство занимали стулья рядами, для публики. Окна были плотно зашторены.

Я был готов к тому, что и тут повторится прежняя комедия. Ожидал скорого разбирательства и приговора. Виселица, гильотина или расстрельная стена у них, наверное, во дворе, далеко идти не придется. Боялся одного... что этот суд — только очередное показательное издевательство. И что после смерти я опять очнусь где-то... в карцере... а потом все повторится, как повторялись мои мысли... вновь и вновь... и мучение будет бесконечным.

Суд начался с показа фильма: «Жидобандеровские фашисты — кто они?»

После титров на экране появился диктор, один из путинских холуев, кажется Дмитрий Киселев, а может и нет, для меня все они на одно лицо. Он долго говорил что-то, пускал слюни, потрясал кулаками и скрежетал зубами. Затем показали страшные сцены расстрела гитлеровцами евреев, сражающихся солдат в форме украинских националистов (эти сцены напоминали ролевые игры)... вот мелькнули лица Бориса и Марка. Появился и я. Камера долго смаковала стрельбу в Мемориале в Трептов парке. Причем выходило все так, как будто весь Мемориал разрушили мы втроем для удовлетворения своей патологической русофобии. Потом опять бесновался Киселев. Еще несколько расстрелов. А затем показали падающую берлинскую телебашню, взрывающийся собор, руины здания Бундестага... все это приписали нам. Мы якобы уничтожили Берлин... чтобы свалить вину на ни в чем не повинных российских войнов-освободителей, прибывших туда для спасения немецкого народа от жидобандеровских фашистов, т.е. от нас. В финале под рев фанфар показали Путина в длинной шинели с огромным мечом в правой руке, прижи-

мающего к себе левой маленького белокурого немецкого мальчика. Постепенно живой Путин с мечом превратился на экране в бронзовую статую. Диктор патетически заявил, что добро победило зло... затем недолго показывали виртуальную модель нового Мемориала... на месте солдата-освободителя красовался бронзовый Путин соответствующей величины, а вместо Родины-матери сидел на постаменте Родина-отец, тот же Путин, только в мраморе. Фильм закончился. Судья и заседатели заплодировали первыми. За ними захлопала в ладоши и публика.

Все показанное в фильме меня не удивило... удивили меня проскочившие в этой чудовищной ленте несколько раз кадры, явно не имеющие отношения к жидобандеровцам... возможно монтажер что-то не досмотрел... или схалтурил... и в фильм попали кадры из какого-то фильма, ужасно напоминающие мой приснопамятный сон. Тот, в котором мне откусила голову самка с перепончатыми крыльями. Я тут же узнал и промелькнувший ландшафт с коническими башнями и провалами, и две луны, и гигантскую, состоящую из бриллиантов, статую богомола с воздетыми к чужим небесам конечностями.

...

Описывать суд у меня нет охоты. Все проходило как положено.

Судья-прокурор метал громы и молнии. Заседатели смотрели на меня как совы на цыпленка. Публика ревела и требовала сурово наказать. Камеры работали без перерывов. Я молчал, старался не слушать всю эту дрянь, смиренно ожидал приговора и казни. Единственное, что слегка оживило процесс, были свидетельские показания Бориса Каневского и Марка Штейна, освобожденных от преследования за «чистосердечное раскаяние и помощь следствию». Оба свидетеля показали, что были втянуты в террористическую группировку присутствующим здесь фанатом Гитлера и Бандеры Розенмейером при помощи запугивания и шантажа, что участвовали в уничтожении Мемориала советским воинам-освободителям против воли, что руководил всем циничный негодяй Розенмейер.

Приговор, монотонно зачитываемый судьей, я тоже не слушал, закрыл глаза и прощался мысленно с теми близкими мне людьми, которые вернулись в мою память... действительно ли они существовали или нет, было уже не важно.

Неожиданно судья перестал бубнить. И тут же какой-то мужчина что-то громко закричал, а за ним закричали и завизжали и другие. Я открыл глаза...

Трясущиеся, ставшие полупрозрачными, судья и оба заседателя превращались у всех на глазах в чудовищ, напоминающих жуков-оленей. Их членистые тела металлически отсвечивали, они свирепо потрясали метровыми рогами и вращали усиками.

Публика в ужасе отпрянула.

Старлей и Бугай взяли меня под руки и вывели из зала. В последний момент я видел, как, завершив превращение, жук-судья набросился на полную женщину средних лет, сидевшую в первом ряду, и перекусил ее пополам, а жук-заседатель проткнул рогом горло ее соседа, молодого человека, несколько минут назад особенно рьяно требовавшего сурового наказания жидобандеровцу Розенмейеру.

Меня вывели в тюремный двор и отпустили. Я глубоко вдохнул, прыгнул, расправил свои перепончатые крылья и полетел к светящейся статуе богомола.

Квадратное в плане здание тюрьмы казалось с высоты почтовой маркой, лежащей на песчаном пляже. Вот... ее покрыла волна... и уволокла в рокошущую преисподнюю.

Враю

Я стоял на склоне пологого холма, на полянке, поросшей короткой мягкой травкой, на берегу небольшого овального, как будто ножом вырезанного в земле водоема с темной, но прозрачной водичкой. За холмами виднелись голубоватые горы... над ними вились длинными лентами стаи птиц... белых, желтых, темно-синих.

На берег вылез тюлень... сверкнул зрачком и как будто улыбнулся. Петушок пил, стоя на берегу, теплый ветерок тре-

пал веер из перьев на его коротком хвостике. Рядом с ним сидел красавец-фазан. Он токовал и недоверчиво, косо поглядывал на меня.

Из воды выскочила летающая рыба с мордой похожей на дельфинью... полетала и плюхнулась в воду. Под водой мелькнула коса русалки.

Черный единорог с рыбьим хвостом, лягушачьими ручками и длинным носом муравьеда важно читал на плаву газету.

Трехголовый аист с павлиньим хвостом охотился на лягушек... головы тянули его в разные стороны... он все время промахивался.

На траве сидел обнаженный юноша. Он заворожено смотрел на коленопреклоненную девушку с длинными золотистыми волосами. Девушка глядела на крупных рыжих муравьев, несущих жирную оранжевую гусеницу.

Голубой лебедь дал мне спелую, упругую, с крупный арбуз ягоду красной смородины.

И вот... я лечу в теплых небесах, а ягоду держу перед собой на вытянутых руках. Подо мной — широкая долина...

УЖАС НА ЗАБРОШЕННОЙ ФАБРИКЕ

Демон

Молния не била, гром не гремел, серой не пахло.

Он появился так обыденно, естественно, что было даже обидно, хотя и я не корпел месяцами в библиотеке над старинными фолиантами, не искал заветной формулы, не твердил наизусть латинские заклинания, не чертил пентаграммы... только пригласил его.

Мысленно.

Точнее — кивнул. В ответ на реверанс бетонной стены в подземном переходе, очередной приступ удушья и зловеющий танец фонарей на Алексее, напомнивший мне «действие праотцов» из «Весны священной».

Позвал я его... когда совсем отчаялся. Осознал, что не могу справиться с самим собой.

Хотя долго пытался научиться это делать.

Он не торопился.

Пригласил я его еще вчера, а появился он только сегодня, 31-го октября... соблюл, так сказать, традицию.

Когда я выходил пол-одиннадцатого из моей крохотной библиотеки, его там не было... ручаюсь... а когда через четверть часа опять в нее вошел, он стоял у моего письменного стола и листал мерзкими своими лапами альбом моего любимого художника.

Он не поздоровался, только кивнул спрятанной в капюшон головой, чуть не уронив жаровню, в которой тлели угольки, повел длинным носом, поскрипел полиэтиленовыми крыльями и железным круглым животом, поморгал подслеповатыми глазками, поправил пенсне... и ткнул мохнатым черным пальцем в репродукцию. Проткнул бумагу почерневшим кривым когтем.

Мог бы этого и не делать, я знал, что он явится в этом, хорошо знакомом мне образе. Столько времени простоял рядом с оригиналом в Картинной галерее...

— Жаровню, может быть, снимете с головы... Да и стрелу давно пора вытянуть из пуза, накапаете кровью мне на ковер. А он больших денег стоит. Так по крайней мере продавец утверждал. Перс.

— Не извольте беспокоиться, я ничего тут не испорчу. Мое тело, как вы надеюсь понимаете, состоит не из вашей материи. А перс ваш врал, ковер так себе.

— Из какой же вы состоите материи? Из темной, что ли?

— Именно. Точнее, из особенной, хтонической субстанции, как говорят наши магистры.

— Магистры? Это те, которые в желтом домике клизмы ставят?

— Те самые.

Он говорил, слегка потрясывая толстенным пупырчатым хвостом или удом, картинно разлегшимся все на том же ковре. Как огромная редька, живущая отдельной от ее владельца жизнью.

Позже я понял, что его явление в форме босховского демона было не уступкой и не изъявлением покорности, а своеобразным подарком. Видом своим он как бы говорил: Да-да, я — именно тот, кого ты вызвал. Кого ты всегда звал, не только вчера. Я — ответ на все твои вопросы. Твоя последняя надежда. Посмотри, я принял эту форму только для тебя, учитывая твоё положение и... хм... заслуги перед нами... хотя ты и не один из нас... Приятно побаловать смертного... посмешить... хотя, что тут смешного....

Очень лестно.

Я спросил его, хорошо ли он понимает по-русски. Ответ меня не удивил.

— Время тянете? Незачем. Я ничего от вас не хочу, упаси бог, кроме того, что вы сами хотите мне отдать, потому что вам тяжело нести эту ношу... Вы меня пригласили... не забывайте это. Да... мне все равно, на каком языке вы изъясняетесь... я понимаю все человеческие языки... а моя речь, как это

у вас говорят, автоматически переводится на язык моего собеседника. У нас, знаете ли в отделе переводов такие асы сидят... Гиены и крокодилы... Обзавидуетесь. Так что не трудитесь формулировать... не хитрите, отбросьте дурацкую риторику... я ощущаю и слышу все ваши мысли... эмоции... реакции... желания. Даже те, которые... как это... ну да, невысказанные... и даже вами не осознанные. Да-да, вы можете оторвать мне голову или руку... Но вы стоите передо мной обнаженный... я вижу вас насквозь... вижу кости и кристаллики соли... бляшки в сосудах... камешки в желчном пузыре... пора кстати вам позаботиться о здоровье и выбрать себе новое тело... спешите, завтра уже не сможете... знаю содержание тех ваших потайных мыслей, с которыми вы не делились ни с кем... которые вы даже бумаге не доверяли никогда... Не забывайте, в нашем мире все эти ваши... багатели... материализуются, и принимают любопытные формы... И поверьте, их лицемерие не доставляет мне никакого удовольствия. Все одно и то же. Вы, люди, удивительно скучные существа... даже если вы нашли философский камень... как будто природа или Старик, ах, простите, естественный отбор или высшая воля... неважно кто... всех вас по одним и тем же лекалам начертили... Вы, как это у вас называется... программы... Скучно не только ваше добро, скучно и ваше зло. Колода-то одинаковая. Ну, картишки, ясное дело, вы получаете при сдаче разные... Кто — талант, а кто и три, а другой — хреном по лбу...

— Держу пари, ваша колода не сильно больше нашей... Что же я могу предложить вам в ответ на вашу помощь, если вам все известно и вы все видите и слышите? Если у меня вместо бессмертной души — программа? А моя жизнь — для вас только партия в подкидного дурака? Мои карты — на столе. На кой черт вы тогда хлопчите, толкуете со мной про темную материю, если я не представляю для вас никакой ценности?

— Ха-ха-ха. Вы забыли про джокер... он-то и есть ваша главная ценность... И еще... смотрите повыше ваших домашних тапочек, мне ли вас учить... Пути Его неисповедимы. И намерения того, кто с обратной стороны тоже... да, того,

которого вы только называли Монсеньором... и умудрились довести до бешенства своим упрямством. Он играет в свою игру. А я только исполнитель... так что не будем тратить время на пустопорожнюю дискуссию... вот кстати и бумаженция. Текст короткий... Прочитайте, подумайте, поразмышляйте... а завтра вечером — подпишем, и дело в шляпе. Вы возвратитесь в свой мир и забудете обо всем, мне профит... Да, забыл сказать, прошу вас больше не просить меня надевать этот маскарадный костюм! Уж если вам так приспичило, согласен на рога, копыта и зубастую пасть. У нас на складе все это имеется в изобилии. Могу и черным пуделем к вам прибежать. Как у классика. Или Королем мух. Бегемотом. Не хотите? Ладно, ладно, шутка. Мы ведь с этим чудным образом так намучились, собирали по сусекам. Намудрил ваш мазила. Как будто специально для вас старался. Костюмеров пришлось пригласить придворных... а у них гонорары... не поверите... Позвольте выкинуть все это на помойку, а-то в животе бурчит как в кастрюле, голову жжет чертова жаровня, и стрела свербит?

— Валяйте.

И он тут же принял обличие невысокого смуглого мужчины в ковбойке и джинсах...

На голове его была техасская шляпа, на которой колыхалось роскошное петушиное перо.

Как же он был смешон!

И ты ждешь помощи от этого мелкого беса?

Он видимо прочитал мои мысли, нахмурился, сухо кивнул на прощание и исчез.

Растворился в воздухе.

Я мог бы его вызвать еще раз и наказать за невежливость, но не хотел возиться и не был уверен, что у меня получится.

Небольшой, исписанный вручную листок пергамента лежал у меня на столе. От него отлетали синие искорки. Не мог не потеатральничать, мерзавец...

Прочитал текст по диагонали. Написан так, как будто его писали авторы «Молота ведьм». Но содержание ясное. Придется подписывать. Ага, кровью.

Ужас на заброшенной фабрике

Началось это, новое, лет двадцать назад. Постэмиграционная прострация меня уже не мучила, а даже доставляла известное удовольствие. Мучило не раз описанное «раздвоение» оставившего родину невротика. Как ни пытался я соединить тело и дух, все напрасно... витал то в метре, то в километре от собственного тела. Зачастую и в другой стране или на другом континенте. Но кое чего я добился — оставленный московский мир и мой все еще мечущийся в нем двойник перестали тянуть меня к себе и являться в снах. Прошрое больше не догоняло меня, отстало... как бегун, вздумавший соревноваться с поездом... бежит, бежит по параллельной путям тропинке, потом сдает... теряет скорость... и вот, его уже и не видно за набежавшими холмиками, покрытыми кудрявыми деревцами. И непонятно, был ли он вообще.

Тогда и произошла «встреча». На заброшенной бумажной фабрике.

Неожиданная и непреднамеренная встреча непонятно с чем... унесшая в небытие мою подругу и разрушившая мою прежнюю жизнь.

Да, встреча... в месте, в котором ни я, ни какое другое живое существо из нашего мира ни при каких обстоятельствах не должно находиться. А я вперся туда... да еще и не один.

Жил бы себе и жил.

Нет, полез поперек батьки в пекло.

А все эта... моя тогдашняя... бедняжка Розы... Розмари Ким. Мягкая и обходительная дама, похожая на жену Ленона. Она уговорила меня съездить в замок Грабштайн. Хотя он пользовался дурной славой среди местных жителей, и она это знала. Проклятое место.

В воскресенье поехали.

Подмораживало уже, но желтые и красные листочки еще не опали. Красиво было и свежо.

Мне ехать не хотелось... лень... хандра...

Неохота было загонять гуляющий где-то в Тоскане дух в телесного болвана. Сбираться... одеваться... Поехал только

потому, что не было сил отговаривать Розы от поездки... да и наш полумертвый город опустылел.

Розы вела свой маленький желтый фольксваген с гордостью и удовольствием. После Объединения она заработала достаточно денег не только на машину, но и на небольшой домик с гаражом на окраине, и на многочисленные туристические поездки по всему миру, в которых я ее иногда сопровождал, и даже на шмотки от Христиана Диора, которые покупала в Париже. Для дочери беженцев вовсе не мало. Хотя и домик и автомобиль были куплены в кредит.

А я и этого себе позволить не мог. Гражданство сменил, но так и остался Обломовым. Только без имения и капитала. Тратить жизнь на такие мелочи...

Ехать недалеко, минут сорок... по проселочным дорогам.

В пути Розы восхищалась осенними саксонскими ландшафтами, и впрямь красивыми, но меланхоличными... лишенными чего-то главного... рассказывала мне что-то о замке... из путеводителя, который она сама и составляла.

Я дремал. Наслаждался тем, что завтра не надо идти на работу, думать о нудных и бессмысленных делах... Летом закончился мой контракт с городским Музеем, а следующий начинался только через полгода.

С трудом разлеплял веки, когда Розы будила меня, чтобы показать очередной «уютный саксонский уголок», старый домик, «похожий на пагоду» или дерево, «трепещущее в бледном золоте осени».

...

Приехали. Запарковались недалеко от замка.

Часовую прогулку по его недрам я описывать не хочу, тошно. Одно и то же... люстры из рогов убитых оленей... пыльные сундуки, резные комоды, скромный алтарь-триптих из закрытой полстолетия назад церковки неподалеку, несколько чудом уцелевших реликвий в серебряных футлярах, печки с синими и зелеными изразцами, доспехи, алебарды, портреты господ с охотничьими трофеями, шпалеры, фрески...

И висячие сортиры.

Представьте себе, господа, вы делаете свои дела, рискуя провалиться в пропасть, а моча и экскременты растекаются по благородной стене вашего родового замка. А как же жители нижних этажей? Читал, не помню где, что воняли эти «рыцарские замки» так, что владельцы, пожив годик в одном замке, оставляли его, переезжали в другой, потом в третий... А холопы их годами чистили стены, выгребали завалы. Здорово придумали графы и бароны!

Пока ходили по замку, думал о мифическом проклятии. Ничего зловещего не заметил и не почувствовал. Все было как-то убого... чувствовалось, что замок часто перепродавали и очищали от всего ценного новые хозяева.

Рози торжествовала, забралась в бывшую графскую кровать с ногами, когда смотрительница вышла. Подруга моя была маленького роста, но даже для нее эта помпезная деревянная кровать была коротка. Рыцари видимо были лилипутами.

Испытал облегчение, когда мы вышли наконец на воздух. Захотелось посидеть, выпить кофе...

В маленьком замковом дворе помещался ресторанчик... там подавали пиво и мясо дикого кабана, которого тут же на огромном вертеле жарили два актера в средневековых одеждах палачей — обтягивающих полосатых трико и зловещих курточках с характерными разрезами. Палачи то и дело поглаживали свои огромные бутафорские мечи, обменивались скабрёзными шуточками и поддразнивали туристов. Видимо, считали, что это придает больше достоверности их роли. Рядом с ними плясали несколько шутов с бубнами в руках... а роскошная красавица-блондинка в розовом платье играла на лютне.

Рози заказала себе сливовое пирожное с взбитыми сливками и кофе. А я оскоромился... еще и кружку темного радлера выпил. Веселиться так веселиться!

Кабанину подали с тушеной морковью и сельдереем. Вкусное мясо, но жестковатое.

За средневековое сопровождение с нас содрали вдвое больше, чем все это стоило.

Поковырял в зубах. И опять задремал. Несмотря на лютню и бубны...

Но с Розы разве поспишь? Потащила гулять по окрестностям.

Если бы мы после еды домой поехали, судьбы — и ее и моя, сложились бы иначе. Хотя, кто знает, может быть мы бы в автомобильной аварии погибли. Или умерли бы вечером от заворота кишок. Розы еще вчера испекла ореховый торт. Очень жирный.

...

У Розы была с собой камера, тогда еще не цифровая, обыкновенная, мыльница. И ей захотелось непременно сделать хорошую фотографию замка для малотиражной экологической газетенки, выпускаемой в городе чахлой Зеленой партией. «Чтобы и свет, и тени, и вода, и стены, и башенки... все было видно... и чтобы замок торчал и гремел как колокол на фоне синих небес». Так она говорила, моргая своими милыми раскосыми глазками.

Стали искать подходящее место. И быстро поняли, что лучше всего сфотографировать замок с третьего этажа заброшенной бумажной фабрики на другой стороне реки.

Перешли реку по висячему мостику. Мостик качался, как бы предупреждая, но мы не поняли его сообщения.

Я рассказал Розы дурацкую советскую шутку о том, почему лучше строить мост вдоль, а не поперек реки, она долго хохотала.

Шалила и радовалась жизни.

Я шел за ней и пытался не отставать от самого себя.

Подойти к зданию фабрики было нелегко. Его окружал высокий забор с колючей проволокой. Нашли дырку... видимо подростки пробрили... топорами что ли...

Или бездомные. Над проходом кто-то провидчески написал на стене: Тут плохо. Вам тут не место! Катитесь!

И нарисовал по-декадентски вытянутый череп. А на нем маленькую мышку с скрипкой в лапах. Мышка грызла свою скрипку. Внутри скрипки кто-то сидел, виден был только один глазок, с ужасом смотрящий на мышку из резонаторного отверстия на деке.

Вышли на густо заросший кустарником фабричный двор. Похоже, фабрику эту закрыли сразу после войны. Я заметил несколько не заделанных пробоин от снарядов. Из трещин на старом асфальте выросли высокие деревья. Несколько березок ухитрились прижиться на изрядно потерпевшей от дождя и ветра крыше.

На обшарпанных стенах фабрики висели таблички с надписями.

Вход в здание фабрики строго запрещен!

Карается законом!

Охраняемое культурное наследие свободной земли Саксония.

Не входить! Опасно для жизни!

Я почувствовал присутствие чего-то необычного, необыкновенно мощного.

Нам бы бежать оттуда, сломя голову...

Но мы пошли дальше.

Во мне пробудился азарт кладоискателя.

— Слушай, Роза, ты ведь сама мне рассказывала, что в замке нашли сокровище. Старый владелец спрятал кучу золота, картины, статуи и фарфор перед тем, как от русских драпать. Замуровал ценности, хитрец... Наверняка эта фабрика тоже ему принадлежала. Может быть, он тут второй клад спрятал? Ценные бумаги, серебро, платину. Власти это знают, поэтому эту дурацкую кирпичную коробку и не сломали до сих пор... забором огородили, боятся, что «черные копатели» клад найдут и тайно вывезут. Или наследники выроют и твоей любимой Саксонии не достанется ни пфеннига.

— Клад тот, в замке, после Объединения отдали наследникам. Хотя местные власти и сопротивлялись как могли. Судились. Так что, был бы второй клад — его бы уже откопали. Гляди, вон там толстенная доска отбита...

Протиснулись внутрь.

...

И опять... не было ни страха, ни даже опасений... только волнующее чувство присутствия чего-то крупного, полного энергии, может и не от мира сего. Я ощутил прилив сил, сон-

ливость исчезла... хотелось танцевать... пробежался туда-сюда как молодой ослик по огромному пустому пространству бывшего цеха... пространству, залитому светом, льющимся из доброй дюжины огромных двойных окон, прорезанных в стенах. Танцевал и искал глазами сокровище, что конечно было глупо.

Посередине цеха стоял ряд тонких металлических колонн, на которые опирались слегка вогнутые рельсообразные металлические балки. Сводчатый потолок напоминал внутренность коробки шоколадных конфет. Цех производил впечатление добротности, не без инженерного и архитектурного изящества сделанной производственной машины. Клад я не нашел, но обнаружил громадные весы... несколько ржавых платформ на колесиках и колоссальных размеров ванну.

Я заметил, что и моя подруга воодушевлена и ведет себя как-то странно.

Сорокапятилетняя Роза прыгала по залу как юная козочка и напевала какую-то корейскую песню... До этого, я ни разу не слышал, как Роза поет на своем родном языке. Контральто.

Потом она вдруг села на корточки. Лицо ее сияло... руки она сложила на груди ладонями вверх. Будда?

Я подошел к ней и ласково похлопал ее по плечу.

Мы нашли лестницу и начали подниматься.

Лестница зияла жуткими провалами...

...

Зал-цех на втором этаже выглядел точно также, как и на первом.

Поднялись на третий. И тут все то же. Окна. Свет. Пустота.

Но что-то было не так. Усилилось чувство присутствия чего-то чужого, ужасного, астрономически мощного... и уже через несколько мгновений это чувство стало невыносимым. В ушах сухо зацелкали электрические разряды, а в глаза по громадным готическим сводам полетели сотни сине-розовых шаровых молний.

Перед нами... из ничего... возникла зыбкая, как бы сделанная из живого серебристого металла, конструкция. Чем-то она напомнила биомеханические скульптуры шестидесятых. Роза затряслась и заскулила. Я окаменел.

Через мгновение конструкция пропала с резким щелчком.

Рози как загипнотизированная отошла от лестницы... сделала всего несколько шагов... и перешла невидимую границу... оказалась в зоне действия того... страшного.

Ее тело затянуло в мясорубку.

Непонятная сила подхватила ее и повесила в воздухе... ее одежда и обувь слетели с нее, осыпались искорками... и несчастную голую Рози растянуло на всю длину зала как сосиску, потом, с невероятной скоростью сосиска эта завязалась странными подвижными узлами... затем стала плоской... а в воздухе повисла сложная математическая фигура, состоящая из нескольких листов Мёбиуса, переплетенных и пульсирующих.

Через несколько секунд она схлопнулась со страшным треском.

Опять появилась серебристая конструкция...

Затем все пропало.

Залитый светом зал бывшей бумажной фабрики был пуст.

В воздухе пахло так, как пахнут электромоторы...

Сам не знаю, почему, я погрузился в эйфорию, как после интенсивного оргазма.

Ошарашенное сознание и сметенные чувства не поспевали за реальностью.

Борясь с неожиданным приступом тошноты, я шагнул назад к лестнице и присел на каменный пол.

Подруги моей я больше никогда не видел. Тогда я это еще не осознал и не скорбел по ней.

...

Разумеется, я пытался объяснить себе, что происходит. Но не мог.

Я никогда не увлекался мистикой и научной фантастикой, но видел кое-какие художественные и документальные фильмы... поэтому предположил, что нахожусь не в бывшем цеху бумажной фабрики, а внутри какого-то, неизвестного человеку магического устройства...

Космического дезинтегратора материи?

Портала межгалактической связи?

Или попросту — у входа в ад?

Но это, увы, было не так. Сейчас я с уверенностью могу это утверждать, потому что за последующие двадцать лет пережил много-много чего. Этот зал не был чем-то, что можно описать подобными продуктами человеческой фантазии... он был и есть нечто неопределимое и непознаваемое... то, о чем мы смутно догадываемся в детстве... иногда даже видим просвечивающие сквозь обыденность странные серебристые контуры той самой загадочной конструкции... ощущаем ее присутствие...

В зрелые годы мы теряем способность видеть и чувствовать сверхъестественное...

И даже не ощущаем это как потерю, как драматическое отсутствие чего-то, быть может, самого важного в жизни... без чего существование является ущербной пародией на само себя.

...

Последнее, что я видел на третьем этаже бумажной фабрики, было неожиданно возникшее на стене между ближайшими ко мне окнами голографическое изображение ног женщины. Откуда оно взялось?

Картинка была большой... метра два с половиной в высоту. Женщина походила на Розы... но это была не она... лицо ее скрывала страшная маска, превращавшая эту нагую женщину в чудовище.

Образ этот преследовал меня еще несколько лет после происшествия на фабрике. Являлся, то тут, то там. Я не знал, что манифестирует эта женщина, что она для меня... наказание... напоминание... сигнал.

Изредка я вижу ее и сейчас.

Голографическая «Розы» смотрит на меня из окон домов, с рекламных плакатов, я вижу ее на фасадах домов, в арках и проходах, даже на стенах церквей и экране монитора.

...

Я вышел из здания фабрики, пролез через дырку в заборе, побрел к осиротевшему фольксвагену. Надо было позво-

нить в полицию, назваться, все им честно рассказать... Мобильника у меня еще не было, но на парковке стоял уличный телефон-автомат.

Честно рассказать?

Кто бы мне поверил? А стал бы настаивать... заперли бы в дурдоме. Навсегда.

Поэтому я повел себя трусливо, но как показало будущее, правильно.

Подъехал к дому Розы, открыл двери ее гаража, закатил туда машину, прошел через дом к входной двери и вышел. Перед этим включил свет на кухне, спальне и в коридоре. И съел два куска орехового торта.

Домой добрался на автобусе.

Ночью сжег воскресную одежду и обувь в цинковом корыте. Сбрил бороду и шевелюру. Остриг ногти. Хорошенько вымылся. А через два дня подал в полицию заявление о пропаже Розы.

Перед этим два раза приезжал к ней домой. Оба раза заходил внутрь дома и оставался там несколько минут. Пил кофе из двух чашечек.

На допросе в полиции показал, что, да, в последний раз видел Розы после возвращения из совместной поездки в замок Грабштайн в ее доме, в воскресенье. Да, обратно вел машину сам, привез ее домой и ушел. Вышел из ее дома, побежал к подходившему автобусу. Да, на звонки не отвечает... да, у меня есть свой ключ, и я заходил к ней домой, но там Розы не обнаружил. Нет, с пропавшей фрау Ким мы не ссорились, да, у нас была интимная связь, но никаких брачных или имущественно-финансовых отношений не было. Мы были хорошими друзьями и только, жили порознь. Нет, насколько я знаю, детей у фрау Ким нет, а родители умерли. Да, она работает в бюро одна. Без секретарши. Нет, с ее работодателями в Бундестаге я не связывался, но думаю, если бы она была в командировке, позвонила бы. Нет, ни на какие вещи или средства Розы я не претендую... да, дом и фольксваген принадлежат ей, нет, ничего не знаю о ее акциях. Да, у меня нет своего автомобиля, но есть велосипед, которым я давно не пользуюсь. Да, ключ от ее дома готов отдать полиции.

Один из дознавателей, не помню, как его звали, сказал мне, когда мы были одни в комнате: Я не верю ни одному твоему слову. Тебя спасло только то, что деньги, драгоценности и акции фрау Ким оказались на месте. Если мы найдем хоть одну, крохотную улику, посадим тебя как убийцу.

Мне захотелось с ним поиграть.

— Может быть, вы мне назовете мотив... у нас с фрау Ким не было большой любви, но не было и разногласий... разве что... меню на завтрак, она, знаете ли, обожала ливерную колбасу, а я терпеть ее не могу. Зачем же мне убивать ее? Из-за ливерной колбасы? Поверьте, я обычный человек, хоть и родом из России, никаких зловещих тайн у меня нет, мертвецов в подвале тоже... Я не умею лгать, у меня нос дергается.

Следак тяжело посмотрел на меня и повторил: Не верю ни одному твоему слову. Ты психопат, мог убить и без мотива. Я это чувствую. Просто так убил. Для удовольствия. А потом навертел самому себе черт знает что... искусствовед. Но меня ты не проведешь. Будем проверять все мелочи... Кое-что у нас уже есть, но для предъявления обвинения этого недостаточно.

— Что же у вас есть? Или секрет?

— Почему секрет. У нас секретов нету. Соседка видела, как машина в гараж въезжала. Но сидел в ней — ты один. Опознала по фотографии. Куда тело спрятал?

— Может, Розы пригнулась... и соседка ее не разглядела...

— Не рассказывай сказки. Вот подписка о невыезде. Распишись и проваливай.

...

До процесса дело так и не дошло.

Но «встреча» на бумажной фабрике не осталась для меня без последствий.

Первые месяцы мне сильно не хватало Розы... Она привносила в мою жизнь порядок и доставляла мне много радости. Теперь мое психическое равновесие было нарушено, и я начал разрушать сам себя... начал опять нюхать кокаин... Но с этой напастью я справился сам...

В полицию меня вызывали еще раз десять. Кто-то из ментов рассказал о пропаже Розы прессе, желтая городская

пресса опубликовала ее фото. И мое. Несколько раз мне пришлось отбиваться от назойливых газетчиков, кричащих: За чем вы убили вашу любовницу? Где спрятали тело?

В городе шептались. Некоторые знакомые женщины перестали отвечать на мои звонки и здороваться. Мужчины относились ко мне как к опасному психопату, что, впрочем, не мешало им заводить со мной шапочные знакомства. Позвонил референт из городского Музея и сообщил, что мой контракт не продлят, а несколько художников отозвали в письменной форме приглашения выступить на открытии их выставок.

Напоследок все тот же мрачный дознаватель официально объявил мне, что дело прекращено. А потом добавил от себя: Я своего мнения о тебе и этом деле не изменил. Подожди, когда-нибудь мы найдем труп... или ты еще кого-нибудь убьешь, и мы тебя уличим и посадим. Сгниешь в тюрьме...

Я ответил, что в настоящий момент никого убивать не собираюсь, но если опять подружусь с дамой, любительницей ливерной колбасы, то за себя не ручаюсь.

Следак так на меня посмотрел, что я тут же заткнулся и поспешил покинуть неприятное здание городской полиции с немецким вариантом «рабочего и колхозницы» на фасаде.

...

На самом деле мне было вовсе не до шуток. Меня мучило не только отсутствие Розы, к которой за три года знакомства привык как к пуховой подушке, и потеря работы.

Проклятый «дезинтегратор», как я сам для себя начал для простоты называть серебристую машину, убившую мою подругу на фабрике, опалил меня своим излучением — и мне вдруг открылось то, что обычно от человека скрыто. Для его же блага.

Я видел и слышал странные, страшные вещи и получил способность иногда изменять действительность. Моя жизнь больше не была линейной последовательностью минут и часов, меня то и дело «кидало» в различные реальности, принадлежащие неизвестным мне мирам. Единство моего «я» было нарушено.

Во время разговора с враждебным мне полицейским, я явственно видел небольшого красноватого дракона, кусающего его сердце. Дракон этот заметил мой интерес и гадко подмигнул мне свои вараньим веком.

Пройдя через стеклянные двери магазина «Реве», оказывался не среди арбузов и дынь, салатов и готовых мясных блюд, а среди темных песчаных дюн, по которым ползали неизвестные мне существа с геометрически правильными прямоугольными телами...

Супрематизм на печке...

Не раз я просыпался ночью не у себя в кровати, а стоя рядом с очевидно неземным конвейером, подвозящим ко мне голые, как бы резиновые, куклы, похожие на людей, скрещенных с лягушками и страусами. Моей работой было — оживлять их наложением рук на их головы и произнесением специального заклинания-мутабора...

Существа эти, ожив, соскакивали с движущейся ленты и отправлялись на заправочную станцию, пить керосин. И меня звали с собой. И я кивал им своей лягушачьей головой, вздымал вполне человеческие руки и переступал с одной страусиной ноги на другую.

Молоденькая и застенчивая девушка по вызову Менди превращалась во время коитуса в злобно рычащего и уродливого неандертальца мужского пола, и мне приходилось спешно выбегать из спальни, дрожа от страха. Когда же я через несколько минут приходил назад, прелестная Менди спрашивала меня: Милый, почему ты остановился как раз тогда, когда у тебя начинался оргазм? У тебя еще остался снежок?

Реликвия

Я не злодей. Однажды в июне мне удалось с помощью телекинеза предотвратить лобовое столкновение двух скоростных поездов.

Я сидел на лавочке на любимой яблонево аллее и наслаждался видом расцветающих деревьев... почувствовал что-

то... и понял, что на пролегающей метрах в четырехстах от аллеи железнодорожной ветке через несколько секунд произойдет катастрофа.

Мне удалось понизить скорость обоих составов... остальное доделали насмерть испуганные машинисты. Вы бы видели, как изумленно они глядели друг на друга из стоящих нос к носу локомотивов!

А я смотрел на лишенных добычи ангелов смерти, летающих вокруг да около как стая стервятников, согнанных с трупа буйвола голодной львицей.

Один из них подлетел ко мне, приняв вид голубого волнистого попугайчика. Несколько раз облетел вокруг головы. Я понял, что он хочет, поднял руку, и он сел на мой согнутый указательный палец, посмотрел на меня лукаво, несколько раз клюнул руку, и прошептал: Это не пройдет тебе даром! Не пройдет! Мы отомстим. погоди, попляшешь как уж на сковородке! Не пройдет... не пройдет... уж... родке...

Улетая, он повторял свою угрозу.

Я потерял его из виду, но там, где он исчез, в небе появилось что-то вроде темного кольца, и это кольцо увеличивалось и приближалось ко мне. Вскоре я услышал яростный клекот тысячи птиц, из которых это кольцо состояло. И вот... это уже не птичье кольцо, а огромная, спускающаяся с неба, сковорода. А у меня... исчезли руки, тело вытянулось... я стал ужом, попытался ускользнуть... но кто-то крепко схватил меня за бока и бросил на сковороду, прямо в кипящее масло.

...

Не знаю, долго ли длилось мое мучение... очнулся я на перроне... по путям рядом со мной мчался товарный поезд... цистерны... в двадцати сантиметрах от меня бешено выла и свистела смерть... всжи-всжи-всжи... она влекла меня к себе.

Нашел в себе силы отойти от края. Прошелся по платформе, огляделся. Место какое-то необитаемое... длинный барак, с одной стороны до крыши заросший кустарником, еще один барак, вросший в землю, электрические мачты, провода... метрах в двухстах — развалины старинной башни... сердце сдавило. Неужели меня закинуло в Россию? Это хуже ско-

вородки... Прочитал название станции — Розенхайм. Отлегло. Обознался. Изгаженная русскими гарнизонами Саксония тогда еще местами выглядела как моя покинутая родина.

Задумался. Голова работать не хотела. С трудом вспомнил, что Розенхайм — это небольшой городок, на окраине которого на скале, нависшей над речкой Полдау, и стоит этот чертов замок Грабштайн. И смотрит окнами на бумажную фабрику. Неспроста я тут...

Решил идти к замку.

Вышел в город по подземному переходу.

Городок как городок. Двухэтажные аккуратные дома. Рыночная площадь... ратуша не без претензии... кирха с колокольней... а где же люди то? Никого на улице нет. И огня не видно. Только подумал и сразу наткнулся глазами на мигающую огоньками вывеску с улыбающейся свинкой: Мясная лавка Мюллера. Внутри виднелся продавец в белом халате и заливчатской шапочке.

Вошел, поздоровался... пахло в магазинчике хорошо, свежей ветчиной... продавец симпатичный... чисто. Купил вареную сосиску с булочкой. Мясник спросил меня, с чем я хочу ее съесть.

— Нет, не надо ни горчицы, ни кетчупа, вкус отбивает... да, заверните в салфеточку, я съем ее по дороге в замок. Кстати, как к нему отсюда пройти?

Мясник, когда услышал слово «замок», перестал выглядеть симпатичным. Перекосил лицо... побагровел...

— Что тебе в нем надо? Потанцевать захотел? Хочешь что-нибудь украсть, ты, русский? Может быть тебе лучше на бумажную фабрику сходить? Там тебя уже ждут.

Я не стал выяснять с ним отношения, ушел... Пожелал ему мысленно превратиться в свинью.

Представил себе мысленно карту, сориентировался по Солнцу, и пошел на юг. И уже через минуту увидел силуэт замка. В дымке.

Из оставленной мной лавочки еще долго доносилось хрюканье и визг.

По дороге не встретил ни одного человека. Но видел несколько автомобилей. Из одного из них на меня смотрела Роза.

Входной билет в замок мне продала знакомая смотрительница, соскучившаяся видимо по людям.

— Вы сегодня первый посетитель. Ресторан закрыт на ремонт, и к нам никто не идет. А где же ваша жена? Такая обаятельная женщина... Я ее и вас запомнила... тогда уже подумала — эти люди придут еще раз. Ах... боже мой, что же я говорю... простите... я знаю... тут была полиция... и в газете... Мне что же... надо вас бояться?

— Это как пожелаете. Разрешите представиться, Антон Сомна. Бывший москвич... путешественник по нижним мирам. Работал в городском Музее, охранял мебель Ван де Вельде на вилле и экскурсии водил... так что я ваш коллега. Пришел проведать ваше собрание... А в газетах — все врут. Фрау Ким не была моей женой, я не крал ее бриллианты, не рубил ее топором, не расчленил тело и не прятал его в заброшенной шахте в Рудных горах рядом с Янтарной комнатой. Я поджарил его и съел за обедом. А сюда притащился в поисках новой жертвы...

— Ах, боже мой!

— Извините за неуместную шутку, я совсем забыл, что саксонцы слишком долго жили под советскими и потеряли чувство юмора. Уверяю вас, я совершенно безвреден... только вашего мясника в свинью превратил...

— Верю-верю. Его не надо превращать... он и так... А я кстати не саксонка... приехала сюда уже после Объединения. Я родилась в деревушке на севере... под Фленсбургом... вы еще в наших диалектах не разбираетесь, а местные сразу узнают... Я Анна. Анна Флеминг.

— Очень приятно. Ну что же, госпожа Флеминг, проспектик я ваш уже читал, посоветуйте мне... между коллегами... что мне у вас повнимательнее посмотреть.

...

Смотрительница обрадовалась, что кто-то нуждается в ее помощи и предложила провести меня по замку и «все подробно рассказать». Я от этой чести вежливо отказался, не терплю, когда кто-то мной управляет... посмотрите налево, посмотрите направо... объясняет... навязывает свою точку зрения...

пичкает ненужной информацией... Бедняжка вся съежилась и начала «своими словами» пересказывать мне то, что я уже знал... я ей не мешал... но и не слушал, что она говорит. Потому что вдруг вспомнил, что «встреча» состоялась, что я понятия не имею, как оказался на станции Розенхайм, что, возможно, я нахожусь не в замке, а в параллельной вселенной, а сексапильная фрау Флеминг совсем не та... не то, что я вижу перед собой. И тут, как бы в подтверждение моих слов, вместо смотрительницы возник мясник из лавки. Он был в кожаном фартуке, забрызганном кровью, в одной руке держал поросенка, в другом длинный тонкий нож... Мясник полоснул поросенка ножом, слизал кровь с лезвия лиловым коровьим языком и грубым низким голосом прорычал: Потанцевать захотел, русский? Приглашаю!

Подскочил ко мне, обнял, встал в позу и запрыгал со мной, как с куклой, в каком-то диком гопаке.

Стоило мне моргнуть и злое видение исчезло.

Смотрительница все еще рассказывала об экспонатах замка, а я стоял перед ней и делал вид, что внимательно ее слушаю.

Закончила она свой рассказ так: Обязательно обратите внимание на нашу знаменитую реликвию — палец святого Вита. В Саксонию этот предмет прибыл из Франции еще в девятом веке. Хранился в различных монастырях. Был куплен или отобран у монахов первым владельцем замка, рыцарем Дитрихом фон Арвеле в четырнадцатом веке. С тех пор хранился тут. Но никто этого не знал, потому что рыцарь спрятал свое сокровище в особом тайнике в капелле, вырубленной в базальтовой скале... Чтобы открыть тайник, нужно было вынуть тяжелый камень... После того, как в конце восьмидесятых годов тут нашли сокровище... да-да, то самое... весь замок обыскали, простукали, просветили рентгеном... и случайно нашли этот тайник... Мы специально не заостряем внимание публики и прессы на этой уникальной вещи, боимся, что привлечем воров... но на самом деле она — самый старый и ценный экспонат нашей коллекции. Да, кстати, сегодня — пятнадцатое июня, день свя-

того Вита... Раньше все в этот день танцевали. Найдете его под массивным стеклянным колпаком, в зале номер девять, в красном углу.

— А что, этот самый палец как-то связан с проклятием замка Грабштайн? Или это все басни для дошкольников?

Смотрительницу этот вопрос смутил. Ей явно не хотелось говорить на эту тему. Подумав минутку, она выпалила, очевидно воспользовавшись готовой формулировкой чужого авторства: Никакого «проклятия замка Грабштайн» не существует. Это выдумки распространяли среди местного населения сотрудники музея в начале двадцатого века. Чтобы привлечь публику. И преуспели. Даже вы, человек родом из России, слышаны о проклятии. Ну да, в замке за восемь веков его существования много чего произошло... кто-то видел привидения... были и убийства, и самоубийства, и смерти при загадочных обстоятельствах... но они произошли не из-за какого-то мифического «проклятия», а из-за тщеславия, жадности, ревности одних и бесправия других... И маленькая серебряная коробочка с тремя косточками и обрывком кожи, называемая реликвией святого Вита, не могла и не может конечно послужить причиной драматических событий.

Она была великолепна в своем возмущении.

Я решил использовать ее порыв и затронуть самую важную для меня тему. Постарался не выдать голосом волнение и жгучую заинтересованность.

— А что вы слышали о бумажной фабрике... той, что через реку? Имеет она какое-то отношение к замку и его проклятию?

Собеседница моя смутилась еще сильнее, миловидное лицо ее стало пунцовым, ручки сжались в кулачки... она бросала на меня разгневанные взгляды... еще немного и бросилась бы на меня и начала царапаться. Кошечка.

— Если я затронул запретную тему, не отвечайте.

Демарш мой запоздал. Госпожа Флеминг проговорила каменным голосом, не без сардонических модуляций: Не надо притворяться, господин Сомна. Наша сотрудница, не буду называть ее имени, видела, как вы пошли тогда после

посещения музея в сторону фабрики... А возвращались вы один. Без вашей жены... простите, приятельницы. На фабрике была полиция. Они там искали тело. Мы все это видели из окна и переживали. Может быть, бедняжка все еще лежит там, где-нибудь в подвале, а вы тут подлую комедию разыгрываете? Как это цинично! Уходите, или я в полицию позвоню.

— Звоните, я не против. Уйду, уйду, только для начала взгляну на витов палец.

Оставил смотрительницу в самых расстроенных чувствах.

Походил по музею. Нашел окошко, из которого по-видимому «сотрудница и коллега» подсматривала за мной и Розы. Дырка в ограде находилась с другой стороны здания, отсюда никак нельзя было увидеть, как мы зашли во двор. За фабрикой — еще какие-то заброшенные производственные строения, а дальше — парк, переходящий в лес. Тут искать и искать... Прочесали видимо парк и фабричные подвалы, если они вообще существуют, а на третий этаж и не поднимались... Потому что лестница неисправна... можно шею сломать...

Если бы они видели то, что я видел, со мной говорили бы иначе. Убили бы, чтобы молчал.

Неожиданно наткнулся на ту самую реликвию в красном углу...

Палец святого Вита. Это имя мне было известно, потому что я посетил в свое время собор его имени в Праге и прослушал там долгую нудную лекцию, которой потчевали туристов тамошние экскурсоводы. Не много осталось в памяти... мученик... юноша... красавец... убит во времена Диоклетиана... в чем-то его заживо варили, но он остался невредим, как они все... неужели в эту чепуху христиане верят... лев его есть отказался... потому что был сыт или Вит был невкусный... нет, больше ничего не помню.

...

Палец лежал в небольшой серебряной трубочке, долженствующей изображать эту крайнюю часть тела. Трубочка по-

коилась в открытой деревянной коробочке, обитой золотом. Все это — под стеклянным колпаком, действительно массивным, прикрученным к массивной же металлической витрине.

Ничего особенного!

Внезапно моя правая рука как-то неестественно дернулась.

Пальцы ее сжались в кулак, потом напряженно разжались. Потом то же произошло с моей левой рукой. Ноги — и тоже импульсивно, судорожно начали сгибаться и разгибаться...

На стене висела ржавая рыцарская палица. Без труда выдрал ее из крепления... и треснул по стекляшке, которая разбилась с жалобным писком.

Зачем я это делаю, не понимал.

Схватил реликвию и положил в карман... в голове мелькнуло — за порчу музейного имущества — год, за кражу реликвии — три. Надо было убегать... или идти в полицию с повинной. Вместо этого я, дергаясь как паралитик, вышел на свободную от экспонатов середину зала номер девять и начал там танцевать.

Танцем это назвать было трудно, но я танцевал. Корчась, гримасничая, неконтролируемо выбрасывая ставшие такими длинными руки и ноги, немислимо сгибая спину и шею...

Откуда-то прибежали два палача. Те самые, в пестрых трико.

Потом появились и шуты, и девушка с лютней, и рыцарь Дитрих фон черт знает что, и смотрительница...

Все они кричали, пытались схватить меня за руки...

Но ничего у них не вышло.

Я танцевал, танцевал, танцевал... прибавил скорости и задора, участил ритм и заплясал так быстро, что они меня перестали видеть.

Перед ними кружилось что-то вроде смерча, а когда он внезапно перестал вертеться, середина зала номер девять была пуста.

Пустая деревянная коробочка лежала на каменном полу.

Рождественский базар

Ральф намазал ломтик своего любимого, овсяного с отрубями, хлеба — сливочным маслом, а поверх масла положил чайную ложечку абрикосового мармелада... откусил немного, так, чтобы захватить мармелад, и начал медленно жевать.

Медленно жевать он привык во время голодного детства, которое устроила ему его помешанная на экономии и здоровом питании мать. Чем дольше жуешь, тем дольше длится потом ощущение сытости.

Глотнул любимого, ямайканского, с синей маской на глянцевой этикетке, кофе, черного, но с сахаром. Посмаковал... улыбнулся и благосклонно посмотрел на свою жену Лени, младшую его на двенадцать лет, и до сих пор, несмотря на свои сорок пять, привлекательную и худощавую... Надежную кобылку, на которой он проскакал последние, счастливые, после двух ужасных браков, закончившихся скандалами и унижительными для Ральфа решениями бракоразводного суда, четырнадцать лет. Бездетную, но оптимистичную, веселую и охотно экспериментирующую с ним в постели. Последнее время они предпочитали ролевые игры. Парафилия перерастала в нежное дурачество...

Сегодня утром Ральф изображал старого ворчливого плантатора, а Лени — разогревшую его холодную кровь рабыню, негритянку-малолетку. С психическими отклонениями. Она так билась, квакала и хрипела, что Ральф испугался и попросил ее быть потише...

А вчера — негритянкой был Ральф, а плантатором — Лени, которой для успешного завершения игры пришлось воспользоваться известным техническим приспособлением, крепящемся на талии... Ральф кричал искусственным детским голоском: Не надо, масса, не надо, мне больно...

А Лени не смогла удержаться... расхохоталась, и чуть все не испортила.

После катарсиса, впрочем, хохотал и Ральф...

— А не сходить ли нам на Рождественский базар? Что ты думаешь, милая? Как никак, сегодня первый день Адвента... И погода солнечная... Выпьем по стаканчику глинтвейна... посмотрим на этих идиотских щелкунчиков... на вертящиеся пирамиды... Жареной колбаски хочется пожевать...

— Я куплю тебе там наконец шерстяные носочки. Твои все с дырками.

— Вот, вот... купим носки, посмотрим на пирамиды, вина поьем... И еще я хочу купить грецкие орехи... килограмм пять... помнишь, в прошлом году покупали? Польские. Черненькие такие, но внутри — чистые, и в три раза дешевле наших...

— Ах, дорогой, я боюсь покупать пищевые продукты у этих людей... они какие-то грязные... говорят, они так нас ненавидят, что даже в тесто плюют, когда пекут хлеб на продажу в Германию... бог знает, что они в эти орехи насовали.

— Мне тоже самое говорили про официантов в Париже... Если они слышат немецкую речь, обязательно плюют в суп. Может, это все вранье? Хотя нас действительно никто не любит. А за что нас любить?

— Ах, не надо об этом. Надоело уже... И еще я хочу попробовать новые крепы, мне Сюзанна рассказывала, что наш доморощенный француз приготавливает, месье Леонид... с ванильным мороженым, брусникой, клубникой, ликером и ромом... Из каштановой муки.

Лени закатила глаза и зачмокала. Ральф заметил, что она опустила верхнюю, тонкую свою губу — на нижнюю, пухлую. По животу Ральфа прошла невольная судорога.

— Вот и изумительно! Я буду глинтвейн пить, а ты крепы есть...

Сказав это, Ральф встал, погасил свечу на рождественском венке, собственноручно сделанном трудолюбивой Лени, наклонился к уху жены и прошептал заговорчески: А сегодня вечером я хочу быть инопланетянином-насилыником... Грубым, дерзким и ненасытным...

— Клингоном? Тогда мне придется стать девочкой Сил из «Особи». Согласен?

— Ну нет, мне жалко твою спинку... оставайся сама собой, а я буду злобным греем.

— У греев кажется... глазки большие, а между ног...

— А у меня все будет ровно наоборот, голова маленькая, а член...

...

Начали собираться. Ральф был готов к отходу через пять минут, а Лени только через полчаса. Макияж, шляпка, сапожки... одну только сумочку выбирала минут десять... Женские заботы.

На базар решили идти пешком... потому что непонятно, где парковаться. Понаехали, небось, на своих паршивых Рено, пенсионеры из своих крысиных нор.

Пошли.

По дороге Ральф посматривал на фасады отремонтированных после Объединения шикарных домов, построенных в начале двадцатого века, и вспоминал, в каком плачевном состоянии они были во времена ГДР. Не только дома, но и мостовые, и фонари, и редкие в немецком мире неоновые рекламы, казалось, хвастались своей новой, добротной, надежной западногерманской плотью.

Оранжевые черепицы на крышах веселили глаза... а утробное ворчание мощных моторов БМВ и Ауди радовало уши и наводило на мысли о возможностях, подаренных историей бывшим водителям Трабантов и Вартбургов. Хорошо знающий своих соплеменников Ральф никогда не верил в то, что они смогут этими возможностями воспользоваться, но это знание уже не портило ему настроение. Сколько можно думать об одном и том же, терзать себя...

Старший сын Ральфа, Штефан с женой Синди умудрились выцыганить в банке кредит на открытие магазина сувениров. Получили деньги, сняли помещение на бульваре Брюль... компактное, удобное... купили мебель и товар... пригласили на открытие всех своих знакомых... дали объявление в местную газету... на радио... на открытии одетая в претендующее на «национальную» одежду безумное платье с воланами Синди раздавала детям конфеты и воздушные шарики, Штефан жарил

для взрослых нюрнбергские сосиски... выставил восемь ящиков пива «Курфюрст». Устроили беспроигрышную лотерею. Выигрышами были наборы для литья оловянных солдатиков.

Через год примерно они позорно обанкротились...

Ральфу пришлось доставать из тайного заглазника пятнадцать тысяч... иначе Штефана еще бы и посадили. Синди дала последние, отложенные на похороны, деньги старушка-мать.

Теперь Синди бухгалтерша в Мюнстере, куда ее увез новый муж, Михель, владелец авторемонтной мастерской при автосалоне. А Штефан начал было колотиться, потом завязал... и живет то ли в Канаде, то ли в Новой Зеландии. Валит лес или овец пасет. Отношения между отцом и сыном, и так неважные, после банкротства магазина сувениров совсем испортились... Ральф конечно не смог удержаться от нотаций и поучений... сын не хотел все это слушать. Даже за глаза обвинял отца в своих бедах. Потому что Ральф — работал в Ратуше... и, по мнению Штефана, был одним из тех, кто «придумывает эти правила и налоги». Он имел в виду правила аренды недвижимости и особые налоги, которые в Германии устанавливаются городскими администрациями.

Эти правила и налоги, как считал Штефан, и разорили его уютный семейный бизнес.

На самом деле, виноваты были не налоги, а полная неподготовленность бывшего гражданина ГДР, по профессии инженера-конструктора швейных машин, и его жены, недоучившейся журналистки — к ведению торгового дела. Но разве кто-то добровольно признает свои ошибки? Гораздо легче свалить вину на других. Это делают и частные лица, и партии, и правительства...

Ральф первые десять лет после Объединения работал в отделе образования и спорта. Работу эту он получил, потому что еще в студенческое время организовал в городе протесты против лишения Вольфа Бирмана гражданства ГДР. За это его выгнали из технического Университета. Через пятнадцать лет Ральф был обласкан новой властью.

Помогал школам поднять зарплату учителям, искал спонсоров для постройки стадиона и ремонта бассейна.

Зарабатывал поначалу немного, но затем, после того, как еще десять лет проработал директором «Фабрики культуры», в которой наряду с городскими административными учреждениями, библиотекой, галереей современного искусства, минералогическим музеем, театральной кассой и несколькими магазинчиками, была и своя кондитерская, и рыбная лавка, и два кафе, и три ресторана, и парикмахерская, и даже несколько отделений банков... вдруг осознал, что не знает, как потратить деньги. К тому времени он уже щедро помог всем родным и близким, и не близким... Решил, что пришло время тратить деньги только на себя и жену. Потому что жизнь проходит.

Купил фрак, Мерседес для себя и Тойоту для Лени, снял шикарную квартиру на Кассберге, с индивидуальным лифтом, подземным гаражом и террасой, подарил Лени золотые часики Ролекс за семь с половиной тысяч евро, а самому себе — за пять. Начал покупать кофе по цене тридцать пять евро за пачку. И маринованных угрей.

...

Семейная жизнь Ральфа удалась.

До настоящей пугающей старости было еще далеко.

Другие дети Ральфа — дочка и сын выросли и работали в Баварии. Раз в месяц звонили отцу.

На могиле его родителей красовался солидный мраморный памятник.

Работа нервировала в меру.

Отношения с бургомистром, бывшим одноклассником, были задушевными. Иногда, они даже пили вместе пиво в «Золотом петухе». Не все члены городского совета были его друзьями, но даже во врагах Ральф чувствовал интуитивную поддержку властной корпорации. Между собой они позволяли себе роскошь враждовать, интриговать, изредка и пожирать себе подобных... но для всех остальных — они были сплоченной группой управляющих, связанной множеством невидимых для непосвященного связей... Полулегальные

гешефты, совместные поездки... Лазурный берег, Сардиния, Гштад, Санкт-Мориц... дружба семьями... общие врачи... путаны... банки...

Ральфа приняли в Ротари-клуб и городскую масонскую ложу.

Было отчего радоваться жизни по дороге на рождественский базар...

Единственное, что омрачало прогулку, было нахлынувшее на него ни с того, ни с сего неизвестное до сих пор Ральфу чувство — ему вдруг показалось, что все, что он видит вокруг себя — как бы не настоящее. Не настоящий день. Не настоящее солнце.

Ролевая игра? Кого и с кем?

И ты сам — тоже не настоящий. А какой? Пластилиновый? Может быть.

Театральные декорации? — спрашивал он самого себя, глядя вокруг себя и посмеиваясь.

Нет. Тут небо и горизонт. Нарисованы? Слишком хорошо. Так не бывает. Все бывает.

Кино? Тоже нет. Скучно. Какой я герой? Никакой.

Сексуальная фантазия? Чья...

Нет, скорее, это описание в тексте. Неопределенное... безответственное...

И дома на заглавные буквы похожи. Даже не на наши...

Кто-то пишет про меня, — смутно догадывался он, — и он имеет власть сделать со мной и со всем этим... все, что ему заблагорассудится. Черт побери, до чего странное и неприятное чувство.

Эй ты, там...

Бедняге Ральфу стало казаться, что это чувство его охватывало в жизни не раз... что вся его жизнь приснилась ему сегодня ночью. Или — за несколько секунд до пробуждения.

Кризис среднего возраста?

Ипохондрия своего рода?

...

Как раз тогда, когда Ральф и Лени, оба высокие, стройные, импозантные, в длинных дорогах пальто, Ральф с бело-

снежным шарфом, Лени с огненно-красным, подходили со стороны Кассберга к Рыночной площади, на которой располагался базар, произошло нечто... что отвлекло Ральфа от неприятных мыслей о пластилиновом мире, но заставило вспомнить от ужаса.

В длинном и узком окне городской Ратуши Ральф увидел нагую женскую фигуру с отвратительным лицом. Огромный нос начинался на лбу, а заканчивался на подбородке. Глаз и губ видно не было.

Ральф решил, что он окончательно и бесповоротно чокнулся. В отчаянии спросил Лени: Посмотри на башню... над Роландом, в окне... видишь фигуру? И тебе, вообще... не кажется, что все ненастоящее?

В это время они как раз входили на базар через щедро украшенные разноцветными лампочками ворота, через которые можно было бы провести боевого слона. Лени уже нашла глазами палатку с носками и чулками... и рвалась к ней. Поэтому она не приняла всерьез слова мужа и даже не взглянула на башню.

Ральф уже пожалел, что спросил жену... зачем ее мучить... отпустил ее с миром и зажмурился...

Затем посмотрел на башню еще раз... вот Роланд... вот и окно... пустое!

Померещилось...

Ральф погладил свою красивую седую голову со стрижкой ежиком, ему почему-то захотелось закурить, хотя он не курил уже лет тридцать.

Ну, голова у меня настоящая...

Понюхал воздух. Пахло жареными сосисками.

И воздух настоящий. И нос.

Подошел к Лени. Та перебирала и щупала бежевые и темные носки, соединенные вместе в три или в шесть пар.

И носки настоящие!

— Милая, я пойду, поищу глинтвейн и орешки...

— Только не уходи далеко, если потеряемся, я позвоню.

— Хорошо. Но я не взял с собой мобильник. Иначе заму-
чают звонками.

— Тогда встретимся у большой пирамиды. Ее отовсюду видно.

Ральф отошел от носочного киоска, прошел метров двадцать пять и вдруг застыл как вкопанный. У небольшой палатки с глинтвейном.

Та же страшная нагая дама с огромным носом как ни в чем не бывало разливала в белые фарфоровые кружечки горячую черную жидкость, пахнущую перегаром и корицей.

Нет, все-таки театр!

Посетители базара забирали свое пойло... платили ей, получали сдачу... так, как будто у нее обычное человеческое лицо, а не чудовищная образина... как будто она нормально одета. Вероятно они видели ее иначе, чем Ральф. И именно это, а не ее нагота и безобразие испугали его. Он не хотел становиться отщепенцем-кверулантом, уродом-ясновидящим...

Еще меньше Ральф хотел бы стать героем пьесы. Надутым Гамлетом или озабоченным Фаустом. Он, особенно сегодня, и особенно тут, на рождественском базаре, хотел быть как все... хотел быть простым бургером, пришедшим на базар попить глинтвейна и поесть жареной колбаски...

Протер глаза, пощипал себя за худую жилистую руку...

И обратился к автору: У тебя совесть есть? Крути кино назад.

Горько посмотрел на небеса, потом малодушно скосил глаза в сторону и отошел от киоска с глинтвейном. Вернулся к Лени, которая как раз протягивала продавщице двадцать евро.

Продавщице?

Ральф поднял глаза... да, его страх оправдался... эта продавщица... это тоже было она. Жуткая нагая. Чудовище. И Лени не видела этого!

Ральф быстро повернулся к ней спиной и ахнул...

Все продавцы и продавщицы во всех киосках... все они были...

Болезнь прогрессирует, — подумал Ральф, — быстрее, чем я привыкаю к ее симптомам.

И тут же получил подтверждение этому.

Не только продавцы, но и все посетители базара, даже маленькие дети и старик в инвалидной коляске — превратились в эту... нагую фурию.

И Лени тоже.

Только он один оставался самим собой. Собой ли?

Поразительно, но все эти существа вокруг него продолжали делать то, что делали до своего превращения. Торговались, беседовали друг с другом о семейных делах, пили глинтвейн, что-то искали, находили... бывший ребенок все так же орал... а нагая на месте старика вертела колеса инвалидной коляски.

Лени-чудовище стояла рядом с Ральфом и держала в руках шерстяные носки.

Это уже слишком!

...

Затем этот странный, больной и неестественный мир стал на глазах у Ральфа разрушаться.

Вначале зашатался Роланд на башне. Гранитные его глаза раскрылись, он несколько раз моргнул, задрожал и отчаянно громко затрубил в рог. После чего упал и ушел под землю. Перед этим превратившись в огромную багровую букву «R».

Ушла под землю и пирамида.

За ними последовало и здание Ратуши и все окружающие рыночную площадь дома, ставшие строкой неизвестного Ральфу текста...

Зашатались киоски-слова... запрыгали как мячики-буквочки обнаженные женщины... все провалилось...

И вот... Ральф один на поросшем темным вереском поле, похожем на лист шершавой бумаги.

Солнце черное и в зените. Как распухшая точка.

Не слышно ничего, кроме завывания ветра и постукивания по клавишам.

Ральф понял, что жизнь его кончилась, и спросил непонятно у кого: Почему исчез мой мир? В чем моя вина? Ведь я не делал никому ничего плохого, только работал, любил, зарабатывал деньги и тратил их. Помогал близким. За что ты меня так наказал?

Никто ему не ответил.

Ральф глубоко вздохнул и закрыл глаза...

На листе появился печальный мягкий знак...

И тут же открыл их.

Прямо передо мной показалась и тут же пропала охваченная серебристо-фиолетовым сиянием машина, похожая на биомеханическую скульптуру.

Я сидел в огромном зале на третьем этаже бывшей бумажной фабрики.

В длинном пальто... на шее у меня был повязан белый шарф. Со стены на меня пристально смотрела безглазая голографическая Роза.

На дворе трещал цикадами июнь.

Я снова был в своем времени, в своем милом кошмаре...

Спустился по лестнице с провалами и направился на станцию Розенхайм.

Проходя мимо замка Грабштайн заметил, что из верхнего окна на меня смотрит смотрительница, прекрасная фрау Флеминг. Приветливо помахал ей рукой и послал воздушный поцелуй.

Вскоре услышал знакомое хрюканье из мясной лавки.

Еще два поворота, и я на станции. Тут подземный переход. Вот и платформа.

Подошел поезд.

Монсеньор

Вошел в вагон, поднялся на второй этаж. Занял свободное место у окна. Расслабился.

Состав мягко тронулся. Наддал. За окном понеслись назад полюбившиеся за годы жизни в Саксонии картинки — холмы, заросшие буками, аккуратно обработанные поля, деревянные башенки для охотников, современные великаны — ветряные электроустановки, с шизофренической плавностью вращающие свои белые лопасти.

Подремал минут пять... а когда открыл глаза, обнаружил, что напротив меня сидит непонятный человек в длинном лет-

нем пальто, украшенном небольшим значком в форме герба. Узколицый, породистый, очкарик. В маленькой феске песочного цвета.

Из-под пальто выглядывал характерный белый воротничок католического священника.

Руки у незнакомца были, как у многих представителей поповского сословия, неестественно белые. Кольцо на указательном пальце, тоже с гербом. Нос — длинный, тонкий, изогнутый. А глаза серые, спокойные. Но с потайной мыслью.

На ногах его вместо ожидаемых элегантных туфель — были популярные тогда роликовые коньки.

Неожиданно он заговорил. Баритон его отдавал в металл.

— Чудесный день, господин Сомна.

— Чудесный, чудесный. Только вот день ли это? Впрочем, не важно. Откуда вы знаете мое имя, падре на колесиках?

— А откуда вы знаете, что я священник? По одежде судите? Я могу вам и другой воротничок продемонстрировать... пеньковый.

На одно мгновение... человек в черном пальто превратился в ужасный разлагающийся труп, болтающийся на виселице. На голове его сидела синеватая ворона и клевала мертвецу глаза.

— Довольно, довольно, туше. Прошу вас не мучить меня подобными фокусами. Идите вон, к молодым девочкам, удивляйте их... а у меня нервы слабые.

— Знаем-с. Наслышаны. Хотя слово «нервы» пожалуй неуместно для того, кто прошел через третий этаж бумажной фабрики и остался в живых... Также как и «меня». Какого собственно «меня» вы имели в виду? Замученного вами до смерти Ральфа? Или любовника несчастной госпожи Ким? Что, труп так и не нашли? Вы все еще под судом? Или вам надоел этот криминальный сюжет, и вы его бросили, толком даже не начав? Или ваше «меня» относится к Дитриху фон Арвеле, дурацкую игрушку которого вы так нагло присвоили? Где она, кстати? В кармане? А может быть, поднимай выше, самого сиятельного императора Диоклетиана, великого гонителя христиан? Вы ведь недавно нанесли ему визит... изнутри, так сказать. И тоже, не без потерь для его казны...

— К дьяволу этого далмата, любителя капусты. Кстати, он не был таким уж плохим начальником... хотел империю восстановить, порядок... новый «золотой век» устроить... Термы построил недалеко от вокзала. Что вам от меня надо? Я устал, хочу поспать полчаса... Катитесь туда, откуда притащились, прямо в ад... А не то я вас в черную кошку превращу и на горящую крышу заброшу. А сам я приеду в город, пойду домой и приму ванну...

— В черную кошку на горячей крыше? Как оригинально. Ха-ха-ха. Ничего, ничего мне от вас не надо, любезнейший вы наш путешественник «по нижним мирам»... Мне — ничего, мне ни от кого ничего не надо... Ваш мир мне давно осточертел. Я такой же как вы — мне главное, чтобы меня не трогали... и я тоже хочу в ванну... книжечку почитать... того же Евсевия Кесарийского, доброго вашего друга... кости старые погреть... колено вот разболелось... старая история... но моему братству кое что от вас надо, да... оно меня и прислало... пришлось влезть в этот... в поезд... какая первобытная машина!

— Катитесь, катитесь, к черту, вместе с вашим братством! Не мешайте добрым людям дремать и в окошко смотреть.

— Добрым людям? Это вы — добрый человек? Или другие пассажиры? Весь ваш мир — только ложь и бутафория. Понимаю, вам лень концентрироваться после приключения на базаре, да еще и в чужом теле... Придется поработать за вас... Вы минутку назад обратили внимание на двух очаровательных невинных девушек... да, щебечущих там... в уголке. Как они прекрасны, какие точеные носики и подбородки... ботичеллевские волосы... совершенство, а знаете, чем они занимаются, когда... никого нет рядом? Как бы поприличнее выразиться... хм-хм... они лижут друг другу анусы... и... фу, как неаппетитно... испражняются при этом. И как страстно лижут! До беспамятства... И как стонут! А вы меня в ад посылаете. А он тут, всегда с нами... Под боком! Вон там, с другой стороны, видите солидного толстяка с мальчиком лет семи? Это папа с сыном. Ездили в гости к бабушке. Видите длинный такой сверток в сумочке? Это бабушкин подарок, духовое ружье. Чтобы внучек птичек мог пострелять... Папа — добрый чело-

век, владелец небольшой лавочки, продает ортопедическую обувь... а сынок его школьник, хорошист, поет в церковном хоре... Аве Мария вытягивает, что твой соловей... Добрые люди? А знаете, что этот папа делает в их расчудесной домашней сауне, когда мамы дома нет? Зовет туда сына... раздевает его... целует его алый ротик... смазывает вазелином ему... продолжать? И сыну это очень нравится... папа и друзей иногда приглашает в сауну...

— Катитесь к черту со своими соловьями и саунами! Вы вуайерист, а не священник! Пусть все делают, что хотят. Взрослые и дети. Вам-то что?

— Мне ничего! Вуайерист? Да! Но только по долгу службы... А воон там, в конце нашего ряда, видите... старушка шапочку вяжет... Добрая такая. Она отравила крысином ядом двух своих мужей... пыталась отравить и соседку, к которой приревновала любовника. Но та выжила. Как же ее жертвы мучились! А ей все сошло с рук. И никаких укоров совести, представьте... никаких... А напротив нее сидит такой умный-умный дяденька с усами... полный и важный... он действительно умный, успешный в прошлом писатель... социальные романы писал, по одному в год... с сюжетом и психологией... во времена ГДР он был «ИМ», стучал себе и стучал для Штази... да как квалифицированно... умно... всех друзей заложил... и знакомых... и знакомых друзей... и не покаялся... и с собой не покончил, когда его публично разоблачили... наоборот, он гордится собой... считает себя патриотом... уверен, что рано или поздно будет востребован и в новой Германии... и не без оснований... только, увы, еще до этого счастливого момента он умрет от удара... сразу после сытного ужина в ресторане... печально...

— Хватит, хватит тут разоблачать и проповедовать, все не без греха... К делу, пожалуйста.

— Вы так невежливы! Что же, к делу, так к делу... Мне поручили... хм... передать вам предложение принять участие в дискуссии... или в совете... в кругу избранных лиц... и для этого вы должны через час прибыть в Святую Землю... вот письмо, там инструкция... как и что... сами прочтите...

Он вынул из внутреннего кармана конверт, сверкнувший отполированной на нем золотой короной с зеленой змейкой, и подал мне.

— В дискуссии? Любое коллективное обсуждение напоминает мне свальный грех или комсомольское собрание. Единственным его результатом обычно является — неприязнь или вражда. Не знаю, почему говорю это вам, но для меня равно невыносимы и «вещание» гения... и «свободное демократическое обсуждение» проблемы в коллективе, члены которого всегда интуитивно ищут вождя-погоняльщика... и виноватых во всем врагов. Для того, чтобы отдать вождю свою свободу и поучаствовать в публичной казни... Или жертве.

— Ээ... потяни меня за палец... да вы еще и философ! Как вы разболтались... в поезде... с неизвестным... Прочитайте письмо, там все сказано... У меня нет больше сил и желания говорить с вами.

В его тоне слышалось раздражение и нетерпение. Он встал и лихо укатил от меня по проходу. Даже не попрощался. Вышел на следующей остановке.

Я положил письмо в карман и опять задремал. Посмотрел только на адрес отправителя.

Адреса не было, но отправитель был указан. «Братство святого Флориана».

Эти слова ничего для меня не значили.

...

Поезд подъезжал к городу.

С левой стороны от железной дороги улицы убегали вверх, на пологий холм...

Остроконечная колокольня, казалось, протыкала небо... на седлообразной вершине холма рос «Чижиковый лес», по узким тропинкам которого я часто катался на велосипеде. Однажды я повстречал там обнаженную женщину, игравшую на маленькой дудочке. Я посмотрел на нее с вожделием, а она превратилась в птицу и улетела.

С правой — пятиэтажные дома, толпясь и волнуясь, массивными жилыми каскадами спускались к городской речке,

параллельно которой мы ехали. Недалеко от реки стоял дом старинной постройки, на третьем этаже которого располагалось мое логово.

Но домой в тот день я так и не попал.

Неодолимая потребность заставила меня заглянуть в недавно отремонтированный вокзальный ватерклозет. После успешного посещения стерильной кабинки, без единой надписи на стенах... вышел в туалетный зал... но вместо покрытых зеленоватым кафелем стен и сверкающих писсуаров увидел перед собой готические своды, витражи и знаменитую «Розовую кафедру», с которой еще Лютер проповедовал.

Что за гротескная чертовщина?

Какая глупая сила кинула меня из вокзального туалета в городской собор? И зачем?

...

В соборе этом, в своей древнейшей, подземной части еще сохранившем несколько романских колонн с стилизованными львами, пантерами и райскими птицами на капителях, я разумеется бывал и раньше. Излазил его вдоль и поперек. Его внутреннее пространство не было испорчено барочными переделками, как это произошло со многими другими немецкими церквями. Стрельчатые крестовые своды звенели... колонны были собраны в пучки... на некоторых из них крепились статуи. С наружной стороны стены собора поддерживали мощные аркбутаны, опирающиеся на контрфорсы.

Во времена Реформации обезумевшие толпы сломали и сожгли в соборе все, что можно было сломать и сжечь. Вымели из храма вместе с ложными святынями и самого Сына божия и его Мать. Уничтожили труд поколений честных ремесленников — кузнецов, ювелиров, художников, резчиков по дереву...

Остались один на один с евангельскими текстами... и Лютером. Чертовы кретины!

Позже прихожане и клирики, сохранившие с риском для жизни немногие церковные сокровища, принесли их назад в собор... откуда их новой волной разрушения вымела 30-летняя война, эта бессмысленная, безумная бойня.

А еще позже с востока приволокся Иван и установил в городе сталинские порядки. Настоящие нацисты уже сбежали на запад, пришлось ему отыгрываться на оставшихся.

Слава богу, немецкая деревянная скульптура русских не интересовала... они и свою-то родную пожгли после революции, а на немецкую у них и времени не было, надо же было за молодыми немочками, часами, радиоприемниками и фарфорами охотиться... Одна знакомая старая немка рассказывала, что русские врываются в дома и кричали: Ури-ури!

Кроме русских побежденных германцев грабили в этой части страны — чехи и поляки, о которых та же знакомая говорила: Эти изверги еще хуже иванов.

И несмотря на все это — в соборе сохранились кое-где расписанные красками деревянные статуи... распятия, резной многостворчатый алтарь, несколько дюжин картин более или менее близких по стилю к работам Кранаха и его школы, знаменитая Пиета работы мастера Петера Бройера и легендарная «Розовая кафедра» с многочисленными фигурками из розового порфира...

Для меня собор олицетворял то, единственное, захватывающе интересное, что осталось в Германии от прошлых времен. Там, под готическими сводами, защищенный от современности толстыми холодными стенами по бокам и потертыми каменными и бронзовыми надгробьями под ногами, между миром мертвых и Небесным Иерусалимом я чувствовал себя самым собой, а не каким-то пошлым «эмигрантом», приехавшим в Европу поесть вкусные сосиски и потрахать немку, как думали обо мне местные.

Поэтому, оказавшись в соборе, я не растерялся, а занялся тем, чем всегда тут занимался — начал неспешный обход... медитативную экскурсию... подошел как обычно вначале к древнему деревянному распятию недалеко от главного входа.

Распятый Иисус был ужасен... к голове его был приклеен парик из настоящих человеческих или конских черных волос. Огромное, не пропорциональное тело висело на длинных тонких руках. Пальцы на руках отсутствовали, были как бы отрублены. Вены на руках и ногах баскетболиста вздулись.

Нарисованная кровь расплзлась струйками по всему измученному телу трехметрового гиганта. Выразительное худое лицо было искажено гримасой смерти... Я не удивился, когда услышал стоны, кашель... а потом и глухой голос статуи.

— Ты много раз спрашивал меня, что же произошло тогда, после моей казни. Пора тебе узнать правду. Ничего особенного... я умер... и воскрес... А теперь... посмотри на меня... на мое тело... если бы ты знал, как мне больно... как неудобно существовать в этой изъеденной жучками деревяшке... они грызут меня... проклятый терновый венец сползает на глаза... туристы пялятся по десять часов в сутки... Хочешь ли ты ТАКОГО бессмертия? А другого у меня нет.

...

В этот момент кто-то взял меня под руку. Это был тот самый священник. Только одет он был иначе... В пурпурную сутану. И все еще на роликовых коньках.

Он легко приподнял меня... и прокрутил вместе со мной рискованный пируэт. Как опытный фигурист. Затем поставил меня на пол. Перед глазами у меня все поплыло, но он не дал мне упасть...

— Вы, господин Сомна, я вижу, письмо так и не распечатали? Ну что же... тогда придется... Он подхватил меня и крутанул еще раз.

— Прошу вас, перестаньте! Иначе меня в храме вырвет. Вижу, вас за короткое время моего отсутствия повысили в чине! Как вас теперь называть? Ваше катающееся превосходительство, крутящееся преосвященство, бегающее высокопреподобие или святейшество на колесиках?

— Как мило! Если вам так хочется, зовите меня Монсеньором. А теперь... прошу вас не дергаться и слегка поджать ноги.

Он обхватил меня сзади, приподнял, и мы покатались... сквозь колонны и стены... и... как будто так и надо... вкатились в другой, незнакомый мне, храм-ротонду.

Внутри большого помещения, увенчанного грандиозным куполом с круглой дырой посередине, из которой лился яркий свет, стояло еще одно, небольшое здание, какой-то чудовищно неправильной, даже отталкивающей архитектуры.

В стенах его были пробиты эллипсоидальные отверстия. На его крыше было сооружено что-то вроде башенки с сильно сплюснутой луковкой.

— Это бредовое сооружение — Кувуклия, построена на месте склона скрытого холма, в котором по преданию находилась пещера, в которой похоронили Иисуса, — пояснил мой спутник. — Мы находимся в Храме Гроба Господня в Иерусалиме. Прошу вас вести себя тут соответственно.

Он подмигнул мне, повернулся к Кувуклии задом, задрал свою сутану, спустил нижнее белье и показал Гробу Господню тощий зад. Пустил ветры. Затем как-то неестественно быстро привел себя в порядок, стал опять благообразным и продолжил говорить.

— Встреча с членами Братства состоится в бывшей каменоломне или цистерне, там, внизу, где, согласно легенде, мать императора Константина Елена нашла Животворящий Крест. Тот самый, на котором распяли Христа. Всего нашли три креста. Всех их подкладывали к больным. Только один из них исцелял. Так-то.

Я, хоть и был слегка ошеломлен, нашел в себе силы и сказал: Это по-вашему «вести себя соответственно»? Вы вульгарны. Сильно же вы в него верите, если так ненавидите... даже странно. И еще — прошу вас в следующий раз использовать авиатранспорт. Катание сквозь стены мне как-то непривычно. Уши можно поцарапать...

— Ах, профессор, вы обознались, приняли ритуал моего сословия за мое личное отношение... И не забывайте, я должен верить в Его силу, в Его меч, потому что моя сила — есть только ее отражение, мой меч — только тень Его меча... да-да, тень, но этой тенью я могу превратить в пыль стены потолще тутошних! Уберете Его, уберете и меня. И вам останется рациональный мир избитых истин и бесконечной скуки... мир, в который вы так радостно погрузились. Тупик.

— Это ли не избитая истина?

Монсеньор мне не ответил... Видимо, его «ритуал» требовал продолжения.

Он преобразился... вырос, показал рогатую козлиную голову и раскрыл свои громадные темные крылья... Взлетел... И медленно облетел несколько раз Кувуклию, не спуская с нее глаз... казалось, что он хотел испепелить ее взглядом...

Потом приземлился рядом со мной и тут же стал прежним... священником.

Лицо его выражало благоговение и почти светилось.

Я вспомнил цитату из Добротолюбия: Дьявол лукав и многолик.

Добавил от себя: И консервативен как постаревший политик.

Мы двинулись вниз по широкой лестнице.

Прошли освещенную магическим красноватым и зеленоватым светом, льющим из сотен висящих лампад, капеллу с двумя могучими византийскими колоннами посередине и несколькими алтарями, и по узкой лестнице спустились в подземный зал, формой напоминающий сильно деформированную полусферу. Верхнюю ее часть как будто изгрыз клыками заключенный здесь тысячу лет дракон.

Я ожидал увидеть там членов братства святого Флориана в красных одеждах, капюшонах, с какими-нибудь атрибутами в руках... вроде щитов, шлемов или трезубцев...

Каково же было мое удивление, когда вместо этого, я увидел... большой круглый, подсвеченный снизу, стеклянный аквариум с золотыми рыбками, плавающими кругами вокруг невидимой оси.

У меня зачесались лопатки. Вокруг аквариума водили хоровод погруженные в глубокий транс обнаженные женщины, как будто сошедшие с полотен Поля Дельво. Тяжелые их груди колыхались как головы Гидры. Танцующие смотрели широко открытыми, как бы незрячими, глазами на какой-то предмет внутри аквариума.

Болезненное предчувствие кольнуло меня в сердце. Грубо оттолкнув одну из них, я прошел к аквариуму и прижался носом к стеклу.

Так и есть! В середине аквариума крутилась в маленьком, поблескивающем ртутью водовороте — серебряная трубочка с мощами святого Вита из девятого зала музея замка Грабштайн!

Вокруг нее крутились и танцевали фигурки-куколки. Два палача, шуты, красавица с лютней и миловидная госпожа Флеминг. Она глумливо улыбалась и манила меня к себе.

Я отпрянул от аквариума... заметил, что Монсеньор опять превратился в крылатого дьявола и летал вокруг аквариума. Прямо надо мной. Он смотрел на меня своими адскими черными глазами, хохотал и норовил схватить когтями... Хохот его напоминал раскаты грома.

Хоровод распался... женщины обернулись уродливыми старыми ведьмами...

Еще через мгновение они бросились на меня, дико визжа...

Я попытался убежать, но не смог сделать ни шага. Панический страх парализовал мою волю...

Ведьмы повалили меня... накиннулись скопом... их длинные ногти и острые зубы вонзились в мое тело...

...

Внезапно все стихло.

Я открыл глаза и узнал залитый ярким июньским светом зал на третьем этаже заброшенной бумажной фабрики.

Я сидел на каменном полу, в руках держал серебряную трубочку. Прямо передо мной находилась живая мерцающая конструкция — дезинтегратор. Повинуясь инстинкту, я бросил трубочку в одно из его жерл, из которых вырывался синеватый огонь.

Дезинтегратор проглотил реликвию... и через несколько секунд исчез.

У меня как будто камень свалился с сердца...

Я встал и посмотрел в окно. Вид на замок Грабштайн был действительно великолепен.

Ящерица

Человеколюбие оставило Руди Хайнца после того, как он понял, что Германия будет и дальше принимать беженцев. По миллиону в год.

В молодые годы он побывал в арабских странах, и был поражён нищетой, суеверием и восточной осатанелостью на-

селения... стал жертвой мошенничества и воровства. Отравился арабской едой и страдал несколько лет от последствий отравления. Пожил год в турецком районе Берлина и натерпелся там грубостей и унижений.

Ему не хотелось, чтобы его прекрасная страна превратилась в какой-то задрипанный «халифат».

Последнее время им все чаще овладевала слепая белая ярость. Потому что он твердо знал — хотя таких как он в Германии миллионы, правящие «демократические» партии и правительство всегда будут действовать вопреки его воле и гнать и гнать сюда мусульман. А его и его единомышленников — всячески травить и оскорблять на телевидении и в прессе, называть неонацистами.

В новую партию — «Альтернатива для Германии» Руди не верил.

— Как только они получают власть и богатство, разжиреют, погрязнут в коррупции и забудут свои обещания. Побегут на поклон к саудитам и станут такими же, как сегодняшние — коллаборантами, национал-предателями.

Ярость Руди, как кипящий бульон в скороварке, искала выхода.

И нашла.

Он убил ребенка — мальчика.

...

Прямо перед балконом квартиры Руди, выходящем на тихую улицу города, росло дерево. Руди не знал точно, что это за дерево... каждую весну оно цвело розовато-оранжевыми пушистыми цветами и радовало Руди. Сакура?

Цветов было много, так много, что не хотелось верить глазам... Казалось, бабушка связала огромную шапочку из цветов и надела ее на дерево.

Около недели продолжалась эта цветочная оргия, затем цветы коричневели, опадали... дерево делалось просто деревом, по его веткам сновали воробьи и синицы, которых Руди кормил очищенными от скорлупы семечками.

В тот день Руди чувствовал себя особенно одиноким, несчастным и яростным. Его единственная дочь не звонила уже

месяц, самому ей звонить она Руди запретила. Дочь его жила в Голландии, не работала, покуривала травку, с последним своим мужем развелась шесть лет назад. Что она там делает целый день? Бедняжка.

Боролся с одиночеством как умел... вспоминал жену, оставившую его сразу после Объединения, работу, которую потерял так давно, что даже забыл лица сослуживцев, рисовал птиц... перерисовывал их из книжки к себе в альбом. Слушал музыку. Не выбирал, какую придется... Радио в форме гриба он получил бесплатно от какой-то благотворительной организации за однодневную автобусную поездку в Виттенберг, на торжества по случаю Года Лютера и Реформации.

Компьютера у него не было. Руди был рад, что мог из своей нищенской пенсии оплачивать скромную двухкомнатную квартиру в плохом районе города. Денег едва хватало на еду и лекарства.

Пообедал готовым морковным супом за евро двадцать из магазина Пенни напротив, в который настриг ножницами немного зеленого лука с собственной плантации на подоконнике... полежал в ванне, заснул, поспал в теплой водичке, вымылся...

Захотел подышать свежим воздухом, вышел на балкон, проверил, полна ли кормушка. Подсыпал корма и посмотрел на дерево.

Стояла типичная немецкая зима, бесснежная, теплая и гнилая. Дерево сбросило листья и лоснилось от сырости. На вершине его сидел мальчик. Увидев его лицо, Руди испугался...

Руди не понимал, чего он собственно боится... мальчишке было всего лет восемь... расстояние от балкона до дерева, метра четыре, можно было преодолеть только по воздуху.

Да и не стал бы этот чужой мальчуган вредить Руди...

Руди испугал не мальчик, а его присутствие... чужое, незойливое присутствие... почти на его балконе, на его территории. Руди ушел назад в гостиную и осторожно посмотрел на мальчика через жалюзи балконного окна. Мальчишка сидел на вершине дерева и деловито ломал ветки своими маленькими, сильными не по годам руками. Безжалостный... циничный... разрушитель.

Даже тут, за стеклом, Руди слышал треск ломаемых веток. Руди узнал его — это был сын неприятных, смуглых людей с грубыми лицами, жителей соседнего подъезда. Кто они были, Руди толком не знал, но предполагал, что это румыны, принадлежащие к какому-то этническому меньшинству. Гагаузы?

Соседка рассказывала, что они приехали в Германию три года назад как беженцы и остались... как-то смогли убедить немецких чиновников в том, что их преследуют на родине из-за их национальности.

— И живут теперь человек тридцать в двухкомнатной квартире... Наверное, обманули этих легковерных идиотов-бюрократов, не знающих мира, как их все обманывают. Наша страна превратилась в выгребную яму для гнилого сброда из Восточной Европы... а теперь Германия стала еще и приютом для дезертиров из Афганистана и Сирии. Устроили бойню в своих странах, а теперь хотят испоганить все тут, в Европе. Проклятая Меркель! Это она пустила сюда эти полчища негодяев. Ну ничего, когда-нибудь эта самовлюбленная сука ответит за все.

...

Руди бессильно смотрел на мальчика, ломающего его любимое дерево. Он знал по опыту — слова бесполезны. Это грязное животное не слезет с дерева, не перестанет ломать ветки, даже если Руди его попросит. Даже если он встанет перед ним на колени.

Звонить в полицию тоже бесполезно. Раньше Руди часто звонил туда, когда видел что-то отвратительное и хотел предотвратить еще худшее.

Кто-то привязал собаку к уличному столбу и ушел, и несчастное животное лаяло и выло от страха... начало кидаться на прохожих...

Группа маленьких хулиганов, явно турецкого или арабского происхождения, кидала камни в хромую старушку...

Несколько восточных людей выгрузили сломанную мебель и отвратительно пахнущие мешки с мусором прямо на газон, метрах в тридцати от входа в его подъезд. И уехали. Руди не успел записать номер...

Полицейские давно уже знали его голос и имя и на его вызовы не ездили.

Руди чувствовал себя беззащитной жертвой произвола хищных и алчных чужаков. И этот мальчишка на дереве принадлежал к НИМ.

Руди казалось, что он слышит, как дерево плачет как ребенок, которому ломает пальцы садист... Его охватила слепая белая ярость.

Руди пошел на кухню, открыл холодильник, и достал оттуда пачку разноцветных вареных яиц. Открыл в гостиной дверь на балкон, несколько раз примерился... не хотел, чтобы его с улицы видели... и запустил в мальчика первое, желтое яйцо.

Не попал. Яйцо просвистело метрах в полтора от маленького негодяя, тот даже его не заметил.

Второе яйцо, синее, ударило в ствол... взорвалось как маленькая безвредная граната... остатки яйца упали на газон.

Зато третье, красное яйцо, попало мальчишке между глаз.

Тот вскрикнул, испугался, что станет кривым, прижал к больному месту нечистые ладони... потерял равновесие и рухнул вниз.

Приземлился неудачно. Колышек невысокой металлической ограды прошил насквозь его грудную клетку.

...

Под деревом лежал окровавленный труп ребенка.

Руди был потрясен. Он не хотел убивать.

Из соседнего подъезда выбежали две толстые коротконогие женщины в цветастых платках, встали на колени и начали голосить. Они вздымали к небу руки. Руди смотрел на них из окна.

— Жалко пацана. Это его мать и бабушка... теперь они визжат, как свиньи. Надо было сына воспитывать, а не приставать к туристам на Алексе. Тогда он остался бы жив и дерево радовало бы всех нас еще сто лет. А теперь их сынка и внука сожрут черви.

Через четверть часа приехала скорая помощь, тело мальчика забрали в больницу.

Руди надеялся на то, что никто не заметил его стрельбы яйцами по мальчику на дереве.

Но это было не так.

В критический момент родной дядя мальчишки, по роду занятий карманный вор, случайно посмотрел в окошко. Увидел что-то красное, ударившее его племянника по лицу. Видел, как мальчик падает прямо на проклятый штырь. Вышел на улицу после того, как увезли тело и все стихло.

Догадался, что это красное — прилетело с балкона гадкого седого немца с сумасшедшей физиономией, который однажды сделал ему замечание... что-то вроде: Прошу вас, не бросайте мусор во дворе... для мусора — мусорные баки, вон, всего в нескольких шагах...

Дядя нашел на месте падения племянника несколько кусочков красной яичной скорлупы и желтка... Все понял... И решил не обращаться в полицию, а попробовать пошантажировать немца. Если получится, выдрать из него пару тысяч. Ведь все они — богачи, не то что мы...

Времени дядя терять не стал... прошел в соседний подъезд по пожарному проходу на последнем, одиннадцатом этаже... нашел входную дверь квартиры Руди и позвонил.

...

Когда Руди услышал звонок, его сердце сжалось... чутье подсказало — звонит тот, кто знает, что он виноват в смерти мальчика.

Посмотрел в глазок — какой-то неприятный тип... ага, узнал... этот тоже из соседнего подъезда, это тот, который все время кидает окурки из окна и сорит во дворе... Что ему надо?

Открыл, но внутрь не пустил.

В кармане у Руди был большой складной нож, купленный на птичьем рынке за десять евро. Руди не собирался его использовать... но нож придавал ему уверенности в себе.

А дядя сразу решил схватить быка за хвост.

— Я видел. Ты кинул яйцо. Мальчик упал и умер. Ты убийца.

— А ты дурак, шел бы вон.

— Пойду в полиция и расскажу.

— Иди.

Дядя испугался, что шантаж не удастся. Решил поработать корпусом. Попер на щуплого Руди брюхом. Как японский борец. Одолел немца. Протиснулся в квартиру. Закрыл за собой дверь.

Хотел что-то сказать... наглым, требовательным тоном...

Но тут... получил неожиданный страшный удар ножом в горло. Руди, несмотря на свои семьдесят лет, был еще крепок. Ударил снизу-вверх. Поблескивающее лезвие вошло в голову ворвавшегося в его дом мерзавца.

Неудачливый шантажист захлебнулся кровью... выпучил глаза... упал. Начал биться и хрипеть.

А Руди ловко надел ему на голову полиэтиленовый пакет с надписью ЛИДЛ и завязал на шее шнурком от ботинок. Минуты через три дядя умер.

На резиновый коврик Руди, защищающий ламинат его узенькой прихожей от уличной грязи на ботинках хозяина и редких гостей, натекло с поллитра крови.

Руди после этого, неожиданного и для него самого, удара ножом, ничего не соображал, действовал инстинктивно.

Пан или пропал.

Вытащил труп с пакетом на голове на лестничную клетку, втащил в лифт, поднялся на одиннадцатый этаж, перетащил дядю волоком в его подъезд и втащил в лифт. После чего отправил лифт с телом на первый этаж, а сам ушел домой. Окровавленный пакет и шнурок забрал с собой.

Отнес коврик и пакет в ванную. Смыл кровь. Разрезал их ножницами на куски и унес в близлежащий лесок. Нашел подходящее дупло и засунул в него резиновые треугольники. Забил дупло землей.

Нож бросил в канаву с илистым дном. Туда же кинул шнурок.

На всякий случай выкинул и свои домашние тапочки.

Пришел домой.

Еще раз тщательно проверил прихожую — искал капелю крови. Не нашел. Мокрой шваброй быстро-быстро вымыл пол перед входной дверью и в лифте и переход в соседний подъезд.

Немецкий бог спас Руди — никто не видел его стараний. Запер квартиру, вышел из дома через задний вход и уехал в свой загородный домик.

И, хотя пассажиры автобуса казались ему страшилищами, в пути успокоился, пришел в себя, ярость его на время улеглась.

Вернулся домой через четыре дня.

В почтовом ящике нашел приглашение на беседу в Крипо. Был там допрошен без пристрастия. Это была формальность, следовательно был уверен, что румына убили свои в криминальной междоусобной разборке.

...

Недели через три Руди убил беженца-сирийца.

Сириец шел в свое общежитие. А Руди возвращался с прогулки. Ему показалось, что сириец зло и насмешливо на него посмотрел.

Он подошел к нему и ударил его, как и соседа, ножом в горло. Сириец не ожидал такого от седовласого дедушки. Осел, заливаясь кровью, и упал лицом вниз. Похрипел немного и затих.

Внезапно Руди понял, что стал серийным убийцей. Руки его, с уже показавшимися старческими пятнами, были в крови... Колени болели. Ломило поясницу. Дыхание было затруднено от волнения. По спине катил холодный пот.

Зачем он убил этого парня? Какая кошмарная бессмыслица!

Руди первый раз в жизни засомневался... в окружающем его мире, в самом себе... А не проверяет ли кто меня? Вон березка оставшимися желтенькими листиками трепещет. Она тут зачем? Она настоящая? Или она декорация?

А эти ужасные трехэтажные кирпичные дома с трехцветными флагами в окнах. Они настоящие? Их жители живут... или только едят, спят, ходят на работу... Нет, они не люди... мы все не люди... мы ящерицы...

Как бы отвечая его мыслям, к Руди на всех парах приближалась разверстая огненная пасть размером с колокольню... из пасти несло горелым мясом... доносились истошные вопли...

Руди зажмурился, но пасть его не тронула... исчезла...
Он услышал смех. Обернулся.

Позади него стоял человек в длинном пальто с выгладывающим из-под него характерным белым воротничком. Он смеялся и посматривал на Руди лукаво. Затем дунул в воздух, и все остановилось. Машины, едущие по шоссе метрах в ста от них. Трактор, тащивший на прицепе тесаный лес. Вороны, деловито ищущие корм на поле. Застыл и пролетающий над ним самолет, несколько минут до этого стартовавший в Тегеле. И зимнее белесое Солнце застыло в сером небе. Застыл и Руди. Двигаться мог только он, этот загадочный свидетель третьего убийства нашего героя.

Человек в длинном пальто подошел к Руди и внимательно посмотрел на него. Заговорил низким неприятным голосом.

— Как глубоко вы вживаетесь в роль! Три убийства! Из жалости к самому себе... какая убедительная мотивация! И какая непроходимая тупость! Срисовывал птиц из книжки в альбом... Завидно, право. Вы отравили своей посредственностью само пространство. И эту жизнь, себя, и похожих на вас выроdkов, вы решили защитить? Так? И как резво начали... как яростно... Наказываете воду (он показал рукой на скрюченного сирийца) за то, что ваши инженеры проявили милосердие и открыли шлюзы. Bravo!

Тут он опять расхохотался. Его хохот стучал в уши и виски Руди как молоток.

Руди начал терять себя, преобразаться. От его личности и от его фигуры, как от гипсовой статуи стали откалываться куски... а дьявол все бил и бил его молотком... пока от Руди не осталось ничего, кроме маленькой дрожащей ящерицы.

Человек в пальто достал из кармана серебряный футляр в форме трубочки, открыл его, ловко поймал им зверька и завинтил крышечку. Положил трубочку в карман.

Дунул в воздух, отчего все вокруг него пришло в движение, и исчез.

Согнувшийся человек

Во второй части рассказа «НЛО в Берлине» я описал то, удивительное, незабываемое, что наблюдал из окна берлинской городской электрички (с-бана) лет десять назад. Ничего не придумал. Не преувеличил. Мне разумеется не поверили. Сочли «капризом писателя».

А одна знакомая критикесса настоятельно мне рекомендовала: Умерить пыл своей фантазии... А-то в ваших рассказах так много неправдоподобных событий... В них не веришь... От них устаешь. И герои ваши сексуально озабоченные! Ужас какой-то. Вы должны думать позитивно! У вас все сюжеты кошмарные. Напишите повесть про счастливых пенсионеров, живущих насыщенной духовной жизнью. Вы можете.

Знакомый писатель, известный в прошлом бабник и лолитчик, добавил от себя: И, пожалуйста, не пиши больше о мужеложстве и онанизме!

...

Неприятно быть атакованным доброжелателями... да еще и ниже пояса. Что же думают о моей литературе враги, если друзья советуют мне писать о духовных пенсионерах и не писать о мужеложстве... о котором я кстати никогда и не писал, из-за полного незнания с предметом. Только один пронзительный рассказик написал о несчастном голубом юноше. «Голубизна» его там — не главное. Главное — отчуждение раннего человека от мира и его институтов, об этом и рассказ.

И онанизмом мои герои занимаются... умеренно. И только тогда, когда по-другому, с любимым человеком, ничего не получается... так что и тут речь идет не о рукоблудии как таковой, а об отчаянии, одиночестве и все о том же отчуждении — от близких и друзей, от общества и от богов, навсегда покинувших страждущее человечество.

...

Я попытался напомнить критикам, что писательская работа, создание «сюжетов», «сцен», «диалогов» и «литературных героев», таких или сяких, — сама по себе уже есть дерзкая фантазия... чудовищное преувеличение, делание из мухи слона, блеф, выдумка, ставящая все с ног на голову...

Что какой-то жалкий НЛО, летающий непонятно зачем по своему берлинскому небу, по сравнению с самим наличием «персонажей» и «рассказчика», этих... хм... не существующих, недоделанных людей... людей ли... нет, лишенных бытия недоносков, не существующих, но реальных, иногда до болезненности, — мелочь, малозначительная деталь декора, и только. Также как и их сексуальные прихоти. Пусть себе бесчинствуют гомункулы нам на забаву! Они ведь не ваши жены, мужья или знакомые, а наши общие подопытные кролики, выкидыши так и не преодоленного человечеством когнитивного диссонанса. Обитающие к тому же в «архетипической глубине», по словам одного из сионских мудрецов.

Они наши лоты в преисподней. Куда вы сами ни за что не захотите спуститься, уверяю вас, дамы и господа.

Сами даты их жизни — не годы, а страницы в оглавлении.

...

Да и вообще, мне ли вам объяснять, что важнее всего в рассказе не сюжет, и не герой и не его либидо... а то, непознаваемое, что так трудно определить или подделать.

Вибрация смысла... и самой жизненной субстанции...

Стиль... точнее — обаяние стиля... как в Декамероне или в романе Стерна.

И метаморфозы, происходящие не только с персонажами и их миром, как у Бруно Шульца, но и с нами и с нашим миром в процессе чтения...

Из-за этого мы не можем оторваться от книги... а вовсе не из-за «фантазий, ужасов и кошмаров» и не из-за латентной педерастии рассказчика.

...

Но критики меня не слушали, продолжали пинать.

И я... изнемог, сник, смалодушничал и... умерил пыл, стреножил фантазию, отрубил топором крылья музе (как же она орала!) и принес соответствующую клятву во всемирном Храме реализма, позитивного мышления и семейных ценностей.

Так мол и так. Перед лицом моих товарищей... торжественно обещаю...

Мне выдали свидетельство. С водяными знаками — стоящий на задних лапах лев пожирает трепетную лань (в канцелярии Храма объяснили, что лев символизирует то-то, а лань...).

Витиеватые подписи членов Совета старейшин Общины реализма, старых маразматиков, так похожи на готическую вязь!

На печатях видны масонские знаки — циркули, линейки и почему-то корона из кукурузных початков...

Решил свой следующий рассказ написать в реалистической манере. Без фантазий и излишеств. Без сюжета! Обойдемся. И без «лирического героя». Плевать на него. Осточертел. Просто напишу о том, что случилось вчера. Только вы мне все равно не поверите.

...

Так вот... еду я в все том же с-бане. Во втором вагоне, считая от машиниста. Или в третьем.

Доезжаю до станции Лихтенберг. Никаких эмоций не испытываю. За окном холодный секущий дождь, сыро и гнусно. По улицам олени бегают. Лица немногих пассажиров — заspanные, не привлекательные, крыс напоминают...

Как видите, никаких фантазий или фата-морган! Все реально, как в морге.

В Лихтенберге в мой вагон вошел только один, вроде бы ничем не примечательный мужчина. Лет пятидесяти семи. Куртка, джинсы, черная вязаная шапочка. Не богач, но и не бездомный. Обычный. Только роста большого. Крупный мужчина.

Двери за его спиной закрываются, а он вместо того, чтобы пройти дальше в вагон и занять место у окна... благо мест полно... делает вот что... медленно как бы кланяется... сгибает туловище, опускает голову ниже и ниже и в конце концов дотрагивается лбом до нечистого пола вагона. Рядом с валяющейся серебряной оберткой от жвачки. И остается так стоять. На ногах и на лбу одновременно. Фигура его напоминает арку или магнит, такой, каким мы в детстве играли. Только большой, темный и живой.

А затем... мужчина этот, все еще стоя в этой дикой позе, очень громко и отчетливо три раза издает какое-то жуткий звук. Что-то вроде: Хррак.

Голос у него низкий... как бы и не человеческий... как будто он робот, медведь или экзотическая птица.

Потом он так же разогнулся, как и согнулся. Медленно, но легко.

Это он что, стебается так? Циркач? Шиз? Наркоман?

Я всмотрелся в его побагровевшее от прилившей крови лицо. Ничего особенного. Выбрит не чисто. Не без восточной крови. Прыщики на носу и на лбу.

Нет, нет... было в нем кое-что особенное. Было.

Лицо его было похоже на маску. А что под ней — не понятно. Глаза не видящие. Густые брови — как приклеенные. Рот резиновый. Гримасы неестественные, как в фильме ужасов.

Вот... он опять согнулся, коснулся лбом пола... Даже удар был слышен.

Хррак! Хррак! Хррак...

Опять проорал громко, ясно, резко, агрессивно. Как будто этот его крик или рык должен был предварять что-то важное или страшное. Может, это обратный отсчет?

Я испугался... подумал, этот тип поклоняется-поорет, а затем на людей с мачете бросится... раскромсает на куски... здоровяк... случилось такое с полгода назад в поезде под Вюрцбургом... или бомбу на поясе взорвет.

А потом... я заметил то, что меня испугало, пожалуй, еще больше бомбы или мачете. История повторилась... Как тогда в вагоне с-бана никто никак на НЛО не отреагировал, так и сейчас... Никто вокруг меня никак не отреагировал на поклоны и крики этого жуткого типа. Сидевшие напротив школьники даже глаза в его сторону не скосили, уставились в свои смартфоны как замороженные и ничего вокруг себя не замечали... Старушка, дремлющая всего в трех метрах от него — тоже никак не отреагировала. Только вздыхала и морщила нос, похожий на пуговицу. Семейная пара средних лет с другой стороны шепталась, шепталась... он показывал ей что-то на пестрых рекламных листках... а она согласно кивала.

Берлин, как известно, не подарок... европейская латрина... тут всякие люди встречаются... все это знают... держат себя в руках... стараются без нужды не привлекать к себе внимание. Но все-таки странно.

А он, тот... все сгибался, мел черными волосами пол и хрракал, хрракал...

Неужели я один его вижу и слышу?

Мурашки по коже...

На следующей остановке — Нёльднерплатц — мужчина вышел, в вагон вошли студенты и школьники и своим щебетом и воркованьем отвлекли меня от неприятных мыслей о согнувшемся человеке.

...

Забыл сказать. Ехал я тогда в аэропорт Щёнефельд, встречать одного знакомого знакомых, который должен был мне кое-что передать. Кое-что весьма необычное.

Да, да, весьма необычное и ценное.

На остановке Осткройц я вышел, поднялся на эскалаторе на верхний этаж и успел ввинтиться в уже отходящий поезд с бана на Цойтен.

Там было тесно и душно. Пахло потом и несвежим дёнером-кебабом.

Передо мной стоял бородатый парень и ел это изобретение немецких турок. В роскошной его бороде застряли куски пици. Я узнал и чесночный соус. Бее...

Парень ел, не торопясь, беседуя с худенькой девушкой, которая тоже что-то жевала. У девушки не было бороды, но были подслеповатые глаза, некрасивая фигура... лицо ее не скрывало типичные для берлинцев туповатость и серость. Она явно не была ни студенткой, ни туристкой... работала... и по-видимому не много получала, бедняжка. Собеседник ее, напротив... обладал, несмотря на юные годы, солидным брюшком, одет был почище, посматривал на нее покровительственно и немножко пакостно. В маленьких его глазках роились желтоватые искристые мушки... Наверное, уже оттрахал ее, и не раз. Она ему дает, потому что надеется на брак, а он ее презирает и никогда на ней не женится. Обычное дело.

После того, как он доел дёнер, обсосал со свистом жирные пальцы...

Неожиданно я понял, кого он мне напоминает. Ким Чен Ына, сына балерины, великого наследника, а ныне, председателя, маршала и прочая... главу любимого государства русских патриотов, Северной Кореи.

Берлинский Ким Чен Ын достал из сумки еще один дёнер в упаковке, тоже не свежий, судя по запаху. Начал пожирать и его.

Неожиданно бросил взгляд на меня и заметил мою невольную брезгливую гримасу. И тотчас же бородатая его рожа... осклабилась высокомерием и злобой... он наклонил голову и прорычал: Хррак, хррак, хррак...

Затем согнулся, опустил голову ниже брюха... его позвоночник хрустнул... и он бессильно повалился на пол. Его спутница присела рядом с ним, попыталась его поднять, щупала пульс.

Двери вагона раскрылись и я вышел.

Ноги несли меня... подальше от бородатого и его спутницы.

...

Через минуту к противоположной платформе подошел поезд на Шёнефельд. Я вошел в вагон и занял место у окна. Поезд тронулся, а цойтенский поезд так и остался стоять... видимо, машинист ожидал прибытия скорой.

После станции Альтглинике мой вагон опустел, только какой-то инвалид дремал в своей коляске на другом конце вагона.

Я закрыл глаза... представил себе, что лечу над Тихим океаном. А внизу — дельфины прыгают, играют. И перламутровые барашки на аквамарине...

Внутренний голос прошептал мне: Не расслабляйся...

Тут ко мне подскочил клоун в пестрой одежде. Юркий и гадкий. Видимо, из другого вагона притащился. Показал мне фиолетовый язык с белыми пупырышками... начал танцевать...

Мерзкий этот паяц, своим кривляньем явно имитировал земные поклоны. Отплясав, нагло попросил у меня денег.

Денег я ему не дал. А он, когда понял, что ничего не получит, скорчил плаксивую мину и... залился притворными слезами. Черными, как воронье крыло. А затем, гадко паясничая, заорал во всю глотку: Хррак! Хррак! Хррак!

И смылся.

...

Перед самым аэропортом ко мне подкатил на своей коляске тот самый инвалид.

Посмотрел на меня, сморщился как старый лимон и пропищал пропитым, гнилым голосом: Газеты читаешь? Новый господин пришел на Землю. Он тебя видит, он видит все! Что устался, кусок дерьма! Ты сдохнешь раньше меня. Дай десять евро, ублюдок!

А затем, мне показалось — неожиданно для себя самого — выпучил глазищи и заревел: Хррак! Хррак! Хррак!

Быстро поехал к выходу. Даже не оглянулся.

Мне так хотелось догнать его и опрокинуть коляску, но я не стал этого делать. Хлопот не оберешься. Пусть живет.

Вышел из поезда и побрел, как и все, к аэропорту вдоль изящно изогнутой стеклянной стены. Сырой и холодный ветер залезал через все щели под одежду как гнус. В ушах гремело адское эхо.

...

В терминале А было еще больше народу, чем в поезде на Цойтен. Многие сидели прямо на полу, вытянув ноги. Через эти ноги прыгали дети. Пахло плохо переваренной пищей.

Прислонился к колонне, задремал.

И тут же проснулся. Посмотрел на табло. Самолет из Неаполя приземлился десять минут назад. Значит скоро из-за матовых стеклянных дверей выйдет господин Му, китаец, который должен передать мне подарок, музыкальную шкатулку. В ней должен быть спрятан... Нет, не кокаин. Нечто гораздо более интересное.

Но вместо господина Му из дверей выкатился на посверкивающем хромом одноколесном велосипеде знакомый клоун

с фиолетовым языком. Подкатил ко мне, разинул пасть и заревел: Подарочка ждешь, ублюдок? Профукал еще одну жизнь, мутерфикер? Он уже ждет тебя у мясорубки! Зубками будешь скрежетать! Пока они не выпадут. Хррак! Хррак!

Откуда он взялся? Гадать и раздумывать не было сил. Я ударил его ногой, но сразу же почувствовал, что это сон... что никакого клоуна на велосипеде передо мной нет, что я все еще стою в зале ожидания, прислонясь к нечистой квадратной колонне.

...

Двери открылись, и из них вышел какой-то итальянец с огромным чемоданом. Вокруг его жилистой небритой шеи был обмотан длинный шарф с желтыми квадратами. На костлявом пальце сверкал перстень с розовым топазом, величиной с куриное яйцо. Художник, музыкант, режиссер или какой-нибудь другой шут гороховый...

Все европейские бездельники с претензиями едут и едут зачем-то в Берлин. Надеются тут вволю потусоваться, обкуриться, обколоться и при okazji содрать с до сих пор комплексующих фрицев деньгу. И многим это удается. Мне не жалко, деньги не мои... а немцы... сколько их ни обманывали всевозможные проходимцы со всего мира — а они и дальше принимают... и платят, платят... Такой уж это народ, или на цугундер, или в ресторан. Или эсэсовцы, или лакеи.

Когда двери открылись, чтобы пропустить итальянца, я увидел моего китайца... в сопровождении двух полицейских. Его вели куда-то... Обыск? Неужели нашли?

Придется тут весь день проторчать.

Действительность в который раз меня обманула. Му вышел через четверть часа. Вспотевший, взволнованный, но, как он выразился, «без потерь».

Узнал меня сразу (мы виделись два раза при схожих обстоятельствах). Отвел в уголок. Опасливо огляделся. Ловко достал из глубины чемодана шкатулку, отдал мне и прошептал: Будьте осторожны с этим товаром! Горячая штучка. Может и убить...

Вежливо поклонился и исчез.

Я положил шкатулку в сумку и потопал к с-бану. Опять вдоль изогнутой стеклянной стены.

По дороге видел, как моего китайца какие-то азиаты за-таскивают в бежевый БМВ. Другие уже открыли его чемодан и выбрасывали его содержимое. Цветастые трусы и рубашки, летящие в разные стороны, превратили на несколько мгновений серый пасмурный берлинский день в импрессионистическую картину. Показалась полиция.

Му отбивался, но отступил перед превосходящими силами противника. Последнее, что я видел, были его печальные глаза. Мне показалось, что он даже кивнул мне с заднего сидения машины... осторожно, чтобы не заметили его похитители. Я кивнул ему в ответ... Полиция подросла как всегда вовремя... бежевое БМВ уже мчалось в облаке выхлопов и мерцающих радужных капелек по направлению к автобану. Номерные знаки его были залеплены грязью.

На тротуаре валялся изнасилованный чемодан и пестрые азиатские шмотки.

...

Прошел подземный переход. Решил обмануть судьбу и поехать в город не на с-бане, а на обычном поезде. На Дессау. Он доходит отсюда до Восточного вокзала минут за двадцать пять.

На перроне замерз. В поезде отогрелся.

Подошла контролерша. Многозначительно на меня посмотрела. Как будто что-то обо мне знала. На билетик и не взглянула, зато приклеилась взглядом к моей сумке... хмыкала как-то неопределенно, заглядывала мне в глаза почти кокетливо.

Улыбнулась. Посверкала фарфоровыми щечками и сказала: Я чувствую, чувствую его. Он прекрасен как только что отшлифованный бриллиант. Он греет мне сердце, как вы, должно быть, счастливы, везунчик! Возьмите, возьмите меня с собой. Я готова ехать с вами и с ним хоть на край света!

И показала пальчиком на мою сумку. Я пожал плечами...

Контролерша отошла от меня и продолжила проверку билетов. Несколько раз послала мне воздушный поцелуй. Пас-

сажиры стали на меня смотреть. Тоже как-то странно. Железно-бетонные, флегматичные обычно немцы вроде как размякли... растаяли...

Некоторые дружелюбно улыбались... другие осуждали.

Один коротышка, одетый в музейную униформу, (есть такой тип среди коротышек — яростные правдоискатели) гневно пялился какое-то время на меня, затем встал, подошел ко мне и прохрипел: Ах ты ублюдок! Скрыться задумал? От него? А шарик в лузу не хочешь получить? Хррак! Хррак!

И вот... это уже не коротышка, а клоун с пупырчатым высунутым языком.

Нет, это Ким Чен Ыр с бородой и дёнером! В инвалидной коляске, со сломанным позвоночником...

Хррак! Хррак!

Он тянет ко мне свои жирные толстые пальцы, хочет вырвать у меня из рук сумку с шкатулкой...

Хррак! Хррак!

Открыл глаза. Никого рядом со мной не было. Хмурая контролерша проверяла билеты у пассажиров. Коротышка спокойно сидел на своем месте, читал Шпигель.

Показалось, почудилось? Но контролерша... коротышка... они ведь не видение, не фантазия...

Стало быть некоторые индивидуумы чувствует это. То, что в шкатулке спрятано. Сквозь шкатулку и сумку чуют, как собаки наркоту.

А как же таможня в аэропорту? Ничего не почувствовала? Почему?

Потому что каждый видит и чувствует совершенство по-своему. Одному кажется, что это перстень с изумрудом, другому — кусочек пергамента с кумранским текстом, третьему — осколок чаши Грааля, а четвертому — оно представляется как дуновение ветерка в июльскую жару. Прохладная водичка чистой речушки в Калифорнии. Чудесная раковина на пляже. Улыбка юной красавицы-островитянки. Антоновское яблоко.

На Восточном вокзале я пересел на свою линию с-бана.

Поезд ехал медленно. Я смотрел в окно, на безрадостные ландшафты восточного Берлина. На бездарную архитектуру. На лужи на скверном асфальте. Занес же черт...

Просунул правую руку в сумку и гладил потихоньку шкатулку, которая нагрелась и как бы ожила. Вибрировала и тихонько звенела колокольчиками. Я знал, это не шкатулка ожила, это проснулось то, что лежало в ней, в маленькой серебряной трубочке. То, что согрело сердце контролерши и вызвало припадок ярости у коротышки.

...

Вагон был полон возвращающихся с работы раздраженных усталых людей. Большинство уставились в свои смартфоны, некоторые читали, слушали музыку, остальные дремали. Мне казалось, что темная одушевленная масса, заполнявшая собой вагон, тяжело дышит как огромная каракатица, выброшенная океаном на берег...

Всю свою жизнь я пытался не стать частью этого измученного бессмысленным трудом темного народа, этой задыхающейся каракатицы. Сохранить единственное, что имел — маленький лучик... во что бы то ни стало остаться в свете, не дать поглотить и переварить себя рыбьим желудком общества. И преуспел в этом нелегком деле.

Всю жизнь трудился и вырастил, выкристаллизовал из сотни тысяч свободных овальных минут свое сокровище, волшебный кристалл. И наслаждался властью игрой света на его прекрасных гранях...

Протянул его людям. Берите, радуйтесь... я дарю его вам!

А они его не взяли... только мрачно посмотрели на меня, поверчивая у висков длинными синеватыми щупальцами с присосками, похожими на васильки.

Васильки обвилились вокруг моей головы...

Врач нажал на большую красную кнопку. И вся вселенная затряслась.

А кристалл мой рассыпался в прах.

И вот... мне тепло. Нагота нежит. Сердце мое трепещет в ожидании долгожданного освобождения. Сквозь полуоткрытые веки в мои зрачки льется таинственный голубовато-серебристый свет.

Я сижу по-турецки на каменном полу, в затопленном ярким солнечным светом цеху бывшей бумажной фабрики, той, что недалеко от замка Грабштайн. В окна — видны синее небо и зелень огромных вязов.

В руках у меня — музыкальная шкатулка.

Передо мной стоит тот самый мужчина из берлинского сабана. Согнувшийся человек. Его черные кудри касаются пола. И он кричит от боли.

Позади него дрожит и переливается неземным светом колоссальная машина. Это дезинтегратор времени и материи. Башня, растающая в иное измерение.

Ее хозяйева опять заставили меня прожить чужую жизнь, а теперь вернули к источнику, к началу.

Меня зовут Антон Сомна, я умер много лет назад в Саксонии и с тех пор странствую в нижних мирах полусмерти.

Теперь я знаю, что хочет от меня согнувшийся человек. Ведь он — это я. Он просит освободить его от этой роли. Ему невмоготу. Сейчас, сейчас...

Открываю шкатулку, достаю серебряную трубочку... и бросаю ее... так, как запускают сделанные из тоненьких деревянных реек и бумаги модели самолетов... осторожно, с любовью, но изо всех сил... в пышущее голубой плазмой жерло машины.

А потом прыгаю туда сам.

Мальчик, который был чайником

У меня сломался шикарный, в стиле ретро, электрочайник Рассел Хоббс. Красный как пожарная машина и с термометром. Дорогой. Чудесная вещь! Я так любил кипятить им воду. Сломался, подлец. Перестал выключаться через полгода после покупки. Каждый раз надо было ждать, когда же наконец закипит вода. Пованивающая летом, невкусная берлин-

ская вода. Тоска! А забудешь выключить — вода выкипит и начнется пожар. Как говорил мой покойный друг: Чайник даст плавку чугуна.

Выкинул мерзавца. Не хотел плавки. Кинул его в оранжевый мусорный бак. Даже прощальную речь не произнес. Из-за обиды. Потому что... надо было его, злодея, назад в магазин отнести, но я, как всегда, потерял квитанцию. Положил ее в специальную папку... хранил-хранил... а когда Рассел Хоббс сломался — попытался ее найти. Безуспешно. Исчезла квитанция. Испарилась! Может быть ее другие квитанции съели? Или она сама того... аннигилировалась? Или ее просто нет там, где она должна была бы быть. Как элементарная частица. Квантовая механика во всем виновата! Не надо было ее придумывать, человечество не способно смотреть правде в глаза. Вот, она, частица. Но на самом деле ее там нет.

Три раза проглядел квитанции, но так и не нашел чертову бумажку. Выкинул Хоббс и тут же отправился в Медиа Маркт покупать новый чайник, потому что без кипяченой воды — жить невозможно.

Нашел модель попроще и подешевле. Клатроник. Белый. И с изящными изгибами, вызывающими изумление.

И сейчас же вспомнил... одного милого мальчика, сына моей подруги, детское тело которого, как бы выточенное из слоновой кости, было еще изящнее Клатроника и, казалось, все состояло из чувственных изгибов, выемок, ямочек. Звали его из-за непонятого каприза автора — Аллита. Было ему девять лет, и был он красив как Ганимед. Только не тот, рембрандтовский, с картины в Дрезденской галерее, жирный, гадкий и описавшийся, а такой, каким его изваял Челлини. Мраморная статуя его хранится в музее Баргелло во Флоренции. Зевс-орел тут не космический насильник, не всемогущий похититель, а скромный поклонник удивительной, чуть-чуть порочной красоты мальчика. Могучий повелитель богов ластится к мальчишке, как голодная кошка к хозяину. Так ластился к пластиковой Лолите, как бы наполненной душистым шампунем, один из самых противных героев мировой литературы — набоковский Гумберт Гумберт, эстетствующая между

детских ножек грубая скотина, кособокий, вывернутый наизнанку гомункул, которого его создатель вытащил из небытия (роды были неудачные и с осложнениями) с единственной целью — показать свое презрение к людям... и заодно заработать денег и смыться из Америки в Швейцарию, чтобы жить там жизнью добропорядочного буржуа, потихоньку впадающего в детство со всеми его амурными шалостями.

Актер Джереми Айронс, сыгравший Гумберта Гумберта в известном фильме — куда благороднее и симпатичнее и своего героя и его автора.

Ну да, да... угадали... я тоже хочу рассказать земляничную историю. О том, что произошло между мной и этим мальчиком-ганимедом, Аллитой. Не надо хмуриться, господа! Омрачать и без того мрачные, быстро летящие дни нашей сладкой жизни. Не хотите, не читайте! Очень надо. Обойдусь и без ханжей! Идите к черту!

В свое оправдание могу только заметить, что я тут не буду, как Набоков, размазывать «мед оргазма», то бишь сопливые приключения педофила по четырём сотням страниц нудного романа... а ограничусь шестью страницами бодрого текста. И не стану украшать в конце пародию на роман пародией на убийство.

И вообще... клянусь Зевсом... красоту Аллиты я заметил конечно и... и все. Забыл про нее. Сказал только тогда за завтраком его миловидной матери, Ши, исключительно для того, чтобы продемонстрировать свою воспитанность и любезность: Ты очаровательна, любимая... мне у вас очень нравится. И сынок твой очень красивый. Наверное папа его был негром или метисом.

Ши звонко засмеялась. Намазала булочку ананасовым творогом и ответила: Если я правильно посчитала недели, то он был кубинцем.

— Вот я и говорю, метисом.

— Отец Аллиты был белокожий, с веснушками, рыжеватый, почти блондин. Бабник ужасный и обманщик. Но на гитаре играл как бог. И трахал меня так же страстно, как Че Гевара революцию делал.

— На кой же черт вы разошлись... вполне в твоём вкусе мужчина.

— Я бы его ни за что не бросила, но он по ночам уходил от меня и по другим бабам таскался. На велосипеде объезжал, собирал дань. А я думала, он на балконе сигару курит. Когда наконец поняла, что происходит, закатила истерику. А он... женские слезы не мог терпеть... убежал. А через час вернулся. Подарил мне на память колечко с рубином. С платиновой оправой и бриллиантами. И смылся. Кольцо это я лет пять носила, а три года назад продала, когда меня пособия лишили. За то, что я якобы левые доходы скрывала. А я ничего не скрывала. Они сами документы потеряли, а на меня все свалили. Сволочи. У меня электричество отключили тогда и телефон. Так и сидели с Аллитой в темноте. Только свечи жгли, которые я в индийском магазине напротив потихоньку брала.

— Крала?

— Да, да, крала... а что прикажешь делать? И продукты воровала в Эдеке. Мы голодали. Никто не помог. Меня поймал магазинный детектив. Отвел в уголок и говорит: Или протокол будем составлять, госпожа хорошая, у меня видео на руках... сядешь. Или... Полгода приходил ко мне вечерами, когда Аллита спал. Приходилось его ублажать. И продукты приносил из той же Эдеки. Сам воровал, сукин кот. А потом, ты не поверишь, влюбился в меня, плакал, прощения просил и умолял за него выйти. Но я прогнала его. Пах он плохо. Плюгавый такой и старый.

...

И не вождедел я этого Аллиту, и на Ши из-за него не женился, как Гумберт Гумберт на своей Гейзихе. Мне нравилась Ши, она была старше и опытнее меня, имела золотое сердце, чувствительную грудь и ненасытное влагалище. Кончала иногда по четыре раза за ночь. Могла поддержать разговор о высоких материях. И готовила прилично. Что еще одинокому мужчине надо? Семью я заводить не хотел... она этого от меня и не требовала.

Ни о каких ганимедах я и в сексуальных фантазиях не помышлял. Ши приучила меня фантазировать вместе с ней. И мы жадно предавались этому бесстыдству. Чего только не представляли! Но без мальчиков.

В быту я был с Аллитой вежливо-нейтрален, что, как мне казалось, вполне его устраивало. Помогал ему решать простенькие школьные задачки. Купил ему игрушечную водоплавающую ракетку для настольного тенниса и модель Аэробуса. Пригрозил отвернуть голову дворовому хулигану, если он еще раз полезет драться. С достоинством выдержал неприятный разговор с отцом хулигана, обещавшим отвернуть голову мне, если я «прикоснусь своими грязными лапами к его ни в чем не повинному сыну». Разговор этот, впрочем окончился совместным распитием бутылки водки-мартини. В конце пьянки отец пообещал мне выдрать своего сына розгой, если он обидит «размазню» еще раз. Но слова не сдержал.

Аллита вроде бы размазней и не был, но драться действительно не умел или трусил. Я был таким же в детстве. И не жалею о том, что никого ни разу не ударил в лицо.

...

Все шло своим чередом.

Я тогда еще работал. После ночной смены — отсыпался. После дневной шел в Эдеку. Покупал там продукты. Оттуда — топал в квартиру Ши. Она готовила. Жарила мясо, рыбу или креветки. Делала салат из фруктов. Пекла яблочный пирог. Мы ели, смотрели телевизор, чаще всего канал АРТЕ, ложились спать. Занимались любовью так долго, как могли. Ну да, Ши еще проверяла тетрадки у Аллиты, читала ему нотации, стирала, гладила, убиралась...

Иногда мы ужинали в кафе. Несколько раз скучали на симфонических концертах. Посетили оперный театр. Вагнер. Несмотря на отчаянный вой толстогрудых оперных певиц, я зевал, зевал и заснул.

Свою квартиру я забросил, заходил туда только чтобы сменить одежду или взять новую книгу. Читал я на работе. В паузы между обходами. Я работаю охранником в госучреждении. В каком? Наверное в самом занудном. Сотрудники там

выглядят так, как будто они только имитируют занятость на рабочих местах и бесконечных заседаниях, а на самом деле... мысли их далеко-далеко. На островах в Карибском море. Там они купаются голые в теплой прозрачной воде с очаровательными латинскими девушками.

Зарплата у меня маленькая, но жить можно. Ночью я во всем здании один, а днем... суета и маята. Пиджаки бегают туда-сюда как тараканы. Раз по двадцать за день пьют черный кофе. Одурманивают свои казенные души. И меня дергают... мучают всякими мелочами, к которым охрана не имеет отношения. Почему эти двери заперты? Где хранятся прошлогодние стенды-диаграммы? Когда придут уборщицы.

...

Мои дни были так похожи друг на друга, что я чувствовал себя роботом.

Может быть, человек — и есть машина? Машина с компом в башке.

Что же тогда жизнь? Есть ли вообще жизнь?

Или мы принимаем за нее мельтешение тараканов? А сами и не живем вовсе.

Долго думал об этом... но так и не разобрался, не понял, хорошо ли то, что я робот, или плохо. А дни все шли и шли. Машина работала.

Бум-бум, тик-так, кррак-кррак...

Говорил об этом с Ши. Она не подняла меня на смех, а задумалась... потом заметила, что подавляющее большинство жителей Германии мечтают именно так и жить. Жизнью робота. Работающего, жрущего, вечно уставившегося в смартфон, покупающего различные товары и получающего свое пахнущее нафталином удовольствие перед сном.

Еще эти роботы хотят по миру путешествовать. На недельку туда, на недельку сюда. Малайзия, Таиланд, Ривьера, Мачо Пичо, Большой барьерный риф...

Предел мечтаний программируемых людей. Мнимое разнообразие. Иллюзия рая.

У нас денег на путешествия не было. Искать вторую работу и вкалывать ради того, чтобы регулярно наслаждаться жа-

рой, москитами и ядовитыми медузами, я не хотел. А Ши, в прошлом — хиппи (прожила три года в Индии, но не вынесла антисанитарии и грубости населения и вернулась) — о работе даже не думала. Ей было и так хорошо.

И вдруг... никогда не думайте, что жизнь будет вечно такой, как вчера и сегодня... вдруг устроилась на работу!!! Ни разу в жизни не работавшая сорокапятилетняя женщина с сомнительным прошлым.

Предложение было таким заманчивым, что отказаться она не смогла. Рабочий день — шесть часов или меньше. Сама себе хозяйка в собственном бюро. Компьютер, принтер, цветной ксерокс, телефон. Никакой коммерции. Никакого начальства! Никаких шушукающихся сотрудников. Три тысячи в месяц на руки.

Работа ее заключалась в визуальной пропаганде здорового образа жизни, вегетарианства, защиты животных, женщин и детей и еще чего-то.

Она отвечала за плакаты, буклеты, информационные листки и страницу в интернете. Еще на нее повесили какую-то идиотскую газету.

Помог ей устроиться бывший любовник, лет тридцать назад — хиппарь, бунтарь и брейкдансер, а ныне слегка обрюзгший чиновник в Министерстве защиты окружающей среды. С одышкой, тремя разведенными женами и алиментами.

В одном из периферийных зданий этого министерства находилось прекрасно оборудованное бюро, в котором Ши тут же начала свою трудовую деятельность. Я навестил ее. На стенах висели плакаты, изготовленные по эскизам предшественницы Ши. На них доминировала небесно-голубая краска, белоснежные зубы улыбающихся спортсменов и оранжевые плоды тропической природы.

В коридоре была оборудована маленькая кухня. Роскошный туалет украшала душевая. Люстра была сделана в форме зеленых огурцов. А на подоконнике стояли цветочные горшки с метровыми кактусам различных сортов. Один из них цвел. Его мохнатый фиолетовый цветок величиной с тарелку напоминал экзотический духовой инструмент.

Однажды... в один из этих одинаковых дней... я вернулся с ночного дежурства в восемь утра. Принял горячий душ. С Ши мы встретились в коридоре, поцеловались и разошлись. Я влез в еще теплую постель, а Ши убежала на работу. В свое бюро с огурцами и кактусами. Успела только шепнуть: Аллита останется сегодня дома, у него каникулы, пожалуйста, проследи, чтобы он почистил зубы и позавтракал. Хоть в одиннадцать. А-то он вечно убегает на улицу не поевши. А потом у него живот болит.

Я кивнул и тут же забыл про зубы и живот.

Проснулся я вот от чего. Кто-то трогал мне член.

Я подумал, Ши пришла домой обедать и решила меня побаловать. Что-то промурлыкала. Хотел погладить ее по голове... и погладил... вслепую. И сразу заметил, что вместо длинных волос у нее — короткие.

С трудом выдавил из себя: Ты что, постриглась?

И только после этого открыл глаза.

Рядом со мной на нашей двуспальной кровати сидел Аллита. В позе Будды.

Отдернул руку, как от змеи, как только увидел, что я открыл глаза. И посмотрел на меня таким взглядом, что мне стало нехорошо. Печальным, томным. Совсем не детским. Опытным. Внезапно я понял, что не знаю этого мальчика. Понятия не имею, о чем он на самом деле думает, о чем мечтает, что делает весь день, с кем встречается. Физически ощутил разделяющую нас пропасть.

А Аллита вдруг... заревел как гоночный автомобиль.

Я не поверил своим ушам... струсил... инстинктивно закрылся одеялом.

Его красивое лицо исказила недобрая усмешка, он сказал, отчетливо выговаривая слова: Можешь не закрываться. Я много раз видел тебя голым. И маму. Я каждый день подсматриваю за вами в замочную скважину. Сами виноваты. Мама так громко стонет, что через стенку слышно. Я не могу заснуть. А потом стонешь ты. Особенно громко, когда кончаешь ей в рот.

И опять заревел как паровоз. Затрясся и глаза закатил. Я подумал, что ему плохо. А он так хохотал, паршивец!

— Ты бы хоть трусики надел.

— Мне и так хорошо. Я знаю, что тебе мое тело нравится. Помнишь, тогда, на нудистском пляже, ты на меня так смотрел...

— Как «так»?

— Не как на сына моей мамы, а как на мать смотришь, когда она ноги раздвигает.

— Не выдумывай. Она же женщина, а ты мальчик.

— Как будто ты не знаешь, что взрослые дяди делают с маленькими мальчиками!

— А ты знаешь?

— Знаю. Со мной это каждый день старшие братья делали, пока тут жили. И с мамой...

У меня пошли мурашки по коже. А сердце запело от предчувствия. Ни о каких братьях Аллиты я до этого не слышал. Кррак!

— Не знаю, что сказать. Я с тобой ничего подобного делать не собираюсь. Иди, зубы почисти, и позавтракай. Мюсли на столе, бутерброды в пластиковой коробочке. Какао в холодильнике.

— Хочу еще побыть тут.

— Хорошо, давай сделаем так, я немножко посплю, а ты просто лежишь рядом и не будешь меня трогать. Это неприлично и мне очень неприятно. А если твоя мама узнает, что ты так делал, она тебя выпорет, а меня из дома выгонит. Погоди, как же я сразу не догадался, ты наверное именно этого и хочешь? Ревнуешь...

В ответ Аллита опять заревел. На сей раз как самолет при взлете. Рев перешел в циничный гогот.

— Ревную? Да плевать я на вас хотел. И на мать и на тебя. Если вы оба сдохнете, плакать не буду.

— Ах ты маленький засранец! Был бы я твоим папой, выпорол бы тебя ремнем.

— Если ты меня тронешь, я тебе, пока ты спишь, выколю глаза кухонным ножом.

— Храбрецом заделался, щенок!

От злости я вспотел. Жутко хотелось влечь ему пощечину. Или... поцеловать его. Но я сдержал себя.

Надо было маленького нахала хотя бы из комнаты выкинуть... и дверь в спальню на ключ закрыть. Кто знает, что он еще придумает? А спрос с него какой? Он ребенок.

Еще больше его я боялся себя.

Я сел на кровати и серьезно посмотрел на Аллиту. Примерился...

Как бы его так схватить, чтобы он не вырвался?

А Аллита использовал мое бездействие по-своему. Раздвинул свои увесистые бедра и приподнял их руками, как это делают женщины во время любви. Вот чертенок! Знал, наверно знал, что меня эта его развратная поза шокирует. Потому что у меня нервы слабые. И характера нет. Потому что я робот... и поза эта — не приглашение даже, а приказ. Приказ, которому я не могу не подчиниться.

Член его стоял колышком. А розовое очко страстно подрагивало.

Для усиления эффекта Аллита высунул длинный юркий синеватый язык и опять закатил глаза как припадочный.

Кровь бросилась мне в лицо. Я потерял над собой контроль. Сила ушла из рук. И я сделал единственное, что еще мог сделать, — отполз от стонущего мальчика подальше и малодушно спрятался под одеялом. Но Аллита подполз ко мне, сдернул с меня одеяло и прижался жаркой своей попкой к головке моего члена.

— Умоляю тебя, доставь мне удовольствие!

Голос его не был голосом девятилетнего мальчика. Кррак!

Я подчинился.

...

Проснулся я почему-то в своей квартире. На моей любимой красной софе. Вечером. Вскипятил воду в новом электрочайнике, залил кипятком лежащий в стеклянной чашке пакетик Даржилинга, сделал бутерброд с сыром. Но ни пить, ни есть не стал.

Тело мое сладко ныло, руки дрожали, а душа сжималась от ужаса. Неужели я действительно... делал это с девятилетним ребенком?

Решил позвонить Ши. Но не нашел в мобильнике ее номера. Не может этого быть! Мы же вчера раз пять разговаривали. Поискал телефонную книгу. Но сразу вспомнил, что выкинул ее — за ненадобностью — лет восемь назад.

Решил, скрипя сердце, пойти к ней. Боялся встретиться там с Аллитой. Наверное, маленький сатир сказал ей, что я его изнасиловал, и Ши уже позвонила в полицию...

Вышел на улицу и пошел, спотыкаясь, к дому Ши. Она жила в десяти минутах ходьбы от меня. Прохожие на улице представлялись мне спешащими по своим ничтожным делам поржавевшими роботами. А пролетающие по улице автомобили — охотящимися на меня боевыми машинами неизвестной армии.

Так, вот и ее дом... Сейчас я ей позвоню, она мне откроет, я поднимусь на лифте на восьмой этаж... а там уже полиция, суровые чиновники из Югендамта, врачи, собаки-ищейки. Криминалисты снимают отпечатки пальцев... берут ватными палочками пробы спермы. Аллита плохо изображает плач и показывает дрожащей рукой на свою многострадальную попку.

— Да, да, дядя всунул в меня эту штуку... это было так больно... я умолял его прекратить, но он продолжал, продолжал...

Его успокаивают психологи.

А тяжело дышащая Ши говорит, что связь со мной была самой страшной ошибкой ее жизни.

...

Рядом с потертыми кнопками стояли имена и фамилии. Я попытался вспомнить фамилию Ши. Не удалось.

Смутно припоминалось, как она рассказывала о том, что «Ши» — это не уменьшительная форма ее имени, а сокращение... Сокращение чего?

В голове у меня был беспросветный туман.

Я попытался вспомнить, как выглядела Ши, но не смог.

Азиатка она? Или европейка? Все, все забыл.

И черты ее сына тоже расплылись. Когда я думал о нем, то вспоминал только его закатанные в экстазе глаза. И слышал его страстный шепот.

Из подъезда вышла солидная дама в бордовом пальто. Я узнал ее, это была соседка Ши по лестничной клетке, про которую Ши рассказывала мне... забыл что... обычная история с любовниками, мужьями и собачками. Несколько раз мы разговаривали на кухне у Ши втроем. Пили кофе со сливками. Кажется, эта дама советовала нам покупать масло не в Эдеке, а в Нетто.

— Извините, забыл ваше имя, я друг Ши, помните? Не могли бы вы напомнить мне ее фамилию? Такая досада — забыл. Я ищу ее тут в списке и не могу найти.

Дама посмотрела на меня недоверчиво. Недоверчивость ее быстро переросла в яростное возмущение. Она проговорила уверенно и холодно: Никакой Ши я не знаю. Вас вижу впервые. Отстаньте, иначе в полицию позвоню.

После этого отошла от меня, взмахнула руками как крыльями... превратилась в птицу и тяжело взлетела.

Я не удивился ни ее ответу, ни превращению. Потому что неожиданно все понял. В тот момент, когда разглядел ее птичье лицо.

Все мы, и Ши, и Аллита, и эта соседка, и я сам... все мы не были людьми... а только ожившими персонажами из прочитанных кем-то когда-то книг.

И сам этот сумасшедший город был набором иллюстраций Майднера или Шлихтера, а не реальным городом.

Пошел домой. В двенадцать должна была начаться моя смена.

Дома выпил наконец свой чай и съел бутерброд с сыром. Чай был холодный, а бутерброд — сухой и невкусный. Неудивительно, ведь он был бумажным!

Взял в руки свой новый электрический чайник. Погладил его приятную матовую поверхность. И гладил его до самого отхода на работу. Несколько раз чайник прямо в моих руках превращался в чудесную куколку из слоновой кости. Ее глаза оживали, ротик раскрывался и я вновь слышал страстный шепот Аллиты.

По дороге на работу, в эс-бане, со мной случилась неприятность.

Я вошел в полупустой вагон, хотел занять место у окна и посмотреть на ночной Берлин, проверить свою догадку.

Вместо этого неодолимая сила заставила меня согнуться и достать лбом до грязного пола вагона. А из моей грудной клетки сам собой исторгся громкий звук, повторившийся три раза: Кррак! Кррак! Кррак!

Пассажиры вагона не обратили на меня внимания. Только один неприятный толстяк вытаращил глаза.

В бассейне

Написал в 2017 году рассказ «Мальчик, который был чайником». На одну четверть — ностальгический, на другую — грустно-иронический, на третью — мистический, и только на четвертую — эротический, клубничный. Рассказ этот — предыстория текста «Согнувшийся человек». Объяснение того, что заставило героя «согнуться». Одна из частей пазла, который я составляю последние годы.

Главный герой этого рассказа вспоминает неожиданный для него самый эпизод — плотскую любовь с девятилетним мальчиком Аллитой, сыном его подруги. Из текста не ясно, является ли это интимное событие реальным происшествием, фактом его жизни или оно — только фантазия маленького человека, сон, иллюзия. Кажется и сам герой не до конца уверен в том, что это действительно произошло. Хочет позвонить своей подруге, но не может вспомнить номер телефона, помнит ее адрес, но не помнит ее имени, бежит к ее дому, в отчаянии допрашивает ее соседку, даму с собачками, но так ничего и не узнает. В ужасе замечает, что у этой женщины — птичье лицо. Когда она, эта старая городская ворона, «тяжело взлетает», наступает прозрение — герой понимает, что он «не настоящий человек», а «персонаж из прочитанных кем-то книг», что «город вокруг него не реален, что он только набор иллюстраций».

Происходит то, ради чего этот рассказ и написан — человек, ведомый по жизни своими страстями, теряет свое прошлое, теряет реальность, теряет себя. От него остается только что-то вроде оболочки, которая пытается жить дальше, «как будто ничего не произошло», «как будто она — человек».

И это мироощущение, мироощущение эмигранта — самое щемящее в этом рассказе-метафоре. Эротическая история тут — только розовая кремовая начинка словесного пирожного, не больше. Приманка. Также как и в «Лолите», ненавязчивой пародией на которую этот скромный текст и является.

...

Через некоторое время после публикации «Мальчика» на портале ПРОЗА.РУ моя заботливая американская сестра прислала мне по электронной почте письмо, в котором пугала меня полицией и арестом. «У нас тебя бы за такое посадили, а если бы не посадили, то оштрафовали бы, опозорили и сильно усложнили тебе жизнь», писала сестра, демонстрируя заботу о моей свободе, кошельке и достоинстве.

Я не верил, что писателя могут покарать за деяния, совершенные в художественном произведении его лирическим героем. Это все равно, что судить человека за его сны...

Мне казалось, что не только мои читатели, но и полицейские и следователи и юристы — все-таки не клинические идиоты, путающие реальность литературы и обычную нашу повседневность и приписывающие автору все, что думают и делают его литературные герои. Посмеялся и обдал сестру презрением...

Как выяснилось — зря. Получил таки под дых из-за моего «Мальчика»...

Удар был нанесен не Америкой, а «щедрой и доброй» Россией, в которой якобы «запрещена цензура».

Не знаю кто... настучал на меня модераторам ПРОЗЫ.РУ — и они моего «Мальчика» у себя на сайте уничтожили. А потом — видимо для того, чтобы я не подумал, что жизнь не так уж плоха — выкинули еще дюжину моих рассказов, в которых присутствовали эротические сцены. Некоторые из этих рассказов висели на ПРОЗЕ.РУ к тому времени уже более десяти

ти лет... были напечатаны на бумаге на двух языках, в книгах и периодике — и в Америке, и в Германии и даже в России. И ничего, никого кажется не сбили с пути истинного.

Обоснованием для уничтожения моих текстов послужила туманная фраза «Ваши тексты нарушают законодательство Российской Федерации». Пришлось полистать русское законодательство. Да, там есть запреты на детскую порнографию, на пропаганду гомосексуализма, на все вообще, что может как-то негативно повлиять на молодых людей.

Мой рассказ, однако, — ничего общего с порнографией не имеет. Гомосексуализм не пропагандирует. Ничего не пропагандирует, и никакого, ни дурного, ни хорошего влияния на юношество оказать не может. И уничтожили его на ПРОЗЕ только за то, что в нем затронута запрещенная тема. Табу.

Кстати, с этим самым влиянием литературы на ребенка вообще-то ничего не ясно. Тайна за семью печатями. Например, пушкинская «Гаврилиада» и поэма Лермонтова «Сашка» страшно возбуждали меня в детстве, но не развратили меня, а только рассмешили. А более-менее кошерная (и ужасно скучная) «Анна Каренина» внушила мне стойкое отвращение к семейной жизни.

Похоже, модераторы ПРОЗЫ — удалили мои тексты, потворствуя чьему-то безумию. Своему или безумию каких-то начальников. Но это их дело.

...

Запрет моих рассказов — пробудил во мне желание отомстить за унижение.

Кому отомстить?

Модераторам ПРОЗЫ? Нет, конечно. Эти люди мне безразличны.

Неправде. И всем ее носителям, тем, кто пытается лицемерными ограничительными мерами представить мир не таким, каким он является на самом деле.

А как отомстить неправде? Проще простого — написать правду.

Правду о сегодняшней России я не знаю, хотя и догадываюсь о ней. Но жизнь в СССР я не забыл. Поэтому решил —

назло всем ханжам и лицемерам — написать документальный рассказ исключительно про половые сношения взрослых мужчин с мальчиками. Нарушить табу и подоить священную корову. Погулять по дорожке, проторенной еще Марциалом и Петронием.

Разумеется, я не собираюсь обобщать и мазать всех одной краской. Расскажу только о двух событиях, очевидцем которых был сам.

* * *

Жил я тогда в Москве, в университетском доме на Ломоносовском проспекте. Было мне восемь или девять лет.

Все мои знания об отношениях между полами я получил на улице. Никакой другой информации об этом, жгуче интересном для взрослеющего мальчика предмете, я не получил. Ни от родных, ни от школы.

Меня неодолимо тянуло к девочкам... а взрослые полнотелые женщины разжигали во мне такое пламя... которое не могли погасить ни ежедневные двухчасовые тренировки, ни нудные уроки в английской школе.

Я ничего не знал о романтической, нежной стороне половой жизни. О том, что предшествует совокуплению. Не знал даже о том, что физическая любовь приносит наслаждение. Понятия не имел о менструальном цикле, о климаксе.

Половые органы взрослой женщины видел только один раз — еще дошкольником. Мертвецки пьяная рабочая со школьной стройки валялась в лопухах метрах в ста от Дома преподавателей. Без штанов.

Грязные сапоги до колен. Полные короткие бедра — раздвинуты. Большие отвислые груди с пористыми сосками вылезли из-под расстегнутого ватника...

Мы, дети из окрестных дворов, подходили к ней и смотрели. И я смотрел. Было стыдно и жутко и сладко. Розовая кожа на лобке, поросшая темными волосами, зловещие красные пятна и бородавки в паху, уродливые срамные губы и жутких размеров красная дырка, в которую можно было всунуть ногу,

похожая на пасть инопланетного чудовища — понимания в интимных делах мне не прибавили, зато посеяли в детской душе семена похотливой жестокости и цинизма.

Какой-то дерзкий мальчишка вставил лежащей во влагляще дымящуюся сигарету.

Всю свою жизнь я не мог забыть эту картинку... и она, против моей воли, накладывается на все воспоминания об интимных встречах с моими милыми женщинами.

...

В нашем дворе жили два моих одноклассника — Тема и Вася.

Тема был худенький и высокий, миловидный. С рыжеватым пушком на персиковом личике. Вася — пониже и пошире. Покрепче и поглубже. В его походке, разговоре и повадке то и дело проглядывал будущий сварливый, всем недовольный мужик лет пятидесяти.

Подбегает ко мне однажды Вася, запыхавшийся, красный и взволнованный. Орет: Айда в Красные дома, там дядьки деньги раздают.

— Откуда знаешь?

— Я с Темкой бегал у одного подъезда. В салочки играли. Там Чиж стеклянный шарик нашел. Офигеть, шарик. Всю Землю видно. Дядьки подошли, сказали: Хотите дадим вам по рублю? Пошли с нами в подвал. Темке рубль дали, он пошел. Я схитрил, сказал, меня мать ждет... а сам за тобой...

— А что если они Темку там... топором?

— Да не ссы ты! Топором...

— Может лучше в милицию позвонить?

— Ну нет, я мусорам звонить не буду. Себе дороже.

Мы побежали. В сердце у меня зажглись два огня — страх и любопытство. Страх был небесно-синий. Любопытство — белое.

Подбежали к тому подъезду. Без труда открыли тяжелую железную, покрытую местами облупившейся зеленой краской дверь.

В подвале меня поразили трубы отопительной системы... много труб... казалось, что мы попали в брюхо динозавра. А трубы, обитые изоляционным материалом, — это его кишки.

Помещение было небольшое и плохо освещенное... пахло паром, гнильем и кошачьими экскрементами. Мы осмотрелись, никого и ничего там не было. Кроме труб и подозрительно шевелившейся кучи вонючего тряпья в углу. Кошки?

Хотели домой идти, но Вася обнаружил еще одну дверь, поменьше первой, но толстую-претолстую. Она вела в помещение, похожее на бомбоубежище. На ощупь нашли выключатель. Зажглись несколько слабеньких зарешеченных лампочек...

Длинный коридор. Шесть или восемь дверей. В конце коридора — туалет. Рядом с которым, на стене, кто-то нарисовал углем непристойную сцену.

Пошли по коридору.

Осторожно открывали двери... одну за другой... заглядывали, заходили.

В одной комнате помочились на стену. В другой Вася нацарапал на стене гвоздем дурацкую надпись: Вася и Гоша школьники. Хуй.

И нарисовал мелом две смешные фигурки, домик и солнце...

Он всегда носил с собой в кармане мел. Воровал его в школе.

То ли в шестой, то ли в восьмой комнате мы получили сюрприз. Приоткрыли дверь и сразу услышали стоны. Заглянули.

Посередине комнаты стоял топчан. На топчане лежали двое. Тема лежал на животе. Руки и ноги мальчика были привязаны к ножкам топчана. На Теме лежал мужчина лет сорока пяти. Тот самый «дядька», который заманивал Васю в подвал и дал Теме рубль. Дядька был одетый, а Тема — голый. В полутьме тело Темы серебрилось как рыба...

Дядька как-то странно дергался. Как будто забивал собственным телом гвоздь. Тема жалобно стонал, что, видимо, нравилось лежащему на нем дядьке. Дядька весело хрюкал.

Двое мужчин сидели на ящиках. Третий ящик помещался между ними. На нем стояли три бутылки и свеча. Свеча горела и коптила. Они курили папиросы, пили по очереди из горлышка и играли в буру засаленными картами с оборванными углами. По стенам прыгали тени.

Мы окаменели.

Видимо кем-то уже просвещенный Вася прошептал мне на ухо: Гляди, дядька Темку ебет.

— Куда?

— Куда-куда... В сраку.

— А разве можно?

— Можно.

— А зачем?

— Ему клево.

— Кому?

— Дядьке.

— А Теме?

Спрашивая это, я не лукавил и не острил. Не понимал того, что происходило у меня перед глазами, но догадывался, что Теме больно.

Что такое больно я уже знал. Месяц назад тетка-хирург в районной поликлинике вскрыла мне застарелый гнойник на ноге, а потом вычистила рану. Стонал я тогда раз в пять громче Темы.

...

Неожиданно в комнату вбежала кошка. Мягко задев нас длинным вертикальным хвостом.

Один из сидевших на ящиках мужчин схватил пустую бутылку и бросил ее в кошку. Не попал. Бутылка с грохотом и звоном разбилась, а кошка злобно мяукнула и бросилась вон из комнаты... но запуталась у нас в ногах и вцепилась когтями в жирную голень Васи. Вася заревел как раненый мастодонт.

Я успел улизнуть до того, как другой мужчина втащил ревущего Васю в комнату с топчаном и ящиками. Спрятался в соседней комнате. Затаил дыхание.

Через несколько минут вышел в коридор, подошел к неплотно закрытой двери и заглянул в щелку.

На Теме лежал уже другой мужчина. И дергался также как первый. Каждое движение сопровождал хриплым криком: Ах-блядь, ах-блядь, ах-блядь.

Несколько раз просипел: Как же хорошо, ебитская сила!

Тема уже не стонал, только умолял неестественным надрывным фальцетом: Дядинька, дядинька, не надо, мне больно...

Вася стоял перед другим мужчиной на коленях. Тот держал голову Васи двумя руками и то притягивал ее к себе, то отводил ее от себя.

Страх и любопытство больше не горели у меня в голове. В ней появилась новая звезда. Слепящее фиолетовым светом желание...

Никакого сочувствия Васе и Теме я не ощущал.

...

Вышел из подвала я отягченный новым знанием. Побрел домой. Дома была только бабушка.

Ничего ей не сказал. Потому что знал — за то, что я перешел без спроса Ломоносовский, да еще и лазил в какой-то подвал — меня строго накажут. А если я расскажу про то, что происходило в той комнате, что я подглядывал, потащат в милицию... дойдет и до одноклассников и до учителей... может быть и из школы выгонят.

Никто не узнал о том, что я был тогда в подвале. Вася испытал такой сильный шок, что несколько лет не говорил. Кажется, родители отвезли его к бабушке, в Ригу, где он дальше и жил.

Бедный Тема умер. Один из насильников, третий по счету, задушил его во время эякуляции. «Чтобы не пищал».

Поймали мерзавцев, оказавшихся заезжими уголовниками из-под Курска, до банальности просто. Когда я уходил из подвала — впопыхах не закрыл за собой дверь. Ту самую, зеленую. Случайно проходивший мимо участковый заметил открытую дверь, заподозрил недоброе... вызвал подкрепление. Преступников задержали.

* * *

Второе происшествие, о котором я хочу рассказать, не такое драматическое и жуткое, скорее альковное или даже античное, произошло в душевой бассейна.

В начале второго класса на школьной диспансеризации у меня обнаружили сколиоз.

Искривление позвоночника! Врач сказал моей матери: Возможно, ваш сын станет горбуном.

Пришлось записаться в спортивную школу плавания, ставшую моей первой настоящей школой жизни.

В спорте, как и во всем «советском» — доминировали тупость, насилие и обман. Сильные мальчишки-пловцы задавали, важничали, тех, кто послабее, не считали за людей, третируют, иногда били. Тренеры мучили всех — и сильных и слабых. Часто грубили детям, орали, унижали. Заставляли одиннадцати-двенадцатилетних детей глотать «витамины», различные таблетки, увеличивающие мышечную массу, ускоряющие рост и заметно улучшающие результаты на соревнованиях. Спортивные врачи проводили над нами непонятные эксперименты, вливали что-то в вены.

Хочу отдать должное плаванию — мой позвоночник стал уже через год тренировок прямым как стрела. Надо было мне тут же послать бассейн и его обитателей куда подальше. Но я был робким ребенком, боялся гнева матери, и тренировался еще пять лет.

Никогда не забуду дистанцию в полтора километра. Плы-вешь, плывешь, гребешь, гребешь, толкаешь тело вперед, вперед... выдыхаешь в воду... вселенная качается в такт с твоим дыханием, хлорированная вода разъедает глаза, лезет в нос и уши... и ты должен плыть, плыть... Шестьдесят бассейнов. Туда — обратно. Туда — обратно. Каторжный труд. Потом — минута отдыха. А затем еще раз шестьдесят бассейнов.

Умение, стиснув зубы, долго терпеть тяжкое бессмысленное дело, пригодилось мне позже, во взрослой жизни.

...

После плавания — мы мылись в общей душевой.

Обычно даже не намыливались... только стояли, переминаясь с ноги на ногу, под ласкающими струями горячей воды, грелись и отдыхали. Иногда очень подолгу. Домой идти не хотелось. На улице было холодно и грязно, дома многих ждали пьяные злые родители, шум и скандалы коммуналки или, еще хуже, — родители интеллигентные, требовательные, строгие, с амбициями, пунктуально проверявшие домашние задания, следившие за каждым шагом ребенка.

Дольше всех в душевой часто оставался один мальчик с восточной внешностью, Арис, по национальности то ли курд, то ли армянин. Был он года на два меня старше. Дети дразнили его — Ириской. И действительно, что-то было и в его характере и в манере говорить и даже в стиле его брасса — сладкое, тягучее, липкое. При этом он вовсе не был «слабаком» или «чудиком». Прекрасный пловец с фигурой Диадумена Поликлета в миниатюре... настоящий атлет. Воспитанный, спокойный, очень сильный.

Мне Арис нравился, я был бы не против с ним подружиться. Но он не дружил ни с кем.

Я догадывался, что Арис не такой как все, что у него есть какая-то тайна и пытался ее разгадать. Подглядывал за ним. Шпионил. Я еще не знал, что некоторые секреты лучше не раскрывать...

Однажды — я схитрил. Все мальчики, кроме Ариса ушли после душа в раздевалку.

И я ушел. Начал одеваться, не спеша, тянул время... ждал, когда все уйдут домой. А дождавшись — быстро разделся и пошел назад, в душевую. На цыпочках. Не хотел, чтобы Арис меня заметил.

...

Не все тренеры грубили тренирующимся в бассейне детям. Наш постоянный тренер Кагельман вел себя вполне прилично. Только часто вздыхал и разочарованно покачивал головой, глядя на секундомер. Однажды он грустно посмотрел на меня и спросил: Почему ты не растешь? Мало каши ешь?

И дал мне кулек с «витаминами». У меня хватило ума показать кулек маме. Та его, ни слова не говоря, выкинула.

Когда Кагельман заболел гриппом, его заменял тренер Потапчук, самый злой тренер в нашей спортшколе. Он часто грубил и унижал детей. Может быть потому, что пережил в детстве нечто ужасное. Дети рассказывали, что всю его семью будто бы съели соседи-каннибалы во время голода на Украине. И он ненавидел детей и мстил всем, кому мог. Говорили даже, что Потапчук по ночам ловит неосторожно вышедших на улицу детей, тащит к себе домой, жарит и ест.

На тренировках Потапчук орал, жестикулировал, выпучивал глаза как хамелеон, жутко трясяся, заикался, плевался, на его некрасивом круглом лице выступали черные и багровые пятна, глаза блестели от гнева.

Дети его побаивались и не любили...

Впрочем, к одному из нас он явно благоволил. Изредка хвалил его. Старался на него не глядеть, чтобы не выдать своих чувств. Но иногда все-таки одаривал его томным взглядом.

Детские глаза замечают все. Однажды кто-то написал на двери шкафчика в раздевалке: Пидарчук плюс Ириска равняется любовь.

Я видел, как вспыхнул Арис, когда увидел эту надпись. Стер надпись своими мокрыми плавками.

...

Когда я размышлял о том, что же «не так» с Арисом, я конечно даже представить себе не мог того, что увидел в душевой.

Чувствовал себя Натом Пинкертоном. Крался по длинному влажному коридору.

Вдруг услышал негромкий разговор.

Сжался как камень и осторожно, в полглаза, выглянул из-за стены.

Увидел две голые атлетические фигуры. Это были — тренер Потапчук и Арис.

Тренер мыл мальчика и что-то ему рассказывал. Кажется про прошедшую тренировку.

Тер ему бока, бедра, руки и спину намыленной поролоновой лапой. Арис то и дело хохотал. До меня долетело: А потом этот жирный боров...

Затем Арис тер мочалкой волосатое, мускулистое, без единой жиринки, тело тренера. Особенно долго мыл его ядренные ягодички, похожие на ягодички Геркулеса.

Потом они начали тереться друг о друга спинами, животами и задами...

Как котики или морские львы.

Я не мог не заметить, как преобразился Потапчук, — он дрожал, сиял, лицо его как будто светилось. Он был красив так, как наверное были красивы титаны...

Я испугался, потому что почувствовал, что мой член встанет. В голове моей прыгали воздушные гимнасты с бенгальскими огнями в руках. Вождение победило отвращение. Под плавками бушевал пожар.

Любовники обнялись и страстно поцеловались.

Потапчук встал на колени и взял в рот член Ариса. Мальчик закрыл глаза и запрокинул голову.

В этот момент я поскользнулся на брошенном кем-то обмылке и чуть не упал. Подвернул лодыжку и обмер от неожиданно сильной боли. Прижался к влажной теплой стене душевой и зажал рот ладонью, чтобы не закричать.

...

Хитрость моя закончилась в травпункте. Я растянул связки и должен был четыре недели терпеть гипс на ноге. Не беда. Плавать не надо.

Свидания в душевой не остались без последствий для тренера и его любимца.

Я-то помалкивал, работал над собой, пытался переварить новый жизненный опыт и найти свое место в мире, который оказался не таким, каким я его себе представлял, но существовали, видимо, и другие очевидцы душевых наслаждений Геркулеса и Диадумена, люди практичные и инициативные, «защитники морального облика строителя коммунизма». Формулируя проще — завистники и доносчики. Они постарались испортить жизнь мальчику и его тренеру. И преуспели в своем рвении. В этом им помогла так называемая социалистическая общественность, которой больше всего нравилось выявлять, находить и карать всяческих врагов.

В начале нового учебного года Арис не пришел на тренировку. Я догадывался почему, а остальные пловцы нашей группы только гадали и рассказывали всякие небылицы. Говорили, что он с родителями уехал в Израиль, хотя Арис евреем не был. Со времени окончания Шестидневной Войны прошло только несколько месяцев. Тема эта была тогда свежей и острой, как ахматовские устрицы... и опасной. Одно упоминание того, что кто-то оказывается собирается «уехать из СССР»

действовало на многих заскорузлых совков, недавних сталинцев — как красная тряпка на быка. Это как так «уехать»? И «жрать там от пуза»? А мы что, хуже его? Сволочь!

Некоторые дети, помнится, вслух мечтали о том, чтобы «наконец поставить проклятых жидов к стенке».

Конец гаданиям положило общее собрание спортшколы, на которое заставили прийти не только нас, спортсменов, но и наших родителей. Стыдно вспоминать это гнусное советское мероприятие. Нам объявили, что не присутствующий на собрании Арис Пелеван отчислен из школы за поведение, недостойное советского пионера, который должен «жить, учиться и работать как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия»...

После этого «громили» несчастного Потапчука, который на собрании присутствовал. Сидел, опустив голову, тряся и вытирал лицо носовым платком. Униженный, побитый Геркулес.

Выступали коллеги, несколько спортсменов из «группы олимпийского резерва», профсоюзные и партийные функционеры из района. Обвиняли Потапчука во всех смертных грехах... во всех, кроме любви к тринадцатилетнему мальчику. Единственным, кто сказал несколько слов в его защиту, был Кагельман. Он призывал «карать не слишком строго», вспомнил о том, что Потапчук воевал, был два раза контужен и ранен, имеет ордена и медали, воспитал несколько мастеров спорта...

Председатель собрания, рекордсмен России или Узбекистана в сороковые годы, так прокомментировал его выступление: Помним, помним, если бы не помнили, пахал бы ваш Потапчук уже на лесоповале.

Самым ужасным для меня было покаянное выступление самого Потапчука. Мне было жалко этого человека. Я простил ему грубость и унижения на тренировках.

Сорокапятилетний тренер просил прощения у коллег по работе, которых он «подвел», у учеников спортшколы, у которых он «пытался отнять будущее» и у профкома... и у парткома...

Слушать его было невыносимо.

В конце выступления Потапчуку стало плохо, он схватился за голову, страшно выпучил глаза, затрясся и рухнул на пол.

В бассейне его больше не видели.

Глюк

Мой приятель Алекс был влюблен в железную дорогу.

В милых женщин он конечно тоже иногда влюблялся... и переживал, как и все мы, соответствующие счастливые моменты в начале и мелодрамы в конце...

Амуры впрочем Алексу часто надоедали и он держал долговременные паузы на клубничном фронте... страсть же его к железной дороге не проходила никогда.

Субстанции обменивались свойствами, и его страсть получала тяжесть рельсов и целеустремленность стального пути, а современные электровозы — дополнительные лошадиные силы его молодого сильного тела.

Одна из разгневанных его пассий, перед тем как хлопнуть дверь и покинуть Алекса навсегда, прошипела: Ты должен спать с паровозом, а не с женщиной, кретин!

Полагаю, Алекс так бы и поступал, если бы это было физически возможно...

На стене в холостяцкой его спальне висела не фотография обнаженной полногрудой красавицы или нью-йоркского небоскреба, мимо которого проносится роскошный открытый кадиллак, которым правит длинноногая блондинка в остроугольных очках по моде шестидесятых, помахивающая платочком свободной левой рукой, а увеличенная до полутора метров в ширину карта узкоколейных железных дорог Саксонии начала двадцатого века, на которой он помечал красным фломастером закрытые станции и заброшенные ветки, а синим — восстановленные. Рядом с картой висели сделанные им самим фотографии — тепловозы, электровозы, машинисты, кондукторы, пассажирские и товарные вагоны, рельсы, стрелки, шлагбаумы, вокзалы... знаменитые мосты, и снесен-

ные — как ажурный Грайфенбахбрюкке и действующие, такие как, например, кирпичный виадук Гельчтальбрюкке... во всем великолепии своих 29 римских пролетов...

Алекса не смущало то, что это замечательное свидетельство инженерного искусства Германии середины 19-го века стало после Объединения любимым местом для совершения самоубийств романтически настроенными подростками. Один раз с него прыгнули в восьмидесятиметровую пропасть сразу три мальчика из близлежащего городка. Взявшись за руки и распевая какой-то адский гимн... Ходили слухи о матерых сатанистах, «свивших» себе якобы где-то недалеко от виадука «гнездо», регулярно устраивавших там «черные мессы», мучивших кошек и собак и уговаривающих молодых людей с легким сердцем расстаться с теперешней, бессмысленной, мещанской и тупой капиталистической жизнью и перенестись в потусторонние владения «Великого темного мастера», где их ожидают весьма некошерные удовольствия и особые приключения.

Фаталиста Алекса не смущало вообще ничего.

Ну да, какие-то полоумные дети прыгают с моста. А он-то тут при чем? Каждый живет как может. В пропасть, так в пропасть. Значит, судьба. Все равно помирать. Но прежде, чем это случится, надо успеть вдоволь покататься на железной дороге...

Он вызубрил названия всех саксонских железнодорожных станций, помнил как таблицу умножения высоту и длину множества железнодорожных мостов, легко различал марки локомотивов и вагонов, побывал в депо и музеях. Прилежно изучил не только железные дороги Германии и Австрии, по которым часто ездил в командировки, но и других стран. Прокатился на поезде через всю Канаду, совершил рейд по Австралии — от Аделаиды до Дарвина — на знаменитом поезде ГАН, доехал по Транссибирской магистрали до Владивостока (где его обокрали, украли не только деньги и документы, но и дорогую коллекцию моделей советских локомотивов в масштабе один к сорока пяти, которую он купил у разорившегося коммерсанта), регулярно наведывался в Швейцарию, чтобы

поглазеть на горы и покататься на ее знаменитых альпийских железных дорогах... пожертвовал деньги на «паровую зубчатую железную дорогу Фурка». Посетил экзотический остров Занзибар, на котором по слухам Германская Восточноафриканская компания построила в конце девятнадцатого века железную дорогу. Дорогу эту он так и не нашел, но прожил несколько недель в гареме, состоящем из пяти прекрасных чернокожих женщин. Показывал позже слайды. И лечился у знаменитого венеролога.

На книжных полках в его огромной гостиной можно было найти только несколько книг, это были — различные железнодорожные справочники и альбомы, остальное место занимали — пять или шесть сотен моделей его любимых локомотивов, включая знаменитые паровозы фирмы Мэрклин, изготовленные в конце 19-го века... и огромная коллекция почтовых марок всех времен и народов, посвященных железной дороге.

...

Алекс — шеф и владелец небольшой, но богатой посреднической юридической фирмы (чем она занимается, я так и не смог понять, несмотря на все попытки Алекса объяснить мне это на простом немецком) и может позволить себе подобные причуды.

Живет он в саксонском городе К., в котором мы с ним и познакомились после того, как он заказал мне несколько рисунков с футуристическими локомотивами.

Наезжает Алекс по делам и в Берлин.

Тут он скушает... потому что Алекс, при всей своей железнодорожной космополитичности, несколько провинциален, и чувствует себя в нашем городе — слегка не в своей тарелке. Всякий раз, когда это чувство усиливается до болезненности, он звонит мне и предлагает совершить совместную экскурсию... обычно — сходить в Политехнический музей или побродить по городу или по окрестностям... главное, чтобы рядом проходила хоть какая-то железная дорога. Вот и тогда, поздней осенью 201... года, он неожиданно позвонил и заявил, что торчит уже две недели в Берлине, что устал и измучен и климатом и упрямством проклятых пруссаков, хочет сделать

паузу и пообщаться со мной... сообщил, что ему пришла в голову чудесная идея... побродить по заброшенному Парку развлечений на берегу Шпрее, заодно и проверить, в каком состоянии находится тамошняя развлекательная железная дорога, когда-то называвшаяся «Экспресс Санта-Фе».

Я не возражал, только напомнил, что мы не в России и не в Занзибаре... что в парке, наверное, есть служба безопасности, что нас скорее всего не пустят... а если мы просто перелезем через забор, то поймают, оштрафуют и опозорят.

На это он ответил, с удовольствием коверкая по-саксонски слова: Так именно и было бы, если бы в парке не работал мой старый знакомый. Бывший однокурсник и также, как и я член «Немецкого общества любителей железной дороги». Он обещал встретить нас у ограды, провести внутрь, показать несколько интересных руин и позволить нам гулять столько, сколько мы захотим... Дал слово оповестить коллег и шефа о нашем посещении... и уговорить их потерпеть нас несколько часов... и главное — оставить служебных собак в вольерах.

Собаки?!

...

На следующий день мы встретились на перроне станции с-бана Плентервалд, с которого так хорошо видны разновысокие дома поселения Вайсензидльюнг в Ной-Кёльне, превратившегося в последние годы в социальную болячку.

Холодный ветер быстро прогонял с перрона пассажиров, вокруг было пусто как в Сахаре, только на перилах сидели несколько птиц неизвестного мне вида. Они бойко чирикали, видимо заклинали низко висящее над горизонтом солнышко. Чтобы согреться и не дать тьме поглотить себя.

Договорились мы встретиться в три часа дня. Я приехал без пяти три. Алекса не было видно. Он опоздал всего на четырнадцать минут. Что для него — достижение.

Мы обнялись как умели (я толстяк и коротышка, а Алекс — атлетический гигант), покивали головами, выпучив глаза, саркастически похлопали друг друга по плечу, покрякали... покашливали...

Зарядились друг от друга новой энергией и беззаботно предалися разврату общения.

Спустились по нечистой лестнице в холл, расписанный граффити... с разбитыми стеклами... стекла, видимо, долго били камнями, в одной из зазубренных дырок торчала птичья тушка... под ней краснела как ленточка запекшаяся кровь...

Вышли на воздух и побрели, не торопясь, по улице, застроенной доблестными строителями ГДР одинаковыми четырехэтажными социалистическими бараками.

По дороге болтали и сосали леденцы на палочке в форме разноцветных дракончиков, которые Алекс привез из города К.. Леденцы эти делал... один странный человек... по прозвищу Зеленый тролль... на своей домашней кухне. Алекс знал, что я их люблю, и привез... это было приятно. Знак внимания...

Я тоже принес с собой кое-что. Стекланный шарик, во внутренностях которого катался по кругу крохотный жестяной поезд. Купил игрушку на блошином рынке за сорок евро. Когда я подал ее Алексу, он от восторга чуть не взлетел. Пообещал взять меня с собой в следующее железнодорожное путешествие. По Южной Америке. Я вежливо отказался. Москиты. Джунгли. Пустыни. И летающие тараканы. Боже упаси!

Попросил Алекса рассказать об общих знакомых...

— Вроде бы ничего не происходит ни с кем. Как будто нас, там внизу, выкинуло из потока жизни... Только стареют все... как и положено... Ах, да, Аннета Б. покинула город три года назад. Живет теперь на острове Рюген. Называет его своей Атлантидой. Открыла там художественную галерею и продает макраме, которые сама и плетет... По ее словам — зарабатывает кучу денег, только скорее всего врет... У нас испоганила все, что могла, теперь там, на острове, вербует поклонников... интригует... Ты знаешь, она... умудрилась занять у меня на переезд деньги. Три с половиной тысячи. Я не хотел давать, но дал... уговорила.

— Ты дал деньги Аннетке? Ты же знаешь, что она никогда не отдаст. И еще придумает про тебя какую-нибудь особенную гадость... в благодарность за твою доброту.

— Да... она... это умеет... Гипнотизирует... и прелестями трясет. Она сказала, тебе теперь деньги все равно не нужны... Рассказывала мне про всех... с душераздирающими подробностями. И про тебя. Как ты после... захотел в...

...

Алекс часто замолкал... прямо в середине фразы... задумывался глубоко, морщил красивый римский лоб... голубые его глаза теряли колючесть, стекленели... становились мертвыми.

Мне представлялось, что он не говорит... а плывет по реке времени... но то и дело попадает в водовороты, которые его утягивают в глубину... в омуты прошлого... из которых, как из царства мертвых, его выносит на поверхность жизни не слабая воля, а благосклонность богов... может быть даже какая-то специально для таких случаев сконструированная высшими силами метафизическая железная дорога...

— Ты с ней спал?

— Месяца четыре вместе жили. Я даже квартиру снял на Кассберге... С видом на тюрьму... Аннетка купила дюжину разных стеклянных шкафчиков... Расставила всюду синие и зеленые вазочки и своих любимых бегемотиков из слоновой кости... на стены повесила эти чертовы макраме... тысяч пять только на бегемотиков потратили... Из Африки нам их присылали... с посылными... Через Югославию... Четыре месяца... Больше не выдержал, замучила сменой настроений... всю кровь высосала... один раз, когда меня не было, продала несколько локов, думала я не замечу... (Алекс опять погрузился в омут прошлого, помрачнел, молчал минуты две, вспоминал)... и мою кошку не кормила, когда я в путешествия уезжал. Из мести, что ее с собой не брал.

— Агату? Ревновала, понятное дело. Ты кажется, кроме нее никого по-настоящему не любил...

— Да, любил мою милую кошечку. Как же мне ее не хватает...

— Купи новую.

— Нет, таких как Агата больше не бывает. Помнишь, как она мурлыкала?

— Помню. И когти ее тоже помню.

— Да, а неуловимый Джо попал в историю. Чуть не отправился редиску снизу смотреть... Отдыхал он как обычно в Пуэрто-Рико. Загорал, купался. Виллу снял вместе с двумя красотками... Они его ублажали-ублажали... а у одной из них был ревнивый жених. И этот жених придумал вот что... представляешь, Джо замутил там нудистское парти... пришло много народу выпить на халяву шампанского и потрахаться... а этот самый жених... купил где-то воздушный шар и накачал его специальным газом... подогнал, пригласил гостей в корзину, а когда поднялись метров на сто... выпустил газ...

Алекс опять замолчал.

— Не замолкай, интересно!

— Позже расскажу. Смотри, вон там... Нас уже ждут.

...

На другой стороне улицы стоял... похожий на Алекса человек, настолько похожий, что я поначалу растерялся. Помахал нам рукой.

Близнец? Алекс никогда не рассказывал мне ничего о брате-близнеце. Странно.

Мы перешли улицу.

Да... те же темные кудри... веснушки на розовой, как бы собачьей, коже... то же открытое, немного наивное, немецкое лицо с крупными глазами, прямым носом, режущей выдающейся челюстью и тонкими бесцветными губами...

Тот же рост, те же широкие плечи, длинные бедра... те же голубые джинсы и та же элегантная курточка. Только под курточкой у Алекса была сиреневая рубашка, которую украшала темная бабочка с желтыми пупырышками... а у близнеца рубашка была цвета хаки, а бабочка — синяя, с белыми пупырышками.

Договорились одинаково одеться, чтобы удивить меня? Алекс любил дурацкие шутки.

Близнец дружески поздоровался с нами, пролаял что-то непонятное на берлинском диалекте, обнялся с Алексом, и мы тронулись.

Несколько минут шли по дороге, замощенной голубоватым камнем. Затем проводник наш остановился у столба...

с полуметровым металлическим жуком на вершине, нажал на нем какие-то кнопки, приложил к маленькому стеклянному окошечку большой палец правой руки.

...

И все вокруг нас изменилось.

Свет стал другим. Или воздух начал иначе его преломлять?

Само пространство изменилось, стало казаться, что мы идем внутри большой стеклянной призмы.

И полумертвый ноябрьский лес... позеленел, ожил, наполнился ароматами и звуками.

Изменение произошло и со мной... Тоска, гложущая меня уже несколько лет, прошла. Я ощутил прилив сил.

Алекс ничего не заметил, потому, что как раз тогда, когда его близнец нажимал на кнопку — погружался в один из своих омутов.

Двойник же его лукаво на меня посмотрел и едва заметно улыбнулся...

...

Мы свернули на лесную тропинку.

Форсировали непонятно откуда взявшийся тут овраг.

Несколько раз пробивались через колючие кустарники и бурелом. Близнец расчищал дорогу мачете.

По моим расчетам, мы должны были уже четверть часа назад достичь цели. Но мы шли-шли-шли...

Мне не хотелось больше в этот Парк. Видел картинки в интернете. Скука. Убожество. Как и все, что осталось от ГДР.

Мне хотелось и дальше идти по этому лесу... внутри призмы... чувствовать себя молодым и здоровым... и ни о чем не думать.

...

Вспугнули спящего оленя.

Олень вскочил, посмотрел на нас сердито, пробормотал короткое немецкое ругательство (клянись!), помотал грандиозными ветвистыми рогами и прыгнул... приземлился метрах в двадцати от нас и умчался как скорый поезд.

Миновали еще один овраг. На дне его протекал ручей. Когда я его перепрыгивал, мне показалось, что снизу, из кристальной глубины на меня смотрит знакомое женское лицо. Наваждение.

А еще через несколько минут дорогу нам вдруг преградил... слон, размером с товарный вагон. Нет, не слон. Мамонт! Бивни винтами. Шерсть клокастая. Глаза красные от гнева. На брюхе мамонта была дверь. В двери было вырезано небольшое окошечко. Оттуда на нас внимательно смотрели две ручные вороны. Искусственные их глазки поблескивали как жемчужины.

Мамонт поднял хобот и затрубил... а затем... исчез.

А это что такое? Вокруг толстой ветки бука обвился пятнистый питон. На некоторых его пятнах проступала эмблема магазина Альди.

У корней дерева копошился... дикобраз. На крысиной его морде я заметил круглые роговые очки.

Рядом с ним порхали три слепяще-синие бабочки величиной со стопу иети.

Может быть тут, на берегу реки — микроклимат?

Или проклятый близнец привел нас потайным путем в частный зоопарк под стеклянным куполом, о котором никто не знает?

Вроде «Тропического дома» в Ботаническом саду?

После того, как у нас над головами пролетел, величественно поводя крыльями, огромный орнитохейрус, я решил, что свихнулся. Орнитохейрус бормотал: Посторонние в Парке явление нежелательное. Надо сообщить дирекции и пресечь надругательство... Хррак-хррак-хррак...

Алекс и его спутник шли себе, как ни в чем ни бывало... жестикулировали, вспоминали студенческие проделки, гоготали... восклицали.

Все движения руками и ногами они совершали синхронно.

В какой-то момент... две симметричные фигуры, маячившие у меня перед носом... наложились друг на друга... слились... стали одним человеком.

Этот образовавшийся из соединения двойников человек вывел меня за руку из густого кустарника на аккуратно заасфальтированную полянку.

...

Перед нами посверкивал в лучах полуденного солнца как бы игрушечный вокзал развлекательной железной дороги. Станция называлась — «Пальмира». На перроне росли пальмы. На одной из них я заметил обезьяну. Она ела большое красное яблоко и чесала у себя под мышкой...

На узеньком рельсовом пути стоял поезд, состоящий из смешного красно-зеленого паровоза и трех открытых пассажирских вагончиков, заполненных веселыми пассажирами. Все они были нагими...

Некоторые пританцовывали, другие пели... у многих в руках было итальянское мороженое и цветные воздушные шарики.

Гамадрил-машинист в смешной фуражке стоял рядом с паровозом на всех четырех, распуша свою роскошную шевелюру. Открывал пасть, украшенную длинными клыками, и пускал в воздух из специальной машины мыльные пузыри размером с арбуз. Увидев нас, он заторопился... быстро влез в кабину паровоза и дернул за шнур. Загудел гудок. Протяжно... А затем прогудел несколько пассажей из оперы Гуно «Фауст».

Несколько больших черных птиц взлетели с веток вяза.

Мой спутник потянул меня за руку... втащил в последний вагон... мы нашли два свободных места.

...

Поезд тронулся.

Я был ошарашен. Нудисты. Гамадрил. Фауст.

Поезд отлакирован, а вокзал — сияет свежими красками. В заброшенном Парке?

И почему вокруг все цветет как в конце мая?

А на душе так тепло и радостно?

Откуда взялись эти пассажиры?

По дороге сюда мы не встретили ни одного человека.

Пассажиры?

Нет... это были не живые люди, а большие деревянные куклы. И в руках они держали деревянное мороженое.

Как же это я обознался?

Попытался зачем-то вспомнить, какую рубашку носил Алекс, а какую его близнец. Но не вспомнил. Перед носом носилась синяя стрекоза... Отвлекала, путала мысли...

Я попытался отогнать ее, как отгоняют назойливую муху. Не тут-то было.

Она села мне на живот и пролепетала: Как же вы невежливый, господин артист! Разве вы не видите, кто я?

И вправду, это была не стрекоза, а Люси, моя недолгая калифорнийская подруга, выдумщица и забавница, молодая, привлекательная, в белом белье. Она сидела у меня на коленях и жеманилась.

Прощебетала: Посмотри, как тут прекрасно! На острове мормонов всегда лето... переезжай ко мне, будем любить друг друга как в доброе старое время.

Поцеловала меня в лоб и пропала.

В воздухе не осталось даже пара.

Только тепло ее губ...

...

Потешный наш поезд долго поднимался по спирали на вершину пологого холма.

Я жадно смотрел на живописные окрестности. Хотел насладиться каждой мелочью. Чувствовал, что еще немного... и все это пропадет... исчезнет, как исчезла несколько минут назад моя бывшая подруга... как исчезает все...

Я видел густо-зеленые леса, многоводные реки... долины... хрустальные города... на горизонте — синели заснеженными вершинами горы.

На одной полянке... совсем недалеко от нас... скакали... прыгали... ревели... огромные, неизвестные мне твари... розовые и гнусные. Они играли... с беззаботно резвящимися и не замечающими их голыми людьми. Подбрасывали их как мячики.

В небе над нами мягко скользили летающие тарелки с овальными окнами. Оттуда смотрели на мир... своими умными темно-фиолетовыми глазами... загадочные неземные существа.

Я показал рукой на поляну и спросил моего спутника:

— Что это за твари?

— Спроси лучше сам себя, они твое порождение. В леденцах было только немножко ЛСД. Вот тебя и глючит. Зеленый тролль называет это коктейлем счастья.

— Где твой близнец? Куда он делся?

— Не было никакого близнеца. Тебе померещилось.

— А почему тут все сверкает?

— Я забыл тебе сказать, что часть парка новые хозяева уже отремонтировали.

— А мамонт откуда?

— Мамонт резиновый. Валяется тут уже двадцать лет. Твое воображение его оживило и поставило перед тобой... и так со всем.

— А тарелки?

— Тарелки собрали из алюминия для хохмы... прошлые хозяева, а ты сам вознес их в небеса...

— А пассажиры почему куклы?

— Это для проверки вместимости поезда... обычная практика.

Спрашивать его о том, почему вокруг нас бабочки порхают и сирень цветет... в середине ноября... было бесполезно. Он бы все свалил на меня. И возможно был бы прав.

...

Как я и предполагал, чудесный мир вокруг нас был недолговечен.

Мы больше не ехали на поезде, а сидели в четырехместной кабине колеса обозрения в бывшем Парке развлечений. Колесо крутилось с неприятным скрежетом и свистом... как будто ныло или ворчало... мы медленно поднимались к высшей точке.

Никаких холмов и долин вокруг нас не было.

Пропали горы, чудовища, тарелки и другие миражи.

Город вернулся на свое место как резинка рогатки после выстрела.

Вечерело.

Шпрее внизу еще голубела...

На другом берегу — белела колоссальная цементная фабрика похожая на святилище Исиды.

За ней поднимались мощные корпуса теплоцентрали Клингенберг.

У моста через Шпрее по воде гуляли три дырявые металлические фигуры ростом с межконтинентальную ракету.

В центре города торчал проткнутый спицей граненый пузырь телебашни...

Все буднично, знакомо...

Как на старой фотографии.

Место проживания. И возможной кончины.

Откуда-то до меня донеслась сирена скорой помощи.

И тут... я вспомнил...

Вспомнил, что Алекс уже пять лет лежит в коме в больнице города К. после жуткой железнодорожной аварии, произошедшей в Рудных горах. Машинист заснул и пропустил красный сигнал. Автоматическая система не сработала. Произошло лобовое столкновение пассажирского поезда с товарным составом. Алекса буквально четвертовало, а сидевшую рядом с ним Аннету раздавило как мандарин.

Что Аннету похоронили на городском кладбище рядом со стадионом, и я даже присутствовал на похоронах, и многие плакали...

А бедного Алекса собрали по частям хирурги, но восстановить его здоровье так и не смогли.

Что несчастные его родители не знают, останавливать ли аппарат жизнеобеспечения.

Что его коллекция локомотивов и марки давно проданы, а фирма обанкротилась.

...

Кто же сидит напротив меня на грязном и рваном сиденье, в ржавой и скрипучей кабине этого ужасного колеса?

Почему мне так неприятен его пристальный взгляд?

Куда делась его бабочка?

Откуда взялись на его шее воротничок католического священника, а на ногах — роликовые коньки?

Жизнь кончается, скоро ночь, холодно.

Ветер разгоняет колесо все быстрее и быстрее...
Его вой и скрежет раздирают барабанные перепонки.
Мы поднимаемся все выше и выше.
— Добрый вечер, падре!

Красная папка

Друзья и знакомые отговаривали меня от поездки: Не ездь туда, сколько раз ты про них писал... и про него лично такое... они тебя расчленият по живому и в Москва-реку кинут!

А один умный еврей из Вены срезал, саркастически выпучив глаза: Не лъсти себе, никому ты не нужен. Писатель. Они тебя пальцем не тронут. Ты себе внушил, что они тебя ненавидят... эмигрантская паранойя... а им и до тебя и твоих писаний нет никакого дела. Но лучше все-таки не ездь, ты человек впечатлительный, испугаешься какой-нибудь тени и в метро под поезд бросишься... А они это кстати... даже не заметят.

А я все равно поехал. Испугаюсь, так испугаюсь. Расчленият, так расчленият. Я старый, больной. Неизвестно, сколько еще протяну. Надо попрощаться с миром детства и юности.

Внутренний голос давно внушал мне, что пестрой и бесформенной картинке моей жизни надо придать определенную законченность... симметрию... драматизм. А я своему внутреннему голосу доверяю.

Кроме того, мне хотелось повидаться с немногими оставшимися в России друзьями... посетить могилы родных... еще раз поглядеть на дом, где жил с папой и мамой, школу... зайти в музей.

Так по крайней мере я себе это представлял. Приеду, встречу, погуляю, посетую.

Но вышло все иначе — абсурдно и страшно. До сих пор не знаю, по моей ли вине, или все это как-то подстроила контора. Неужели они и это могут?

...

Одетый с иголки казах или калмык в русском туристическом бюро в двухэтажном особняке на берегу Хафеля в Шпандау вручил мне мой заграничный паспорт с аккуратной

вклеенной в него российской визой и сказал: Желаю вам хорошо провести время на родине. Передайте привет дорогой нашей столице!

Говоря это, он пожирал меня глазами... как клоп ползал взглядом по моим щекам... и неприятно потряхивал большой круглой головой с конской копной непослушных черных волос. Хотел предупредить?

Нет, возбудился, сволочь, от того, что заранее знал, что произойдет с сидящим перед ним человеком «в дорогой нашей столице». Секретом этим поделился с ним знакомый эфэсбешник в консульстве. Ответственный за визы. За кофе... после трудов праведных. Ткнул пальцем в мою паспортную фотографию и шепнул казаху на ухо: А этого придурка... там... хе-хе... замочат.

Или он сам из конторы? Они любят привлекать нацменов на подлую работу.

Жалко, что я тогда не понял... не догадался... почему этот друг степей так дико на меня смотрел и потряхивал лошадиной своей башкой. Остался бы себе в Берлине, лопал бы и дальше свои кровати и принимал сандаловые ванны. И не носился бы теперь как неприкаянный между мирами.

...

Долетел я нормально, без эксцессов и задержек. В самолете поспал часок.

Когда подлетали к Внуково, видел на горизонте золотоглавый лужковский храм-кенотаф и Кремль, старые высотные здания и новую, футуристическую Москву... а внизу, прямо подо мной... улицу Волгина... узнал выходящий на нее торцом десятиэтажный дом, в котором прожила свои последние годы моя русская бабушка.

Опасался, что задержат прямо на паспортном контроле. Не задержали. Пограничник посмотрел на меня взглядом аллигатора и отдал мне паспорт.

Из окна такси смотрел на город...

Но не взволновался и не расчувствовался, как в мои прошлые приезды в Москву.

В скверной гостинице, окруженной бесчисленными угрюмыми железобетонными коробками, не нервничал и не переживал ни из-за наглых физиономий персонала, ни из-за знакомого тошного запаха советского общепита, доносившегося из кухни ресторана, ни из-за серого сырого белья, ни из-за неудобной и некрасивой мебели, как будто покрытой тонким слоем липкой перхоти.

Мне казалось, что и эти панельные дома и сама гостиница с ее обитателями были сделаны кем-то наспех из дешевого материала...

На следующий день прошелся по Ленинскому проспекту, не обращая внимания на то, что в горле першило и глаза слезились из-за выхлопных газов... свернул на Ломоносовский... обошел вокруг катастрофически уменьшившегося Дома преподавателей, нашел глазами знакомые окна... балкон... походил по двору, в котором так часто играл с товарищами в чижа и вышибалы. Но не ощутил тоску по детству, которая так грызла меня в мой последний приезд сюда, двенадцать лет назад.

Навестил и любимую когда-то Вторую школу. Постоял у входа, посмотрел на явно скукожившийся фасад, внутрь меня не пустил охранник. Попытался воссоздать в памяти... игру в прыгалки, флирт с одноклассницами, походы в универмаг Москва на переменах, уроки литературы с Германом и физики с дядей Яшей, танцульки. Ничего не вышло. Воспоминания превратились в неясные, размытые монохромные изображения и не оживали, как я их не теребил... как ни впрыскивал в них остатки жизненного эликсира.

От Второй школы прошел к Университету...

И тут меня тоже задержали на проходной и заставили уйти. На головах вахтеров я заметил ранки и шишки. От их лиц веяло непроходимой тупостью. Их губы и руки были похожи на плоскогубцы.

Не торопясь, обошел здание, напомнившее мне колоссальную статую безголового отца народов. Долго задирал голову, смотрел на окна. Представлял себе то, что было за ни-

ми... аудитории, коридоры, лифты, мраморные лестницы, столовые, в которых студентов кормили собачьей едой, книжные ларьки с томиками Бурбаков, разрисованные непристойными рисунками туалеты и помпезный сталинский актовый зал с мозаичными красными знаменами на золотом фоне. Тут я отсиживал бесконечные часы на нудных семинарах и лекциях, слушал душещипательную музыку Virtuozов Москвы, смотрел одобренные цензурой спектакли... тут, в плохо пахнущих общежитских клетках ласкал любимых, плавал в бассейне в Клубной части, задыхаясь от хлорных испарений, навещал деда-проректора на девятом этаже и работающую на кафедре мерзлотоведения мать.

Вспоминал, вспоминал...

Но прошлое не оживало. Его стражи, похожие на промышленных роботов, захлопнули у меня перед носом заветные двери, не пустили в чудесный, наполненный пряными ароматами, сладостными звуками панфлейты и интимными радостями мир. Мир влекущей алой мякоти, зеленых веточек и небесно-голубых небес. Мир нежных прикосновений и беззаботной болтовни...

Действительность пожухла, а моя память перестала воскрешать прошлое, превратилась в пыльную картонную коробку с черно-белыми фотографиями, валяющуюся на чердаке оставленного жителями дома.

...

За неделю я выполнил и перевыполнил свою программу.

Побывал и на кладбищах, и в музеях. Отскреб грязь с мраморного надгробья бабушки и дедушки на Хованском кладбище, обошел и Пушкинский музей и Третьяковку, поглазел на Мадонну в винограднике Кранаха и на Демона Врубеля. Поздоровался с Достоевским Перова и Мусоргским Репина. Поклевал носом у саврасовских Грачей.

Просидел два долгих вечера с одноклассниками, пожевал с ними еще раз давно прожеванное... еще раз убедился в том, что старость не делает человека мудрее. Иногда мне мерещилось, что вместо одноклассников рядом со мной сидят их постаревшие двойники.

Погулял по московским улицам, похожим на декорации к какому-то представлению, которое так и не состоялось.

Заглянул в кремлевские соборы... как в карточные домики.

Съездил в Сергиев Посад, постоял у знаменитого иконостаса в Троицком соборе.

Переспал с бывшей любовью.

Она вела себя в постели как заводная резиновая кукла.

И арбатские переулки, и Крымский мост, и чудесный вид на Москву с Смотровой площадки на Воробьевых горах, и Донской, и Новодевичий, и Андроников, и Врубель, и Рублев, и Кранах... не обрадовали, не утешили, как бывало прежде. Или я все это переоценивал в прошлом, или потерял былую чувствительность и способность заряжаться чужими энергиями. Картины и иконы казались мне непоправимо побуревшими иллюстрациями в забытой на даче книге, архитектура — убогой подделкой, монастыри и погосты — пахли протухшей землей.

Когда я грезил перед тем как заснуть, мое путешествие в Москву представлялось мне бесконечной ездой в автобусе по темной заснеженной дороге... где заспанный и ошалевший от тряски и бензиновых паров пассажир уже не понимает, кто он, куда он едет, зачем... жадно смотрит в оледенелое окно и видит только желтые огни.

Желтые огни, бегущие назад.

Хорошо еще, что я не догадывался, что эта метафора и была на самом деле моей реальностью, что никуда я не ездил... потому что не может ездить даже по игрушечному глобусу тот, кто на самом деле не существует. Тот, кто давно превратился в усмешку высших сил.

...

За день до отъезда я проснулся в своем номере и, еще не открывая глаз, начал строить планы. Почему-то мне захотелось в этот мой последний московский день съездить в Архангельское. И я отчаянно пытался вспомнить, что же я в этом Архангельском кроме дурацкий статуи и помпезных интерьеров видел или пережил.

Был там когда-то Театр Гонзага. Но его, вроде бы, так и не восстановили.

Открыл глаза...

Как молния, ударила мысль. В номере все изменилось!

Вместо старомодного тяжелого телевизора на столе стоял небольшой монитор с плоским экраном. Советского производства платяной шкаф-клоповник превратился в элегантный шведский шкафчик. А на журнальном столике лежала красная папка...

Не было там вчера никакой папки! Как впрочем не было и журнального столика.

Красная папка. Подкидыш?

На ее обложке было напечатано крупно: Дело номер 5335.

Взял папку в руки. Горячая! Как такое может быть?

Раскрыл. Полистал. Документы, описания, схемы, фотографии, похожие на иллюстрации к научно-фантастическому роману шестидесятых годов.

На всех листах сверху — грифы: Строго секретно. Снятие копий воспрещается! Подлежит возврату в 24 часа.

Мысли в голове побежали как курицы в курятнике.

Так. Кто-то подбросил тебе секретные материалы. Что за материалы — не важно. Важно то, что они — государственная тайна России. А ты — иностранец. И папка находится у тебя. Значит — ты не просто иностранец, что само по себе в России подозрительно и нежелательно, а еще и шпион. Враг. А врагов...

Попался, братец кролик. Предупреждали тебя, дурака. Мадонну в винограднике захотел посмотреть? Вот тебе мадонна — пронумерованная и красная как кровь. Руки обжигает.

Что же делать?

Сжечь эту паскудную папку что ли? В умывальнике.

Папка — толстая и плотная. Начнешь жечь, потянет дымком, набегут горничные, коридорные, пожарники прищатся.

Это что у вас? Папка? Хотели сжечь? Здорово! Следы замечаете? А что там, в папочке? Секреты родины? Ага... Шпион! Вязите гада! Шлепнуть его без приговора!

Хотя, если бы они хотели тебя убить или посадить — сделали бы это и без всякого повода. Пришли бы и убили. И никто бы им и слова не сказал, даже если бы они об этом во всех газетах написали. Так мол и так — выследили немецкого шпиона, эмигранта. Собирал информацию о нашей великой стране. Готовил диверсию. При задержании оказал вооруженное сопротивление и был обезврежен сотрудниками ФСБ. Получившими за свой героизм ордена и медали родины.

Россияне — равнодушно пожали бы плечами...

А немцы бы только обрадовались — еще одним чужаком меньше в Германии!

Нет, папку тебе положили на столик не эфэсбешники, а люди, которые хотят, чтобы ты ее увез с собой завтра в Берлин. Потому и нет в ней ни компактдисков, ни других металлических носителей информации — их бы засекали своими детекторами пограничники в аэропорту, проверили бы и изъяли... а так... бумага, она бумага и есть.

Положу ее в сумку... между шмоток... вроде как рукопись... и дам сумку в багаж на регистрации.

А что, если сейчас же отдать папку портье? Не моя, мол, папочка! Подброшенная. Я проснулся, а она на столике лежит. Я ее не открывал, что вы... Я турист, мне пора в Архангельское... там меня в театре Скарамучча ждет.

Так они тебе и поверят! Портье откроет папку, и бычьи его глаза вылезут из орбит. Тут же донесет. Через пять минут тебя арестуют.

Может, это все — шутка? Документы, фотографии, гриф — липа, фейк, мистификация. Кто-то решил поглумиться над тобой. Ты разнылся как баба... эмоции пропали... вот тебе и завернули поганку... доброжелатели... чтобы ты свои эмоции показал. Где-то на стене или в люстре скрытая камера — и доброжелатели смотрят на тебя сейчас и хохочут как сумасшедшие. И весь интернет вместе с ними.

Нет, все подлинное. Фотографии — сделаны разными камерами, в разное время. Настоящие... не цифровые. Некоторые листы пожелтели от времени, другие еще белые. Это не фейк. Кто-то выкрал папку из архива и приволок сюда.

Зачем?

Решил прочитать хотя бы первые страницы.

...

Так... посмотрим... текст написан ужасным языком. Наверное прапорщик писал. Многие буквы плохо пропечатались. На Ундервуде печатали?

Речь в «Деле номер 5335» шла о неизвестной серебристой конструкции или машине, которую обнаружили... солдаты Красной армии в Саксонии в мае 1945-го года. На третьем этаже... в здании бумажной фабрики... напротив замка Грабштайн.

Машина эта якобы появлялась и исчезала. Что за бред?

Все попытки ее демонтировать с целью транспортировки и изучения — потерпели неудачу. Прилагался длинный список погибших военных.

Здание было окружено специальной стеной, впоследствии, после окончательного исчезновения машины, уничтоженной. Вся информация о машине — строго засекречена. Понятно.

В пятидесятых годах рядом с зданием бывшей бумажной фабрики располагался специальный закрытый институт. Проводились многочисленные эксперименты. Удалось выяснить, что машина затягивает в себя, деформирует и телепортирует куда-то различные предметы и организмы. Возможно, на Марс.

Многие сотрудники института погибли. Еще один список.

С другими начали происходить необъяснимые явления. Кошмары, галлюцинации, пограничные состояния психики... Некоторые из них утверждали, что нахождение рядом с машиной якобы наделило их способностями перемещаться во времени. Несколько человек заявили, что превратились

в дьяволов и каждый день навещают ад. И «путешественники по времени» и «дьяволы» были насильственно госпитализированы в специально для них открытое отделение психбольницы на Загородном шоссе. Сведений о дальнейшей их судьбе нет.

В начале 1956-го года машина исчезла. После полуто-рагодичных наблюдений за местом, где она раньше находилась — было решено институт расформировать, а все его отчеты — уничтожить.

Даа... Любопытно было бы взглянуть на эту штуковину.

А не сфотографировать ли мне содержимое папки?

Пощёлкаю... Потом спущусь в лобби. Там в уголке — компьютер с интернетом. Выставлю документы на своей странице, или еще где-нибудь.

Достал свой Кэнон. Настроил его. Собирался сделать первый снимок.

В этот момент с громким треском сломалась — как будто лопнула — входная дверь, и в мой номер ворвались люди в камуфляже и в черных носатых масках. Последнее, что помню — режущий свет, как от сварки, и жуткую боль от разряда электрошокера у меня на шее.

...

Я сидел на деревянном полу. Видимо, в одиночной камере. В полной темноте. Пахло почему-то коньяком и дубовыми бочками. В тюрьме? Очень странный запах.

Хотел встать и пойти на ощупь... но не решился. Вдруг рядом со мной — колодец глубиной метров в тридцать. Или тяжелый маятник с лезвием на конце... Неизвестно, что у этих извергов на уме.

Неожиданно услышал голос, доносящийся как бы изда-лека.

Нет, два голоса. Хриплый бас и повыше, баритон. И еще — шум прибора. Как будто два человека стояли на бере-гу моря, смотрели на Луну и беседовали.

Говорили они... обо мне.

Баритон сказал: Вы представляете, монсеньор, он во-образил, что он — эмигрант из бывшего СССР, состарив-

шийся писатель, потерявший способность чувствовать и любить! Более того, он полагает, что в данный момент находится в Москве, в камере на Лубянке, в Матросской тишине или Канатчиковой даче. Милые названия! И так думает о себе существо, закончившее свой земной путь 62 года назад в живописном городке Миранда. Объясняли ему, объясняли...

Хриплый бас ответил: Нечему удивляться, любезный маркиз, кармический маятник может забросить человечка и подальше. А самообман для такого рода особей — естественное состояние. Может длиться вечность. Но какая фантазия, какое самолюбование, доходящее до мазохизма! Куда вы его на самом деле посадили?

— Прошу прощения, монсеньор, в виду хронической нехватки места для блуждающих в нижних мирах духов пришлось поместить его в пустую бочку из-под бренди! В хорошо известном вам погребе. В Лейпциге. Но он упорно продолжает думать, что он в Москве! В путинской Москве 2018 года! Это что-то невероятное, фантазмагорическое. Он ведь целый мир создал для себя. Только для того, чтобы сыграть там какую-то трагическую роль! Может, попробовать ему еще раз объяснить, что он, где он, когда очнется?

— Он вам не поверит. Решит, что вы — тюремщик или следователь... ну или по крайней мере — привидение или галлюцинация несчастного узника. Он ведь со смертью не смирился и изо всех сил старается походить на живого человека, а люди, как вы знаете, для всего, что не понимают, придумывают особые словечки. И щедро бросаются ими направо и налево. И строят ужасно забавные рожи при этом. Особенно ученые и политики.

— Да, да... Вот ведь умора — привидением является на самом деле он, а не я. Стоит вам только дунуть в воздух, и он испарится и вся его вселенная вместе с ним.

— Вы, дорогой маркиз, всегда были склонны к преувеличению. Разумеется я могу превратить господина Сомну в пар... вместе с вообразенным им городом... да, в пар, в то, чем

он по сути и имеет честь быть. Но я не сделаю этого. Зачем уничтожать безделушку, которой так приятно забавляться? К тому же, он, возможно, сможет нам помочь. Иногда комар может спасти слона. Кстати, как это у них там называется, ага, папка, Красная папка, все еще у него? Или осталась в этом кошмарном номере постсоветской гостиницы?

— Что вы, что вы, по его версии папку у него забрали вызванные им самим из небытия сотрудники ФСБ или Национальной гвардии... для меня вся эта нечисть на одно лицо. Не беспокойтесь, монсеньор, я постараюсь сделать все, что в моих силах.

— Вот и прекрасно, папка не должна попасть в чужие руки... слишком важные сведения в ней содержатся. Целиком полагаюсь в этом деле на вашу настойчивость и деликатность. Попробуйте уговорить его. Или обманите... Обещайте ему, что... вы сами знаете. Извините, но мне пора на совет. Там уже поди зреет бунт.

— Бунт? Против вас? Шутите.

...

Говорящие замолкли, шум приборя стих.

Я шел по улице неизвестного мне города. Шагал по проезжей части, по растрескавшемуся асфальту. С красной папкой под мышкой. Через несколько минут меня догнал автомобиль. Я поднял руку. Оказалось, это такси. Необычная машина — на гусеничном ходу. И шофер в ней сидел необычный — бывший канцлер Германии Гельмут Коль. Умерший недавно в преклонном возрасте. Ему никак нельзя было дать больше шестидесяти. Энергичный, решительный человек. В идеально выглаженном костюме и никелированных очках.

— Куда поедет, господин Сомна?

— Вы прекрасно знаете, куда, господин канцлер. На переездную личную составу. Каждый год мучают.

— Где она состоится на этот раз?

— Заседание комиссии состоится в Лувре. В Большой Башне.

— Ее же разрушили еще пятьсот лет назад!

— Разве это им помешает?

— Через полчаса будем на месте. Пристегните ремень, нас может слегка потрясти. Ничего не подделаешь, турбулентности в континууме. Папочку не хотите на сидение положить?

Проговорив это, канцлер вдруг преобразился, стал другим человеком. За рулем сидел теперь обаятельный мужчина лет сорока в роскошном сиреновом кафтане. С напудренным белым лицом. Завитой его парик источал приторные ароматы. Он остановил машину, повернулся ко мне, многозначительно посмотрел на папку и веско произнес: Разрешите представиться. Донасьен Альфонс Франсуа...

Я узнал его баритон.

— Не понимаю, маркиз, зачем вы устроили этот маскарад, потревожили покойного канцлера?

— Не знаю, как для вас, а для меня он обычный грешник, как и все остальные... Пока свои двадцать миллионов не отработает, будет колесить по здешним дорогам.

— Вы за чем явились? За папкой? Вот она, буду рад от нее избавиться. Могли бы прямо в гостиницу прийти, избавили бы меня и от электрошока и от сидения в этой дурацкой бочке.

— Нет, не за папкой. Что нам эта папка? В ней лежат... бумаги. И только. Нас интересует другое. Та самая машина. Да, да, таинственное это устройство, которое один ваш коллега назвал дезинтегратором материи.

— Неужели для вас или для монсеньора представляет интерес хоть что-то... в земном мире? Почему бы вам тогда не совершить путешествие туда, на бумажную фабрику. Приземлитесь в начале пятидесятых или раньше. Вам же это ничего не стоит. Поиграйте с машиной, пощелкайте кнопками, познакомьтесь с свихнувшимися сотрудниками закрытого института. Я думал, вы это уже сделали. Позабавились на славу. Не понимаю, в чем, собственно, проблема.

— Да-да. Проблема. Понимаете, эта машина создает вокруг себя что-то вроде защитного поля. Для таких как мы... непроницаемого. Для обычного земного человека она — смертный приговор. Перемелет тело и забросит муку к чертовой матери в другую галактику. Для нас — доступ к ней закрыт... а вот такое существо как вы... может пройти сквозь поле и не быть измельченным в труху и выброшенным на космическую свалку. Благо вы не из трухи состоите, как люди, а из другой... хм... субстанции.

— Ну и что же вы хотите? Чтобы я закончил странствия в Лимбусе и поднялся в реальный мир?

— Вы же так плакались... Хотели бы вероятно вернуть былую чувствительность. Монсеньор вернет вам ее, если вы...

— Ничего я не хочу. Хочу только, чтобы мне не мешали.

— Не мешали играть постыдную роль демиурга? Раскладывать пасьянс, а потом плакать сухими слезами? Поймите, эта машина может запросто уничтожить всю небесную иерархию. Сколько лет мы потратили на то, чтобы ее построить. Все пойдет прахом.

— Ну что же, тогда и я наконец обрету покой.

— Вас просто не будет. Не будет никого и ничего. Произойдет гравитационный коллапс и остановка времени. Открою вам маленький секрет. Вы прочли в папке, что машина исчезла в январе 1956-го года. Институт расформирован, отчеты — уничтожены. Конец всему делу венец. На самом же деле произошло нечто иное. Радикально иное. Тогда исчезла не машина, а мир. Да, весь реальный мир. Он переместился в Шеол... последствия вам известны, если вы конечно хотя бы новости по телевизору смотрите. Если самому монсеньору тошно...

— Что я должен сделать?

— Отправляйтесь сейчас же туда, на фабрику, в год 1945-й. И уничтожьте проклятую машину.

— Как?

— Позвольте ей себя телепортировать вместе вот с этим.

И маркиз подал мне тяжелый золотой диск размером с блюдце. На одной стороне диска была выгравирована звезда Давида, на другой — лилия.

— Вы уцелеете, машина разорвет в клочки только вашу человеческую оболочку, которую мы вам выдадим на прокат. Вам будет очень больно, но благодарность Монсеньора стоит того, чтобы немножко потерпеть. Субстанция, из которой вы состоите, не пострадает.

— А что потом? Возвращение в Лимбус и вечные скитания?

— Хотите поторговаться? С монсеньором?

— Нет, нет, что вы!

— Что будет дальше... и будет ли вообще что-нибудь дальше, будет зависеть от вас.

— Когда отправляемся?

— Зачем тянуть... Сейчас мы вас переоденем.

Маркиз усмехнулся.

— Вот зеркало, посмотрите на себя.

Подав мне большое овальное зеркало в бронзовой оправе.

В одно мгновение он превратил меня в белобрысого, глуповатого солдата Красной армии. В пилотке, лихо сдвинутой на затылок, жеваной гимнастерке, заштопанных штанах с галифе и стоптанных сапогах. Да еще и с пистолетом-пулеметом Шпагина в руках.

— Мне что, воевать там придется?

— Что вы, мы же не садисты! Для достоверности! Шутка, шутка, милый господин Сомна, автомат исчезнет, как только вы начнете подниматься на лестнице в здании бывшей бумажной фабрики. Лично прослежу. Не забудьте золотой диск, ваше главное оружие, папку оставьте тут... и ничего не бойтесь!

Я положил диск в карман, а папку — на сидение.

Маркиз щелкнул пальцами, и вот... я еду уже не в автомобиле, а на лязгающем и ревущем танке Т-34... Сажу рядом с дулом. И не один, а еще с несколькими ухмыляющимися солдатами.

— Иванов, Петров, Сидоров, живо, ноги в руки, проверьте фабрику. Нет ли там фрицев. Может какой гаденыш засел на верхнем этаже с фаустпатроном. Держитесь вместе, но в кучу не собирайтесь! Выполнять! Через двадцать минут доложить. Живей! О бабах размечтались? Войне конец, но дело делать надо.

Командир взвода был уверен, что никаких «фрицев» на фабрике нет, но имел приказ прочесать территорию вокруг замка, внутри которого уже бегали и тащили все что могли несколько десятков воинов-освободителей.

Двое солдат неохотно слезли с танка и, незлобно матерясь, пошли к входу на фабрику. Я пошел с ними.

Мы быстро убедились в том, что фабрика — заброшена. Цеха ее были пусты. Взять тут было нечего. Вероятность подцепить симпатичную немочку была нулевой. Тащиться наверх пришлось мне одному, двое других влезли на какую-то тачку, сели и закурили махорку.

На лестнице — почему-то разволновался, как школьник на экзамене. И струсил. Руки вспотели. И одновременно — ощутил эйфорию.

Давно со мной не было ничего подобного. Я живу!

Оружие мое, как маркиз и обещал, исчезло... превратилось в фиолетовый дымок.

Вот и третий этаж. Достал из кармана диск с звездой Давида... сделал несколько шагов. Залитый солнечным светом зал... казалось, уходил перспективой в бесконечность. Как это бывает в игре с зеркалами.

Надо было сделать еще несколько шагов... не решился.

Волнение мое усилилось. Усилился и страх. От эйфории не осталось и следа.

Пространство внутри зала трещало электрическими разрядами.

Сейчас появится эта адская машина и разнесет меня в клочки...

Но появилось нечто другое. Состоящий из огней святого Эльма шар размером с письменный стол медленно летел через зал, разбрасывая вокруг себя розовые и синие искры. Летел ко мне.

Я выставил перед собой золотой диск как щит и зажмурил глаза. Ожидал смертельного удара током. Пот капал с меня градом.

Услышал легкий хлопок... и как будто... смех.

Открыл глаза. Шар пропал.

Где-то вдруг заиграла скрипка. Незвестную мне, печальную мелодию. Чайковский?

В зале появилась тонконогая балерина и начала танцевать. Семенила ножками, кружилась, прыгала...

Танцуя, потихоньку приблизилась ко мне. Когда я наконец смог рассмотреть ее лицо, кровь застыла у меня в жилах от ужаса. Лица у танцовщицы не было. Вместо него... провал в пустоту. Зияние.

Затем по залу беззвучно побежали сотни пестрых баб-матрешек.

За ними в погоню понеслись синие дьяволы.

Догоняли и рвали баб на части.

Затем вдруг и они и бабы застыли, как будто кто-то невидимый им это приказал. Или выключил электричество.

И вспыхнули как охотничьи спички.

...

Атака захлебнулась. Все солдаты моего взвода были убиты. Я присел на землю, чтобы перевести дух. В нескольких метрах от меня со страшным грохотом разорвалась граната. Ее осколки изрешетили мое тело.

Надо мной, на фоне свернувшегося в цинковый свиток неба, маячила рожа мордатого санитаря.

Я услышал его грубый голос: Сидоров, ты живой?

Кто-то ответил за меня: Где уж живой, смотри... все кишки вылетели из брюха.

Прижал в отчаянии руки к груди...

Понял, что брежу. Заставил себя успокоиться и сосредоточиться.

...

Я все еще стоял в пустом зале на третьем этаже бывшей бумажной фабрики.

И тут я увидел перед собой эту машину. Дезинтегратор. Черно-белые фотографии, которые были в Красной папке, не отражали ни ее мощь, ни неземную, математическую красоту. Представьте себе сложную комбинацию подвижных, перетекающих одна в одну лент Мёбиуса, сделанных из пластичного, как бы живого сверкающего металла. Ленточная эта конструкция то и дело превращалась в нечто похожее на гиперкуб неизвестной мне размерности. Затем опять змеилась лентами. Адская мясорубка.

Машина явно создавала магнитные поля необыкновенной мощности, была управляемой черной дырой или червоточиной. Только откуда, черт возьми, этот жуткий аппарат брал энергию для всех этих космических штук?

Невольно подумалось, что и машина эта и фабрика... и я, и маркиз, и сам монсеньор — не более, чем чей-то сон или фантазия. Кино?

А как же танк? Бой? Ранение? Командир взвода, солдаты, замок? Золотой диск с звездой Давида у меня в руках?

Ладно, сон, так сон, кино, так кино. Пора кончать комедию.

Прижал диск к груди, разбежался и прыгнул в мясорубку.

...

Боль была такая, какую вероятно испытывает индюшка, когда у нее с костей заживо сдирают мясо.

Длилась она однако не долго. Уже через несколько мгновений я почувствовал облегчение.

На душе и в теле отлегло...

Я сидел в кресле у камина... курил сигару и слушал сладостную музыку моей молодости, «Рождественскую песню» в исполнении Нэта Кинг Коула.

Рядом со мной, в другом кресле, спала моя нежная возлюбленная, Фарра.

Напечатанный на плохой бумаге журнальчик комиксов, воскресное приложение к городской газете Миранды, которой она просматривала перед тем, как задремать, упал на

ковер и раскрылся. На левой странице был изображен трясущийся солдат в смешной иностранной форме... с желтым диском в руках, входящий в огромный фабричный цех, в середине которого стояла фантастическая машина необыкновенно затейливой формы, на правой — страшный взрыв, разорвавший и машину и солдата на кусочки.

ЧЕЛОВЕК В КОТЕЛКЕ

Человек в котелке

Занимательная повесть о том, как князь Эстерхази не погиб на дуэли, не был растерзан оборотнем, но оторвал головы двум голубям.

Написана автором в прусском городе Беролине в феврале и марте 2018 года для развлечения самого себя.

Все герои, обстоятельства и события этой повести вымышлены.

Ипполит, мой сорокалетний кузен, бывший военный, «улан», как он сам себя называл, человек жестокий и решительный, подбил меня на это глупое и злое дело. А я, как всегда, проявил слабохарактерность, не остановил его вовремя.

Сидели мы в баре, в «Мельбурне» на площади Леонардо, пили Кампари с джином и льдом. Ипполит выпил вдвое больше меня, но не опьянел, а я размяк и расчувствовался... засмотрелся на красивую картинку на стене с обнаженными женщинами и мужчинами, цветущими деревьями и античными храмами... не удержался и рассказал Ипполиту, приехавшему домой несколько дней назад после двухгодичной экскурсии по Бутану и Тибету, какую боль причинила мне Агнеса, моя невеста.

Не только изменила и расстроила нашу помолвку, но еще и организовала что-то вроде товарищеского суда, на котором меня судили. Вела себя на этом суде, который почему-то официально назывался «конгрессом», грубо и цинично. Нарочно выболтала там несколько наших постельных секретов. Публика, состоящая из неизвестных мне людей, из каких-то профессоров, астрономов и политиков, смотрела на меня и гоготала.

Чтобы окончательно меня уничтожить, Агнесса призналась, что помимо Теодора, с которым встретила якобы «случайно» и «не смогла обуздать внезапно нахлынувшую страсть», — имела долговременную интимную связь с Лидией Клех, известной спириткой и фавориткой герцогини. Я кусал пальцы от бессилия и стыда.

— И главное — с кем? С кем моя невеста мне изменила? С этим плюгавым подонком Теодором, сладким как гнилой банан. Избалованным бездельником, болтуном и бабником, сыном колбасного фабриканта! Как бы я хотел его прикончить! Он ведь был на нашей помолвке, тогда, во дворце герцога. Улыбался, поздравлял. Подумай только, они совокупились в городском аквариуме! Как кошки. Нашли там какой-то темный угол и... проклятые рыбы смотрели на эту сцену. И посетители зоопарка. Ты знаешь Агнессу, она обожает экстравагантность. Чихать она хотела на правила приличия! Какая-то сволочь их сфотографировала — и прислала фото моему отцу. По почте. Дорогой генерал, посылаю вам фото коитуса невесты вашего сына с мистером Теодором Мольтке на фоне арапим и пираний. С лучшими пожеланиями...

Отец расвирепел, бросил фотографии на пол. Топтал их ногами. Мать рыдала. А я еще ничего не знал, не понимал, зачем он это делает. Потом подобрал с пола одну фотографию.

Ипполит нахмурился, усмехнулся криво, погладил меня по плечу и пробурчал: Ладно, ладно, Генри... Что случилось, то случилось. Спиритка Лидия? Внезапно нахлынувшая страсть? В аквариуме? Запредельно. Ай да Агнесса! Клянусь сокровищницей герцога, мы заставим ее страдать! А с колбасником разберемся позже, когда все забудется и загладится. Я сам заколю его шпагой. И выпотрошу как лосося. Отвезу его кишки в открытое море и брошу в воду. Акулам на завтрак. Голову, если пожелаешь, можно засушить. А тушку пошлем его папаше по кускам, бандеролью, — пусть делает из него сервелат.

— Прощу тебя, Ипполит... Не говори так... жестоко. Хочешь и Агнессу заколоть?

— Не плачь, юноша! Возьми платок, высморкайся и успокойся. Она обесчестила нашу семью. Мстить все равно придет-

ся. Лучше конечно обойтись без зверства. Все-таки Агнесса человек нашего круга, часто бывает при дворе. Публичного скандала надо избежать. Но и наказать ее тоже надо. Дай мне подумать до завтра. Это так сладко — планировать месть.

...

На следующий день мы встретились в «Конкистадоре» на улице Эльдорадо. Выпили по бокалу Шардоне. Ели устрицы с уксусом, фиолетовым луком и ржаными хлебцами.

Ипполит съел три порции, один допил бутылку... потом прокашлялся глухо, поднял указательный палец правой руки, на котором посверкивал платиновый перстень с огромным топазом и бриллиантами, погрозил им кому-то и заговорил, поглаживая свои великолепные темные бакенбарды, на которых серебрилась редкая седина.

— Есть свежая идея. Мы Агнессу и пальцем не тронем, только испугаем до смерти. Усыпим хлороформом в уединенном месте. А затем — похороним живой в нашем фамильном склепе. В каменном гробу, в котором покоятся останки знаменитой тетушки Агаты, сестры бабушки твоей матери. Да-да, той самой, свихнувшейся на оккультизме. Просверлим несколько дырок, чтобы не было проблем с дыханием. Агнесса очнется... начнет звать на помощь, биться, царапать стенки гроба, попробует открыть крышку. И не сможет... А через сутки... освободим ее и отвезем туда, где похитили. Перед этим заставим выпить лимонад с дурью. Когда прочухается, решит, что у нее случился припадок.

— Где же мы ее похитим?

— Шпионы сообщили мне, что сегодня после полудня Агнесса будет кататься верхом на знаменитом Красном Мустанге во владениях герцога, недалеко от римского городка. Если никого не будет рядом, я догоню ее на моем Магнате, обниму и усыплю. На дороге меня будут ждать мои люди в автомобиле с непрозрачными стеклами. До кладбища оттуда — десять минут езды. А Мустанга отведет в конюшню мой слуга Мартин. Он знаком с конюхами герцога. Скажет им, что Агнесса поехала в Монпелье на ярмарку.

— Откуда у тебя хлороформ?

— Пузырек дал мне доктор Фердинанд. Я сказал ему, что хочу усыпить собаку. Не убить, а только усыпить на время. Он сам изготовил компресс из бинтов и ваты и все мне объяснил.

— Я слышал, хлороформ очень токсичен. Попробуй вначале на слуге.

— Так и сделаю. Поезжай домой и жди. Я заеду за тобой около двух... съездим на кладбище, заглянем в фамильный склеп, послушаем кошачий концерт, приобщимся мистерии жизни и смерти.

...

Дома я не мог найти себе места из-за возбуждения. Ходил из комнаты в комнату, представлял себе несчастную Агнессу, которую усыпляет хлороформом мой жестокий кузен. Усыпляет, а потом насилует. Это в его стиле.

Бедняжка теряет сознание и приходит в себя в холодном гробу рядом с истлевшим трупом тети Агагы. Кошмар!

Как я мог согласиться на такое? Что же я за ничтожество? Мстить женщине!

Его разлюбила любимая, а он похоронил ее живой.

Если герцог узнает о наших проделках — может сгоряча и повесить. И меня и Ипполита. Хорошенький будет натюрморт!

...

Около половины третьего Ипполит позвонил снизу и сказал: Спускайся, все идет по плану.

Чертов улан! Бревно! Солдафон!

Ипполит сиял от удовольствия. Его план осуществился.

— Попробовал хлороформ на старом Иштване. Он заснул и спал двадцать минут. Храпел как дятел. После того, как проснулся, потребовал коньяку. Поскакал в герцогские владения. Нашел Агнессу на буковой аллее. Недалеко отobelиска. А затем... представляешь, не смог догнать проклятого Мустанга! Он летел как ветер. Магнат изнемог. Агнесса обернулась, увидела меня, захохотала и остановила жеребца. Спросила, что я делаю в лесу герцога. Я не стал отвечать, обнял ее и тут же положил ей на рот и ноздри компресс с хлороформом. Несколько секунд она пыталась отодрать его от лица. Мычала и сверлила меня глазами. Затем затихла. Я связал ее и положил на коня.

Через четверть часа Агнесса уже лежала в гробу прямо на старых костях тети Агаты. Я оставил слугу у входа в усыпальницу. На всякий случай. Мартин повел Мустанга в конюшню.

...

Мы еще не вошли в склеп, а я уже услышал этот протяжный звук. Гортанный, душераздирающий. Вой, хрип и клекот запертого в могиле живого существа. До смерти испуганного.

Звук этот доносился из гроба тети Агаты.

Мне тут же расхотелось наказывать Агнессу.

Я все еще любил ее. Простил ей и Лидию, и аквариум, и конгресс.

Я освобожу тебя, любимая!

Подошел к гробу и попытался сдвинуть тяжелую резную крышку. Ипполит хотел мне помешать. Я грубо его оттолкнул. Он вспыхнул, выругался, махнул рукой и ушел.

Из последних сил сдвинул крышку гроба и сбросил ее на пол. Обнял воющую и скрежещущую зубами Агнессу, вытащил ее из гроба и вынес из склепа. Поставил на ноги, оттряхнул с нее пыль и паутину. Повел к выходу из кладбища. Агнесса шла как лунатичка, с закрытыми глазами. После того, как мы миновали ворота, моя бывшая невеста открыла глаза, посмотрела на солнце, все еще сияющее на лазурном небе, глубоко вздохнула и лишилась чувств.

Я отвез ее домой на такси.

Помог дворецкому внести Агнессу в дом.

...

Ее отец, старый барон фон Цароги, горько посмотрел на грязные бриджи дочери, на изодранную курточку, на ее сбившиеся в клоки золотые волосы, в которых застряли кусочки костей тети Агаты, на окровавленные, сломанные ногти.

Сказал мне веско: Вы за это ответите, сударь!

И ударил меня по щеке рукой в бежевой перчатке.

Вечером того же дня лакей в оранжевой ливрее с синими аксельбантами положил на мой письменный стол формальный вызов на дуэль. Вызывал меня не барон, а его старший сын, Алан, превосходный фехтовальщик и опытный стрелок. Мне предлагалось прислать секунданта и выбрать оружие.

Шансов остаться в живых после сражения на шпагах с Аланом фон Цароги у меня было мало. Поэтому я выбрал пистолеты, а секундантом назначил Ипполита. Позвонил ему и все рассказал. Ипполит тут же простил мне «дикую выходку в склепе» и поехал к барону уточнять детали поединка.

А я пошел в «Мельбурн». Напился, пристал к каким-то девкам, опрокинул музыкальный автомат «Шанталь», подрался с охранником и был с позором изгнан из бара. Кузен Ипполит подобрал меня на улице и отвез домой. На своем прямоугольном драндулете с обрезанной задницей. Линкольне континентале.

Вначале молчал, качал головой и поглаживал себе бакенбарды. Потом сообщил, что секундантом Алана будет крепыш Мориц, второй сын барона.

— Физически Агнесса не пострадала, только пальцы поранила, но психически... Ведет себя неадекватно. Ничего внятного о произошедшем с ней сказать не может, только бормочет какую-то чушь. Баронесса якобы сказала барону — это не моя дочь. И закатила истерику. Вызвали доктора Фердинанда. О том, что Агнесса провела час в гробу тетушки Агаты не знает никто, кроме нас двоих и трех моих людей. Пока они молчат. Я обещал отрезать язык садовыми ножницами тому, кто проболтается. У барона все думают, что ты подстерег Агнессу в парке и устроил сцену ревности с рукоприкладством. Дуэль состоится завтра в девять утра, на Черной балке, у Скалы дьявола. Стрелять будете из револьверов Кольт питон, с пяти шагов. Если кто-то будет ранен или убит, секунданты будут утверждать, что это был несчастный случай на охоте. Револьверы я проверил в присутствии Морица, они в порядке. У тебя и у Алана будет только один выстрел. Кстати, Алан сказал мне, что ничего лично против тебя не имеет и понимает твои чувства, но обычай требует того, чтобы он отомстил за сестру. Обещал прийти на твои похороны, принести венок и заказать по тебе поминальную службу. Почему-то ему не приходит в голову, что с пяти шагов ты тоже вряд ли промахнешься. И кого будут хоронить — еще бабушка надвое сказала.

Ипполит уехал от меня около двух часов ночи. Настоятельно советовал успокоить нервы восточной медитацией, отоспаться, а утром обязательно принять ледяной душ и помолиться четырнадцати Святым Помощникам.

...

Ночью меня мучил кошмарный сон.

Будто бы иду я по плоской равнине. По сухой красноватой земле. Спотыкаюсь о большие круглые камни, которые разбросал великан.

Долина окружена со всех сторон невысокими горами, похожими на терриконы. Горы эти мертвые — на них не растут ни трава, ни кусты, ни деревья.

Вокруг меня — огромные трилиты, дольмены и два дерева. У одного из них оторваны ветки... у другого ветки горят как свечи.

Недалеко валяются два скелета, это я и Алан.

Странной, танцующей походкой ко мне подходит обнаженная женщина. На голове у нее — фата из фиолетовых листьев. Это моя невеста.

Она говорит мне: Видишь, что ты наделал? Разве можно мстить женщине? Теперь ты мертвец, а я должна сто долгих лет бродить по этой красной долине, зажигать и тушить ветки на дереве.

Я пытаюсь ответить, напомнить ей, что она мне изменила. Но не могу произнести ни слова, мои губы помертвели, язык не ворочается.

Тут я замечаю, что ее длинная фата из листьев — пустила в землю толстые корни и любимая моя не может сделать ни шага. Она стонет и протягивает ко мне руки. А я не могу ей помочь.

...

Разбудил меня отчаянный стук во входную дверь. Одетый в новый, с иголки, баварский костюм, Ипполит был недоволен, что я еще не готов к отъезду. Ворчал и кашлял.

С трудом умылся и натянул на себя короткие кожаные штаны, клетчатую рубашку и жилет. Маскарад этот придума-

ли умники секунданты для маскировки дуэли под «охоту молодых баварцев на кабанов». На плече у Ипполита был его старый винчестер в чехле.

Вместо завтрака выпил несколько глотков «Бомбея» из голубенькой бутылочки. Ипполит пить не стал. Всю дорогу до Черной балки он был серьезен и немногословен, как и подобает человеку, везущему осужденного на эшафот.

Мы прибыли ровно в девять. Стояли у Скалы дьявола и курили.

...

О об этой скале рассказывали всякие небывлицы. Будто бы рядом с ней в римские времена жрецы старых богов проводили какие-то зловещие ритуалы с человеческими жертвоприношениями, а в средневековье тут устраивали шабаши окрестные ведьмы.

На самом деле ничего дьявольского в этой геологической формации не было. Скала как скала. Метров тридцать высоты. Две ее вершины слегка напоминали рожки, а вход в неглубокую пещеру, в которой я так любил прятаться в детстве, — искривленный в конвульсии рот. Две выбоины в камнях, заросшие мхом, можно было с натяжкой принять за глаза. Недалеко от скалы пролегал тропинка, по которой часто бегали студенты городского университета. По выходным на скале тренировались самодеятельные альпинисты.

...

Алан и Мориц опаздывали. Ипполит нервничал, а мне было все равно. Мое время уже остановилось. Я жадно смотрел на розоватое июньское небо, на бегущие по нему легкие белоснежные облака, на деревья, на покрытый цветами луг... проследил глазами полет лесного голубя... внимательно слушал жужжание пчел... шелест листьев... наблюдал муравьев, бегающих по стволу клена.

Какие же они все интересные, эти крохотные создания, как полны закипающим в них соком существования, как жадно поглощают они солнечный свет, как радостно вибрируют их маленькие тела.

Моя пустая жизнь сибарита показалась мне вдруг такой прекрасной, разноцветной, пахучей. Я не хотел терять способность видеть, слышать и чувствовать мир, превращаться в мертвую материю. Даже постная физиономия моего кузена казалась мне в эти мгновения такой интересной, загадочной, неожиданно близкой и родной. Я забыл, как он щипал меня за зад, когда мне было восемь лет, как заставлял трогать его член в бассейне и грозил задушить, если я расскажу об этом отцу.

Я забыл все дурное и думал только о хорошем. Я прощался с жизнью и готов был зареветь как девочка, у которой отняли куклу.

Ипполит поучал: Самое главное, постарайся хорошенько прицелиться ему в голову и выстрелить в тот самый момент, когда я скажу слово «три». От этого зависит твоя жизнь. Без двадцати десять он проворчал: Однако, пора бы им и появиться. Неужели, они решили над нами поиздеваться? Тогда мне придется стреляться с Морицом. Кажется, он недурной стрелок.

...

Ипполит ворчал, хотя помнил, что согласно договоренности между секундантами, если вызывающая сторона не являлась на дуэль, ответчики должны были покинуть Черную балку в десять часов, вызов становился недействительным, дуэль отменялась. Как все военные, Ипполит не любил, когда кто-то нарушал установленный план.

Ровно в десять кузен похлопал меня по плечу и сказал: Пошли, мы свой долг исполнили. Молодец, что не струсил.

— Еще как струсил.

— Теперь это все равно. Ты принял вызов и ровно час ждал противника. Кажется, это первый мужской поступок в твоей жизни.

— Пошел ты!

...

Решили во избежание недоразумений все-таки съездить к барону и сообщить, что честно ждали до десяти. Ипполит повторил несколько раз: Я должен убедиться, что все закончилось. Не люблю сюрпризы и огнестрельные ранения.

Подъехали на Линкольне к дому барона фон Цароги.

Я остался в машине, а Ипполит вышел и позвонил в старинный звонок в форме маски фавна. Нажал на его высунутый раздвоенный язык.

Ипполит звонил минут пять — безрезультатно.

— Куда подевался этот треклятый дворецкий? Они что, все там оглохли?

В голосе Ипполита появились хорошо знакомые раздражение и высокомерие. Мой кузен больше не казался мне интересным и родным. Стареющий циник, шовинист и милитарист с перстнем на пальце.

Ипполит в ярости ударил по металлической двери ногой, обутой в тяжелый шнурованный баварский ботинок. Дверь загремела и неожиданно открылась, она не была заперта.

Кузен вошел в дом барона.

А через несколько минут выбежал оттуда, согнувшийся, бледный как мертвец, с трясущимися, липкими от пота руками, влез в Линкольн, завел мотор, нажал на газ. Проехал метров триста, затормозил, остановился и задним ходом вернулся к дому барона. Буркнул мне: Пойдем со мной. Только в обморок не падай, прошу тебя. И не визжи.

Я Ипполита в таком состоянии еще не видел. Он был испуган. Так сильно, как хотел испугать Агнессу.

...

Мы миновали роскошную прихожую с затейливыми напольными вешалками и огромными овальными зеркалами в барочных рамах и прошли в гостиную, стены которой были увешаны головами убитых бароном косуль, оленей, лосей и антилоп. Был среди них и канадский гризли и даже белый носорог из Ботсваны. Стекланные их глаза ловили взгляд входящего в гостиную человека и не отпускали до тех пор, пока он ее не покидал.

Я мельком посмотрел на чучела... не люблю охоту и охотников, а обычай вешать на стены мумии мертвых животных кажется мне варварским пережитком.

Ипполит потянул меня за рукав, а потом прошептал: Там, гляди...

И показал пальцем.

О, ужас! На одной из стен вместо голов оленей — висели три окровавленные человеческие головы. С широко раскрытыми ртами и неестественно выпученными глазами. Это были головы барона фон Цароги и двух его сыновей: Алана и Морица. Оскорбленного отца моей невесты, моего возможного убийцы и его секунданта.

Под ними в роскошном викторианском кресле сидел дворецкий.

На коленях он держал собственную голову. Не отрезанную и не отрубленную, а как будто оторванную от тела какой-то страшной силой. Чудовищем из преисподней или самим сатаной.

Тут я услышал тот самый, жуткий звук. Или вой. Который доносился из каменного гроба тетушки Агаты. Как сумасшедший кинулся искать Агнессу. Быстро обежал остальные комнаты. Открыл все платяные шкафы. Заглянул под все кровати. Проверил духовку газовой плиты. Агнессы нигде не было.

Звук исчез. Что за штучки?

В спальне баронессы я наткнулся на трупы баронессы и ее горничной. В других помещениях обнаружил еще несколько мертвецов. Кажется, это были слуги, повар, прачка... У всех были оторваны головы. Все они сидели на дорогих стульях барона. Головы лежали у мертвых на коленях. Казалось, что мертвецы держат их в руках.

...

Мне стало дурно. Чтобы не упасть, я присел на стул. Неожиданно постаревший Ипполит сел рядом со мной.

Мы закурили, Ипполит хлебнул коньку из своей фляжки с выгравированным на ней гербом князя Станислава, его бывшего покровителя (два стоящих на задних лапах леопарда и мальтийский крест между ними), которую всегда носил с собой. Я последовал его примеру.

В метре от нас сидела баронесса. В розовой шелковой ночной рубашке, из которой выпали на живот две огромные дебелие груди, в домашних тапочках с помпончиками. Рот ее был так широко открыт, что казалось она хочет проглотить нас, глаза, как и у других мертвецов, были выпучены, в волосах сверкали жирные желтые жемчуга.

Голос Ипполита показался мне незнакомым.

— Что тут произошло? Кто это сделал? Зачем?

— Откуда мне знать? Это не ограбление, воры прихватили бы драгоценности и не стали бы тратить время на то, чтобы посадить мертвецов на стулья, а головы троих из них вешать на стену. Похоже на ритуал. Безумие, за которым кроется что-то запредельное. Надо звонить в полицию.

...

Приехавшие полицейские посмотрели на головы на стене и так растерялись, что не заметили, что вместе с ними в жилище барона проникли два фотокорреспондента, вечно подслушивающие полицейское радио. На следующий день сразу в трех местных газетах были опубликованы статьи с иллюстрациями. Первая называлась «Мертвецы в доме барона», вторая — «Загадка оторванных голов», третья, о нас с Ипполитом, — «Кровавая баня. Князя Эстерхази под подозрением».

Нас задержали и доставили на допрос к комиссару Леперье.

...

Я не стал изворачиваться и рассказал ему всю правду. И про мою помолвку, и про аквариум, и про конгресс, и про гроб тетушки Агаты и про «молодых баварцев».

Леперье выслушал меня, задал несколько вопросов. Ушел допрашивать Ипполита.

Потом вернулся и заговорил.

— Ни у вас, ни у вашего кузена нет алиби на прошедшую ночь. Прискорбно! Так, подытожим... Вас выкинули за дебош из «Мельбурна», потом вас подобрал на улице ваш кузен и отвез домой. Вы били сильно пьяны. Испортили музыкальный автомат... приставали к девушкам... кстати, грозили сжечь бар и перестрелять публику. Уехал ваш кузен от вас около двух часов ночи. А в девять утра вы уже были на Черной балке. Молодые баварцы на охоте... Ложь, ложь, ложь! После «Мельбурна» вы и ваш кузен поехали не к вам домой, а прямо к барону. Как-то проникли внутрь дома. Возможно просто влезли в окно. Пользуясь тем, что все в доме спят — устроили там кровавую бойню, выстроили эту жуткую сцену из сидящих мертвецов, повесили головы недругов на стену, а утром как ни в чем не

бывало явились в маскарадных костюмах на Черную балку... как бы на дуэль. Постарались, чтобы вас заметили бегуны-студенты и охранник на автостоянке. Звучит очень убедительно. Учитывая, что ваш кузен необыкновенно силен, а также имеет многолетний боевой опыт и даже, по непроверенным сведениям, неоднократно участвовал в массовых убийствах мирного населения в Юго-Восточной Азии — даже очень убедительно! Может быть, вам пора чистосердечно признаться, князь? Сами посудите, кто, кроме вас с Ипполитом, имел хоть малейший мотив для совершения этого страшного преступления? Предрассудки вашего сословия не позволили вам отказаться от поединка. Если бы дуэль состоялась, вы бы скорее всего уже лежали в гробу. Так что... вам нечего было терять. Убивать в доме барона надо было всех — и господ и прислугу. Потому что все эти люди знали о дуэли. Вот вы всех и убили. Как отрывали головы — покажет вскрытие. Наверное и хлороформ пригодился, да? Для меня в этом деле есть только одна загадка. Почему вы не убили вашу бывшую невесту вместе с остальными? Где ваша невеста, Генри, где Агнесса фон Цароги? Что вы с ней сделали? Зарыли в землю? Замуровали в бетоне? Или заперли в каком-нибудь подвале? Если вы сообщите полиции о ее местонахождении и мы найдем ее живой и здоровой — обещаю вам все снисхождения и льготы, которые в таких случаях полагаются подозреваемому. Несмотря ни на что, вы представляетесь мне скорее пассивным соучастником преступления, чем главным злодеем. Может быть, судья заменит вам гильотину на пожизненное. Посидите в камере и подумайте об этом. Но помните, если мы найдем Агнессу без вашей помощи — то никаких поблажек не ждите.

Я не смог удержаться и спросил: Неужели вы действительно верите в то, что мы, представители древнего благородного рода, способны на подобное зверство? А если да, то, как же мы, обыкновенные люди, смогли оторвать столько голов? Мы же не гориллы и не американские супергерои. Неужели это простое соображение не мешает вам предъявлять нам такие страшные обвинения? Это же абсурд. Я не

знаю, где находится Агнесса. И очень беспокоюсь о ней. Полагаю, вам следует расспросить об этом Лидию Клах и Теодора Мольтке.

Комиссар кивнул, но не удостоил меня ответом. Мои возражения видимо не произвели на него никакого впечатления.

...

Ночь в сырой камере, на металлической койке без матраца я не забуду никогда.

Меня мучили видения, не имеющие отношения к преступлению в доме барона. Как будто со дна души поднялся ил, отложившийся там за многие годы. Ожили старые страхи и навязчивые представления.

Я явственно слышал голос моей матери. Она звала меня: Генри, о, Генри, иди ко мне.

И я, шестилетний мальчик, голый и босой, шел в ее комнату.

В этой комнате не было мебели, посередине ее на табуретке сидела моя мама.

Она обнажена, я хорошо вижу волосы на ее лобке. Мать не смотрит на меня. Ее сомнамбулический взгляд обращен вглубь ее самой.

— Подойди ко мне, Генри.

Я подхожу к ней, хотя мне жутко и неприятно, хочется убежать.

— Дай мне твою левую руку.

Я даю ей руку, и она крепко сжимает ее своей правой рукой. И тянет меня к себе. Раскрывает бедра и сует мою руку себе во влагалище.

— Иди ко мне, Генри. Там никто не обидит тебя. Иди в меня.

Вслед за рукой я весь... непонятно как... попадаю во влагалище матери, похожее на живой готический свод. Розовый, пульсирующий.

И вот... я уже не во влагалище, а в пещере. В той, в Скале дьявола. Я выхожу из пещеры и натыкаюсь на Алана. В руке у него револьвер, он целится мне в лоб. Кузен Ипполит яростно

кричит «три»! Пуля медленно вылетает из дула кольца. И ввертывается мне в лоб как шуруп. Я падаю на красную сухую землю долины с трилитами и дольменами.

...

Утром, после скудного тюремного завтрака меня освободили. Очаровательно!

Комиссар Леперье зашел ко мне в камеру, покивал головой, кисло улыбнулся и сказал несколько коротких фраз: Извините, я кажется ошибся. Вы свободны. Вы оказались неплохим пророком. Это подозрительно, но не наказуемо. Прошу вас однако не покидать наш регион в течение двух недель. Возможно, мне потребуется ваш совет или помощь. Больше пока ничего сообщить не могу. Вы все узнаете из газет.

Оказывается, прошедшей ночью случилось еще одно массовое убийство. На сей раз — в спиритическом салоне госпожи Лидии Клех.

Уборщица пришла как обычно в салон убираться в восемь часов утра. Открыла двери своим ключом и обнаружила в зале для сеансов семь мертвецов, сидящих вокруг овального стола. С оторванными головами на коленях.

Мертва была и хозяйка салона, Лидия, и ее помощница, госпожа Марта, и медиум — простая французская девушка-швея, и еще четыре дамы высшего света, любительницы столоверчения, эктоплазмы и разговоров с умершими.

Агнессы среди них не было. Но один стул, на котором сидела восьмая участница сеанса, был пуст. Кем была эта восьмая — не покладая рук разбиралась полиция. Забегая вперед, замечу, что так и не разобралась. Внутренний голос сразу шепнул мне — это была Агнесса. И все эти «оторванные головы» имеют какое-то отношение не только к ней, но и к тетушке Агате, с которой Агнесса, не знаю как, вошла в контакт, лежа в гробу на ее костях. Дурацкая гипотеза! Но ничего другого мне в голову не приходило, как я ни морщил лоб.

...

Принял дома ванну с розовыми лепестками. Какое блаженство!

Позвонил Ипполиту. Подошел Мартин и сказал мне, что мой кузен поехал жаловаться герцогу на произвол француз-

ской полиции. Ему якобы нахамили и украли его дорогой перстень, подарок князя Станислава. Известие это меня развеселило, отвлекло от мыслей об оторванных головах. Я представил себе как прожжённая лиса герцог успокаивает «улана» Ипполита и теревит его за бакенбарды.

Поехал к родителям, чтобы рассказать им про свои приключения.

После пяти минут разговора о моих делах заметил, что интерес их заметно уменьшился, а потом и совсем сошел на нет. Отец задремал, а мать взяла в руки какой-то женский журнал и тихонько листала его.

Мои родители кажется уже оуклились в своем старческом эгоизме. Письмо неизвестного доброжелателя с непристойными фотографиями моей невесты пробило неделю назад в этом коконе дырку. Но рана уже затянулась. И даже шрама после себя не оставила.

После обильного скучного обеда (ненавижу вареную рыбу с лимонным соусом), я привел мать за руку в библиотеку и попросил ее показать мне фамильную летопись ее семьи. Надеялся, что узнаю что-то особенное о тетушке Агате.

Мама не сразу поняла, что я от нее хочу, а потом, по своему обыкновению, начала юлить: Ах, я не знаю, где лежат эти противные старые книги. Вероятно они пошли на растопку камина в ту холодную военную зиму. Я видела их последний раз лет сорок назад. Еще была жива бабушка Шарлотта. Она не любила вспоминать старшую ее почти на четверть века сестру. Говорила, что Агата «продала душу дьяволу». Я конечно не верю во все эти глупости. Тетушка Агата умерла когда я еще не родилась... говорили, от туберкулеза. Посмотри, вон на той полке, да, наверху... Может быть, что-нибудь и найдешь. А я посижу на террасе, там так легко дышится. И розы в этом году так дружно цветут. Эти, новые, баккара.

...

Долго листал толстые пожелтевшие листы семейной хроники. Нашел что-то вроде Записок тетушки Агаты. Восемнадцать рукописных страниц текста, написанного витиеватым языком восемнадцатого века. Как такое возможно? Тетушка умерла в сороковых годах.

Писала она в основном о погоде, семейных делах и спиритических экспериментах барона Шренка. Пролетел по диагонали. Обычная эзотерическая дребедень.

Ага... тут записи разговоров тетушки с якобы воскресшим из мертвых графом Сен-Жерменом, который будто бы поделился с ней секретом эликсира бессмертия. Это уже кое-что. Зашифрованная формула эликсира... придется поломать голову.

Записи на двух предпоследних страницах было трудно читать. Это был страстный монолог чрезвычайно экзальтированной женщины, доведшей себя до белой горячки всевозможными оккультными штучками. Тетушка Агата яростно заклинала «существа, стремящиеся к пробуждению».

А на последней странице предложения и слова отсутствовали. Тетушка Агата нарисовала красными чернилами картинку... полную каких-то зловещих знаков, вроде масонских или алхимических. Некоторые из этих знаков напомнили мне трилиты и дольмены из моего сна. Да, да, и два лежащих скелета тоже были тут. И похожие на терриконы горы. Обнаженная женщина в фате из листьев...

Дерево с горящими ветками.

Погодите, а кто этот человек в лаковых туфлях, тройке и котелке, читающий газету?

Что все это значит?

...

Вечером, в «Мельбурне», прихлебывая Кампари с сладким вермутом, поведал кузену Ипполиту про записки тетушки, разговор с Сен-Жерменом и рисунок с человеком в котелке.

Довольный Ипполит (перстень с топазом ему после ходатайства герцога вернули, за обвинение в убийстве — извинились) заметил, заинтересованно глядя на севшую рядом с ним красавицу с открытой грудью и короткими синими волосами: А черт бы побрал твою тетушку вместе с Сен-Жерменом. Надоела мне вся эта чертовщина. Не хочу даже думать об этом! Разбирайся сам в своем дерьме!

— Идея с склепом была твоя, мой хороший! Если бы не ты, то я возможно уже помирился бы с Агнессой, и мы бы валялись на пляже где-нибудь на Кикладах и занимались активным продолжением рода.

— Мало тебя помучили на «конгрессе». Она же разорвала помолвку! Забыл аквариум? Сам заскулил, разнылся, а теперь валишь вину на меня. Мой план был хорош. Восстановили бы честь семьи и проучили чертовку. А ты вмешался, потому что слюнтяй и хлюпик. Пожалел вздорную бабу... Если бы она провела там не час, а двадцать четыре часа, как было по плану, то... все было бы справедливо и правильно. А так... сам, сам расхлебывай!

— Слушай, я в газете прочитал, что головы отрывает оборотень, вроде Жеводанского зверя. Подумал, может быть этот зверь — Агнесса... Что-то от костей старой ведьмы перешло к ней и изменило ее природу. И она стала монстром.

— Полежала в гробу, съела косточку и начала головы срывать, как ромашки? И на стены вешать? Я простой солдат, но в такую ересь ни за что не поверю, а тебе... выпускнику забыл-какого университета... такое даже думать стыдно, не то, что говорить.

— Если не Агнесса, то кто?

— Ты у нас все знаешь, а не я.

— Как ты думаешь, где Агнесса прячется?

— Этот вопрос мне и Леперьье задавал. Раз триста. Замахивался даже на меня ручкой. Каков гусь! Возомнил о себе. Фараон. Надо будет, когда все утрясется, его шпагой заколоть и выпотрошить. Не знаю я, где твоя невеста, и знать не хочу. Может, она... с Теодором на пляже валяется. На Кикладах. И продолжает род. Только не твой, а его, колбасный.

— Съездишь со мной к Теодору на виллу? Недалеко. Мне одному неловко. Хочу посмотреть ему в глаза и спросить, не знает ли он, где Агнесса. Пожалуйста, Ипполит... Я его один и припугнуть не смогу.

— Знаю, что пожалею, но... черт с тобой, поедем. Только Кампари допью. Надеюсь, ему головы еще не оторвали... а то становится скучно, куда ни приедем, всем головы отрывают... Как в романе у автора, который ничего нового придумать не может. Крутит, крутит одно и то же колесо. Кстати, литературные герои из нас получились бы какие-то непонятные. Сойдут разве что для персифляжа... Ты вроде бы состоишь из

одних слабостей и растерянностей, а я — солдафон, грубиян. А если приглядеться, все не так. Ладно, ладно, пойдем, за выпивку сегодня ты платишь.

...

Теодор жил в двухэтажной вилле, окруженной лимонными деревьями, купленной ему его отцом. За высоким ажурным забором, с прекрасным видом на синее море в трех километрах отсюда Средиземное море. Мраморный бассейн с подсветкой. Сауна. Статуи. В подвале — энотека. Шик, конечно, но богатством в этих краях никого не удивишь.

Мы подъехали к дорогим кованым воротам. Львиные морды, грифоны, русалки, цветы, листья, гербы и знамена. Только колбасы нет. Все комплексы неполноценности нувориша обрели на этих воротах свои формы. Из стали.

На сей раз Ипполит остался в Линкольне, а я пошел звонить.

Неожиданно по ту сторону ворот появился Латур, слуга Теодора. Он поклонился и сказал: Вам письмо, князь.

Передал мне конверт сквозь ворота и исчез. Лицо у Латура было темно-фиолетовое, глаза — мертвые. Когда он говорил, его губы не двигались.

Я тут же вскрыл конверт. В нем лежала открытка с видом на замок Вьери. На обратной стороне открытки было написано красными чернилами «Приезжай сюда завтра, в шесть вечера. Тут разгадка тайны. Покойный Теодор».

Показал открытку Ипполиту.

Тот проворчал: Покойный? Что за шутки? Опять красные чернила! Они что, там, в замке «Бал вампиров» решили устроить?

— Отвезешь меня завтра? Если не будет пробок — часа за два домчимся. Неохота у отца просить машину.

— Сто раз тебе говорил, просил... купи себе тачку. Носился бы... туда-сюда. Смешно, князь Эстерхази ездит по городу на велосипеде. Отвезу, кому-то надо за тобой присматривать.

— И еще одна, последняя на сегодня просьба — высади меня сейчас у «Миракля», не хочу ночевать дома.

- Хочешь дрыхнуть на своем дурацком зеленом диване?
— Ну да, и не один, а с дамами в шелковых пеньюарах.
— Какие мы нежные! Как дыня.
— Мы же не уланы, которые спят друг с другом и с лоша-
дями.
— Не дерзи, надеру уши!

...
«Миракль» — это бордель для избранных. Заполонивших последнее время Ривьеру «новых русских» с тупыми и агрессивными лицами и с пачками наличных в руках я там не видел. Не видел и богатых скотопромышленников из Техаса и нефтяных арабских шейхов, скупивших, говорят, все публичные дома Парижа.

И тех, и других, и третьих привратники «Миракля» вежливо отправляют в расположенный поблизости пуфф для богатых «Золотые качели»... тамошняя позолоченная мебель в стиле ампир, фальшивые гобелены эпохи Людовика XIV и пляшущие канкан голенькие девочки в париках имеют у этой шушеры большой успех.

Я часто ночевал в «Миракле». Посещал его еще юношей...

Хозяйка заведения, строгая дама, не терпящая фамильярности, госпожа Ристаль, относилась ко мне по-матерински. Вот и сейчас, обняла меня за талию и отвела в комнату, которую я снимал уже несколько лет. В комнате этой действительно стоял длинный и широкий зеленый диван, на котором могли спать одновременно три человека. Я предпочитал называть диван — канапе. Так окрестил его торговец антикварной мебелью из Магриба, продавший его мне. Кроме канапе в комнате ничего не было. В углу однако находилась потайная дверь. За ней располагался коридорчик с платяным шкафом и двумя дверями — в кухню и в ванную комнату.

Все четыре стены комнаты и потолок покрывала фреска, на которой был изображен безлюдный античный город. В стиле «идеальных городов» итальянских художников ренессанса. На шатровом потолке — синее небо и перистые облака. Четыре небольших овальных окна не портили иллюзию — сидя на моем канапе, я чувствовал себя как молодой грек на Акрополе или римлянин на Палатине или Капитолии.

Нарисовал фреску бельгийский художник, застенчивый и скромный великан в смешных сандалиях и немислимой рубашке, у которой он сам, при мне, отрезал перед началом работы ножницами рукава. «Чтобы руки были свободны. Руки художника — его душа». Мой отец, строящий из себя лет тридцать назад коллекционера современного искусства а ля Пегги Гуггенхайм, купил у него несколько картин. Картины эти, с неизменными храмами и дворцами на заднем плане и обнаженными женщинами, застывшими как восковые фигуры, на переднем, — дали направление моей детской эротической фантазии.

Пол комнаты был покрыт толстым одноцветным ковром, имитировавшим темно-розовую плитку.

— Кого мне прислать к вам сегодня, князь?

— Розу и Мари Констанс. Если они не заняты.

— Прекрасный выбор. Огонь и нежность. Вы хотите переночевать у нас? Подготовить белье и одеяла?

— Будьте так добры.

— На завтрак, как обычно, кофе с медом из лаванды и свежий творог с черничным мармеладом?

— У вас удивительно хорошая память. А девушкам подайте то, что они сами закажут.

...

Мучительная езда по немислимо узким альпийским дорогам с их бесконечными поворотами, подъемами и спусками не позволила мне испытать еще раз, по памяти, все те утонченные радости, которые доставили мне милые дамы прошедшей ночью, и так меня измотала, что я забыл цель нашей поездки. Уже пять минут мы стояли перед этим чертовым замком, похожим на высокий каменный сарай с проросшими сквозь него круглыми башнями, увенчанными конусообразными колпаками, а я, вместо того, чтобы вылезти из Линкольна, подняться по давно не отремонтированной лестнице, найти вход и постучать... сидел, запрокинув голову, на широченном сидении, неприятно пахнущем звериной кожей.

Ипполит положил голову на руль и дремал.

Заставил себя выйти из машины.

Посмотрел на замок.

Все ставни на окнах были не только закрыты, но и заколочены. Небрежно, грубо. Последний раз фасад замка красили наверное еще во время Столетней войны. В остроконечной крыше, покрытой красноватой черепицей, зияли прорехи.

Ипполит, зевая и покашливая, тоже вышел из машины. Скептически посмотрел на замок, хлебнул из своей заветной фляжки с леопардами и покачал головой.

Обошли здание, нашли что-то напоминающее вход в английский коровник.

Постучали.

Я приложил ухо к двери. Ни ответа, ни шагов, ни завывания ветра. Ни звука.

Даже уши заложило от тишины.

Тут солнце спряталось за горной грядой. Потемнело и похолодало.

Почему-то стало страшно. Издалека донесся волчий вой.

Ипполит ударил дверь кулаком и прорычал: Да откройте же вы наконец, черт вас всех побери, проклятую дверь!

И тут... мы услышали бой стенных или напольных часов, доносившийся из замка. Часы пробили восемнадцать раз. Дверь открылась, проскрипев музыкальную фразу. Вошли.

...

И оказались в кромешной темноте. Очень гостеприимно.

Хорошо, что Ипполит догадался взять с собой фонарики.

Мы находились в просторной комнате без окон, в которой была только одна дверь. На противоположной от нее стороне, там, где только что был вход в замок — стояли громадные старинные напольные часы. Их циферблат и тяжелый маятник блестели так, как будто были сделаны из чистого золота. Стрелки и цифры были выточены из нефрита.

Над часами была нарисована прямоугольная монохромная фреска. Два кавалера в одежде времен Французской революции целились из своих тонкоствольных ружей в огромного зверя, гибрида волка, гиены и льва. На заднем плане — горы, лес и замок Вьери на небольшом холме. Зверь открыл зубастую пасть...

Надпись под фреской оповещала зрителя о том, что в 17.. году известные охотники Жан Шарль и Жан Франсуа пристрелили, к вящей радости жителей окрестных деревень, оборотня-людоеда серебряными пулями.

Вместо люстры — о, ужас, ужас, ужас — в середине комнаты на длинной веревке висел, покачиваясь, удавленник. Мы узнали его. Это был Теодор Мольтке, любовник моей невесты Агнессы. Его лиловый, как у коровы, язык доставал до подбородка. Мертвые глаза смотрели в пустоту.

Я окаменел. Открытка-приглашение Теодора, лежащая у меня во внутреннем кармане пиджака, жгла мне грудь.

Мужественный Ипполит заявил, что хочет взобраться мне на плечи, чтобы перерезать веревку перочинным ножом. Я сцепил руки. Ипполит не без труда и кряхтения исполнил задуманное. Мертвец упал на меня. Задел мне языком щеку. Как будто облизал.

Вслед за Теодором на меня обрушился мой увесистый кузен. Обошлось.

Вдвоем мы прислонили труп к стене. Ипполит закрыл мертвому глаза.

Я прошептал: Мы в мышеловке, князь. Они всласть поиграют с нами, а потом оторвут нам головы, как барону Цароги, его сыновьям и этим дурам, участницам спиритического сеанса. Видел ту зверюгу, на фреске? Говорят, оборотнем была сама баронесса, тогдашняя владелица замка Вьери. Может быть, современный владелец тоже...

— Спокойно, спокойно, Генри. Как вошли, так и выйдем. Пойдем, посмотрим, что за этой дверью. Тот, кто нас тут запер, явно хочет, чтобы мы вышли отсюда через эту дверь. Не будем противиться его воле. Пока. Клянусь, если все обойдется, закажу для моего винчестера серебряные пули.

...

За дверью была еще одна комната. Эта комната была хорошо освещена. Слепящий глаза источник света находился где-то на потолке, если тут конечно был потолок. Что именно светит — мы не поняли, похоже было на театральный прожектор.

На дощатом полу стояла круглая изящная табуретка. На ней, спиной к нам, восседала дама в роскошном темно-лиловом платье, отделанном кружевами, с треугольным декольте на спине.

Голова на высокой шее.

Аккуратная прическа волнами.

Сложенные руки — на коленях.

Воплощенная добродетель.

— Добрый день, мадам!

Голос моего кузена подрагивал.

Дама даже голову не повернула в нашу сторону... сидела неподвижно как кукла и смотрела на висящее на стене зеркало в нескольких шагах от нее.

Стена была когда-то обклеена обоями с орнаментом... обои эти частично отошли, порвались и висели неприятными свернувшимися треугольниками.

Ипполит крякнул, пощипал себя за бакенбарды, тихонько ударил меня в бок и показал глазами на зеркало. Зеркало отражало ту же добродетельную даму, сидящую на той же табуретке. Только эта дама, в зеркале, была нагой!

За ней была видна только часть комнаты. На стене, противоположной зеркалу, красовался непонятно откуда там взявшийся пейзаж с одиноким деревом на полянке, рощей и римской триумфальной аркой.

Я протер глаза и дернул себя за ухо.

Ипполит не выдержал: Прошу меня простить, мадам... право, не знаю, что сказать. Нам назначили встречу на шесть часов вечера, мы приехали... и вот, в соседней комнате нас встретил удавленник, а вы не устаиваете нас даже словом!

Молчание. Дама по-прежнему сидела, не шелохнувшись.

Ипполит осторожно взял ее за плечо.

Она неловко съехала с табуретки и упала на пол!

Это действительно была кукла.

В тот же момент ее отражение — женщина в зеркале — грациозно встала с табуретки, погрозила нам пальцем и ушла в рощу. Из которой тут же выбежал тот самый, изображенный на фреске зверь, посмотрел на нас грозно и завыл по-волчьи.

Через мгновение зеркало уже потеряло способность показывать другой мир... и стало отражать только комнату... с изящной табуреткой, нелепо распростершейся на полу куклой в темно-лиловом платье, и отошедшими от стены обоями. Самих себя мы в нем однако так и не увидели, даже подойдя к нему вплотную. Ипполит постучал по его поверхности костяшкой пальца. Зеркало жалобно загремело, но даже стучавшей по нему руки не отразило.

И в этой комнате тоже была только одна дверь, — явно не та, в которую мы вошли. Не сговариваясь, мы открыли ее и покинули комнату с зеркалом.

...

И оказались на берегу моря. Солнце светило вовсю!

Гор не было видно. Замок пропал.

Ипполит горько развел руками и посмотрел на меня умоляюще.

Я опустил верхнюю губу на нижнюю и попросил у кузена фляжку с коньяком. Мы сели на теплые камни, выпили и закурили любимые сигареты Ипполита — Данхилл. Ипполит достал их из чудесной красной коробочки, тогда еще не обезображенной пугающими надписями и кошмарными фотографиями.

Коньяк на вкус напоминал кипяченую воду, а сигареты не имели запаха!

Где мы?

В театре? В павильоне киностудии? Внутри инсталляции художника-абсурдиста? Возможно, но не в человеческом театре, в неземном павильоне, в неземной инсталляции.

В памяти какого-то существа не от мира сего, посетившего Землю, и пытающегося воссоздать увиденное?

Пространство простиралось... убежало в глубину... но не так, как оно должно было это делать.

Время... замедлило бег. Ползло из никогда в никогда.

Я внимательно посмотрел на Ипполита и понял, что не только коньяк потерял тут свои свойства, мы тоже перестали быть сами собой. От нас остались... изображения? Оболочки, сотканые из страхов и несбывшихся желаний? Или что-то такое, о чем мы даже не подозреваем?

Перед нами было море, но какое! Вовсе на море не похожее. Неглубокое. Волны не настоящие, вода...

Небо над нами... казалось было нарисовано. Солнце маленькое, куцее, крутящееся, как волчок. Из него вылетали разноцветные протуберанцы. Шаровая молния?

Воздух явно состоял не только из кислорода и азота, но и из газов, затрудняющих дыхание.

На берегу мы увидели несколько диковинных зданий. Фабрики? Купальни для роботов? Допотопная паровая машина приводила в движение непонятные устройства. Их свист и скрип казались ненастоящими. Они как бы не имели сущности. Все вокруг нас не имело сущности...

Мы сидели на чем-то вроде каменного помоста. Он выглядел каменным, а на самом деле — он был из резины, и мы боялись, что она порвется и мы провалимся в невидимую пропасть.

В море купались обнаженные женщины. Вода не касалась их тел. Вода не была «мокрой». Она состояла из многослойного шелка. Серо-голубоватого шелка. И волны не «бежали» по этому морю, а медленно поднимались и опускались.

Я написал «женщины», но существа эти только внешне напоминали земных женщин. На самом деле это были куклы из латекса... оживленные куклы... возможно, первые, несовершенные пробы создания искусственных людей.

Латексные женщины с огромным трудом меняли позы... качались как поплавки... смотреть на них было мучительно. Еще мучительнее было слушать их нечленораздельную, нечеловеческую речь... кудахтанье, курлыкание, хрипы.

Внезапно я понял, что надо делать. Решительно взял раскисшего Ипполита за руку и прыгнул вместе с ним в море. Вода была только до пояса.

И я пошел по песчаному дну, таща за руку кузена, в сторону открытого моря. Мы шли, не оборачиваясь, шли молча, не смотря ни друг на друга, ни на море, ни на нарисованное небо. В какой-то момент мы неожиданно осознали, что идем по сухой мостовой европейского города.

Прошли темное здание городского суда с колоннами и могучими аллегорическими скульптурами перед входом, долго тащились вдоль высокой стены, за которой виднелись фабричные корпуса и трубы, миновали несколько трехэтажных многоквартирных жилых домов. Подошли к небольшому железнодорожному вокзалу. В нем одном горел свет, все остальные здания были темные. Точнее темно-синие.

Зашли в здание вокзала и очутились в большой старомодной зале. Под потолком висела газовая люстра. Слева от нас, за стойкой сидела билетерша в желто-лимонном платье с большим декольте. Опять кукла? Или недоделанный латексный андроид?

Билетерша не сводила глаз с обнаженной блондинки справа. Эта худая, высокая и красивая девушка смотрела на темный ковер перед стойкой билетерши. Руками поддерживала свою молодую грудь.

Она тоже никак не отреагировала на наше появление.

На противоположной стороне залы стояла длинная лиловая кушетка. На ней в довольно фривольной позе лежала еще одна нагая дама, напоминающая гойевскую «Обнаженную маху». Над лежащей, на стене висело большое зеркало, которое на этот раз честно отражало реальность по известным оптическим законам. Левее кушетки с обнаженной махой был выход на перрон. На путях стоял товарный поезд. За ним виднелась башня с часам. Стенные круглые часы над билетершей и часы на башне показывали десять минут первого.

Ипполит спросил меня: Генри, мы все еще находимся в этом проклятом замке? Я очень надеюсь, что там. И что морок когда-нибудь развеется, и мы поедем домой.

— Не уверен, что мы сами сможем вырваться отсюда. Он, она или оно — должен сам нас выпустить. Пока что у него явно другие планы. Он хочет, чтобы мы прошли по лабиринту и насладились всеми его кунштюками.

— Кто он? На кой черт ему это надо?

— Не знаю. Может быть, он что-то на нас проверяет? Реакции? Правдоподобность своих материализаций? Или, и это

было бы ужасно, — сам не знает, что делает, играет, забавляется. Как безумец... построил игрушечный домик-лабиринт и пустил туда хомячков.

— Забавляется? Пустил хомячков? Нас? Я ему сейчас покажу хомячков!

Ипполит вытащил из кармана автоматический пистолет... я не успел помешать ему... и начал палить в разные стороны. Выпустил 17 пуль. Заменял магазин и продолжил. Разбил зеркало и две лампы на люстре, многократно продырявил билетершу и обнаженных женщин, сбил с элегантной подставки горшок с фикусом, засадил несколько пуль в стенные часы. Во время стрельбы орал что-то по-венгерски, скакал и прыгал, как будто танцевал чардаш. Последний патрон злобно всадил в лоб валяющейся на полу блондинке.

Все три продырявленные пулями Ипполита женщины вяло, как сонные тюлени лапами, шевелили руками и ногами, моргали глазами и трясли головами. Из их полуоткрытых ртов доносилось что-то напоминающее мышиный писк. Из ранок сочилась неприятная зеленоватая жидкость. Мы положили их друг на друга, как манекены, завернули ковром, вытащили на перрон и бросили на рельсы. А сами сели на кушетку, передохнуть и собраться с мыслями.

...

Не тут-то было!

Ипполит показал рукой на часы и крикнул: Гляди!

Три дырки от пуль на циферблате — сами собой заросли. Потом как в обратном кино — сама собой починилась лампа на люстре. Потом другая. Восстановилось зеркало. Через минуту комната на вокзале выглядела так же, как до пальбы моего кузена. А затем... в комнату вошла билетерша. Без следов от стрельбы на теле. Медленно, задом наперед, — проковыляла на свое место, села и застыла в той же позе, что и раньше. За ней в комнату, тоже задом наперед, вошла блондинка и встала на то место, где раньше стояла. Пулевое отверстие на ее лбу заросло.

Третьей приковыляла маха...

Там, где раньше лежал ковер, доски пола потемнели, на дереве показались складки, и еще через несколько секунд — ковер лежал на старом месте.

— Ради бога, больше не стреляй!

— Тебе что, все это жалко? У меня еще один магазин в запасе.

— Все, что ты вокруг себя видишь — не настоящее. Стоит не из привычной нам материи, а из... не знаю из чего... из сгустившихся воспоминаний... представлений... желаний. Его желаний. Для него — все тут имеет смысл, оно ему ценно и важно. И он не допустит, чтобы мы тут что-то испортили. Он накажет нас за бунт, вот увидишь. Не знаю, как.

В этот момент неожиданно загудел отходящий поезд. Тронулся и медленно укатил. Мне показалось, что это поезд детской железной дороги, только размером с настоящий.

Мы опять услышали вой.

...

Ипполит вдруг начал раздеваться. Я хотел его остановить, но заметил, что он делает это машинально, как робот. Раздевшись, мой кузен лег на обнаженную маху, раздвинул ей бедра, грубо схватил ее за груди и со всего размаху вбил в нее свой уланский фаллос. Начал совершать фрикции, а через минуту очевидно с трудом повернул голову ко мне и простонал: Я делаю это против воли, берегись, Генри!

И тут же я ощутил неодолимое желание обнять и поцеловать блондинку.

Мои руки и ноги меня не слушались. Он... тот, невидимый, но присутствующий здесь... он управлял мной как марионеткой. Я не мог противиться его воле. Разделся. Подошел к блондинке, крепко обнял ее и поцеловал. Вкус ее языка напоминал вкус железа, губы были резиновыми. Через несколько мгновений — стоя — проник в нее.

Первым кончил Ипполит — и закричал от боли. Через несколько минут это же испытал и я. Вместо радостной волны наслаждения — волна режущей боли прокатилась от яичек до головки.

Это было наказанием за стрельбу.

Пришли в себя мы на улице. Босые и нагие. На той, с темно-синими домами. Вокзал исчез.

Кошмар продолжался.

Побрели непонятно куда. Холодные камни мостовой обжигали ноги.

Неожиданно услышали скрежет догоняющего нас трамвая. Встали на тротуаре, смотрели. Синий трамвай медленно проехал мимо нас. Вел его мертвый Теодор. В немыслимой фуражке. Отдал нам честь и показал указательным пальцем на свой, все еще высунутый лилово-серый язык. Все пассажиры были нам знакомы. Тут был и слуга Теодора Латур с пепельно-фиолетовой физиономией, и барон и баронесса фон Цароги с сыновьями и челядью, и все семь участниц спиритического сеанса. У всех у них были ужасные, искаженные лица. Агнессы в трамвае не было. Лидия выпучила глаза, открыла рот и показала неестественно длинные красноватые зубы. Затем вытащила один из них изо рта и воткнула его себе в щеку. А госпожа Марта вынула свои глаза из глазниц и продемонстрировала их нам. Глаза в ее руках посверкивали и крутились.

...

Издали увидели освещенный вход в какое-то помпезное общественное здание. Подошли. Прочитали вывеску, написанную черным шрифтом. «Шпитцнер музей».

И оба ощутили неодолимую потребность пройти по залам этого непонятного музея.

Войти в музей можно было только через открытую веранду, напоминающую театральную сцену. На нее вели с улицы ступеньки, покрытые красной ковровой дорожкой. На ступеньках этих стояли и мирно беседовали между собой пять прекрасно одетых, породистых и лощеных джентльменов. Лица их выражали достоинство и уверенность в себе. Откуда они тут взялись?

Рядом с ними, мы, босые и голые, чувствовали себя неловко.

Джентльмены преграждали нам дорогу.

Ипполит хотел было попросить их пропустить нас, но я прижал палец к губам и объяснил ему знаками, что вначале мы должны послушать, о чем они говорят.

Мы прислушались.

— Марс, что бы это значило? Женщина в транс. Скелет.

— Чудесно, Юпитер! Мальчик, кажется, ее сын.

— Неожиданно и ново, Сатурн! И это во время оккупации.

— Слов нет, я так хочу купить эту картину, Уран.

— На все времена, Нептун. Не то, что эти зазнайки-кубисты или безмозглые абстракционисты.

Джентльмены говорили о картине... возможно, они принимали сцену на веранде перед входом в музей за живопись... сыпали и сыпали короткими репликами как машина по изготовлению лапши. Почему-то называли друг друга именами планет.

При этом они не двигались, не жестикулировали, их губы и глаза были неподвижны. Голоса доносились из их тел, как эхо из пещеры.

— Как ты думаешь, — шепнул я Ипполиту, — это такие же жертвы замка, как мы, или...

— Чертовы болтуны, знаю эту породу!

Тут мы услышали позади себя цоканье копыт, скрип и хруст. К зданию музея подкатила старая грязная телега. Похожий на снежного человека кучер соскочил с нее, оттолкнул нас мохнатой лапицей и схватил пятерых джентльменов... схватил и уволок... и кинул небрежно, как кидают дрова, в телегу. Состроил нам на прощание чудовищно гадкую рожу и хлестнул лошаденку, передняя часть которой была обыкновенной савраской, а задняя... лошадиным скелетом. Через мгновение телега с кучером и джентльменами исчезла.

Мы поднялись по лестнице.

...

Вход в музей располагался в правой части сцены. За бордовым занавесом маячила фигура человека без кожи, похожего на иллюстрацию из анатомического атласа. Глядя на него, я вспомнил, что такое «Шпитцнер музей». Родители осчастливили меня посещением подобного заведения в Париже. Этот

музей — что-то вроде паноптикума... собрание всевозможных анатомических уродств. Почему-то людей тянет смотреть на подобное. Отдельный зал в музее был посвящен наглядной демонстрации последствий заболевания сифилисом. Родители хотели запугать меня этой страшной болезнью, а добились того, что я испугался не болезни, а самой жизни.

Рядом с входом, за столом, сидела продавщица входных билетов. Как и все другие женщины в этом странном мире — чувственная кукла. Воплощение мужского представления о фемине. Ее белое атласное платье не скрывало высокую шею, роскошные плечи и грудь.

В левой части сцены стоял человеческий скелет, поддерживаемый двумя железными крюками, крепящимися к стене. Высокий, зловещий. Видимо, он должен был сразу же, еще до входа в музей, обуздывать гордыню посетителя. Помни о смерти!

В середине сцены стояли два человека — потерянный голый мальчик лет шестнадцати и женщина в длинном темном платье, которую один из джентльменов назвал его матерью. Эта мать запрокинула в экстазе голову, ее шея и грудь были обнажены.

Возможно она не была матерью мальчика, а только символизировала чувственную радость, а мальчик — искал, как и все мы ищем — свое место, между Танатосом и Эросом.

Поделился такой интерпретацией с Ипполитом. Тот только рукой махнул и закашлялся.

Из тела мальчика внезапно донеслось: Мне страшно! Я заперт! Спасите!

А экстатическая дама, произнесла утробным голосом, так и не открывая глаз: Бегите, бегите, тут вас ждет смерть, смерть...

Скелет угрожающе заклацал зубами, попытался броситься на нас, но его удержали стальные крюки.

Продавщица входных билетов медленно и со скрипом повернула к нам голову и прошипела: Покупайте входные билеты, господа... два франка... для школьников и студентов один франк. Для магистров бесплатно.

Мы вошли в музей. Человек без кожи растопырил свои страшные окровавленные руки, попытался нас остановить, но храбрый Ипполит ткнул ладонью ему в ребра, и тот задергался, затрясся и отступил.

...

Это был отвратительный музей.

Перед нами лежала женщина в белом платье. Лицо ее не было искажено гримасой боли, оно было только удивленным. В ее животе зияла дыра размером с супницу. Там копошились два не родившихся ребенка. Женщина проговорила ужасным голосом: Бегите, он идет! Он уже близко! Он разрежет вам брюхо и выпустит кишки!

Рядом с ней сидела красотка с отсутствующей нижней челюстью. Она тоже пыталась что-то сказать, но из ее бронхов вырывался только свист.

Третья женщина была вспорота от горла до половых органов и вывернута наизнанку. Ее тело корежилась и извивалась. А голова хихикала.

Чуть дальше стоял и внимательно смотрел на нас симпатичный мальчик с одним туловищем, но с двумя грудными клетками и двумя головами. Обе его головы повторяли тупо: Ты голова, и я голова! Ты голова, и я голова!

За ним находились стеллажи с стеклянными банками с формалином, в которых хранились всяческие уроды. Все они гадко кривлялись... пытались танцевать.

Чуть дальше — внутренние органы с генетическими дефектами, опухольями. Они подрагивали и пускали пузыри.

Сотни деформированных скелетов, грозя рассыпаться, дрыгали своими костлявыми ногами и протягивали в нашу сторону длинные руки.

Отдельный зал был посвящен жертвам серийных убийц и маньяков. Несчастные рыдали и просили их пощадить. Но маньяки их не щадили. То и дело поворачивали свои головы к нам и гнусно ощеривались.

Еще один — орудиям пыток, казням и палачам. Многие казнимые молились, другие проклинали палачей, подвергнутые пыткам — умоляли о пощаде, клялись в том, что они не

виновны, что их оговорили злые люди. Палачи выполняли свои обязанности безукоризненно. Наверное ожидали от начальства медали и почетные грамоты.

В зале с фиолетовыми стенами были показаны на примерах различные виды сексуального садизма, фантастического и реального. Маркиз де Сад соседствовал тут с русской боярыней Дарьей Салтыковой. Маркиз де Сад делал нам непонятные знаки, кажется, приглашал присоединиться к кровавой оргии, а Салтыкова — плевалась и норовила ущипнуть или ударить.

В красном зале я обнаружил целую галерею оторванных голов...

Головы эти моргали глазами, открывали мертвые рты и мерзко агукали.

Описывать остальные залы музея я не буду. Слишком жутко.

...

Музей, по которому мы бродили, не был музеем анатомических уродств, это был музей зла.

Его создатели пытались внушить посетителю, что демиурги ошиблись. Ушли от ответственности, оставили человечество на произвол судьбы. И люди начали уничтожать самих себя и природу. А природа — мстить им за это.

Сказал Ипполиту: Пойдем отсюда, я не могу больше на все это смотреть.

И неожиданно обнаружил, что моего кузена нет рядом со мной.

Обошел еще раз все залы, то и дело закрывая глаза и затыкая уши, — Ипполит исчез.

Вышел на улицу.

...

Но не на ту, страшную улицу с темно-синими домами, по которой мимо нас проехал трамвай с мертвецами. На другую.

На залитую солнечным светом райскую улицу, по которой гуляли обнаженные красавицы, улицу моей детской мечты.

Легкий ветерок дарил прохладу, цветущие деревья благоухали, изумительные античные постройки радовали глаз.

Мой кузен Ипполит лежал под цветущей акацией. На пальце его посверкивал перстень с топазом и бриллиантами. Рядом с ним сидели на корточках три прекрасные нагие азиатки. Они втирали в его загорелую кожу благовония.

Моя невеста Агнесса лежала на шелковистой траве в обнимку с Теодором. Они весело болтали. Теодор приветливо помахал мне рукой в розовой перчатке. Агнесса послала воздушный поцелуй.

Барон фон Цароги сидел в шезлонге и читал газету «Лавив Мондэн». Баронесса качалась в гамаке и перебирала холёными пальчиками алмазы и изумруды, лежащие на блюде из цветной яшмы. На голове у нее сияла корона с крупными грушевидными жемчугами.

Их сыновья, Алан и Мориц музицировали на панфлейтах для стайки обнаженных девушек-лесбиянок, ласкающих друг друга.

Лидия Клах разглядывала розово-синий магический кристалл.

Ее помощница Марта развлекалась под персиковым деревом с молодым любовником-мулатом.

Девушка-медиум пасла золотистых овецек.

Остальные участницы злополучного спиритического сеанса пели хором спиричуэл. Подпевал им сильно помолодевший и похорошевший доктор Фердинанд в белоснежном халате на голое тело со стетоскопом в руке.

Старый Иштван целовал взасос млеющего Мартина.

По зеленому лугу носился как торнадо по Арканзасу божественный конь Красный Мустанг.

Комиссар Леперье заворуженно глядел на завтракающего герцога и его пегих легавых собак.

Четырнадцать святых Помощников пили церковное вино из золотых потиров и дарили маленьким голеньким деткам хрустальные шарик.

Как чудесно все это! Зачем просыпаться, если сон так прекрасен? Но я проснулся.

У себя дома, на кровати...

Позвонила Агнесса. Заявила, что хочет переспать со мной, а затем попробовать в «Конкистадоре» тамошних устриц. Договорились на четыре. Я спросил ее, была ли она в городском Аквариуме с неким Теодором Мольтке. На что Агнесса звонко расхохоталась и спросила меня, не лишился ли я рассудка. Теодором Мольтке звали ее учителя латыни в гимназии. Был он старым, толстым и противным, ученицы дразнили его «ливерной колбасой». Спросил Агнессу, как здоровье ее родителей и братьев, и она сообщила мне, что барон и баронесса уже месяц как плывут в Новую Зеландию на паруснике их доброго знакомого, миллионера Макса Шпитцнера. Капитан яхты — знаменитый Леперье, победитель Великой австралийской регаты. Возвратятся через год. А братья вчера уехали в Центральную Африку охотиться на гиппопотамов.

Затем позвонил Ипполит и объявил, что он подписал контракт наемника и через неделю уезжает в Камбоджу. Потому что ему «скучно и тошно без войны». На мою просьбу воевать осторожно Ипполит ответил так: Не надо эмоций, Генри. Если я протяну ноги, семья почувствует облегчение, а посторонние не заметят.

Позвонила мама и сказала, что пойдет сегодня вечером на спиритический сеанс Лидии Клех. Хочет выведать у умершей бабушки, где та спрятала Золотые облигации Французского банка. Я посоветовал ей зайти в наш фамильный склеп и расспросить об этом тетюшку Агату. Мама рассмеялась и спросила, что я пил вчера в «Мельбурне». А затем клятвенно заверила, что у ее бабушки не было сестры по имени Агата, и что единственная Агата, которую она знает — это молодая полька, приходящая по понедельникам массировать спину моему отцу.

— Каждый понедельник прячу в сейф мои драгоценности и серебряные ложки из буфета, — заявила мама, — никто не знает, что можно ожидать от этих освободившихся от ига коммунизма восточноевропейцев!

...

Я закрыл глаза... думал о том, как уютен наш скромный буржуазный мирок.

А когда я их открыл... то обнаружил, что все еще нахожусь в комнате с часами, в проклятом замке. Сижу, прислонившись к сырой стене, и смотрю на висящего посередине комнаты Теодора. Глаза трупа почему-то светили как два фонарика.

Рядом со мной сидел мой кузен Ипполит. Оторванная голова его лежала у него на коленях. Рот его был открыт, глаза выпучены.

Не стал тратить время на бессмысленные переживания... прошел в комнату с магическим зеркалом и куклой в темно-лиловом платье с кружевами. Поприветствовал нагую красавицу. Разбежался и прыгнул в зеркало, рискуя разбить себе лоб.

Приземлился удачно... встал.

Тут из роци вышел оборотень и посмотрел на меня глазами, полными бесконечной злобы. Открыл страшную пасть, из которой сочилась лиловая слюна. Приготовился к прыжку. Я сжал зубы и двинулся ему навстречу...

...

Сражение не состоялось. Судьба второй раз избавила меня от столкновения с более сильным противником.

Зверь бросился на меня с выставленными вперед передними лапами... но, как раз в тот момент, когда его когти должны были коснуться моей груди, пропал. Дематериализовался.

Странно, я как будто ожидал чего-то подобного.

Сел на травку и заговорил сам с собой.

...

Твой прыжок в зазеркалье — не вывел тебя из лабиринта, а только переместил в его заповедные области. Возможно, отсюда уже нельзя вернуться в обычный мир. И теперь тебе, тридцатипятилетнему оболтусу и гедонисту, придется разделить судьбу Безумного Шляпника.

Хотя... стоит ли горевать?

Посмотри, вон роцца. Реликтовые сосны, гигантские грибы, хвощи и папоротники. А среди них — обнаженные женщины и музицирующие гермафродиты с венками на головах. Некоторые обнимают друг друга, другие забрались на деревья. В огромных лопухах — как в креслах — сидят голые мальчики.

Ты так любишь все это...

А с другой стороны полянка... там роятся насекомые.

Тараканы размером с крысу... гигантские богомолы, жуки-паровозы, стрекоза, которая могла бы сожрать кролика... пролетела в метре от тебя, плотоядно посмотрела на тебя своими фасеточными глазами и проскрипела: Смотрите, новенький! Новичок, новичок, покажи мне свой смычок!

И сделала неприличный жест, нахалка.

— Лети, лети, дура разноцветная! Сейчас пойду за сачком.

Тут не заскучаешь.

Посмотри, Триумфальная Арка — отлита из янтаря! Украшена забавными горельефами. Глаз не оторвать! А за аркой доисторический зверь пасется. Стегоцефал. Рядом с ним колышек, а на колышке табличка, как в зоопарке. А на табличке написано: Это стегоцефал. Травоядный. Стеклом не кормить!

Позвольте, а это что за птица?

В роще, среди пышнотелых фей и сыновей Гермеса и Афродиты стоял горбоносый мужчина в круглых очках на лбу. Длинное пальто, фрак, красная бабочка... Носом его, казалось, можно было резать хлеб, так он был тонок. Горбоносый держал что-то в правой руке и сосредоточенно рассматривал. Какие-то камни. Где-то ты его видел!

Не где, а когда. Давным-давно. На иллюстрации, в детской книжке.

Подошел к типу в очках. Толкнул его. Хотел узнать, не манекен ли он.

Тот не упал... Опустил очки на глаза, посмотрел на меня недовольно, как кондуктор в автобусе, и спросил: Это вы меня толкнули?

— Я. Извините, мне показалось, что вы механическая кукла.

— Даже куклу толкать невежливо, сударь.

— Разрешите представиться, князь Эстерхази.

— Профессор Отто Лиденброк.

Лиденброк... Вспомнил. Жюль Верн. Путешествие к центру Земли. Подарили родители на десятый день рождения. Роскошное издание с картинками.

— Позвольте спросить, что вы тут делаете?

— Рассматриваю эти чудесные пириты. Красивые кристаллы, не правда ли? Кажутся такими твердыми... А теперь смотрите.

Лиденброк сжал камни своими сильными пальцами. Я услышал хруст. Профессор раскрыл кулак как фокусник. На его ладони лежал песок.

— Как видите, эти кристаллы сделаны из песка, молодой человек. Из обычного мелкого кварцевого песка. Манифик!

— Кристаллы из песка, женщины из резины.

— Женщины из резины? Какие женщины?

— Посмотрите, профессор...

Я указал ему рукой на стоящую рядом с ним обнаженную красавицу с восхитительной грудью, огромными черными глазами и чувственным ртом.

Лиденброк нехотя бросил на нее равнодушный взгляд. Затем хищно схватил ее за прелестную кисть и резко дернул. И оторвал! Смял кисть в руках, превратил в ком, и энергично растер его ладонями. Потом развел ладони... из них посыпался песок.

Опять песок!

А красавица мяукнула как раненая кошка, села на корточки, согнулась, прижала обрубок к животу. А уже через минуту медленно встала и приняла прежнюю позу. Плоть ее восстановилась. На лице появилось что-то вроде презрительной улыбки.

— Регенерация женской плоти. Неужели это вам не интересно?

— Я не Мартовский Заяц, я по ученой части. Мои интересы ограничены минералогией.

— А что вы думаете о месте, в котором мы находимся?

— Песок. Все это из песка. Забавно конечно, что такие сложные формы можно создать из обыкновенного песка, но с минералогической точки зрения — этот мир тривиален.

— Полагаю, это не совсем обычный песок... У вас случайно нет микроскопа?

— Нет, только очки, молоток и лупа.

— Вы в лупу на этот песок смотрели?

— Смотрел, смотрел и ничего такого не заметил. Песок и есть песок. Не фантазируйте попусту, молодой человек. Принимайте жизнь такой, какая она есть. Идите, не задерживайтесь, идите к Триумфальной Арке. Марш, марш... Заболтался я с вами, пора наконец делом заняться.

Профессор встал на то место, где стоял раньше, вынул из кармана еще один камень, сдвинул круглые очки на лоб и начал внимательно рассматривать черные кристаллы-октаэдры. Я узнал их. Это был магнетит. Отец привозил мне забавные магнитные камешки из Швеции и я часто пугал ими свою старую няню, заставляя стальные ложки и вилки для прислуги ползать по столу.

...

Оставил зануду Лиденброка изучать его магнетиты и пошел к Триумфальной Арке, недоверчиво косясь на стегоцефала, пасущегося невдалеке. Кто знает, может быть он не осведомлен о том, что значит «травоядный».

Мельком взглянул на движущиеся горельефы на ее стенах, изображавшие сирен. Янтарные эти дамы пели, подмигивали, зазывали. Но я не поддался их чарам... прошел сквозь арку.

И очутился в городе, расположенном между морским заливом и грядой невысоких конусообразных гор.

Кто-то шепнул мне: Тут ты найдешь свою Агнессу. Не прикасайся к ней...

...

Все дома города были цвета речного песка. Только чуть-чуть отдавали в синеву.

Многие здания походили на античные храмы, греческие и римские, но встречались и монументальные постройки, напоминающие зиккураты. Несколько великолепных сооружений имели мощные пирамидальные крыши, другие — были украшены башенками с зубцами, статуями на фасадах, аркадами и бельведерами.

На таком фоне нелепыми выглядели дымящие трубы фабрик, спрятанных за высокими каменными стенами.

Слева от меня — низкий берег моря, впереди и справа — широкие лестницы, ведущие в город. А прямо передо мной — пустошь, поросшая редким вереском. Вероятно, здесь раньше было море. И тут, как в моем сне перед дуэлью, повсюду валялись камни.

В нескольких метрах от меня лежала адамова голова с жуткой ощеренной пастью.

По пустоши гуляли люди.

Шли, обнимались, топтались, отвешивали поклоны, бо-ролись друг с другом, танцевали... но не двигались.

Колоссальная живая картина.

И, хотя я уже привык к подобным представлениям, картина эта потрясла меня, она была... другой.

Тревога висела в воздухе. Как перед войной. Может быть так выглядели Помпеи в последние минуты перед началом извержения Везувия.

Многие куда-то бежали. На месте.

Группа обнаженных бородачей-ассирийцев внимательно, с нескрываемым ожиданием смотрела на море. Что они там выглядывали?

Любленные девушки занимались вольной борьбой.

Некоторые люди сидели или стояли схватившись в отчаянии за голову. Что привело их в отчаяние?

По площади бродили несколько скелетов. Один из них преследовал женщину, другой сам спешил убраться подброду. Но так и не сдвинулся с места.

Прямо передо мной слева сидел обнаженный мужчина. Римская его голова с крупными правильными чертами лица опиралась на правую руку. Он был погружен в меланхолические раздумья. Тяжело и упорно смотрел... на голую до пояса молодую красавицу, отвечавшую ему таким же пристальным, полным страха и тревоги взглядом. Мужчина этот напомнил мне художника, нарисовавшего фрески в моей комнате в «Миракле». Да, это был он, бельгиец.

Девушка, на которую он смотрел, шла в процессии красавиц, двигающейся от города к морю. Все участницы этой процессии были необыкновенно красивы, лица их походили на

чудесное лицо праксителивой Афродиты, только глаза их были больше и выразительнее. Одеты они были в однотонные шелковые — красные, желтые или сиреневые — складчатые одеяния, крепившиеся на талии роскошными бантами. Особую, щемящую эротичность придавала им беззащитность их голых грудей.

Возглавляла процессию девушка с миловидным томным лицом. Она тоже тревожилась, боялась, трепетала... Это был Агнесса.

Кроме сидящего меланхолика, еще один человек пристально смотрел на девушек в процессии — одетый в безукоризненный костюм человек в котелке. Его взгляд не был взглядом возбужденного мужчины, глазеющего на раздетых женщин — в его глазах читались тревога и жалость. Казалось, он знает, что с ними сейчас произойдет.

Расставивший циркулем бедра голый подросток умоляюще смотрел на меня. Ждал помощи?

И только две совсем юные голенькие девушки-подружки ни о чем не тревожились и стояли, прижавшись грудками друг к другу, поднимая руки вверх как балерины.

Забыв о предупреждении, подошел к Агнессе и нежно погладил ее по плечу. Заглянул ей в глаза... обнял. Прижался к ней. Агнесса успела прошептать: Не надо, милый, прошу тебя. Это убьет всех нас.

И тут же начала трескаться и рассыпаться как песочный домик.

Рассыпалась ее милая головка, руки, грудь...

Через несколько мгновений от Агнессы осталась только маленькая кучка песка.

Вслед за ней начали рассыпаться и остальные фигуры грандиозной живой картины. Рассыпались и люди, и дома, и деревья.

Море превратилось в песчаную пустыню.

Небо пролилось на землю песочным дождем... а за ним и Солнце.

Это я уничтожил их, уничтожил город моей мечты.

Я все еще сидел на полу, прислонившись к стене, в замке, в комнате с напольными часами. В середине комнаты по-прежнему висел Теодор, а рядом со мной — сидел мой кузен Ипполит с оторванной головой на коленях.

Я больше не испытывал страха, не хотел никуда уходить.

Встал, подошел к висящему труп и закрутил его.

Теодор превратился в хрустальную люстру. Она крутилась и тихонько звенела.

Притронулся рукой к Ипполиту, и тот стал креслом.

Сел в кресло и задумался.

Неожиданно начали бить часы.

После того, как они пробили тридцать пять раз, из них вылетели два белых голубя.

Я поймал их и оторвал им головы.

Яхта «Сиракузы»

На роскошной яхте, принадлежавшей герцогу, я чувствовал себя прескверно. Меня то и дело рвало, голова кружилась, мысли путались. Болел живот. Настроение было отвратительное. Даже бредил иногда, чирикал как птица. И галлюцинировал. Представлялось мне, что Архимед из школьного учебника истории, с мраморной головой, слепит меня какими-то зеркалами. Слепит и слепит. А я, хоть и лежу на койке в своей каюте, но бегу от него по бесконечным коридорам громадного лабиринта. Бегу и ору: Я не римский корабль, зачем ты слепишь меня, старик?

А он отвечает: Нет, ты корабль. Ты попробуй, не беги, встань в уголок и глазки открой, и все будет хорошо. Все, все будет хорошо. Как у канареек.

Кричу ему: Я не канарейка!

А он: Нет, ты канарейка. Тут, на яхте ты канарейка. Открой глазки и посмотри на меня!

...

Я ничего не ел, пил минеральную воду и сосал коричневый леденцовый сахар, чтобы с голоду не умереть.

Море волновалось. Шестидесятиметровая яхта «Сиракузы», элегантно покачиваясь, легко, как нож масло, резала средиземноморские октябрьские волны, но мне казалось, что она то и дело замирает, трясется, а потом падает в бездонную водяную яму, из которой ее поднимает огромным рычагом все тот же Архимед. Поднимает, гадко посмеиваясь в бороду, а потом берется за зеркало. И я опять бегу от этого режущего света по лабиринту.

Ко всем этим мучениям прибавлялся стыд. Стыд больно-го перед здоровыми.

Мне было стыдно перед другими гостями на яхте, провинциальными магнатами, членами нашего городского совета. Почти со всеми из них я был знаком, трое или четверо были в свое время протеже моего отца и приходили к нам домой, когда я был еще ребенком. Сажали меня на колени и тискали.

Все магнаты были значительно старше меня, некоторые уже хромали, другие — болезненно похудели или растолстели, двое — страдали болезнью Паркинсона, а один — Альцгеймера, но кинетоза у них не было, а у меня он был, и какой.

Действительно, канарейка.

Чтобы не показывать им мою постную физиономию с темными кругами вокруг глаз и свинцовыми впалыми щеками я безвылазно сидел в своей кабине. Лежал на кровати лицом вниз, слушал ноющую арабскую музыку и старался подолгу не открывать глаза, чтобы Архимед не выжег их своими дьявольским зеркалом. Боролся как мог с приступами тошноты.

— Это не море виновато и не качка, это твоя мизантропия нашла наконец себе форму для воплощения, форму и ритм, — твердил я себе, — нельзя жить так, как ты живешь, быть таким эгоистом и вдобавок так презирать работающих людей и надеяться на то, что это сойдет тебе с рук. Ты получил только то, что заслужил.

— А Архимед тут откуда взялся? Зачем он меня мучает? Что я ему сделал?

— Кто знает. Может быть, тот самый римский воин, который его мечом прикончил был твоим пра-пра-прадедушкой.

— Даже если это так, слепить больного человека зеркалом — подло.

— А ты что, хочешь, чтобы он тебя лизал?

...

Несколько раз меня посещал корабельный врач, поляк, фамилию которого я так и не научился произносить правильно. Шутник надевал противочумную средневековую маску с клювом, круглые очки, темный цилиндр и черный халат, на поясе которого болтались засушенные жабы, и становился ужасно похожим на доктора Шнабеля. Приносил мне какие-то белые пилюли с красной полосочкой посередине и настоятельно советовал чаще выходить на палубу и дышать свежим воздухом. Пилюли я сразу выбрасывал в унитаз, не верю я в фармацевтику.

Свежий воздух? Можно и иллюминатор открыть.

Меня тошнило от одной мысли об уходящей из-под ног палубе и о купающихся вместе с голыми гетерами в корабельном бассейне под синей пластиковой крышей, гогочущих начальниках, которых герцог пригласил на яхту для того, чтобы их две недели не было в городе, и он мог бы спокойно проверить очередное сомнительное дельце.

Меня он позвал якобы для того, чтобы я «отдохнул и развеялся после всех этих кошмарных событий и заодно украсил собой общество. Ваш такт, Генри, ваш стиль, ваше умение задать тон будут очень к месту, поверьте».

К какому месту, что за вздор?

На самом деле мой стиль герцога вовсе не интересовал, он надеялся на то, что я буду подслушивать разговоры млеющих в объятиях молодых конкубинок магнатов, а потом расскажу ему все, что услышал. Он знал, что у меня прекрасная память на подробности. Особенно его интересовало, какой фирме городской совет решит поручить обновление нашего знаменитого парка Сан-Мари — посадку эвкалиптов и платанов и ремонт пришедших в негодность фонтанов. Принадлежавшей любимцу и «племяннику» герцога, молодому барону Корбу, «старательному и исполнительному педанту» или «шарашке этих несносных выскочек, братьев Эрмлеров».

Меня не очень удручало то, что из-за моего состояния я физически не мог выполнить это поручение. Не княжеское это дело — подслушивать в сауне разговоры упивающихся своим могуществом и богатством самодовольных демагогов. Я согласился на предложение герцога только потому, что был ему многим обязан. Он смог замять «Дело об оторванных головах», точнее он добился того, что имена князей Эстерхази перестали с ним связывать. Как он смог заткнуть рот прессе, я не знаю, но это успокоило моих родителей, а это главное. Кроме того, только благодаря его личной дружбе с главой департамента Верхние Альпы ни меня, ни моего кузена Ипполита не преследовали за пожар в замке Вьери. Машину Ипполита опознали тогда местные жители. Трудно не узнать его Линкольн! Ну да, мы действительно подъехали на Линкольне к проклятому замку около шести вечера, как нам и было назначено пригласившим нас письменно господином Мольтке. Как выяснилось — бесследно исчезнувшим. Дверь в замок открылась, как только напольные часы пробили восемнадцать раз, мы вошли в прихожую, подождали, но никто к нам не вышел. Мы обошли весь замок. Только на крышу не лазили и в подвал не спускались. Не считая многочисленных, покрытых пылью восковых кукол в человеческий рост и сюрреалистических ландшафтов на стенах, зачехленной старинной мебели и громоздких люстр из пожелтевшего хрусталя — он был пуст. Ни одной живой души.

Мы уехали. А ночью замок запылал. Около трех. И сгорел дотла.

Мы были в городе, когда это случилось. Ипполит — гонял шары на старом бильярде в своем поместье и пил Кампари, что подтвердили его слуги, Мартин и Иштван. А я — нежилась в «Миракле» на зеленом канале с двумя прелестными близняшками.

И тем не менее против нас начали дело, потому, что мы были, согласно показаниям очевидцев, — единственными посетителями замка за последние сорок лет. И еще — из-за народной неприязни к аристократии, от которой французов не смогла избавить даже долго работающая в позапрошлом веке гильотина.

Предусмотрительный герцог завербовал на должность шпионок еще и половину из двенадцати или четырнадцати нанятых им для услаждения гостей на яхте в «Золотых качелях» проституток. Как он позже сам мне рассказал, они подтвердили его подозрение — городской совет действительно хотел нанять дешевых и трудолюбивых работников братьев Эрмлер. И герцогу стоило неимоверного труда переубедить совет и поручить озеленение и ремонт избалованным и ленивым служащим барона Корба. Они затащили эту сравнительно небольшую работу на годы и вытянули из городской казны несколько миллионов незаработанных франков. Половина посаженных деревьев высохла уже через год (потому что их никто не поливал), а фонтаны так никогда и не заработали надлежащим образом. Якобы приезжие воры-румыны украли насосы и медные трубы, подводящие воду.

...

Помимо матросов и поваров на борту яхты работала бригада слуг, выходцев с Молуккских островов. С шоколадной кожей и оливковыми глазами. Пахли они красным мускусом и вседозволенностью. Носили только набедренные повязки и лиловые шапочки с вышитыми на них гвоздиками и райскими птицами.

Один из них — Кришна, седой, маленький, моложавый и очень сильный старик — ухаживал за мной. Приносил и уносил еду и питье. Каждый день менял белье на моей постели. Убирался в каюте и нежно гладил меня по вискам и щекам. Даже мыл меня в перламутровой ванне. Я сам не мог намылиться. Кришна помогал мне дойти до ванны и плюхнуться в воду, ласково тер меня греческой губкой и гортанно пел что-то как шаман на непонятном мне языке.

Кришна залезал ко мне в ванну, массировал меня прямо в пене, гладил по груди и животу, пытался возбудить, предлагал знаками заняться с ним содомским грехом. Совал мне в руки искусно сделанные гомоэротические нэцкэ.

Был готов и к оральной, и пассивной, и к активной любви. Открывал рот и демонстрировал мне длинный синий язык и сверкающие как бриллианты голубоватые зубы.

Я вежливо отклонял его предложения, а Кришна качал головой и горестно причитал. Несколько раз приводил ко мне в каюту юных красавиц из «Золотых качелей», и жестами предлагал мне с ними спариться, но я их тут же выпроваживал. Девицы смеялись и показывали мне куриные попки и грудки, а мне было не до смеха.

Позже герцог сознался мне, что специально проинструктировал Кришну о том, как он должен был склонить меня к сексу. И даже дал ему несколько нэцкэ из своей коллекции. Для «возбуждения расстроенного горестными событиями гостя».

— Я хотел сделать вам необычный подарок, Генри. Сюрприз. Кришна — не простой слуга, а известный в высшем свете гуру, маг и волшебник наслаждений, — шептал герцог и подмигивал мне своими бесцветными веками.

— Я был уверен, что после всего того, что произошло между вами и этой дерзкой девчонкой Агнессой, вы не захотите больше иметь дело с капризными и непостоянными женщинами, а предпочтете умеренные мужские отношения. Кришна мог открыть для вас новую вселенную счастья, а вы только ныли да блевали, князь.

Я оставил это замечание без ответа. Сюрпризы и розыгрыши герцога, а также его бесчеловечные эксперименты по изменению сексуальной ориентации его подданных были хорошо известны. Некоторые из них закончились плачевно. Были и самоубийства. Но герцогу это было все равно. Сам он уже давно не хотел иметь дело со слабым полом, и приглашал в свою «вселенную счастья» молодых офицеров из гвардии его величества. Впрочем, если таковых при дворе или в окрестностях не находилось, довольствовался конюхами или слугами.

Герцогиня была прекрасно об этом осведомлена. Она в свою очередь терпеть не могла brutальных мачо и принимала в своих интимных апартаментах исключительно томных эмбрас с глазами газели. Одной из них была спиритка Лидия Клевх. Похоже и Агнесса не избежала этой напасти.

Плыли мы из Ниццы в Венецию. С заходом в Неаполь и Мессину. Из-за моего кинетоза я так и не увидел ни дымящегося Везувия, ни Золотой мадонны в порту Мессины. Неохота была тащиться к иллюминатору и глазеть.

Я лежал на животе, обняв подушку, и старался заснуть, что мне редко удавалось. Уши я, когда надоедала арабская музыка, затыкал ватой. Из бассейна целый день и пол ночи доносился визг резвящихся девушек и хриплые крики задорных стариков, наглотававшихся пилюль из приготовленной доктором Фердинандом специально для этого путешествия коллекции афродизиаков. Большой ящик с синими, розовыми, желтыми и коричневыми пилюлями стоял в ресторане. Подходи, бери.

Рядом с ним был другой ящик, тоже полный — маленькими прозрачными пакетиками с белым порошком. Доктор Шнабель в приветственной речи советовал нам не вдыхать этот порошок более десяти раз в день и не совмещать его прием с употреблением алкоголя, грозил инфарктом. Но начальники плевали на его предупреждения, нюхали порошок и пьянствовали днями и ночами напролет.

И никто из них не только не умер, но даже ни разу не обратился к доктору Шнабелю за помощью.

...

В Ионическом море нас крепко потрепал первый осенний шторм. Моя морская болезнь усилилась. Я запаниковал. Попросил Кришну привести ко мне капитана.

Тот явился ко мне в виде Нептуна. Полуголый, с искусственной львиной гривой и бородой, в руках — настоящий трезубец. Боже, он что, хочет меня заколоть?

Капитан объяснил, что команда и слуги готовят для гостей представление на мифологические сюжеты. Он пришел ко мне прямо с репетиции.

Икая и борясь с приступом рвоты, постарался как мог правдиво описать ему свое состояние. Капитан нехотя выслушал меня.

Затем заявил: Ладно, высажу вас в Отранто. Но предупреждаю, у вас там возможно будут... неприятности. Полити-

ческое положение в Европе за время нашего путешествия изменилось. Происходят странные, необъяснимые события. Кое-где уже воцарился хаос. По радио к нам со всех сторон поступают непонятные сигналы. Как будто все взбесились. Интернет не работает, возможно, это чьи-то идиотские шутки. Русских или китайцев. Мне очень не хочется отпускать вас на берег, я лично поручился перед герцогом за то, что доставлю вас домой живым и здоровым. Но если вы настаиваете...

Я настаивал.

Предупреждение капитана пропустил мимо ушей. Мне было не до непонятных сигналов, я сам был непонятным сигналом неизвестно кого неизвестно кому, я ужасно боялся подохнуть от рвоты на борту яхты.

Капитан попросил радиста связаться с Морским управлением Апулии. Не сразу, но это ему удалось. Яхта изменила курс и через полчаса стала на якорь в миле от городка Отранто.

Кришна собрал мои чемоданы и отвез меня на шлюпке с двумя гребцами в живописный порт, где швартовались сотни небольших парусных яхт, лодочек и катеров. По дороге меня два раза вырвало. Кришна бормотал что-то про себя и укоризненно качал головой. На прощание подарил мне две фигурки нэцкэ.

...

Встретивший меня на молу усатый портовый чиновник посмотрел мне в глаза, пожалуй, излишне пристально, но сочувственно, забрал у меня паспорт, а на багаж даже не взглянул. Помог добраться до такси. Попросил зайти завтра к нему и забрать паспорт. Оставил визитку.

Морское управление Отранто. Эрнесто Фосколо. Комната 39.

Таксист высадил меня через две минуты у небольшого отеля на берегу моря. Мирамар.

Говорить с администратором отеля я не смог, только показал пальцем вверх и сложил ладони у виска. Тот понимающе кивнул, и сам проводил меня в номер.

Я выпил банку холодной фанты, разделся, и заполз под одеяло на широкой скрипучей кровати.

Ночью мне снилась Агнесса и треклятый замок Вьери. Замок пылал. А я стоял рядом с висящим на длинной толстой веревке посиневшим Теодором и качал его как маятник. Его длинный лиловый язык тоже качался, а страшные выпученные глаза смотрели на меня. Откуда-то сверху меня слепил зеркалом Архимед.

Проснулся за несколько мгновений до того, как меня вырвало оранжевой пеной. Фанта! Не надо было пить эту отраву. Еле успел добежать до туалета.

Прополоскал горло, почистил зубы и лег спать.

Вторую половину ночи проспал без сновидений и проснулся бодрым и здоровым.

...

Спустился в лобби. Попытался заплатить за две ночи. Администратор хотел было принять деньги, но всполошился и испугался, когда узнал, что у меня нет паспорта. Я объяснил ему, где сейчас мой паспорт, показал визитку Фосколо. Администратор прочитал только слова «Морское управление» и почему-то побледнел. Предложил мне заплатить перед отъездом.

В просторной светлой комнате с несколькими столиками я обнаружил то, что англичане с презрением называют «континентальным завтраком». Три или четыре вида сдобных булочек, сливочное масло в пестрых упаковках, несколько ломтиков колбасы и ветчины, кусочки не очень свежего сыра, вареные яйца, йогурт, мюсли с изюмом, блюдо с вчерашними жареными баклажанами, от которых пахло чесноком, тарелочка с клубникой и еще одна — с зеленью.

Съел четверть того, что возможно предназначалось для двух десятков посетителей отеля. Заметил, как округлились глазки миловидной официантки в кокетливом кружевном фартучке, которая наблюдала за мной из-за стойки игрушечного бара. Сунул ей в карман две купюры по двадцать франков и — довольный и сытый — поднялся к себе в номер. На лестнице повстречал миловидную женщину лет тридцати пяти, спускавшуюся с сыном-подростком, подвижным мулатом с

крашеными в желтый цвет волосами. Мы встретились глазами и она улыбнулась мне. Ее улыбка напомнила мне улыбку Агнессы, сердце сжалось и заныло. Решил с ней познакомиться. Но через десять минут забыл об этом.

Надел мягкие спортивные туфли на толстых подошвах, белые узкие брюки и любимую тенниску от Тома Тэйлора. Причесался и отправился в Морское управление Отранто.

Как же приятно шагать по земле, которая не качается и не падает в бездну!

На пляже девушки тарантеллу танцуют, а юноши играют на мандолинах.

Туристы жуют пиццу с картофелем и оливками и пьют Фиано.

Веселый клоун раздает детям воздушные шарик.

Парусные яхты плавают по изумительно чистой воде, похожей на голубое стекло.

...

Морское управление находилось напротив могучего Арагонского замка. В трехэтажном здании, похожем на тюрьму.

Нашел комнату 39. Постучал.

Синьор Фосколо встретил меня дружелюбно. Всплеснул руками, покачал головой.

Что-то было однако в его жестикуляции... настораживающее. Его движения не были плавными. Волнение или какой-то неизлечимый недуг заставляли его еле заметно дергаться.

Черные усы синьора Фосколо посверкивали, как лакированные. Старомодный костюм был явно тесноват. К лацкану пиджака у него был привинчен маленький трехцветный значок с каким-то венником и топором.

На ногах — остроносые туфли пятидесятого размера. Туфли так не подходили к костюму, что даже пугали.

Наверное, ему ужасно хотелось скинуть одежду и обувь, пойти на пляж, сплясать с молодыми красавицами тарантеллу, полакомиться черными мидиями, выпить вина...

Чиновник попросил меня минутку подождать в комнате для посетителей, в которой уже ждали несколько человек. По

виду — туристы, путешествующие вдоль берегов южной Италии на небольших яхтах. В разноцветных рубашках и шортах. Они тоже жестикулировали, спорили кажется о том, в каком из городков Апулии готовят самые вкусные тефтели «польпеттоне». Впрочем, я понимаю только каждое шестое итальянское слово, возможно они размышляли о смысле жизни или о роли Ватикана в современном обществе.

Минутка, как это водится во всех казенных домах земного шара, затянулась на четверть часа. Наконец синьор Фосколо пригласил меня к себе в кабинет, усадил в кресло. Сам он сидел за большим письменным столом. В руках у него был мой паспорт. Он смотрел на него, без преувеличения, как орел с высоты смотрит на тушканчика.

— Вы из тех самых Эстерхази?

— Из тех.

— Вы граф?

— Нет, князь.

— Большая честь для меня, беседовать с вами, ваше сиятельство.

— Для вас — Генри. Я простой гражданин, а не наследник королевства. Я даже не уверен, имею ли полное право называть себя князем. Мы принадлежим к венгерской линии рода, а там все титулы давно отменены. Моего рано осиротевшего отца привезли во Францию из Австрии еще ребенком. Прежде чем он смог сделать военную карьеру, ему пришлось поработать на почте и побегать по коридорам канцелярии.

— Не преуменьшайте вашего достоинства, князь! Даже тут, в итальянской провинции, люди знают, кто такие князья Эстерхази. Звонкое имя!

— Очень приятно, синьор Фосколо.

— И мне, и мне, князь. Называйте меня просто Эрнесто. Я привык, так зовет меня моя красавица жена.

— Простите, Эрнесто, разрешите спросить, все ли у меня в порядке? Я имею в виду — с паспортом. Можно ли мне идти? Я хотел сегодня побродить по вашему прославленному замку. Там, говорят, даже привидения есть.

— Привидения? Возможно. Турки убили тут столько людей. Зверски убили. Распинали, сажали на кол. Женщин и деву-

шек насильовали и закалывали. И мальчиков, это они особенно любят. Кстати, знаете, что тут, в замке, сохранились подвалы и подземные ходы, прорытые еще римлянами? Сохранились и камеры для особо опасных преступников, ниже уровня моря, сырые, жуткие. Высотой только в метр. Узники лежали в таком каменном мешке месяцами. Говорят, многие уже через неделю сходили с ума и начинали биться головой о стены. Потом истекали кровью и умирали. И никто не слышал их криков. Да, кстати, прямо отсюда, из управления, можно по подземному ходу перейти в подземелья замка. Хотите, пройдемся, я покажу вам камеры. В некоторых до сих пор валяются не похороненные останки узников. Могу даже запереть вас там, на несколько минут, для пробы. Чтобы было, что рассказать потомкам.

— Нет уж, увольте. Потомки мои обойдутся без таких рассказов. Да-с, все это очень интересно, синьор Фосколо, но вы не ответили на мой вопрос. Можно ли мне идти?

— Погодите, погодите, не каждый день мне случается поговорить с настоящим князем. Пусть и отпрыском венгерской линии. К тому же, надо уточнить кое-что. Мелочи, мелочи, не морщьте лоб, только мелочи и формальности. Видите ли, согласно новой инструкции, полученной мной вчера вечером, я должен расспросить вас о цели вашего посещения Италии. Подробно расспросить, кхе-кхе. Не хотите ли кофе? Сигарету? Расслабьтесь, прошу вас, это не займет много времени. Чувствуйте себя как дома.

— Спасибо за приглашение. Боюсь, что мне придется вас разочаровать. Единственной целью моего пребывания в Италии является туризм. Яхта наша плыла в Венецию. Там я хотел покататься на гондоле, зайти в музеи и дворцы, а потом самолетом или поездом вернуться на юг Франции, домой. Меня высадили тут по моей просьбе из-за мучающей меня морской болезни. Я намеревался погулять по вашему чудесному городу, попробовать струффоли, поесть мороженого, которое у нас делать не умеют, зайти в собор, посмотреть на мозаику и мощи мучеников, переночевать, а завтра уехать на поезде в Рим.

— Как трогательно, князь! Поесть мороженого и мощи мучеников посмотреть. Музеи, дворцы... Какой же вы однако душка, князь. Пташка небесная. Турист, который прибывает в Италию как раз тогда, когда ваш министр иностранных дел, Бонапарт, вылитый Бонапарт, только треуголку не носит, поставил нашей стране этот унижительный ультиматум, а английский флот — на всякий случай — заблокировал Гибралтар и Суэцкий канал. А миролюбивые турки заперли Босфор.

— Я ничего не знаю об этом, я пролежал последние восемь дней на кровати в своей каюте. То, что вы рассказываете, похоже на бред, синьор Фосколо!

— Бред? Отнюдь не бред, вы, что, сегодня даже телевизор не смотрели?

— Нет. Я позавтракал и сюда пошел.

— У нас, для вашего сведения, уже провели мобилизацию. Кое где уже стреляют. Льется кровь. Не голубая, красная. Да вы в окошечко-то взгляните, прошу вас, только не в это, а в другое, откуда море видно.

...

Чиновник, дергаясь и трясясь, подошел к небольшому круглому окну, резко отдернул занавеску и открыл его как иллюминатор.

Мне показалось, что я нахожусь не в Морском управлении Отранто, а все еще в своей каюте, на «Сиракузах». Что рядом со мной стоит не чиновник Фосколо, а голый капитан с громадной бородой и трезубцем, и что он меня этим трезубцем покалывает в спину и шипит: Смотри, смотри, канарейка, что ты наделала! Открой глазки!

И я смотрю и вижу — военные корабли. Много кораблей, идет бой, невыносимо громко хлопают орудия, с шипением и ревом взлетают с авианосца увешанные тяжелыми бомбами самолеты-штурмовики. Кого они будут бомбить?

— А теперь посмотри сюда, — приказывает капитан громовым голосом и поворачивает мне голову своей мраморной лапой.

Я вижу разгромленный город. Отранто? Нет, это мой город. Или Париж. Я вижу бегущих в панике людей, горящие дома, руины, вижу мародеров, грабящих магазины. Слышу визги, стоны, вой, мольбы о помощи. Вижу мертвых.

...

— Значит, не хотите кофе? Может быть, капучино? Хотите капучино?

— Нет, спасибо.

— Хм, значит ваш папа работал на почте, бегал по канцеляриям, а потом сделал военную карьеру. Это как же?

— Я никогда его об этом не спрашивал. Я родился, когда он уже вышел в отставку. Не понимаю, какое отношение карьера моего отца имеет к моему пребыванию в Италии.

— Тааак, не понимаете, значит. Яблоко от яблони... А что ваш папа делал во время немецкой оккупации Франции?

— Не знаю. Служил, наверное.

— Кому служил? Маршалу Петену, государственному изменнику?

— Папа провел всю войну в колониях. Кажется, на островах, в Полинезии. И не торопился в Европу. Сразу после войны он был представлен Де Голлю и прослужил еще несколько лет. Он никогда не был боевым генералом, он отвечал за снабжение войск всем необходимым. Кстати, генералом его сделали за день до отставки. Только для почета.

— Всем необходимым снабжал армию? Хлеб и мясо покупал?

— На голодный желудок воевать трудно.

— А вы уверены в том, что ваш родитель родом из Австрии? Может быть, все-таки из Германии? К чему лукавить?

— Возможно. Только, при всем уважении, скажите мне пожалуйста, какое это все отношение имеет к моему пребыванию в Италии?

— Значит, вы не отрицаете, что ваш отец родом из Германии?

— Вердамт! Какого черта вы меня об этом спрашиваете?

— А знаете ли вы, князь, что не все Эстерхази были савонниками и фельдмаршалами, встречались среди них и проваторы и даже шпионы?

— Знаю, черт вас возьми! Знаю, только одного, Фердинанда. Знаю еще, что существует торт Эстерхази, ну и что?

— А то, что вы не турист и не душка, а агент вражеской державы. И мой долг добиться от вас правдивых показаний и изолировать вас, как потенциальную угрозу. Может быть, все-таки выпьете капучино?

— К дьяволу ваше капучино!

— Выпьете капучино, выкурите сигарету, подумаете, поразмышляете и расскажете мне, на сей раз чистосердечно, зачем вы прибыли в Отранто. Это последние вежливые слова, которые вы тут слышите, клянусь девой Марией!

— Я все уже вам рассказал. Ни слова больше не скажу! Позвольте позвонить во французское консульство в Риме.

— Ни слова не скажешь? Ты у меня сейчас не то что заговоришь, а споешь и спляшешь! Эй, карабинеры, ко мне!

...

В кабинет вбежали два солдата в смешной синей форме. Они связали мне руки мохнатой веревкой. Продели ее через блок в потолке (почему я не заметил его раньше?), натянули веревку и приподняли меня на воздух. И я повис на связанных руках. Другой конец веревки солдаты привязали к стальному кольцу в полу. После этого вышли из комнаты.

Чиновник закрыл окна кабинета шторами, включил две настольные лампы и направил их режущий глаза свет мне в лицо. Затем достал из ящика письменного стола пластиковый кнут и изо всех сил хлестнул им меня по спине. Потом еще раз, по животу. По бедрам. По ягодицам. По лицу.

У меня от боли начались спазмы в животе и горле.

— Ну что, будешь говорить, канарейка? Или предпочитаешь почирикать?

Обезумевший от злобы чиновник с хрустом разодрал мой паспорт, бросил его на пол и прорычал: Он тебе больше не понадобится!

Как долго этот мясник бил меня, я не знаю. Тенниска моя и брюки промокли от крови, на руках лопнула кожа. Терпеть боль не было сил.

По комнате 39 шныряли тени. Турки, норманны... Люди с рыбьими лицами.

Я узнал доктора Шнабеля и капитана с трезубцем. Пьяные магнаты жадно наблюдали за экзекуцией. Четырнадцать голых проституток танцевали чарльстон. Слуги в набедренных повязках предавались свальному греху. Восемьсот отрантских мучеников беззвучно парили в небесах и посылали мне оттуда воздушные поцелуи.

Рядом со мной стоял Кришна и улыбался своей бриллиантовой улыбкой. Качал головой в шапочке как фарфоровый китайский болванчик.

...

Когда солдаты снимали меня с веревки, я расслышал, как один из них сказал: Смотрите, у него штаны мокрые.

Меня поволокли куда-то. Вначале тащили вниз по лестнице, потом — по плохо освещенному подземному ходу.

В голове промелькнуло: Они тащат меня в казематы Арагонского замка.

Меня впихнули в каменный мешок и с грохотом закрыли за мной квадратную железную дверь.

Страшная волна тошноты прошла по моему телу. Я выbleвал весь мой завтрак и потерял сознание.

...

Очнулся я у себя в отеле, на кровати.

Посмотрелся в зеркало — следов хлыста на лице не обнаружил. На руках, животе, бедрах — никаких ссадин или ран.

На письменном столе лежал мой паспорт. Целый и невредимый. Рядом с ним валялась маленькая, с треть странички, бумажка — справка с печатью Морского управления Отранто, подписанная ответственным за въезд в Отранто на плавающих средствах иностранных граждан, синьором Эрнесто Фосколо. Справка была дана в том, что я легально въехал в Италию и имею право находиться на ее территории до трех месяцев как турист. Но не имею права без особого разрешения полиции учиться, работать или заниматься бизнесом.

Вышел на балкон. Море сияло, теплый воздух пах йодом, на пляже девушки танцевали тарантеллу, клоун раздавал детям воздушные шарики.

Включил телевизор. По одному каналу показывали передачу о здоровом образе жизни — «для тех, кому за семьдесят», по другому — о «флоре и фауне Австралии», по третьему — передавали репортаж о показе мод в Милане. Нашел новостной канал. Дикторы говорили так быстро, что не понял ничего, но, судя по картинкам и их улыбкам — ничего страшного в мире не происходило.

То жуткое, что случилось со мной вчера, припоминалось смутно.

Я помнил, что чиновник Морского управления долго мучил меня своей бессмысленной болтовней, а потом меня повесили за руки и били хлыстом. Затем меня вроде бы тащили по подземному ходу и заперли в пустой низкой камере, в которой я даже не мог сесть. Как я оттуда выбрался, я не помнил.

Все это происшествие было похоже на кино, которое я смотрел вчера. Вроде бы и страшно и больно, но ведь это только кино.

Еще раз внимательно осмотрел себя — ни царапины.

...

Принял душ, спустился в лобби, показал администратору паспорт (о, как же он обрадовался, даже запел популярную арию) и заплатил за три ночевки. Не хотелось уезжать из Отранто, не взглянув на знаменитую напольную мозаику в соборе.

За завтраком познакомился с той женщиной и ее сыном с желтыми волосами.

Ее, оказывается, звали Матильда, а ее сына — Фредерик, хотя она почему-то звала его Коки. Были они туристами из Австрии, приехавшими в Италию на недельку, «просто так, проветриться».

Говорил я с ними на моем плохом немецком.

Как-то удивительно скоро и Матильда и я ощутили взаимную симпатию, перешли на «ты» и решили вместе осмотреть собор Санта-Мария-Аннунциата.

Бедный Коки, когда узнал, что придется тащиться в церковь и провести там несколько часов, скорчил такую недовольную мину, что мать разрешила ему поиграть в электрон-

ные игры в игротекке для подростков недалеко от отеля, выпить кока-колы и съесть две порции его любимого фисташкового мороженого.

— Если тебе осточертеет играть в эти идиотские игры, то возвращайся в отель и жди меня там. Можешь посидеть на балконе в шезлонге и почитать Хемингуэя. Книжка — у меня в чемодане. Как раз для твоего возраста чтение. И английский у Хема простой. Прочитай «Снега Килиманджаро», а когда я приду, ты расскажешь мне сюжет. Иначе больше денег на мороженое не получишь!

...

По дороге в церковь мы беззаботно болтали. Глазели на сувениры в витринах многочисленных магазинчиков. Злословили. Нюхали заманчивые ароматы итальянской кухни.

Матильда рассказала мне о недавно пережитом кошмаре — разводе со вторым мужем. Коки был сыном первого мужа Матильды, студента из Конго, бросившего ее еще тогда, когда она лежала в больнице после тяжелых родов.

— Второй мой муж был белый, австриец. Респектабельный, добрый, с Коки у него все вроде бы ладилось. Поначалу он казался мне идеальным человеком. А потом... когда я ездила на похороны матери, а Коки оставила дома... Мне не хотелось, чтобы мой чернокожий сынок участвовал в похоронах, смотрел на мертвую бабушку, которая никогда не интересовалась его жизнью, а со мной прекратила все отношения, когда узнала, что я вышла замуж за негра. Да, потом, Коки рассказал мне, что муж приставал к нему, трогал его и шептал — не бойся, мама ничего не узнает.

— Из-за этого вы развелись?

— Ну да. На суде мой муж неожиданно заявил, что Коки все выдумал. Я не знала, кому верить, не хотела тащить тринадцатилетнего мальчика в суд. У него как назло была ангина. Адвокат мужа умудрился доказать, что я намеренно не позволила судье встретиться с ребенком, потому что знаю и скрываю правду. Короче, суд развел нас и обязал мужа платить мне смехотворную сумму в месяц. Пришлось выехать из коттеджа, который мы купили за девять лет до этого в кредит. Кредит

конечно отдавал муж, но я убиралась и готовила, работала в саду, занималась с сыном, даже сама отремонтировала комнаты и веранду. Все пропало. Как всегда. Вкладываешь во что-то все силы, трудишься, надеешься воспользоваться позже плодами трудов, а потом все теряешь, и надо начинать с начала. А сил уже нет. Мы сняли квартиру на окраине Вены, в доме, где жили одни бедные иностранцы. Ничего, они тоже люди. Потом я нашла работу. Мы переехали в другой район, мне даже удалось устроить Коки в частную школу. Сейчас ему четырнадцать, после учебы он тренируется в школьном спортзале, играет в волейбол, а потом школьный автобус привозит его домой. А ты, что, женат?

— Нет, так и не пришлось связать себя узами брака. Я лентяй, сибарит, эгоист, мизантроп. После Оксфорда несколько лет проболел. Простудил почки. На работу так и не устроился. У меня есть небольшое состояние, позволяющее мне жить независимо, мой отец... ах, это все так скучно.

— Нет, расскажи. Расскажи, как живут богатые.

— Если ты видела фильм «Скромное обаяние буржуазии», то знаешь, как. Я, правда, наркотиками не торгую, да и с обедом у меня еще ни разу проблем не было, но...

— Что но? Мне что, тебя бояться надо?

— Нет, что ты. Я мирный человек, обыватель. Правда не так давно попал в дикую историю.

— Расскажи, прошу.

— Я был помолвлен с одной девушкой. А она исчезла при загадочных обстоятельствах. Два года назад.

— Просто так исчезла?

— Не совсем. Понимаешь, ее маму, папу, двух братьев и всех их слуг жестоко убили. Оторвали им головы. А невеста моя исчезла, ее среди мертвых не было. Ее искали, но безрезультатно. Я надеюсь, она живет где-нибудь на острове, загорает, ест жареных омаров и танцует танго.

— Оторвали головы? Боже мой, какой ужас! Погоди, я читала об этом! Как же ее звали? Агния... Амели... фон...

— Ее звали Агнесса фон Цароги.

— Господи, то-то я думала, что тебя уже где-то видела. Это был снимок в газете. Погоди, тебя зовут...

— Князь Генри Эстерхази, к твоим услугам!

— Правда князь? Мне что же, звать тебя ваше превосходительство?

— Не придуривайся, пожалуйста. Да, князь. Но гордиться тут нечем. Я ничего в жизни сам не добился, ничего не сделал. Живу как кактус в пустыне. Позавчера еще на яхте плыл. На «Сиракузах». Но пришлось на берег высадиться. Из-за морской болезни. Увидел тебя, ты улыбнулась чудесно, меня потянуло к тебе. И намеренья мои по отношению к тебе — самые несерьезные, какие только можно иметь. Вот как живет буржуазия.

— Поверь мне, все мужчины и женщины, которых я знала, хоть и любят детей и родителей, иногда даже любят свою работу, но при первой же возможности сменили бы свою жизнь на твою.

— Это печально. У меня даже автомобиля нет, есть только велосипед. Нет слуг. Нет ни золота, ни драгоценностей. А когда меня родители к себе приглашают, приходится есть вареную рыбу. С белым соусом. А я терпеть его не могу. И еще у меня есть кузен Ипполит, шовинист, расист и плейбой. Слава Богу, он сейчас воюет в Камбодже, а то бы он отбил тебя у меня. А моя невеста изменила мне с сыном колбасного фабриканта в нашем Аквариуме.

— В Аквариуме? Ха-ха-ха, а ты веселый!

— Посмотрела бы ты на меня три дня назад.

Рассказал Матильде про яхту. Про гостей герцога, про капитана-Нептуна, про доктора Шнабеля, про Кришну с его нэцкэ. Хотел рассказать и про посещение Морского управления, но вовремя передумал.

Матильда хохотала, не поверила, конечно.

— Я давно так не смеялась, как эти полтора часа, проведенные с тобой. Мне даже страшно. Я чувствую себя с тобой так легко, как будто ты мой старый друг или любовник. Нет, ни со старым другом, ни с любовником не бывает так легко и приятно, как с тобой. Почему, ответь! Мне даже жутко.

— Как мне говорила одна истово верующая монашка, спроси у того, кто все это... тут она показывала на чудесные виды, открывающиеся из окна монастыря... придумал.

— Вы, князь, заговорили загадками, как говорил судья вору, который на вопрос, что же вы сделали с изумрудным колье после того, как удрали из города, потупился и ответил — эту тайну никому не дано разгадать.

— Ловко!

— Научилась у тебя.

...

Болтая, подошли к фасаду собора Санта-Мария-Аннунциата. Матильда положила свои сухие смуглые ладони на теплые камни. Зажмурила глаза. Я нежно обнял ее и оторвал от стены.

Вошли.

И тут же были приятно удивлены — стулья были из помещения вынесены. Как нам объяснил стоящий на входе служитель, публике сегодня разрешалось свободно ходить по собору и рассматривать мозаику. Служитель вручил мне информационный листок и попросил показать ему подошвы нашей обуви. Остался этим осмотром доволен.

Я прошептал Матильде на ухо: Перед нами — растянувшееся на всю длину ротонды — Дерево Жизни. Покоящееся на слоне и слонихе. Это так бы искусствоведы сказали — «покоящееся». На самом деле пресвитер Панталеон, который сделал эту мозаику, не владел мастерством художника, поэтому огромный ствол Дерева не покоится на этих смешных слонах, он ни на чем не покоится. Просто снизу Дерева Панталеон положил как будто вырезанные из бумаги неумелым ребенком силуэты двух слоников. Тоже можно сказать про все многочисленные фигуры на этой мозаике. Удивительно неловкие изображения. Но именно это и делает этот бестиарий интересным и оригинальным. Панталеон был взрослым ребенком, верил во всю средневековую чушь. И в кентавров, и в Вавилонскую башню, и в Ноя, и в Александра Македонского, посмотри, вот он, тут. Александр. В ужасно смешных штанах. И с крошечными ножками. Летит в небеса. Держит в руках куски мяса, а глупые грифоны, хотя и все понимают, несут его все выше и выше.

— А это что такое?

— Это, как ты видишь, чудовище с четырьмя львиными телами, у которых на всех только одна голова. Но зато голова эта человеческая и с усами. Нижний лев из этого квартета стоит на гадкой рептилии, которая глотает другую рептилию, еще гаже.

— Ну и что это все символизирует?

— Силу и правоту святой католической церкви. Так тут написано. Я показал Матильде информационный листок.

— Может, четыре льва — это четыре Евангелия?

— Вряд ли. Традиционно, лев атрибут одного Марка. Скорее неправильно понятый монахом Тетраморф из видения Иезекииля. Изначальная четверичная структура, основа бытия. Четыре стороны света, четыре времени года...

— Понимаю. Боже мой, а что это за стройка?

— Это Вавилонскую Башню строят доисторические рабочие.

— А кто это с лодки падает головой вниз?

— Невежа, это Иона.

— А почему у кентавров две или, смотри, три головы?

— Скажи спасибо, что не четыре. Должно быть, это символы политеизма.

— Принято. А это что за мужик с бородой, на коленях?

— Ной. Видишь, строители с пилой. А тут — животные.

— А где ковчег?

— А вот этот ковер с дыркой — и есть ковчег. А этой Ной с голубком.

— Чудеса. А тут, посмотри, кит, а на нем две голые фигурки. Мужчина и женщина. Кто это?

— Это ты и я. Хочешь обнять ногами кита?

— Нет, я лучше обниму ногами тебя.

...

Через час мы покинули собор и, не торопясь, пошли назад в отель. Опять шалили и валяли дурака. Матильда несколько раз украдкой поцеловала меня, а я очень деликатно потрогал ее грудь. Она не возражала.

Договорились встретиться вечером у меня в номере, как только Коки захрапит, распить бутылку Тормареско и посмотреть с балкона на Луну и мерцающее море.

По дороге зашли в игротеку, но Коки там не нашли. Спросили у нескольких пареньков и у хозяина заведения, не видели ли они шоколадного мальчика-блондина. Видели, но он давно ушел. Как давно? Не помнят.

Матильда занервничала.

Вошли в Мирмар, быстро поднялись на третий этаж.

Матильда юркнула в номер, а я остался в коридоре. Через полминуты Матильда вышла и прошептала: Его нет ни в номере, ни на балконе.

Я обнял ее и сказал: Не переживай, он наверное фисташковое мороженое лопает в соседней забегаловке.

Зашли в кафе напротив. Потом еще в одно. И еще. Матильда показывала посетителям фотографию Коки в своем портмоне. Никто его не видел.

Пошли по барам и ресторанам. Через полтора час выбились из сил, вернулись в отель, рассказали все администратору. Он посоветовал обратиться в полицию. Я спросил его, где в Отранто полиция.

— Да вы же вчера там сами были!

— Я был в Морском управлении.

— Полиция в том же здании, только вход с другой стороны. Если смотреть от замка, справа.

Побежали туда. По дороге молчали.

Вот и вывеска «Городская полиция Отранто».

Обратились к дежурной за барьером, Матильда показала ей фотографию Коки. Та почему-то презрительно и злорадно посмотрела на меня и направила нас... в комнату 39.

Меня как будто ударили тупым предметом по затылку. Страшно захотелось почирикать.

Пока мы шли по коридорам и поднималась по лестнице меня терзало дурное предчувствие. Я не хотел больше видеть синьора Фосколо.

Как только мы вошли в комнату, к нам подскочили солдаты.

Они связали нас и посадили на тяжелые, привинченные к полу стулья.

Встать мы не могли. Не могли позвать на помощь — в рот нам вставили кляп, а губы заклеили клейкой лентой. Мы могли только мычать.

Синьор Фосколо, на сей раз голый до пояса (на груди его синела татуировка — крылатый череп, ощеривший неправильные зубы), сидел за письменным столом и читал какую-то бумагу. Выдержав солидную паузу, он громко поприветствовал нас: Добро пожаловать в ад! Вы даже не представляете, как я рад вашему приходу. Очень, очень рад!

Бедный Коки тоже находился в комнате 39.

Он висел голый на той же веревке, что и я. В лицо ему светили те же две настольные лампы. Фосколо встал из-за стола, подошел к висящему и начал хлестать его пластиковым хлыстом.

Коки стонал и громко умолял пощадить его.

Порка продолжалась четверть часа. Кровь струилась по красивому телу мальчика. Фосколо громко рычал и трясся от возбуждения.

У Матильды лились из глаз слезы.

Я ужасно страдал из-за того, что ничем не мог помочь ей и несчастному ребенку.

Неожиданно все изменилось.

Я не поверил своим глазам.

...

Синьор Фосколо перестал пороть мальчика.

Солдаты осторожно опустили его на пол и развязали. Тот встал и, как ни в чем не бывало, вытер тело вначале влажным, а потом и сухим полотенцем и оделся в ту же одежду, в которой я видел его за завтраком. Похоже, он никак не пострадал от порки.

После этого маленький волчонок злобно посмотрел на меня и сел на стул рядом с письменным столом. Фосколо подошел к нему, погладил его по голове и сказал: Умница. Люблю тебя. Надеюсь, вишневый сок не вызовет аллергической сыпи на твоей нежной детской коже.

Коки ответил: И я люблю тебя, папа. Мне так приятно помогать тебе разоблачать врагов народа Италии.

И он опять злобно и многозначительно посмотрел на меня.

Похоже, вся эта сцена была гнусной инсценировкой.

Затем солдаты освободили от пут Матильду. Та встала и подбежала к Фосколо, обняла его и страстно поцеловала. Затем презрительно взглянула на меня и спросила, кривя губы: Ты что же, действительно поверил, что мне понравились твои нелепые шутки, поверил, что я с тобой лягу в постель, лягушатник?

— Милый, — обратилась она к чиновнику, — этот придурок решил, что мне с ним хорошо... Поцелуй меня покрепче, дорогой мой муж, я хочу, чтобы эта размазня, этот дутый князишка увидел, как меня любит настоящий мужчина. И ты, сын, подойди к маме и тоже целуй меня.

Фосколо нежно обнял ее, расстегнул ей блузку, вынул ее увесистые груди и жадно поцеловал ее в левый сосок. А ее мерзкий сын — в правый.

Последующую сцену совокупления трех человек я описывать не буду. Продолжалась она около часа и сопровождалась пылкими стенаниями Матильды, глухим рычанием Фосколо и искусственными стонами гадкого Коки.

Любовная сцена прекратилась — как по команде. Участники ее деловито привели себя в порядок, пошептались о чем-то и вместе с солдатами покинули комнату. Перед уходом погасили свет.

...

До меня наконец дошло, что синьор Фосколо — вовсе не чиновник Морского управления Отранто и не муж Матильды, а Коки — не их сын.

Мало того, похоже Матильда и не видела Фосколо до сегодняшнего вечера, даже не знакома с ним. И вся комедия была сыграна тремя этими актерами только для того, чтобы побольнее уязвить и унижить меня.

Зачем им это надо?

Неужели все это — изощренная шутка герцога? Как же он все это устроил?

Купленная массовка? Психоделические средства? Гипноз? Голограммы?

Что из того, что произошло со мной в последние десять дней, реально, а что — иллюзия? Или иллюзия — вся моя жизнь?

...

Целый час я возился с веревками и, наконец, пыхтя, посаывая сломанный ноготь и проклиная весь мир, смог освободиться. Спустился на первый этаж и тут же заметил, что не только дежурная исчезла, но исчез и барьер, за которым она сидела. На фасаде здания не было вывески «Городская полиция Отранто». Здание было пустым и заброшенным.

Побрел в отель. По дороге заметил, что все кафе, рестораны и лавочки сувениров были закрыты. Некоторые — даже заколочены досками.

Пляж было не узнать — мелкая галька была сплошь покрыта слоем гниющих водорослей, среди которых поблескивали лужи мазута, в которых копошились несчастные полумертвые чайки. Маленькие яхты и лодочки исчезли из порта. Место их занял огромный ржавый полузатонувший танкер.

Море не мерцало под звездами, оно напоминало лужу грязи, в которой плавают использованные пластиковые пакеты и презервативы.

С трудом нашел здание, в котором еще сегодня утром и днем располагался отель Мирамар. В окнах его не горел свет, почерневшие стены потрескались, некоторые балконы обвалились.

В лобби горела свеча. Пошел на свет.

Рядом со столиком, на котором лежал надкусанный заплесневелый бутерброд, сидел какой-то дряхлый старик в рваной одежде. Это был администратор! Только чудовищно постаревший.

Он узнал меня, кивнул, прошамкал беззубым ртом что-то вроде: Я ждал вас.

Понимая, что это безумие, спросил у администратора, не помнит ли он госпожу Матильду с сыном. Госпожа — красавица, а ее сын — мулат с желтыми волосами.

— Помню, помню... Они жили тут несколько дней лет двадцать пять или тридцать назад. Расплатились наличными.

Уехали на поезде? Уплыли на яхте? Или синьор Фосколо увез их тогда на своем подержанном рено?

Все равно.

Неожиданно администратор сказал: В вашем номере вас уже много-много лет дожидается ваш знакомый. Ваш хороший знакомый, — подчеркнул администратор и кисло улыбнулся.

— Он вам что, представился?

— О, да, да, но просил не называть вам его имя. Я не мог не пустить его.

— Спасибо.

Пошел по шаткой грязной лестнице наверх. Хотя и догадывался, кто ждет меня в номере. Перед тем, как войти в номер, зажмурил глаза.

...

Ночь с Матильдой была нежна и сладка как консервированный персик.

Ее пахнущее фиалками тело, казалось, испускало лиловое сияние.

Слегка отвисшая грудь с отвердевшими розовыми сосками моей новой подруги разжигала меня снова и снова. Я безумствовал и гнал и гнал свое тело, как жестокий наездник гонит несчастную лошадь, вонзает шпоры в ее потные бока и хлещет нагайкой... пока она не упадет и не захлебнется пеной.

Матильда отрешенно улыбалась, и я так и не понял, разделила ли она со мной хотя бы раз высшую радость.

Часов в шесть она остановила мой бешеный бег ласковым жестом, посмотрела на меня почти скептически, усмехнулась, встала и ушла к себе, в номер с двумя кроватями, на одной из которых спал мертвым детским сном Коки. Обещала зайти полдесятого и разбудить. А потом вместе со мной позавтракать.

И выполнила обещание.

— Вставай, вставай скорее, соня! Сколько можно спать? Пора ехать в Сараево.

Я не мог разлепить глаза. Тело ломило, в голове шумело (мы выпили три бутылки вина и полбутылки сицилийской граппы), вылезать из-под одеяла ужасно не хотелось.

— Какое Сараево, что ты плетешь?

— Это была шутка, ваше сиятельство! Я уже позавтракала с Коки, теперь позавтракаю с тобой, милый.

— У меня... нет сил. Загнали лошадь.

— Ах ты мой бедненький! Ночью, впрочем, у тебя было сил много. Даже очень. У меня все внутренности болят, отвыкла от таких скачек.

Пришлось принять горячий душ, одеться и спуститься в столовую.

Солнечный свет резал глаза. Комната мерно покачивалась. Я все еще плыл на яхте «Сиракузы». Где же обетованная земля, где берег, где причал?

...

Из всего набора континентального завтрака смог съесть только кусок сыра и булочку. Зато кофе выпил три чашки. С корицей и темным сахаром.

Коки после завтрака ушел с двумя новыми друзьями и их родителями кататься на парусном катамаране. Матильда не хотела было его отпускать, но потом решила, что «мальчик засиделся, и морская прогулка будет ему очень полезна».

— Кроме того, море сегодня спокойное, ветра нет, только легкий бриз веет и волны как на Венском озере. Коки обещал не снимать спасательный жилет. Вернется к обеду, поэтому у нас с тобой есть три с половиной часа, — заявила Матильда, когда мы вышли из отеля и побрели по набережной.

Я заметил, как мерно, в такт ее шагам, колыхнется грудь Матильды.

— Может быть, лучше пойдем ко мне? К черту все...

Матильда вновь бросила на меня свой фирменный скептический взгляд.

— Ваша милость еще недостаточно персиков скушать изволили? Ну нет, мы будем гулять, дышать свежим воздухом, а потом осмотрим какую-нибудь достопримечательность.

Придумала! Зайдем в Арагонский замок. Я так часто себе его представляла, когда в детстве читала «Замок Отранто». Интересно посмотреть, какой он на самом деле. Там, в галерее выставка вашего Бальгюса.

— Знаю я этого поляка. Мой папá хотел у него этюд купить. Пастель. Девочка со спущенными чулочками заломила головку и куда-то там загадочно смотрит закрытыми глазами. Сиська вылезла из расстегнутой блузки. Кот, символ того и сего, молоко лакает. Так тот заломил такую цену, что папа разозлился и покупать не стал.

— А твой отец очень богат?

— Да, у него есть деньги. Только они не его, а матери.

— Откуда у нее состояние?

— Долгая и скучная история. Ничего романтического. Наследственное.

— Ладно. Тогда расскажи, откуда у тебя такие удивительные нэцкэ в номере? Я заметила — на столе. Это что же, те самые? Они наверное несколько тысяч стоят. Тонкая работа.

Пришлось подробно рассказать Матильде про герцога и его фантазии.

— Так ты что, вхож даже в такие дома?

Матильда подняла руки и закатила глаза.

— Ну да.

— Этот твой небожитель захотел из тебя голубого сделать? Или, он думает, что ты уже...

— Ничего он не думает, просто жонглирует людьми, как жонглёр пластиковыми шариками. Ему все только льстят. И он наслаждается вседозволенностью. Понимаешь, таких как он не берет ничто. Ни войны, ни бедствия, ни революции. Его семья влиятельна и богата уже несколько столетий. А он, хоть и от природы транжира, умудрился не только сохранить капитал, но еще и увеличить его. Средства его хранятся на всех континентах кроме Антарктиды. Хотя, может и там есть. Под перьями у пингвинов. Недвижимость, подставные фирмы, фонды, акции, алмазы, платина. Он непотопляем. Всеми возможными человеческими и нечеловеческими грехами он на-

сладился до пресыщения. Единственное, что еще греет его кровь, это деньги и манипуляции людьми. Он как конструктор строит из наших личностей и судеб — какую-то сложную штуковину, машину или игрушку, и забавляется ей.

— Все правильно. Его богатство, его и власть. Плюс высший свет, аристократия. Он вежлив с теми, кто ниже его?

— Герцог человек воспитанный. Вышколенный. Говорят, таким он стал при дворе его величества. Кто-то его там обрабатывал. Но стоит ему задумать очередную демоническую шутку — и он становится жестоким, грубым и непреклонным. Говорят, что когда он, в стародавние времена, увлекся вслед за Пазолини, с которым дружил, творчеством маркиза де Сада, то запытал в аффекте или просто заперол насмерть с полдюжины швейцарцев. Молодых крепких парней, которые ему служили верой и правдой. Кстати, в «120 днях Содома» он исполнил небольшую роль. В титрах его имя изменили. Ходили слухи, что он дал деньги на этот фильм знаменитому продюсеру Гримальди, чтобы в крайнем случае не оказаться на скамье подсудимых. Гримальди, кстати, чуть не посадили.

— Славный, наверное, человек! У него что, своя швейцарская гвардия?

— Была. Потому что он всегда боялся, что его похитят и убьют, и завидовал Папе. Рассказывал, что лет пятьсот назад глава его рода должен был стать Папой, но его отравили Медичи.

— И что же, это сошло ему с рук? Швейцарцы? Мы же все-таки не в эпоху Медичи живем.

— Это как сказать. Сошло, но не совсем, родственникам пришлось по слухам дать по миллиону швейцарских франков за голову, чтобы молчали. Для герцога это не деньги. А чтобы успокоить общественность, он придумал дурацкую историю о террористах-смертниках, захвативших заложников во дворце и взорвавших себя во время попытки штурма специально привезенной ими для этого на тачке двухсоткилограммовой бомбой. Родственники швейцарцев получили вместо тел — пепел в урнах.

— А зачем он пытал мужчин?

— Ты нэцкэ видела? Для удовлетворения низменных инстинктов. Вообще-то он и женщин пытал. Несколько девушек-служанок из его челяди, не помню когда, бесследно исчезли. Но они вроде бы были сиротами, их и не искали. Пропадали и дети в окрестностях дворца. «Сало» — это не только метафора для общества и человечества, это фильм про него.

— Ужас.

— Что есть, то есть. Вот и замок. Пришли. Кошмарное сооружение. Сюда, по каменному мостику. Когда-то он был откидным.

— У меня на нем голова закружится.

— Дай руку. Закрой глаза.

— Еще чего. Боже, какой он огромный, этот замок. У меня от такой громадины произойдет задержка.

— Даже не начинай, прошу тебя! А не то отправлю тебя в Сараево.

— Быстро переняли, милорд.

— Стараюсь не отставать от жизни.

...

За вход в замок мы отдали толстой усатой служительнице четыре бумажки с изображением Маркони.

Не успели мы оглядеться, как к нам подскочили несколько дежурящих рядом с кассой чичероне, готовых — за небольшую сумму в пятьдесят тысяч лир — провести нас по замку и «показать то, что никому не показывают» и рассказать «обо всех жутких тайнах» на немецком языке. От их услуг мы отказались. На их лицах отразилось разочарование.

Мне не хотелось обижать этих бедолаг, я объяснил им на своем чудовищном итальянском, что «ценю их предложение, но я и моя рагацца хотим побыть наедине». Они понимающе закивали и повторили как эхо «соли, соли»...

Один из них, впрочем, тут же предложил мне снять у его матери на несколько часов «прекрасную комнату в лучшем районе города, с видом на море и водяной кроватью», уверял, что «никто не будет мешать молодой паре», а если мы пожелаем, то он сейчас же отвезет нас туда на

своем фиате, его брат и кузен сыграют нам на мандолинах сонату Скарлатти, а мать приготовит суп из полбы с морским ежом.

— Сто тысяч лир! Дешевле почасовую комнату с великолепным сервисом вы не найдете во всей Апулии.

И от полбы с морским ежом пришлось отказаться.

Прошли во внутренний двор замка.

Пусто. А я ожидал тут увидеть гигантский шлем, раздавивший беднягу Конрада или исполинские сапоги Альфонсо Доброго. Похоже аборигены не читали упомянутый Матильдой роман Уолпола. И правильно. Скучища. Действия нет, а диалоги — куртуазная лапша.

...

Несколько туристов слоняются туда-сюда.

Одинокая пушка щерится дулом.

Каменные ядра валяются кучками тут и там.

Арки, арки, проходы, коридоры, лестница на крышу.

Суровая военная архитектура. С испанским привкусом.

А потом... оказалось, что те, кого я принял за туристов — не люди, а фигуры из папье-маше в человеческий рост.

Странный мальчик в кепке. Сжал губки бантиком. Паж?

Маленькая девочка в зеленой шапочке в мячик играет. Мячик красный.

Рабочий в белой одежде тащит балку на плече.

Гувернантка в светлом фартуке несет на руках малыша в берете. У малыша — взрослое печальное лицо. Глаза закрыты.

Подросток схватил за руку девочку в оранжевой кофточке. Кажется, он хочет задрать ей юбку.

Поваренок в высокой шапке и длинном зеленом фартуке стоит столбом под вывеской.

— Ты не знаешь, что это за фигуры? Что-то в них не то, а что, я не понимаю. Каждый сам по себе, в своей вселенной. Они не видят друг друга. Они — слепые. Они есть, но их как бы и нет. Понимаешь, настоящее каждую секундочку становится прошлым. Ускользает, как его сачком ни лови. Все-все-все мгновенно отправляется в небытие... поэтому мы осознаем

сам феномен жизни только как то, чего нет... Это превращает нас в меланхоликов. Будущее эфемерно. Настоящее ускользает, прошлое — сухая солома.

— Дурачок, философию развел... это фигуры с одной из картин Бальтюса. Забыла, как она называется. Они — реклама для выставки. Видишь надпись и стрелку? Пойдем туда, или по замку побродим? Сдается мне, смотреть тут особенно нечего. Одни камни да ядра.

— А как же привидения в подземелье? Манфред, дон Рикардо, Изабелла?

— Начитанный! Подождут.

— Погоди, а это что такое? Таких фигур у твоего Бальтюса нет.

В одной из ложных арок внутреннего двора стояли две как бы обнимающиеся человеческие фигуры, составленные из правильных цветных геометрических форм. Непропорционально большие головы их были похожи на перевязанные ниточками, вытянутые и заостренные яйца, тела составлены из треугольников, пирамид, конусов и цилиндров... бедра походили на вытянутые, слегка деформированные эллипсоиды.

— Ну, всезнайка, что это такое?

— Подумаешь, удивила! Это Гектор и Андромаха де Кирико. Немножко измененные. Такое представление человека мне гораздо ближе, чем недоношенный сюрреализм твоего Бальтюса. Манекены. Составленные из тривиальных форм. Вот, что мы такое. Кстати, а что они тут делают?

— Три года назад в замке была выставка де Кирико. Это то, что от нее осталось.

— Ты что, не первый раз гостишь в Отранто? С кем ты тут была?

— Ты действительно хочешь это знать?

Прошли в галерею, состоящую из нескольких залов. В самом большом из них был реконструирован перекресток старого Парижа. Эту сцену, также как и внутренний двор замка, украшали фигуры из папье-маше.

Старая сгорбленная женщина в шляпке. С сумочкой и тростью.

Девочка в желтой кофточке и лиловой юбке. Левая ее рука — на подбородке. Глаза закрыты.

Маленький лысый мужчина, сидит на тротуаре и хмуро глядит невидящими глазами перед собой. Его босые ножки меньше, чем у ребенка.

Нагая девушка с еще не сформировавшимися грудками смотрится в зеркало.

Мужчина в сиреновой рубашке несет домой только что купленный багет.

Маменькина дочка баюкает голенькую куколку.

И тут мгновение остановилось, жизнь прервалась, между людьми образовалась невидимая глазу пропасть. И непонятно, поедет ли поезд мира дальше. Или мы уже на конечной станции. И объединяет эти одинокие фигуры только то, что их всех видит художник, последний зритель на затаившемся спектакле.

...

Полотна Бальтюса были развешаны на обтянутых темно-лиловой материей щитах в других залах галереи.

Подшли к картине «Спящая обнаженная».

Обнаженная девочка в золотистых носочках дремлет на кушетке у раскрытого окна.

Руки сложены на животе, бедра слегка раскрыты.

Не только нагая девочка, но и все формы и краски этого полотна, их мягкий, щекочущий сетчатку тон, приятно шершавые поверхности, даже композиция и перспектива — все излучало эротическую энергию и красоту, чистую субстанцию радости.

Матильда посмотрела на малышку, ущипнула меня и томно завздохала.

— Красота! Я сейчас кончу. Посмотри, какая сочная, плотная живопись! Не то, что твоя дурацкая мозаика с чудовищами.

— Посмотрим, что от этой красоты останется через тысячу лет.

— Ничего ты не понимаешь. Вся прелесть такой красоты в том, что она преходяща. Я говорю и о девушке и о живописи.

Невозможно было не заметить, что эта работа Бальтюса подействовала на Матильду слишком сильно. Гипнотически. Я уже два раза обошел выставку, а она все еще стояла у «Спящей обнаженной» и не могла оторвать от нее глаз.

Попробовал мягко оттащить ее от картины. Безрезультатно. Добился только того, что моя милая зло посмотрела на меня и сказала чужим голосом: Отойди, не мешай!

Я был шокирован и ее взглядом и ее тоном. В тысячный раз убедился в том, что мы не знаем, не понимаем не только посторонних, но и близких нам людей. Как могут романисты писать тексты по шестьсот страниц о том, о тех, кого вовсе не знают? Шарлатаны.

...

После долгого напряженного разглядывания «Спящей обнаженной» Матильда вдруг застонала. Затем стон ее перешел в экстатическое всхлипывание.

Еще через минуту она действительно кончила, курлыкая и трясясь, и упала в обморок.

Я едва успел подхватить ее и не дать стукнуться головой о каменный пол.

Кто-то пододвинул к нам стул, и я усадил на него Матильду. Смотрительница галереи принесла стакан минеральной воды. Матильда очнулась, несколько раз глотнула, понемногу пришла в себя, покраснела и опустила глаза.

Тихо извинилась по-немецки перед смотрительницей и публикой. Ее не поняли, но некоторые любители Бальтюса подошли к ней, похлопали по плечу и жестами выразили свое сочувствие и солидарность.

Остальные полотна Матильда осматривала крепко прижавшись ко мне. Для верности я обнял ее за талию.

Пошли наугад по хорошо освещенному коридору, ведущему в недра замка. Поглядели на немногие сохранившиеся фрески, прочитали памятную надпись, полюбовались гербами на стенах и красиво выложенными сводами.

Спустились по одной лестнице, по другой, повернули...

— Почему ты молчишь?

— Не хочу тебе мешать вспоминать твою «Спящую обнаженную».

— Ты мне не мешаешь.

— Ты что, и вправду кончила?

— У тебя есть такт, это приятно.

— Мне просто завидно. Ночью ты была тише.

— Ночью я не могла кричать, так мне было хорошо.

— Ах ты плутовка, опять вывернулась. И как изящно!

— Не могу поверить в то, что у тебя есть комплексы.

— Комплексов нет, но опасения имеются.

— К черту и то и другое. Куда это мы зашли? В подземелье?

— Нет, мы еще выше уровня моря. Видишь, — свет льется из бойниц. Оттуда обороняющиеся стреляли из пушек по осаждающим замок ордам варваров. Лили кипящую смолу и показывали нападающим язык.

— Говорят, там внизу сохранилась подземная тюрьма римлян. Помещение для пыток. Колыбель Иуды, Нюрнбергская дева... И камеры для заключенных. Посмотрим?

— Пожалуй с меня хватит ужасов. Давай лучше выйдем на набережную, погреемся на солнце, посидим в кафе, поедим салат с инжиром. Или закажем жирный итальянский пудинг.

— Нет, милый, прошу тебя, спустимся еще на несколько этажей вниз... прошу... мне так любопытно. Никогда не бывала в античной тюрьме.

— А в обыкновенной, современной, бывала? Я два года назад всего одну ночь провел в камере — на всю жизнь точно.

— Это из-за тех оторванных голов?

— Из-за них.

— Тебя допрашивали?

— Еще как.

— С пристрастием?

— Да. Но на колыбель Иуды меня не сажали.

— У тебя на спине и ягодицах странные шрамы.

— Это реликты другой жизни.

— Не мудри, кто тебя так?

...

Зря я заговорил с Матильдой о камере. Забыл о том, что может из-за этого произойти.

Мы все еще болтали, когда передо мной внезапно возник, как из-под земли вынырнул, незабвенный комиссар Леперье. Комиссар протанцевал на цыпочках несколько па и быстро проговорил: Жалко, жалко, что я тогда вас на пирамидку не посадил. Вы бы у меня во всем сознались. Вы же слабак! И кровожадный убийца. Вы виновны, князь! Виновны! Виновны! Мне не удалось вас изобличить, но от высшего суда не убежишь. Ни на Линкольне, ни на яхте! И в замке не спрячешься! И под юбкой у вашей дамы тоже! Ха-ха! Вы кажется еще не поняли, что она вовсе не та, за которую вы ее принимаете. Готовьтесь к тому, чтобы выпить горькую чашу до дна! Да-с, князь, до дна! Не хотите ли в зеркальце взглянуть?

И он ткнул мне в лицо большое овальное зеркало в медной оправе.

Я невольно посмотрел в него, но вместо себя увидел какую-то гадкую рожу с тремя носами и четырьмя глазами и с огромным зубастым ртом. Рожа эта ухмыльнулась и произнесла важно: Запомни, рыбка, сумма квадратов катетов не всегда равна квадрату гипотенузы. Хррак и готово! Все птички разлетелись. Иди, ищи, ветра в поле.

...

Матильда никак не отреагировала на появление Леперье, очевидно она его не видела и не слышала. Положила руки на стену, состоящую из мощных прямоугольных блоков. Глубоко задумалась. И глаза закрыла.

— Милая, пойдем отсюда.

— Отойди.

— Что с тобой, дорогая?

Матильда отошла от стены, взяла меня за руку, потянула, и сказала упрямо: Хочу в римскую тюрьму. Пойдем, я отведу тебя вниз.

Повисла у меня на правой руке как свинцовая гиря. Я подумал, что она дурачится, сказал ей что-то ласковое, а затем попробовал стряхнуть ее с себя. Но не тут-то было, Матильда вцепилась в мою руку как львица в антилопу. И потянула меня к запертой на всячий замок двери, на которой была табличка с надписью: Стоп! Не входить! Опасная зона!

Сорвала замок вместе с петлями так легко, как будто они были из бумаги, открыла дверь и подтолкнула меня к винтовой лестнице, ведущей в подземелье.

Мы начали спускаться.

Я чувствовал себя провинившемся школьником, которого тучная учительница биологии ведет за руку к директору.

Круглые стены вокруг нас были сырые и страшные, как будто изъеденные крысам, ступеньки — грубо обтесанные, скользкие. Редкие лампы почти не светили.

Я расслышал доносящиеся откуда-то снизу непонятные звуки. Кто-то пел заунывную песню, а ему подвывала стая шакалов или волков.

Несколько раз я робко пытался повернуть назад, но каждый раз Матильда висла у меня на руке и толкала меня вниз. Я не хотел бороться с ней, потому что боялся, что кто-нибудь из нас споткнется, покатится вниз по лестнице и разобьется.

...

Наконец спуск кончился.

Мы очутились в круглом зале с невысокими колоннами, похожем на крипту. По всему периметру были вырублены ниши, в которых стояли статуи невыносимо уродливых божков, похожих на работы Гигера. Перед ними горели черные свечи.

Матильда провела меня по кругу.

У каждой ниши она останавливалась и бормотала заклинания. На помертвевшем ее лице я заметил гримасу безумной торжественности.

Подруга моя стала неузнаваемой, даже фигура ее изменилась...

Одета она была тоже не так, как до нашего спуска по лестнице. Темный полупрозрачный плащ с капюшоном покрывал ее с головы до пят. Под плащом она была нагая. На ногах ее не было обуви.

В середине крипты возвышалась мраморная статуя неизвестной мне богини, окруженная горящими свечами. Только свечи эти были красными.

Матильда встала на колени и заставила меня сделать тоже самое. Опустила голову и начала бормотать заклинания.

Двухметровая богиня была обнажена, крылата и рогата. В поднятых ее руках она держала предметы, похожие на большие петли. Ступней у богини не было, вместо них на каждой ноге она имела по три длинных пальца с согнутыми когтями, как у птицы.

Кто-то дунул мне в ухо: Астарта...

Астарта, великая мать людей и богов. В руках она держала анхи, «узлы жизни».

...

Подумал: Матильда явно знала, куда меня ведет и зачем. Никакая римская тюрьма ее не интересовала. Что ей тут нужно?

Долго гадать мне не пришлось.

Матильда резко встала и сбросила плащ.

Подошла к статуе, обняла ее, прижалась и... слилась с ней. Статуя ожила.

Захлопала крыльями как птица, взлетела...

Полетала в крипте, потом встала на ноги там, где стояла раньше, и поманила меня пальцем. Я подошел к ней. А она надела один из анхов мне на шею и резко его стянула. Крипта затряслась и запрыгала. Потом все померкло.

Я шел по узкому проходу между каменными стенами.

Тот звук, который я впервые услышал когда мы начали спускаться по лестнице, стал заметно громче. Он был теперь похож на гром от множества молний.

Стены фосфоресцировали неприятным, переливающимся как северное сияние, синеватым светом. Неожиданно я увидел перед собой старых знакомых. Мне показалось, что они состояли из теней или эктоплазмы.

Впереди всех стоял голый до пояса мужчина с великолепными черными усами. На ногах у него были остроносые туфли. На груди — синела татуировка. В руке он держал плаستيковый хлыст.

Капитан с огромной бородой потрясал трезубцем.

Доктор Шнабель протягивал мне сушеную жабу.

Кришна подмигивал и приглашал меня жестами в ванну.

Архимед с мраморной головой слепил меня зеркалом.

Администратор отеля Мирамар застенчиво улыбался и показывал глазами на Архимеда.

Матильда и ее сынок о чем-то беседовали. Матильда держала в руках букет из свежих фиалок. Коки гримасничал.

Всеми забытый великан Альфонсо Добрый, состоящий только из огромных сапог и головы в шлеме конфузливо топтался на месте.

Позади всех стоял герцог с целой свитой из молодых офицеров и обольстительно улыбался. В руках он держал роскошную деревянную модель яхты «Сиракузы».

Один из офицеров катил по проходу громоздку театральную машину для имитации раскатов грома.

...

Внезапно тяжелые каменные стены разъехались в разные стороны и опрокинулись. Солнечный свет ослепил меня. Я зачирикал как канарейка.

Герцог и его спутники захохотали.

Только тогда я понял, что нахожусь во дворце герцога, и меня разыграли как бедного Дон Кихота.

Доктор Фердинанд пощупал мне пульс и подал мне белую пилюлю с красной полосочкой посередине.

Послесловие

Разумеется, я мог бы водить читателя за нос еще и еще. Дальше и дальше. Но не хочу злоупотреблять его терпением. Тем более, что путь, по которому идет мой придуманный герой — как лист Мёбиуса — никуда не ведет. Возвращает и возвращает героя к началу. Это петля, и на ней мне никого не хочется вешать. Не хочется и вешаться самому. Читатель с воображением может сам продолжить мой текст и насладиться — в образе князя Генри — всеми прелестями Замка. Или — в дубленой шкуре кузена Ипполита, или в очках и шинели профессора Лиденброка, если самоидентификация с одним из них ему более симпатична. Для эстетов и неисправимых перверзов припасены — оборотень-людоед и милые кошмарики из Музея.

...

Сейчас, как известно, многое стало, неожиданно для всех — «гибридным». Гибридная война, гибридные факты, гибридная жизнь. Вот и эта моя повесть — очевидно гибридная.

Раньше я писал тексты, которые можно было условно причислить к одной из двух категорий: К эссе или рассказам. Повесть «Человек в котелке» — гибридное эссе и рассказа.

В эссе я фиксировал мой индивидуальный опыт восприятия картин, графики, литературы. «Восприятие» картины или ее «интерпретация» — означали для меня вхождение в картину и жизнь в ней. Как в своеобразном кино. Декорация была застывшей, но я был подвижен, легок. Я был человеком. Наблюдателем или действующим лицом. Или мизансценой. Или лучиком света. Или предметом. Идеей. Контрверсией. Не важно. Застывшая поначалу картина оживала, начинала вибрировать, дышать, петь, медленно изменяться.

В моих рассказах, как в текстовых картинах или в текстовом кино, действуют, думают, живут — мои литературные герои. Я в них — невидим и неслышим... помогаю им раскрепоститься... и потихоньку фиксирую в тексте их опыт. Пропускаю коллизии, происходящие с ними, их мысли и чувства сквозь игольное ушко. Тяну нити, плету текст.

В гибридной повести-эссе мне хотелось одновременно показать злоключения моего героя и поговорить о картинах бельгийского художника Поля Дельво. «Прямые» разговоры о картинах — давно мне осточертели. «Прямое» описание действий и мыслей героя — тоже. Поэтому я послал моего героя в картины Дельво. Пусть себе кувыркается. И позаботился о том, чтобы он там себя свободно чувствовал. И делал, что хотел.

Повествование в повести ведется от лица князя Генри, попавшего после сомнительных приключений в таинственный Замок (в первой редакции текста он говорит о нем так: «А замок... что это? Особая зона, узел, портал. Машина, производящая мнимости... Замок — это то, что ты всю жизнь ждал, предвидел, предчувствовал. Это осуществление твоей юношеской мечты. Живая сказка. Пусть и не доведенная до конца, половинчатая, прекрасная и жуткая. Кто же его построил? Никто. Ты сам. Он — твое порождение...»).

Князь ошибается, что конечно простительно для фиктивного существа. Замок построил я, автор повести. Но некоторые его помещения и огромные павильоны создал Дельво. Для общественного пользования.

...

Сам Дельво руками и ногами отбрыкивался от всех попыток критиков трактовать его картины «литературно». И правильно делал. Любая словесная интерпретация живописи, любой, основанный на ней нарратив — сужение, упрощение. Вдобавок — обычно заполненное наукообразным мусором искусствоведа с апломбом. В моей повести-гибриде я не интерпретирую работы Дельво, а интерполирую их текстовым действием. Оживляю их. И мои литературные герои активно помогают мне в этом нелегком деле. Их мир и реальности Поля Дельво мешаются, сплавляются, продавливаются друг сквозь друга.

Зачем мне потребовался такой бутерброд, коллаж, декалькомания?

Отчасти для того, чтобы выразить мою признательность, восхищение перед работами покойного мастера. Первую ре-

продукцию полотна Дельво «Фазы Луны I» я увидел в каталоге Музея Современного Искусства в Нью-Йорке, который мне привез из Америки мой дедушка в 1976 году. Эта картинка взволновала и потянула меня. Как женщина, в себя. Мне страшно захотелось покинуть реальность «развитого социализма» — и оказаться внутри этого, нового для меня, волшебного мира. Через двадцать лет, стоя перед оригиналом этой картины, я вновь почувствовал эйфорию... Еще раз нечто подобное я испытал в конце девяностых в музее Пегги Гуггенхайм в Венеции перед картиной Дельво «Утренняя заря». Так что благодарить Дельво мне есть за что. И я с удовольствием посвящаю мою повесть его памяти.

Но дело не только в благодарности.

Приятно, конечно, написать эссе в форме истории с превращениями в сюрреалистических декорациях. Сверхзадачей моего текста однако было — показать различные «листы» фатально расщепленной вселенной главного героя, репрезентанта общества удовольствий. Современного человека... родившегося на Западе еще до Второй Мировой Войны и существующего до сего дня. Разумеется, слегка мутировавшего. Для этого работы Дельво подходят как нельзя лучше.

Прочитую еще раз первую редакцию повести. Генри констатирует горько, но не без рисовки и самобичевания: «Да, да... наша обычная реальность расщепилась. Раздвоилась. Та реальность, в которой Агнесса — все еще моя невеста, Теодор — ее бывший учитель латыни, а не совокупляющийся с ней в Аквариуме хлыщ, Агата — массажистка отца, а не покойная inferнальная тетушка, а Леперье — яхтсмен, победитель Великой регаты, а вовсе не комиссар полиции. В отщепившейся от нее, дурной реальности все пошло не так, как надо. Некоторые люди исчезли, другие, наоборот, появились ниоткуда. Изменились имена, характеры, судьбы. Дошло дело и до оторванных голов. И эти... яйцеголовые участники пресловутого конгресса, на самом деле вовсе не интересовались подробностями моей с Агнессой интимной жизни, они обсуждали расщепление вселенной и его последствия. На нашем приме-

ре. Как же я раньше не догадался? Взять хотя бы Теодора. Его ведь нет на самом деле, он — порождение моей ревности, не более. И вот — Теодор есть и висит на веревке, высунув свой ужасный язык. Кроме меня никто и не знает о его существовании. Он существует только во второй, дурной вселенной. Неужели вся она, как Теодор, как комиссар Леперьье, как тетушка Агата — только мое порождение? Фикция? И бедняга Ипполит пострадал не потому, что ужасный оборотень оторвал ему голову в зловещем замке Вьери, а потому, что я ему этого пожелал. Боже мой! Нет никакого оборотня — это я сам в образе зверя ношусь по метафизическим пространствам, которые сам и создал в своих эротических мечтах. Вою и отрываю головы... Поэтому оборотень и пропал в прыжке. Как пропадает отражение, сливается с нами, когда зеркало подносят слишком близко к глазам. И в смерти барона и баронессы Цароги и их сыновей виноват тоже я. Я зашел к ним ночью и... А чем провинились перед тобой несчастные спиритки? А ничем. Мне захотелось... И все эти обнаженные красавицы — не чужие создания, а твои представления, сексуальные фантомы пубертирующего сибарита, дилетанта, мальчишки...»

Природу оборотня наш милый князь понял, кажется, слишком односторонне и эгоцентрично, но вот в чем он действительно прав, так это в том, что вся его вселенная и все ее двойники — не более чем фикция.

Но в этой фикции прозябает не только он, литературный герой, в большей или меньшей степени и мы все живем в подобных «пузырях», надутых нами же. И слоняемся по ним в поисках новых радостей.

Мироощущение князя Генри, пусть и не в такой экстремальной форме, как в повести, присуще каждому, не лишенному вкуса к эфемерному и призрачному человеку, недовольному своей жизнью, своим миром, и ищущему поля блаженных и сады наслаждений.

Такие миры и создавал Дельво. Он предлагал на своих картинах зрителю альтернативную, чувственную реальность, приглашал войти в свой гармонический мир... и заботился о потерявшемся в эротической утопии зрителе.

Увы... Генри принес с собой в волшебные миры Замка и свою (и нашу) тягу к деструкции, к уничтожению. А миры Дельво не только прекрасны, но и хрупки. И беззащитны.

Это перекрестье красоты и хрупкости его химерических созданий с деструкцией Генри и создает главное настроение повести.

А лопнувший пузырь, бесплодное уничтожение гедонистом своего подложного рая — является ее главным итогом.

...

Как бы в насмешку над самим собой, написал продолжение приключений князя Генри — «Яхта Сиракузы», в котором миры Дельво не играют никакой роли. Не хотелось бросать полюбившегося героя.

ПОКАЖИ МНЕ ДОРОГУ В АД (отрывки из готической повести)

Повелитель четверга

Это была самая скучная открытка из моей коллекции... Обычно я ее не рассматривал, а сразу откладывал в сторону. Туда, где лежали уже просмотренные открытки. Точнее — засовывал под них. Чтобы и уголок ее случайно не высунулся. Потому что и уголок может все испортить.

Собственно говоря, она и открыткой-то не была, а просто посиневшей фотографией в формате открытки. Кто-то непонятно для чего хранил ее в коллекции.

Неизвестный фотограф сфотографировал зачем-то старую, жуткую... без стиля, без характера, ритма, вообще без ничего... кирпичную стену. Даже об освещении не позаботился. Щелкнул с рук и все. И напечатал плохо.

Хоть бы гвоздь в ней торчал, в этой стене! Или вывеска какая на ней висела. Выцветшая реклама цирковых гастролей со слонем и гимнасткой... политический плакат... приглашение прийти в танцзал для пенсионеров.

Или хотя бы дубовый листок к ней зимой приклеился...

Нет. Даже надписи никакой не было на стене. Гензель и Гретель были тут. Съели морковное пирожное и поймали ежика. Потянули ежика за лапу.

Ужасная стена. Безнадёжная. Как моя тогдашняя жизнь в этом провинциальном городе с опустившимся населением, неработающими фабриками и газовыми фонарями, превращающими туманными промозглыми ночами его улицы в декорации к фильму «Кабинет доктора Калигари». Как я сам.

Разумеется, мне и в голову не приходило, что эта скверная фотография... этот незначительный, ненужный предмет, который я сто раз мог выбросить, непостижимым образом заключает в себе что-то важное... тайну...

Какую тайну, вы смеетесь, господа?

Большинство открыток в моей коллекции — составляли немецкие ландшафты и архитектурные достопримечательности, мосты, замки, соборы, ратуши, знаменитые музеи и репродукции старонемецкой живописи и скульптуры.

Дюрер, Кранах, Грюневальд, Рименшнайдер, Файт Штос...

Но были и греющие душу изображения томных арийских красавиц двадцатых-тридцатых годов прошлого века. Породистых, с прекрасными волосами, длинными тонкими пальцами и шелковой кожей...

Коллекцию эту я купил по дешёвке в начале девяностых годов в одной из антикварных лавок города. Сытые по горло социализмом аборигены, покидающие город, стремились тогда продать поскорее накопившийся на чердаках и в подвалах жизненный скарб, чтобы хотя бы первое время не сидеть в Мюнхене, Штутгарте, Сиднее или Нью-Йорке без гроша в кармане. Никто из этих людей не думал о «бабушкином и дедушкином культурном наследстве», о пыльной мебели, зачастую украшенной интарсией (перламутр по черному дереву), сломанных музыкальных инструментах (довольно приличный клавесин в магазине напротив стоил тогда около ста марок, старинный или нет — не знаю), шмотках, фарфоровых безделушках, китайских ширмах с затейливой графикой, подсвечниках, патефонах и заезженных пластинках, старых почерневших картинах в тяжеловесных золоченых рамах, книгах и фотографиях, эстампах, марках, открытках... Всем до смерти надоела серая и тошная жизнь в ГДР, о том, что ей предшествовало, никто даже думать не хотел.

Все мечтали поскорее уехать отсюда и обосноваться в новом, еще неизвестном им западном мире, снять светлую теплую квартиру или купить в кредит домик с садиком, перевезти в него семью или завести новую, катать по автобану на

шикарном лимузине, хорошо зарабатывать и отдыхать на островах в Карибском море, есть омары и пить дайкири... словом, наслаждаться всеми прелестями свободного мира. А о прошлой жизни — забыть как о страшном сне.

И они тащили все, что могли, в комиссионные магазины, антикварные лавки и букинисты, а что нельзя было продать — дарили или отвозили на свалку... и, если бы можно было продавать свое прошлое, они продали бы и его. Или отдали бы даром.

Об этой панической распродаже были хорошо осведомлены оптовые торговцы стариной с западной части Германии. Они знали — она продлится не долго, сундук полупустой, и жадно снимали с «восточной зоны» последние сливки...

И мне, новоприезжему бедняку из Совдепии, оставившему все, что было дорого — книги, иконы, картины и рисунки вместе со всем остальным барахлом в брошенной в панике московской квартире, досталось несколько крошек с барского стола. Одной из таких крошек и была эта коллекция открыток. Две тысячи изображений, величиной с ладонь. В двух солидных картонных коробках. С золотым тиснением!

Не было у меня тогда еще ни денег на бары или путешествия, ни знакомых, ни книг, ни телевизора... поэтому я часто проводил долгие одинокие вечера в огромной холодной квартире, по которой гуляли как привидения сквозняки, завернувшись в мой старый плед, сидя в кресле с ногами, прихлебывал скверное какао из большой желтой кружки, ел гренки, слушал маленький приемник Sony и часами рассматривал эти открытки, закрывал, как мог, пробелы в моем образовании. Их было так много, что все они, все вместе сливались в одну зияющую дыру... из которой иногда высовывали свои подлые мины Маркс и Ленин. Переводил на русский названия и краткие описания с помощью привезенного из Москвы словаря. Приобщался так к чужой жизни. Фантазировал и мечтал...

И, как это часто бывает, мечты мои были интереснее и слаще всего того, что действительность могла мне дать. Но в этом конечно не виноваты, ни прекрасная Саксония, в кото-

рую занесла меня насмешница-судьба, ни ее жители, а только склад моего характера, мое отношение к жизни, настрой, позиция, которую я сознательно занял, короче, я сам... один я.

...

Мечты. Какие мечты?

Понятно, какие. Обыкновенные, детские. Ведь я, как ни старался повзрослеть, так и остался ребенком. Тело отяжелело, постарело, а душа... Так и не научился брать на себя ответственность за что-то, за кого-то... Поэтому я на старой родине никогда не делал карьеру и не собирался ее делать на новой, не женился, не завел детей. Инфантильный тип.

...

Вот у меня в руках открытка... изготовленная в небольшом фотоателье во Фрайберге, серебряной столице Саксонии. Застенчивая девушка печально смотрит в камеру. Нежные губки сжаты, волосы причесаны на пробор. Одеты во что-то светлое, легкое как облако... Я мечтаю... нет, не о том... а о том, что мы вместе посетим дрезденский оперный театр, послушаем «Кавалера роз» Рихарда Штрауса (слышал отрывки по радио). А в антракте полакомимся настоящими венскими пирожными (о них мне часто рассказывал шапочный знакомый, бывший венец). А потом, после театра, пойдем в гостиницу, в уютный номер с видом на Фрауэнкирхе, ляжем на кровать и там... Нет, нет... только прижмемся друг к другу щеками, обнимемся и заснем. Под ватным атласным одеялом.

...

Еще одна чудесная картинка.

Средневековый замок на скале. Могучие стены, башни, башенки...

Вокруг скалы — ров с крокодилами. Крокодилов не видно, но я знаю — они там, прячутся под зеленоватой ряской, они ждут неосторожного путника, ждут терпеливо... хотят откусить ногу или руку.

Где-то внутри, в зале с готическими сводами, как паук в центре паутины, сидит престарелый барон. Крутит на тол-

стом пальце магический перстень с Лунным камнем. Вокруг него — преданные ему рыцари, наложницы, шуты, жонглёры, челядь...

Пир горой. Катавасия. Гвалт. Пахнет жареным мясом, потом и хмелем.

Музыканты играют на лютнях, рыцари гогочут как гуси, кубки звенят, шуты танцуют, жонглеры жонглируют разноцветными шарами. Медведь на цепи рычит. Лают здоровенные псы. В потаенных щелях копошатся нетопыри.

Освещают сцену — коптящие факелы на стенах.

Барон смотрит на все это, прищулив хитрые глазки. Да, он стар и немощен, но он видит все... замечает каждое движение, легкую гримасу недовольства, руку, поглаживающую кинжал, фривольный взгляд... слышит каждое неосторожное слово, страстный шёпот, звон шпоры.

Он догадывается, что его юная белокурая жена, Изольда, изменяет ему с его воспитанником и любимцем Тристаном. Сердце его набухает черной злобой. И он бьет по дубовому столу своей каменной рукой. В пиршественном зале все замолкает, замирает, и барон объявляет о своем решении послать Тристана на битву с великаном Морольтом.

Тристан выходит из-за стола и встает перед бароном на колено. Объявляет о своей готовности вступить в неравный бой с великаном.

Изольда хватается за горло и падает в обморок.

Старинный недоброжелатель Тристана Кинварх угрюмый, гадко посмеиваясь в жидкую бородавку, предлагает другим рыцарям пари на двести золотых талеров. Он ставит на Морольта. В победу Тристана верит только верный Моруольк, носящий на груди, под кольчугой, медальон с кусочком копья Лонгина.

...

В тот вечер я опять сидел в кресле, завернувшись в плед, и рассматривал мою коллекцию открыток. Попивал горький какао. Да, из той самой глиняной чашки. Гренки не ел, потому что не было у меня дома ни хлеба, ни яиц, ни молока, ни сахара. И денег тоже не было, чтобы все это купить.

Из радиоприемника доносилась булькающая джазовая музыка, за окном лил дождь, ветер завывал так выразительно, как будто демонстративно мстил мне за что-то, в квартире было сыро и холодно, на душе было также. И как назло в руки ко мне попала эта синюшная фотография, ну со стеной. Картина моей жизни.

Надо было встать, изорвать чертову бумажку, а обрывки и клочки выкинуть в помойное ведро. Но и рвать и вставать и тем более тащится в грязную кухню мне было неохота.

Вместо этого я усталился на проклятую стену тупо и упрямо, как бык на мулету матадора. Стена, так стена...

Забыл, что нельзя так смотреть. Ни на что. Планы могут сместиться, а хрупкий конструкт нашего бытия — треснуть. А через трещину в наш мир может просочиться сингулярность. Тогда пиши пропало.

...

Да, усталился. И... заметил что-то.

Ничего особенного...

В правом нижнем углу фотографии появилась черт знает откуда маленькая дверка.

Или она там всегда была?

Деревянная, с витыми чугунными скрепами. И чуть-чуть приоткрытая.

Из-за дверки... да, оттуда... выглядывала носатая рожа. Ужасный ее глаз тарачился на меня.

Я с трудом проглотил слюну, не удержался и пощупал фотографию — там, где дверка и рожа. И сразу понял, что совершил ошибку. Что-то в мире вокруг меня сразу изменилось. Фиолетовые молнии пронзили пространство комнаты. Радио замолчало. Дождь перестал. И ветер утих. И еще... как будто далеко-далеко, вроде как под землей, запел какой-то хор. Мелодию трудно было разобрать...

Но испугался я только тогда, когда услышал сиплое хихиканье... и увидел прямо перед собой мужчину среднего роста, в сером пальто и фетровой шляпе, носатого и с вытаращенными глазами. Выглядывающая из-за двери рожа на фотографии явно принадлежала ему.

— Какого лешего? Как вы вошли? Убирайтесь!

Я прокричал это, твердо зная, что мои крики никакого впечатления на моего inferнального гостя не произведут.

И действительно, человек в пальто не смутился. Похихикал еще немного, помолчал, почмокал, а затем произнес тоже сипло: Извините, сударь, не хотел вас пугать. Вы сами меня позвали и открыли дверь.

— Входную? Не открывал я ее. И вас не звал.

— Все еще не понимаете? Такие как я не приходят без приглашения... через входные двери... другую-с.

— Какую «другую-с»? На открытке что ли? Не надо тут комедию ломать, Мефистофеля разыгрывать... и перестаньте наконец тарашить на меня глаза, это невыносимо. Я не бегемот и не страус, а вы не в зоопарке.

— Ну это как сказать. Это я насчет зоопарка... для меня весь ваш смешной мирок — зоопарк, да-с.

— Что вам надо?

— Мне? Обижаете. Ничегошеньки мне от вас не надо. А вот, что вам от меня понадобилось, об этом подумайте, господин хороший. Хорошенько поразмышляйте... от этого будет зависеть ваша последующая жизнь. Нельзя тревожить повелителей четверга напрасно. Назад пути нет. А я пока пойду на кухню и приготовлю гренки. Кто-то ведь должен и гренки жарить. Не все могут часами в себе копаться.

Я не знал, как быть. Выгнать силой этого типа из моей квартиры я не решался. Трусил. Кроме того, я, поразмышляв, пришел к выводу, что действительно позвал его сам. Именно тогда, когда пощупал это злосчастное фото. Потер лампу Аладдина.

Через минуту он появился. В руках он нес дорогой серебряный поднос, на нем лежала тарелка с горкой свежеподжаренных гренок... рядом с ней несколько маленьких мисочек с мармеладом, две чашки кофе, ложки, вилки, ножи, сахар в затейливой сахарнице, сливочное масло, сливки...

Очевидно не жарил он гренки и кофе не варил.

Поднос он ловко поставил на столик рядом с мной и, не дожидаясь приглашения, сел в кресло напротив меня, положил ногу на ногу, и галантным жестом предложил мне отведать своей стряпни.

Я машинально кивнул, подхватил вилочкой гренку и откусил кусочек. Как вкусно! Хлебнул ароматного кофе. Роскошь.

Перед глазами опять показались фиолетовые молнии. Мне почудилось, что потусторонний хор запел громче, что эти странные звуки обволакивают меня... и я вот-вот провалюсь в адские глубины...

Пересилил себя. Не закричал, а из последних сил промямлил: А вы, что же...

— Спасибо. Я на работе никогда не ем и не пью.

— А вы на работе?

— А вы что... подумали, что я турист?

Как в беспамятстве съел все гренки и мармелад и выпил обе чашки кофе.

Сидевший напротив меня человек не стал убирать поднос, а только прикоснулся к нему указательным пальцем правой руки, и поднос со всем тем, что было на нем, исчез. Фокусник? Фокусник. Повелитель четверга.

— Ну вот, теперь вы по крайней мере сыты... надеюсь, у вас в голове прояснилось... Итак?

Набрал побольше воздуха в легкие... хотел начать изда-лека. И тут же ужасно закашлялся. И кашлял минуты три. Вот досада!

А мой собеседник, пока я кашлял, почему-то качал головой и аплодировал.

Откашлявшись, заговорил.

— Вы, наверное, думаете, что я полный идиот, приспособленец, антигерой и все такое. И вы правы. Но даже я понял, кто вы. Еще до появления серебряного подноса... Да, я позвал вас, потому что моя жизнь пуста и гнусна, и надежды на то, что она будет другой, у меня нет. Хоть бы капельку счастья!

Неожиданно для себя самого я всхлипнул.

— Но теперь, когда вы тут... мне кажется, что я спятил, извините, хор этот... тащит меня в ад. Я не в состоянии что-то объяснить.

Тут мой собеседник меня прервал.

— Прекрасно, прекрасно. И не надо объяснять. Все, что вы собираетесь мне сказать, мне хорошо известно. Вы все так похожи друг на друга. Формальности соблюдены. Вы попросили о помощи. Не хочу больше обременять вас своим присутствием. Вот, возьмите эту игрушку. Поможет. Будьте с ней осторожны. До встречи!

Человек в пальто исчез. На столике, там, где до этого стоял поднос, лежала небольшая изящная вещица. Зажигалка! Судя по внешнему виду и тяжести — золотая. Корпус ее был покрыт арабской вязью. Чернь.

...

Через десять минут после его исчезновения, уже не верилось в то, что он тут был.

Единственным доказательством его прихода, помимо зажигалки, было приятное воспоминание о гренках и кофе...

Появился как джинн из бутылки после того, как я фотографию потрогал?

Абсурд!

Где кстати эта чертова стена? Мой портрет.

Искал, искал, но так и не нашел. Наверное, он забрал фото. Туда и дорога.

...

Вертел, вертел в руках зажигалку, но не решался зажечь.

Может, это как в сказке — огниво? Я зажгу... и прибегут собаки с глазами как блюдце?

Дадут денег... или сожрут.

А вдруг я тоже исчезну? Или он превратит меня в шкаф. Или в серебряный поднос. Откуда-то он взялся! Или произойдет что-то еще более ужасное...

Будьте с ней осторожны. С вещицей. Так он сказал. Ну и что это значит?

Все, что угодно.

Как же стыдно так раскваситься перед этим... повелителем четверга.

Капельку счастья захотел...

Поможет. Как поможет?

Очень тянуло попробовать зажигалку в деле. А вдруг?

Некоторое время боролся с собой. Но быстро понял, что все равно сделаю это, поскольку предрешено, и решил принять меры предосторожности. И принял.

Надел брюки, рубашку, куртку... обулся в мои любимые ботинки фирмы Саламандр... сунул на всякий случай во внутренний карман куртки немецкий паспорт беженца, другого у меня не было... мало ли куда меня занесет.

На шею повесил крестик, а к рубашке прикрепил значок с звездой Давида.

Устроился в кресле поудобнее, прокашлялся, попросил Всевышнего быть со мной понисходительнее и нажал на рычажок дрожащим большим пальцем...

Помолвка

Иногда трудно вспомнить, кто ты, понять, где ты находишься, и что с тобой происходит.

Особенно тяжело это для путешественника, давно покинувшего наш бренный мир и блуждающего в лабиринтах сумеречной зоны, состоящей, как известно, из отражений, имитаций и повторов.

Да, да, уважаемые дамы и господа, я давно догадался, что и я и все мое окружение — только отражение, имитация и повторы.

Это знание сделало меня недоверчивым, осторожным. Оно поселило в моем сердце страх. Страх и ожидание тягостных чудес. Которые обычно не заставляют себя слишком долго ждать.

Как только слышу краем чуткого уха тот щемящий, как бы потусторонний звук... тут же сосредотачиваюсь как снайпер, напрягаюсь, потому что по опыту знаю, сейчас все изме-

нится, и я сам тоже изменяюсь и окажусь неизвестно где, неизвестно когда, и главное — в непонятно каком образе, в непонятно каком положении.

Перед тем, как направить меня — в роли палача, разумеется — на классическую бойню, монсеньор решил немного позабавиться «в современности». Выставить меня похотливым пошлым дураком. Удалось это ему с блеском. Не хотел никому рассказывать об этом, но обстоятельства заставили.

...

Началось все с того, что я вновь услышал тот звук.

Только что валялся на пляже в Бланесе, прихлебывал местную кофу, наслаждался легким бризом и читал фельетон в Шпигеле. Про этого чудака, который устроил скандальный перформанс в парижском театре. С поющими в хоре силиконовыми секс-куклами, с механическим сыном, онанирующим рядом с мастурбирующей механической матерью, и комнатой-вагиной. Там еще голый девяностолетний Сталин плясал... а затем долго испражнялся в ведро и лил его содержимое на головы публике.

Как вдруг... я уже сижу за праздничным столом, а вокруг меня все хрусталиями сверкает, ножами и вилками стучит и челюстями поскрипывает. Ем паштет из страусиной печени. Крохотной такой серебряной ложечкой. Заедаю тушеной морковкой и рисовым кускусом.

За окнами — знакомые берлинские ландшафты.

Дурацкая телебашня торчит прямо перед носом.

Неуклюжий прямоугольный Бундестаг давит землю как исполинская гранитная глыба.

Небоскребы на Потсдамской площади режут пространство своими острыми боками.

Вдалеке виднеются башни-гостиницы у Цоо.

Стало быть, нахожусь я на верхнем этаже высокого отеля на Алексее. Как же называется эта идиотская коробочка, гордость гэдээровских архитекторов? Вроде «iN». Забыл. Наплевать.

Итак, сижу я в банкетном зале за большим столом и ем паштет.

А напротив меня сидит — Азалия, резвая девушка лет восемнадцати. Мы празднуем нашу помолвку. Справа от Азалии — ее отец, бывший полицейский с квадратным лицом и чудовищными скулами, слева — ее без умолку тараторящая мамаша с длинным и толстым, торчащим из щек как репа, носом, бывшая бухгалтерша футбольного клуба.

И еще тут, передо мной — две подружки невесты и один друг, два ее коренастых брата с нацистской стрижкой, толстая несовершеннолетняя сестра-кокетка, тетушки, похожие на куриц-хохлаток, дядюшки-пингвины, два деда в синих, с золотым галуном, униформах рудногорских стрелков с допотопными мушкетами в руках, одна бабушка-вышивальщица в национальной одежде лужицких сербов и еще одна бабушка, тоже вышивальщица и тоже в национальной одежде, только в какой-то другой.

Я только что вручил Азалии платиновое обручальное колечко с бриллиантом в открытой розовой коробочке. Азалия наградила меня демонстративно ласковым взглядом, поцеловала... Надела кольцо на сахарный безымянный пальчик левой руки и, нарочито смущенно улыбаясь, продемонстрировала его своим родным.

Отец Азалии перестал есть, вытер жирные губы платком с цветастой вышивкой, встал, поднял бокал с белым вином и проговорил, то и дело переводя масляный взгляд с дочери на меня и похрустывая скулами: Милые дети, как же мне приятно на вас смотреть, теперь вы обручены, какая радость для нашей семьи, принять в нее такого чудесного человека! Будьте счастливы, дети! И не тяните с свадьбой! Попируем на славу...

Потом слово взяла мать Азалии. Говорила она на ужасном диалекте, который я не понимал. Затем выступали обе тетушки, щебетали подружки, нечто невразумительное промямила сестра, дежурно побасили братья, покашлиали и похрипели деды, пошамкали бабушки-вышивальщицы... В самом конце выступил друг, одноклассник Азалии, он смог произнести только несколько слов, затем с яростью посмотрел на меня, покраснел, заплакал и сел. Бедняга.

Заметил, что по потолку банкетного зала в мою сторону ползет отвратительное чудовище, похожее на слизня или гусеницу. Кроме меня его видимо никто не видел.

Я встал, с достоинством поклонился невесте и ее родителям, кратко извинился и пошел к двери. Перед тем, как покинуть зал, обернулся и заметил, что на многих лицах появилась гримаса удивления и неудовольствия. Братья нервно кусали пальцы, бабушки-вышивальщицы нетерпеливо стучали сухими кулачками по праздничному столу, дедушки заряжали свои мушкеты. А расплакавшийся юнец-одноклассник подошел к Азалии и что-то заговорщицки страстно шептал ей на ухо. Она кивала. Слизень на потолке выпустил из пасти щупальца-языки и раскрыл темные перепончатые крылья.

В коридоре спросил официанта, где тут туалет. Тот посмотрел на меня сочувственно, взял под руку и проводил до комнаты с писсуарами. Сказал: Ах ты, бедолага, в какую трясиину влез! Теперь не вылезешь! Никогда! Облегчись и делай ноги, пока не поздно. Они ведь и летать умеют.

Официант показал руками, как они летают, отклонялся и исчез, но из туалета не вышел, а влез в хромированную урну для мусора и окурков и там затих.

...

Вымыл лицо холодной водой и посмотрел в туалетное зеркало.

Отвислые щеки, бугристый нос, скверные оранжевые зубы, лысина, нездоровые красные пятна на щеках, воспаленные глаза, морщины, прыщи. Обрюзгшая образина постаревшего рефлектора, обжоры и ловеласа, никогда в жизни не работавшего, испортившего жизнь всем, кто к нему приближался, ничего не добившегося и потерявшего все, что имел. По виду — лет шестьдесят восемь.

Не могу утверждать, что этот портрет меня сильно обрадовал. Хотя... ничего, что есть, то есть, бывало и хуже.

...

Погодите, погодите... почему же и Азалия и ее отец, и мать и даже ее хмурые братья смотрят на меня с восхищением, подобострастно даже? На гадкого жирного старика-сладострастника? На зеркало своих и чужих пороков?

Из-за этого скромного колечка? Вздор!

К сожалению, предыстория моих отношений с этой семейкой мне неведома. Таковы правила кармической игры. Очутившись в новом лабиринте, ты узнаешь только то, что тебе необходимо знать в текущий момент. То, что было вчера — в этой вселенной как бы не имеет право на существование. Даже на фиктивное. Расспрашивать о нем, рыться в архивах и просто вспоминать — странникам вроде меня — запрещено под страхом немедленной аннигиляции на всех уровнях.

Может быть я решил пошутить, и выдал себя за двоюродного брата русского олигарха-миллиардера, которому тот поручил надзор над берлинской недвижимостью и акциями и положил в карман на мелкие расходы несколько миллионов евро? И они мне поверили, приманили смазливой школьницей и теперь нетерпеливо ждут, что я одарю их после свадьбы щедрыми подарками. Хотя, почему после свадьбы? Сегодня, сейчас. Оттого они и скорчили недовольные мины, когда я вышел.

...

Что же делать? Возвращаться в банкетный зал? Там крылатый слизняк на потолке.

Я ведь даже толком не знаю, кто я. Не знаю своего имени, не знаю, есть ли у меня состояние, машина, дом, квартира или хотя бы комната. Куда я поведу Азалию после свадьбы? Где проведу сегодняшнюю ночь?

Пошарил по карманам — ни бумажника, ни ключей... Ни от квартиры, ни от автомобиля.

Нашел только две дюжины двадцатицентовых монеток, использованный носовой платок и стеклянный шарик.

Бездомный-нищеврод? Судя по одежде, нет.

Решил, как Тереза Мэй во время брексита, потянуть время — побродить четверть часика по отелю, подумать и поглазеть на город с высоты. Авось решение само, как летающая рыбка, вынырнет из глубины подсознания и упадет мне в руки. Или судьба все решит за меня, и мне останется только подчиниться.

Подумать и поглазеть на город не вышло, потому что неожиданно в конце коридора появился один из братьев Азалии. Он явно кого-то искал, посверкивающий на пальцах его правой руки кастет и тупое злобное лицо не предвещали ничего хорошего. В другом конце коридора — замаячил второй братец, тоже с кастетом.

Вскочил в открывший как раз в этот момент двери лифт. Поехал вниз.

Кроме меня в кабине находилась одна молодая женщина с дорогим жемчужным ожерельем на матовой шее и роскошными рыжими волосами, собранными в пучок. Ожерелье свое она то и дело поправляла, а пучком беспокойно встряхивала.

Женщина эта дерзко взглянула мне в глаза, прищурилась и прошипела: Что, женишок, от невесты драпаешь? Сдрейфил, миллионер дутый? Шарлатан! Не забудь о 24-м августа, негодай!

После этого превратилась в кобру, высоко подняла страшную голову с открытой розовой пастью и двумя жуткими закругленными зубами. Боднула воздух...

Инстинктивно нажал на кнопку «стоп». Лифт замер со скрежетом и треском и открыл двери. Я, не глядя по сторонам, выпрыгнул из лифта и побежал прочь. Подальше от этой змеюги.

И — на тебе — чуть не свалился с обрыва! Какой-то господин схватил меня в последний момент за руку и не дал упасть. Я уже висел над пропастью.

Не знаю, что произошло... я стоял на краю огромной заброшенной каменоломни, на дне которой было озеро. По нему плавали изящные яхты с белыми парусами и неуклюжие джонки. Рядом со мной стоял мой спаситель, мужчина лет сорока четырех в темно-вишневом костюме и скептически меня оглядывал. Как мясник — свежую коровью тушу, которую только что привезли с бойни.

Помолчал минуту и сказал: Превосходно! Я надеюсь, Гарри, ты не хочешь в день помолвки убежать от невесты. Или

покончить с собой. Это невежливо, монсеньор будет недоволен. Иди в ресторан, тебя там все заждались. Иначе мне придется тебя застрелить.

Мужчина вынул из кармана пиджака автоматический пистолет и гадко щелкнул по нему ногтем указательного пальца левой руки.

Я испугался, но виду не подал, решил схитрить и прикинуться смущенным дурачком. Был бы я насекомым, упал бы и задрал ножки кверху.

— Разумеется, разумеется поднимусь, я только в туалет вышел, потому что слизняка на потолке увидел, а потом, сам не знаю как, попал в лифт. Братья с кастетами, женщина-змея с ожерельем, а тут обрыв... Спасибо за то, что спасли мне жизнь! Кстати, что это за каменоломня такая?

— Какая каменоломня? Ту что, Гарри, переел страусиного паштета? Посмотри, вон, внизу лобби... а мы стоим на третьем этаже галереи. Отсюда открывается чудесный вид на скульптурный сад. Это знаменитая коллекция Менделя Гурвича. Даже Генри Мур есть. Вон, видишь, две фигуры без голов? И Джакометти. И бойсово полено валяется. А чуть дальше, у входа — гляди — самолет из спрессованных консервных банок.

— Вижу.

— Хочешь, чтобы и тебя спрессовали? Иди наверх.

Не знаю, почему, но я решил довериться этому вишнево-му скептику с пистолетом.

— Я бы пошел, но у меня проблема.

— У таких как ты всегда проблемы.

— Я старый и гадкий, а невеста — куколка.

— Об этом не беспокойся, Гарри, ты для всех них — красавец писанный. Молодой, энергичный и в костюме от Гуччи. Тебе тридцать пять лет, ты менеджер компьютерной фирмы.

— Какой кошмар... Они все там от меня подарков ждут, а у меня ничего нет. Мне стыдно. У меня в кармане только мелочь, носовой платок и стеклянный шарик.

— Стыдно? Я думал, это чувство тебе незнакомо. Там, где есть стыд, есть и надежда. Ладно, покажи свою мелочь.

Я достал двадцатицентовые монеты, платок и шарик из кармана... и, о чудо! Сверкнуло золото. У меня на ладони лучились старинные дублоны, эскудо, луидоры. Вместо платка у меня в руках оказалась толстая похрустывающая пачка ценных бумаг Немецкого банка. А шарик — превратился в темно-синий сапфир-кабошон размером с яйцо гуся.

— Как же тебе не стыдно лгать, Гарри? Этот легендарный камень имеет имя — Око Афродиты. Он как бы смотрит каждому в душу. Говорят, и желания исполняет. Люди платили состояние только за то, чтобы раз в жизни увидеть его и поддержать в руках. С его помощью безумный император Рудольф хотел воскресить своего льва, а Наполеон, укравший его в Вене, вернуться с острова Святой Елены. Он стоит больше чем Боинг 747. Отдай его невесте, когда вы будете наедине. Кстати... каждая из этих монет стоит больше тысячи евро, а некоторые из них стоят больше, чем твоя паршивая жизнь. А ценные бумаги стоят больше чем сотня жизней таких как ты. Отдай все это родственникам невесты, пусть потешатся и пожируют вволю. Ими монсеньор займется позже, на десерт, так сказать. Последний раз говорю, возвращайся в банкетный зал!

Он опять направил на меня пистолет. Я спрятал камень, деньги и бумаги во внутренние карманы пиджака, вызвал лифт и уехал наверх.

В лифте опять встретил ту... с жемчугами и пучком рыжих волос на голове.

На сей раз она была неразговорчива. Пучком не трясла, ожерелье не поправляла, в кобру не превращалась. Сухо кивнула мне, когда я вошел и вышла на двадцать первом этаже, даже не посмотрев в мою сторону.

...

У входа в ресторан мне показалось, что воздух стал настолько плотным, что я не смогу сквозь него продрасться. Я волновался как школьник перед экзаменом. Открыл дверь, заглянул внутрь.

Слизняк исчез. Невеста и ее близкие сидели на своих местах. Никто из них однако ничего не ел, не говорил, не двигал-

ся. Все напряженно смотрели на меня. Как радары на подлетающие самолеты противника. Тишина была полная, не слышно было даже дыхания.

Я заставил себя обаятельно (уж как смог) улыбнуться, поклонился, пошаркал ножкой и с трудом выдавил: Вот и я! Соскучился по моей красавице и по всем вам!

Ожидал вызвать всплеск эмоций, услышать приветствия, шутки...

Ничего этого не было, все по-прежнему мрачно и напряженно смотрели мне в глаза. И не двигались, не говорили, не улыбались, не дышали. Некоторые не скрывали ненависть и презрение ко мне. Особенно злую рожу скорчил друг-одноклассник.

Машинально сел на свое место. Съел ложечку паштета. Глотнул вина.

Ничего не изменилось.

В голове у меня зазвучали голоса. Монсеньор спросил: Ну что, так и будем играть в молчанку? Чего он медлит? Почему не передает им подарки?

— Может быть, он решил прикарманить камешек, золотишко и бумаги и потихоньку смыться? В своем новом костюме. Менеджер...

— Как же они поверхностны и суетны! Не лучше павлинов. Нет, он конечно глуп, но все-таки не такой болван, чтобы надеяться на то, что это ему удастся. Кстати, где ваш помощник?

— Шевалье на посту, монсеньор! Сторожит снаружи. Идея дать Гарри Око Афродиты принадлежит ему. Сколько усилий пришлось приложить, чтобы найти и отобрать его у нынешнего владельца! Если ваш подопечный решит еще раз выйти из банкетного зала, шевалье его с превеликим удовольствием пристрелит. А потом оживит и отправит в августовский Париж... как вы приказали...

— Ах, любезный маркиз, часто вспоминаю эти баснословные дни, и сердце вновь трепещет, того и гляди — прослежусь. Никогда не забуду, как Черная королева разгуливала среди обнаженных трупов и брезгливо трогала их кончиком туфельки.

— О да, монсеньор... это было по-королевски. Устроить резню, чтобы сохранить династию.

— Разве сейчас властители лучше?

— Как вы могли подумать, что я придерживаюсь такого мнения, мой господин? Такие же надутые червяки какими были раньше. Только костюмы и платья изменились, стали куда беднее и проще. А амбиции и методы — те же.

...

Понял, что отступление невозможно и решил отдаться на милость победителей.

Встал и сказал, обращаясь к отцу невесты: Почту за честь войти в вашу прекрасную семью! Постараюсь сделать вашу дочь счастливой.

Затем обратился к матери Азалии: Надеюсь, что через несколько лет вы, мадам, сможете помянуть здоровых и милых внуков!

После этого одарил добрым взглядом всех сидящих на другой стороне стола и торжественно провозгласил: Хочу вручить вам на память об этом прекрасном вечере скромные подарки!

И полез в карман...

Гром аплодисментов потряс зал. Лица гостей сияли, некоторые плакали.

Я вручил каждому по золотой монете и по две ценные бумаги. Остаток отдал отцу Азалии как бонус. От радости он так выпучил глаза и покраснел, что чуть не получил удар.

...

После небольшого перерыва, посвященного разглядыванию монет и ценных бумаг, родные и близкие Азалии как-то неправдоподобно быстро очистили стол от яств и раздвинули его. Откуда-то приволокли ширмы, громадный матрас, подушки и шелковое постельное белье.

Как по мановению волшебной палочки обеденный стол превратился в брачное ложе. Помогли нам — Азалии и мне — освободиться от обуви и забраться на него.

Ложе обставили ширмами. Расставили вокруг ложа стулья, уселись на них, взяли за руки, образовав что-то вроде живого круга, и монотонно запели какую-то народную песню. С бесконечным количеством куплетов.

Я никак не ожидал такого развития событий. Тревожно спросил у подозрительно холодно смотрящей на меня Азалии: Милая, они что, хотят, чтобы мы при них...

— Как будто тебе это не все равно, Гарри. Они же нас не видят!

— Но слышат!

— И не слышат. Они поют и будут петь до тех пор, пока ты не перебросишь через ширму белое полотенце с кровавыми пятнами. Вот это.

— Господи! Я что, должен тебя зарезать?

— Какой ты смешной! Как ребенок. Ты должен доказать им, что я была девственницей, а теперь перестала.

— А если ты... ну, понимаешь... не девственница?

— Тогда тебе придется зарезать голубку... смотри... вот клетка с птицей и ножик.

— Азалия, милая, ради бога, что все это значит, что это за варварство?

— Это не варварство, а старинный обычай.

— И про голубку все знают?

— Знают.

— И все-таки хотят увидеть окровавленное полотенце?

— Хотят. Раньше и ширмы никакие не ставили. И не пели. А смотрели, а затем, и сами...

— Что сами?

— Какой ты несмышленный! И сами начинали заниматься любовью. Чтобы жизнь продолжалась!

— Погоди, но мы же даже не женаты, только помолвлены.

— Это больше не играет никакой роли. Ты дал мне кольцо, я тебя поцеловала, ты вручил за меня выкуп семье. Теперь я твоя. Иди ко мне и сделай меня женщиной.

— Погоди. Вот, у меня есть для тебя еще кое-что. Это сапфир Око Афродиты. Ему нет цены. Если я умру, продай его, купи себе дом и живи счастливо.

— Как трогательно и не похоже на тебя!

— Что делать! Нам всем время от времени приходится выходить из роли.

Я протянул Азалии камень.

Азалия посмотрела на него и задрожала. Не верила своим глазам. Так опьяняюще красив был камень.

Даже не поблагодарив меня за подарок, жадно выхватила Око Афродиты у меня из рук. Поцеловала его и тихо что-то прошептала, а затем передала его кому-то через щель между ширмами. Мне показалось, что я узнал руку, взявшую его.

...

Мы разделись.

Я попытался обнять Азалию и поцеловать в губы, но она грубо отпихнула меня и проговорила раздраженно: Не хочу я твоих слюнявых ласк. Делай свое дело побыстрее. Я хочу домой.

Затем решительно и по-деловому положила мои руки на свои маленькие смуглые груди, широко раздвинула худые точеные бедра... а потом, убедившись в том, что я готов к бою, обхватила меня ногами и сама, как игольчатое ушко на нитку, наделась на мой член.

Это причинило ей боль. Азалия громко застонала...

По щекам ее потекли слезы.

Я кинул полотенце с двумя пятнышками крови за ширму. Семья Азалии отозвалась радостным воем.

Я жалел девочку, но сдержать себя и остановиться был уже не в состоянии. Мне так ее хотелось!

Начал скачку медленно. Потом увеличил темп.

Закусил удила и скакал, и скакал на огненном скакуне, пока не врезался в Солнце.

Моя невеста, вместо того, чтобы обнять меня и улыбнуться, злобно укусила меня в плечо. Потом еще раз — в руку. Да так сильно сжала зубы, что вырвала кусочек кожи.

А затем... я заметил в ее руке нож...

Она вонзила мне его в горло и прохрипела: Ненавижу тебя, проклятый старик, меня не купишь! Я люблю другого и буду ему теперь верна до самой смерти.

Видимо, человек в вишневом костюме сказал мне не всю правду.

Перед тем, как умереть, я опять услышал тот звук. На сей раз он был похож на тихий свист.

...

Я шел по другому лабиринту сумеречной зоны и уже забыл и об Азалии, и о ее семье, и об отеле с каменоломней.

Вышел на рыночную площадь старого Парижа.

Что там творилось! Повсюду валялись трупы, ошалевшая чернь срывала с мертвых одежду. На наскоро сколоченных виселицах висели повешенные. Католики не щадили ни пожилых людей, ни женщин, ни детей. Недорезанных добивали палками. Беременным вспарывали животы...

Сквозь какофонию смерти как бы из-под земли до меня доносился низкий хохот монсеньора.

В правой руке я держал окровавленный меч, в левой — только что отрубленную голову знатного гугенота.

Комната исполнения желаний

Прошло месяцы или десятилетия, о которых я не могу вспоминать без стыда.

Надо кое-что объяснить. Остался во дворце я тогда не потому, что меня так уж привлекала комната исполнения желаний или служба у монсеньора. Просто мне очень не хотелось возвращаться в мою прошлую немецкую жизнь. К тому же меня мучило любопытство. Что еще скрывает дворец? Тогда я еще не понимал, что некоторые двери лучше не открывать.

А комната? Что она могла мне дать, кроме того, что я уже получил?

Яйца Фаберже? Корону королевы Елизаветы?

Похотливую грудастую негритянку из Гаити с двойной порцией Виагры и ВИЧ-инфекцией в придачу?

В юности я хотел разбогатеть, стать светским львом, купить виллу в Калифорнии с теннисным кортом, бассейном и джакузи, устраивать там шикарные парти. Сорить деньгами, блистать... вступать в связи с голливудскими дивами.

Ну вот, попробовал и это.

Увы, это тоже не для меня. На парти я чувствовал себя чужаком, самозванцем, вором. Болела голова. Поддерживать их разговоры ни о чем я не мог, блистать не получалось. Привлеченные моим богатством люди льстили мне в лицо, а за спиной у меня злословили и зевали. Дивы разделяли со мной постель, но презирали и ненавидели. Мужчины пытались шантажировать. Все — кто как мог — жадно вымогали у меня деньги.

Стал диктатором в одной латиноамериканской стране. Через три дня меня отравили крысиным ядом мои же охранники.

Стал королем Бенина. Меня свергли и продали в рабство...

Стал — только на часок — матерью Терезой. До сих пор тошнит.

Побывал на Луне и на Марсе. Мерзкие места.

Научился играть на губной гармошке блюз как этот беззубый негр, Сани Бой Виллиамсон второй. После получаса игры осточертело.

Побывал в Иерусалиме в последние дни и часы земной жизни Иисуса Христа. Наконец-то понял, что же тогда на самом деле произошло. И поклялся никому об этом не рассказывать. Христиане все равно не поверят, неверующим все равно.

Вмешался в текущие политические события на моей бывшей родине, раздавал деньги нищим в Африке, оплатил постройку новой библиотеки в Канберре — но ничего хорошего из всего этого не вышло.

С меня довольно!

Комната эта — ловушка для глупцов.

Нет, нет, дорогие обитатели дворца, я не шут гороховый и не стану больше изображать вам на потеху гиганта секса, мессию, гуманиста, борца, мецената, Герострата или собирателя сокровищ на земле. Увольте.

Убрал все новоприобретенное и вернул своей каморке ее первоначальный размер и вид.

И вот... который год уже сижу по-турецки на циновке из соломы голый и босой и смотрю на стоящую передо мной свечу в глиняном подсвечнике.

Пламя ее дрожит как испуганный кролик.

Палач

Не знаю, сколько еще времени прошло.

Дверь в мою камеру со скрипом открылась...

Передо мной стоял узколицый человек в длинной темной сутане с белым воротничком и внимательно смотрел на меня через круглые очки. Мне казалось, что он просвечивает мой мозг, читает мои мысли.

Через минуту монсеньор сказал густым низким голосом: Браво, Гарри! Не ожидал... вы выдержали испытание. Надеюсь, вы не обманываете меня. Это было бы недальновидно. Пойдемте, я хочу вам кое-что показать. То, что вы напрочь забыли.

— Поверьте мне, монсеньор...

— Довольно, Гарри. Ничего странного не замечаете?

— Вы имеете в виду коридор?

— О да, как вам нравится его новый вид?

— Декорация к фильму ужасов.

— Именно так. А там, куда мы направляемся, будет еще страшнее.

Коридор был выкрашен темной краской. Освещали его массивные бронзовые торшеры в виде горбатых мальчику-уродов, держащих в руках черные свечи, горящие синеватым пламенем.

— Такой вид придал ему один из посетителей комнаты. Материализации его желаний остались в памяти моего дома. Как бы вам это объяснить... Они похожи на ваши голограммы. Мы почти на месте. Видите эту спиральную лестницу? Она ведет в подземелье.

Перед нами зиял конический, вершиной вниз, колодец. Подземная башня!

По краям ее вилась лестница. И ее освещали бронзовые торшеры, на сей раз — в виде нагих худых девочек, державших в ручках розовые свечи.

Мы прошли девять пролетов, каждый из которых, я считал, имел семнадцать вырубленных в граните ступенек. Стояли на мраморном дне колодца, украшенном большой золотой пентаграммой с непонятными мне знаками.

Спутник мой неожиданно положил свои ледяные руки мне на плечи и сурово посмотрел мне в глаза. Лицо его на мгновение представилось мне отвратительной козлиной мордой, украшенной изогнутыми бараными рогами.

Я узнал Большого козла...

— Вы готовы?

— Да, монсеньор.

— Тогда пошли.

Он отпер низкую тяжелую дверь... и до меня донеслись истошные детские крики и хриплые мужские стоны.

Мы оказались в зловещем подвальном зале с таким низким потолком, что я мог достать до него рукой. В зал выходили тюремные двери.

Мне было холодно и жутко. Я подозревал, что меня привели сюда не для развлечения.

Монсеньор подошел к одной из дверей и жестом пригласил меня посмотреть в узкое прямоугольное отверстие. Я ожидал увидеть тюремную камеру, но увидел уютную спальню с необъятной семейной кроватью. На этой кровати...

На этой кровати совокуплялись мужчина и женщина. В миссионерской позе. Женщина стонала, похоже, она была близка к высшей точке наслаждения. Мужчина пыхтел...

Я хотел отойти от двери, но властный и гневный взгляд монсеньора заставил меня вновь приникнуть к отверстию. Женщина сказала своему партнеру ломающимся от страсти голосом: Прощу тебя, приведи дочек...

Мужчина принес на руках из другой комнаты в спальню двух заспанных девочек. Младшей было около трех лет, старшей — около пяти. Он посадил их на кровать и тут же прибли-

зился к женщине. Та обняла его бедрами и прижала к себе. Девочки были явно смущены, но не испуганы, на их покрасневших рожицах читалось любопытство.

Я не осуждал этих людей... не мое дело. Закрыв глаза. Монсеньор как-то узнал об этом и, неожиданно для меня, дал мне увесистую затрещину. Пришлось глаза открыть. Мужчина кончал... прыскал спермой на...

Я опять закрыл глаза и получил еще одну затрещину. Отбежал от двери и попытался ударить монсеньора кулаком в его козлиную морду. Тот ловко увернулся, как матадор от быка, усмехнулся и как-то особенно посмотрел на меня. И тотчас неодолимая сила подняла меня и приклеила к тюремной двери, как обои к стене. Оба моих глаза были открыты и зафиксированы как у юного злодея Алекса из «Заводного апельсина» во время сеанса перевоспитания.

На семейной кровати происходили ужасные вещи. Отец привел в спальню двух больших собак. Мать принесла бельевую веревку, длинные иголки и плети. Девочек связали...

Минут через десять я испытал нечто вроде коллапса всего существа.

...

Как бы сквозь сон услышал голоса монсеньора и маркиза.

— Как вы думаете, дорогой маркиз, он подойдет? Увидел капли крови на ляжке ребенка... и сознание потерял.

— Признаю, монсеньор, он чувствителен. Это, надеюсь, придаст представлению особую пикантность. Вы же не хотите, чтобы эту деликатную миссию выполнил какой-нибудь грубый солдафон с ослиным голосом и внешностью Приапа?

— Нет, конечно, но и чрезмерно чувствительной мимозе тут делать нечего.

— Полагаю, он сильнее, чем вы думаете, сильнее и жестче, чем он сам о себе думает... Согласитесь, далеко не каждый способен наслаждаться теми милыми шалостями, которые вы ему показали, а потом вести себя так, как будто он видит подобное впервые, да еще и в обморок упасть. Кстати, вы поверили в его отказ от желаний?

— Как вы можете спрашивать такое? Конечно, нет. Гарри умеет, почуяв жареное, прятаться за различными масками... и заговаривать самого себя подходящими трюизмами. На сей раз он выбрал Будду.

— И эта маска тут же приросла к его лицу. Не оторвёшь.

— О да. Потому я и согласился попробовать его в деле... Ему нужно помочь надеть правильную маску. Попросите шеваляе поговорить с ним. У него это хорошо получается. И еще... пусть он немного подпалит Гарри шкуру... за то, что вздумал меня дурачить.

— Будет сделано, монсеньор.

...

Очнулся я в моей темной каморке. На кресте.

В кресле передо мной сидел шеваляе и зевал. Играл своим перстнем и слепил им мне глаза.

— За что вы меня мучаете?

— А ты до сих пор не догадался?

— Нет.

— А ты подумай. Вспомни хорошенько, чем ты на самом деле занимался в комнате.

— Я ничего не могу вспомнить кроме того, о чем вы уже все знаете. Гордиться особенно нечем...

— Правда? А о том, что ты видел в подземелье, ты тоже ничего не можешь мне сказать?

— Отпустите меня. Я не сделал никому ничего плохого.

— Как трогательно! Монсеньор не любит быть одураченным, а ты умудрился и его и всех нас обхитрить.

— То, что я видел в подземелье — гнусность. Я на такое не способен.

— Ты уверен, дорогой папочка?

Слова эти резанули меня как бритва. И я вспомнил. А шеваляе исчез.

Мне стало вдруг нестерпимо жарко. Крест мой запылал. Адское пламя обожгло мне кожу. А изнутри мою плоть уже грызли черви.

Сердце еле билось, омерзительный механический краб сжимал его своими металлическими клешнями. Воздух не хотел входить в легкие. Ядовитые змеи повисли на нижней губе, сосках и мошонке.

Да, я все вспомнил... вспомнил ту душную ночь в Сиракузах, когда бесстыжая молоденькая гетера отвела меня в этот страшный дом и посвятила там в тайны запретных наслаждений. С тех пор ядовитые и сладкие фантазии заменили мне реальный мир. Но никогда, никогда в той, реальной, жизни я не сделал ничего, для того чтобы они стали явью. А в волшебной комнате... да... да... *mea culpa*.

И вот теперь я в озере огненном.

...

Длинная когтистая лапа сатаны вытащила меня оттуда.

Монсеньор поднес меня к открытому рту, рассмеялся так, что весь страшный ад показался у него под языком, дунул на меня, и боль прошла...

Я очутился в украшенном фресками и золотой лепниной зале. С потолка вместо люстры свисал жернов на цепи. В зале я был не один, сотни мужчин, разряженных в одежды разных эпох, танцевали чарльстон...

Некоторых из них невозможно было не узнать. Недалеко от меня лихо отплясывала незабвенная парочка: Панург с Братом Жаном. Левее их пытели Шейлок с Фальстафом, правее — отбивали коленца милые мерзавцы Энколпий с Гитонном. За ними я заметил Савонаролу в черном одеянии и его тучного гонителя, папу Александра шестого в бордовой шапочке, рядом с которым танцевали его сыновья, небезызвестный Чезаре Борджиа и убитый им из ревности к сестре Джованни. Гектор и его убийца Ахилл забыли снять свои боевые шлемы, Одиссей зачем-то приволок сюда свой знаменитый лук, а один из женихов, Антиной, даже не удосужился вытащить из горла стрелу...

Я тоже танцевал. Вместо штанов на мне было полосатое трико с гульфиком и подвязками, поверх атласной белой ру-

башки я носил щегольскую короткую желтую куртку с разрезами. На поясе у меня висел длинный меч в ножнах. Меч мешал мне танцевать, но придавал уверенности в себе.

После окончания танца в середину зала вышел распорядитель бала с деревянным лицом, в волчьей шубе и короне из медвежьих зубов и объявил ужасным скрипучим голосом: А сейчас, дорогие члены братства Святого Флориана, попросим нашу театральную группу разыграть для нас в лицах сцену: Казнь святой Бландины и 43 лионских мучеников. В роли палача выступит специально приглашенный артист, Гарри... Поприветствуем его и других артистов аплодисментами!

Гром аплодисментов сотряс зал. Я вынул из ножен меч и грозно его поднял.

Дворец монсеньора

Ко мне подошел высокий человек в темно-вишневой тоге и сказал язвительно-приветливо: Приветствую тебя, Гарри. Хватит, хватит дико озираться. Вставай, я отведу тебя во дворец, тут нельзя долго сидеть, мирмидонцы из охраны могут тебя заметить и поднять на копье, они ненавидят таких как ты. Дааа... ты бы хоть трусы оставил, по коридорам дворца шагают нанюхавшиеся кокаина амазонки и сбежавшие из зверинца немейские львы. Они могут тебя неправильно понять и растерзать ненароком. Вот, возьми носовой платок, обвяжись. И еще... монетка при тебе? Да, та самая. Замечательно. Отдай ее привратнику, видишь, вон там у ворот стоит, с головой шакала, крыльями орла и ослиными ногами. Тут так принято. Когда будешь отдавать ему монетку, не смотри ему в глаза.

Так я и поступил.

Шакалоголовый принял монетку с Диоклетианом спокойно, но когда я уже уходил от него прорычал: Сгинь, чертова нежить! Провались в адское пекло, живорез!

Спутник мой взял меня под руку и прошептал: Не обращай внимания, не отвечай, иди дальше. Пусть себе скрежещет зубами, наводит страх на обитателей потустороннего мира — его прямая обязанность.

— А разве мы...

— Да, да, конечно, но не совсем. Все зависит от того, откуда смотришь.

— Чайка на пляже назвала меня убийцей, привратник — живорезом. Почему?

— Никто не знает, что происходит в головах у этих экзотических созданий... птиц и привратников.

...

Я проследовал за темно-вишневою тогой по широкому и высокому, увенчанному готическим сводом, коридору. Ни амазонок, ни львов не встретил.

Видел только группу горляющих что-то нагих карликов, промчавшихся мимо нас на трехколесных детских велосипедах.

— Это что же, ваши амазонки? На львов они не похожи.

— Нет, это лилипуты из свиты императора, торжественная церемония в банях закончилась, они и решили пошалить, откуда-то достали велосипеды...

— У вас тут, что и император имеется?

— Да-да, и не один. Позавчера Вильгельм второй вызвал на дуэль Максимилиана, отца Филиппа Красивого, после того как тот пошутил за праздничным столом над его короткой рукой и кривой шеей, кроме того ему не понравился его габсбургский нос. Пришлось разнимать.

Сидя на улице и глядя на фасад дворца, я представлял себе роскошную обстановку внутренних покоев, цветной мрамор, картины в тяжелых рамах, античные статуи, гобелены, чучела животных, рыцарские доспехи, старинные комоды, фарфор... но ничего подобного тут не было. Кирпичные стены коридора были лишь частично оштукатурены, тут не было ни статуй, ни картин, ни мраморной отделки, ни мебели.

— Не удивляйся, мы не в Музеях Ватикана и даже не в Замке этого невежи Херста. Мы в гораздо более интересном месте. Обитатели дворца не слишком ценят внешность, многие из них могут одним движением мысли изменить или создать новую обстановку своей комнаты и всего дворца. Смею

тебя заверить, на свете нет ни одной забавной вещицы, которую мы не могли бы заполнить. Это даже легче, чем найти нужное изображение в вашем интернете, хотя по сути процессы похожи. Вот недавно один шутник установил в своей комнате, рядом с кроватью, гильотину, на которой казнили обоих Робеспьеров и Сен-Жюста. Решил проверить, работает ли устройство, и отрубил себе руку. Пришлось пришивать.

— И я смогу повесить на стене в своей комнате «Джоконду»?

— Ты сможешь повесить в ней, если захочешь конечно, распятого вниз головой апостола Петра... Как гость монсеньора ты будешь обладать всеми правами. Кстати, комнату свою ты сможешь увеличить или уменьшить, придать ей любой образ. Можешь превратить ее в апартаменты Короля Солнце в Версале... Но не советую делать слишком дерзкие эксперименты. Я свою комнату оставил такой, какой мне ее предоставили... только кровать поставил и тумбочку. Даже обои клеить не стал. Зачем множить сущее без необходимости?

— Погодите, если я повешу «Джоконду» у себя над кроватью — она что же, там, в Лувре исчезнет со стены?

— Нет, нет, конечно не исчезнет, а продолжит себе висеть. В этом и фокус. Мы находимся в особом месте. Они там о нас и не подозревают.

— А прекрасных дам — я тоже в свою комнату смогу...

— Вызывать? Разумеется. И они тоже будут одновременно обниматься с тобой и продолжают жить своей обычной жизнью по месту постоянной прописки. Больше, больше... ты сможешь, не выходя из комнаты, путешествовать по различным мирам... сможешь материализовать у себя все, что захочешь, живое и неживое, бывшее, существующее или еще не существующее, все, что сможешь представить. Можешь вызвать давно умерших людей... завладеть Лунным камнем... или погулять, например, по афинскому акрополю времен Перикла. Отыскать в старой Праге своего любимого писателя и посоветовать ему отправить в Америку не рахитичного героя, а своих собственных сестер, чтобы спасти их от любителей Вагнера. Или перелетишь лет на триста вперед и посмотришь,

во что превратили твои потомки эту прекрасную планету. Время — для нас не помеха. Если будешь вызывать кого-то к себе, то постарайся не терять здравый смысл. Помнишь этого ненасытного немца, профессора из Книтлингена, ну этого... с черным пуделем? Он, ни в чем не разобравшись, никого не спросив, вызвал к себе в комнату не кого-нибудь, а саму Прекрасную Елену... да, да жену Менелая, любовницу этого идиота Париса. И тут же потащил бедняжку в постель. А потом целое столетие не знал, что с ней делать.

— А почему он не послал ее назад? В Спарту или в Трою? В Илиаду, или к Жаку Оффенбаху?

— Это не всегда позволено.

— А кто решает?

— Решает тот, чью волю исполняет монсеньор.

— Вы говорите загадками. Только... погодите, погодите... что же, вы и меня тоже так «вызвали»... а настоящий «я»... все еще там, в Берлине, или уже в банке сидит, кредитные гарантии анализирует?

— Ха-ха. Ты не потерял способность думать, Гарри, несмотря на удар по голове в мемориале. Скажем так: Прежний, усталый и отчаявшийся Гарри — да, все еще там... а новый, энергичный и сильный Гарри — тут, беседует сейчас со мной. А кто из них настоящий, сам черт не разберет. Такое объяснение тебя устраивает?

Спутник мой открыл дверь моей комнаты старинным бронзовым ключом и заявил, что зайдет за мной утром. Втолкнул меня внутрь, запер дверь и ушел.

...

Комната моя оказалась камеркой площадью в четыре квадратных метра. Или скорее — камерой. Без окна, даже без лампы. И без мебели.

Я бы мог начать яростно стучать в дверь, звать на помощь, но не стал этого делать, а сел на полу по-турецки и сосредоточился. Мне не терпелось проверить, сказал ли мой провожатый правду.

Для начала я представил себе горящую свечу в подсвечнике.

Ничего не изменилось. Я по-прежнему сидел в темноте. Может быть, надо произнести какое-то волшебное слово?

Неожиданно для самого себя я громко сказал: Хватит играть со мной в кошки-мышки, господа. Или выполняйте то, что обещали, или возвращайте меня назад!

Откуда-то раздался приглушенный смех, а затем... как бы нехотя — передо мной появилась горящая свеча в серебряном подсвечнике. Следующие шаги дались мне легче. Через минуту я уже мылся под душем и тер себя намыленным мохнатым пузырем. После душа я побрился и лег на широкую, застеленную свежим бельем тахту, стоящую в середине просторной квадратной комнаты. Через три больших окна лился зеленоватый лунный свет. Я задремал.

Да, забыл упомянуть — на полу моей комнаты лежал лучший из ковров того иранца. Мягкий, толстый и с изумительными узорами. А на стене висела «Мона Лиза» и таинственно улыбалась.

...

— А у вас тут уютно, — неожиданно на вы сказал тот, кого маркиз называл шевалье, входя ко мне в комнату.

— И вам тоже доброго утра!

— И вид из окна замечательный! Каменные истуканы в ряд, океан... Это что же, остров Пасхи?

— Он самый. Решил немножко разнообразить ландшафт, если это позволено.

— Конечно, конечно. Тут все позволено. Приветствуется даже.

Шевалье сел в кресло, которое я ночью позаимствовал из музея Баухауза в Веймаре и пригласил меня жестом сесть напротив него.

— Не желаете ли что-нибудь выпить? У меня есть минеральная вода и виски. Двенадцатилетний. Прямо из подземного хранилища в Шотландии.

— Я вижу, вы времени даром не теряли... Даже в массажном салоне побывали и солярии. Нет, нет, спасибо, я на службе.

— Ну что же, а я выпью глоток.

— Чин-чин! Вам конечно интересно узнать, что все это значит, зачем вы здесь и почему именно вы.

— Еще вчера мне это действительно было интересно, а сегодня меня интересуют только... границы дозволенного.

— Прекрасно. О границах.. кхе-кхе... я могу сказать пару слов. Должен, должен сказать.

— Валяйте.

— Как вы валяжны. Вас не узнать. Загорелое холеное тело. Педикюр! Роскошь и здоровье развращают, Гарри, и внушают несбыточные надежды. Шелковая пижама... держу пари от Остина Рида. Золотая цепочка на шее... с двумя дельфинами... Ролекс с изумрудным циферблатом... фи. Не хватает только татуировок на руках и пирсинга на пупке. Порода человека не изменить даже самому сатане. Сейчас я покажу вам границы дозволенного. Ничего личного, не обижайтесь.

Шевалье недобро ухмыльнулся и как-то странно дернулся.

И тут же моя чудесная светлая комната уменьшилась и стала опять той темной каморкой без окон, в которой он меня вчера оставил. А я потерял свою новую пижаму, цепочку, часы и дорогие сандалии из мягкой кожи... и остался, как и был, босым, нагим, с носовым платком на чреслах. И вдобавок — я был прикован толстой ржавой цепью к осклизлому деревянному столбу с перекладиной, привинченному к одной из стен камеры.

Шевалье все еще сидел в кресле и равнодушно смотрел на меня. Освещал сцену светящийся камень с его перстня на указательном пальце.

— Да, да... все может кончиться быстро... еще не успев начаться. И наступит вечность, полная мучений. И пижаму и Ролекс надо еще заслужить. Помните это, Гарри, знайте свое место.

Я пытался освободиться, повторить то, что сделал ночью, раздвинуть камеру, прорубить окна, но мне не удалось ничего... не удалось даже ослабить цепи, глубоко врезавшиеся в кровотокающую кожу.

Прохрипел: Подонок! Погоди, когда-нибудь сочтемся.

Попытался плюнуть ему в лицо, но во рту не было ни капли слюны.

Шевалье глубоко вздохнул, покачал головой, а потом... дернулся еще раз... и все возвратилось. И комната, и свет, и ковер, и пижама, и мое выхоленное за волшебную ночь тело, и цепочка с дельфинами.

Силы вернулись ко мне. Я был подавлен, молчал, ничего не предпринимал и наблюдал за шевалье. Тот кивнул примирительно и заговорил.

— Бон! Благодарю вас за то, что не попытались после возвращения выкинуть меня из окошка. Это мудро. Мудро потому, что монсеньор решил бы, что вы не способны к обучению и, пожалуй, оставил бы вас прикованным к кресту на несколько дней... Пришлось бы искать нового кандидата. К делу. Комната эта, как вы уже догадались, не тюремная камера, а место исполнения желаний. Все, что вы пожелаете, сбудется, произойдет, овестествится. Вы можете превратить всю вселенную в наперсток. Можете стать богом или ангелом, переспать с любым живым существом. Вы можете сказочно разбогатеть, стать президентом США или Юлием Цезарем, можете изменить историю человечества. Разумеется, вы можете заняться и малыми делами. Собрать коллекцию византийских икон или превратиться в гинеколога, ювелира или физика-ядерщика, или... прожить жизнь американского писателя. Например, Амброза Бирса.

— Могу стать президентом? Прожить жизнь Амброза Бирса? Где же ожидаемое «но»?

— Приятно беседовать с умным человеком. Но... вы не должны забывать об одном правиле.

— Какое правило?

— О, очень простое правило. Некоторые бывало, наломают дров в первую же ночь, а потом убирай за ними... Сформулирую кратко. Вы будете нести ответственность за последствия того, что пожелали. За то, что осуществилось или материализовалось. Проще простого: Если вы пожелали увидеть перед собой голодного дракона, вы не должны удивляться,

если он набросится на вас и съест. Если вы решите разделить судьбу Амброза Бирса, то вы не должны роптать из-за неприятия ваших рассказов издателями и публикой, из-за бедности и безвестности, и должны принять как должное трагическую смерть при неизвестных публике обстоятельствах. А если вы все-таки решите превратить всю вселенную в наперсток, то не пеняйте на то, что вместе со всеми галактиками и планетами-кометами — исчезнете и вы. И у вас не будет возможности отменить свое желание.

— Понял, понял.

— Вас призвали и поместили тут, конечно, не случайно. Если вы останетесь с нами, вам придется выполнять поручения монсеньора. Не беспокойтесь, вы справитесь. А платой за службу будет проживание в этой комнате. То есть все, что вы пожелаете. И еще... во дворце шептались о каком-то грандиозном пари, заключенном между монсеньором и... и тем, имя которого не называют. Возможно, на вас поставили, не подведите... Даю вам три минуты на обдумывание. Если не хотите тут оставаться — вас сейчас же вернут на ту самую лавочку в Берлине, на который вы изволили съесть бутерброд с сыром. Воспоминание о том, что случилось после, покинет вашу голову и в десять вечера того же дня вы вместе с женой и дочками благополучно приземлитесь в аэропорту Карлсруэ-Баден-Баден, а еще через день приступите к своим обязанностям в банке.

Я не стал ждать окончания данного мне на раздумья срока.

— Хорошо, — сказал шевадье, — тогда я покину вас незамедлительно. Делайте, что хотите. Расслабьтесь и наслаждайтесь. Монсеньор позовет вас, как только вы ему понадобится. До свидания.

Остров забвения

Разбудила меня назойливая муха, ползающая у меня по носу.

Я лежал на прекрасном песчаном пляже.

Отогнал муху, встал, отряхнулся, осмотрелся. Сел.

Пахло водорослями и соленой рыбой. Было жарко. Но легкий ветерок приносил прохладу и умиротворение.

Как и было сказано, я находился на острове. На острове. По виду — необитаемом.

В ширину остров был всего метров двести, а в длину километр или два. Я сидел на северной его оконечности, в трех шагах от воды.

Первой мыслью было — какой к черту остров — нам же сегодня лететь!

Как жена с дочерьми получают багаж — ключи от запертых железных ящичков у меня в кармане. Хорошо еще, что авиабилеты остались у нее.

Вяло поискал в карманах ключи. Не нашел.

Возможно то, что перенесло меня сюда из Берлина, похитило их у меня. Зачем? Ради нашего старого барахла, двух новых пар джинсов для дочек, с дырками на коленях, музейных каталогов и трех дешевых сувениров с кусочками Стены, купленных женой на Центральном вокзале? Убогий автомобиль Трабант, музыкальная шкатулка, играющая Вивальди, и пластиковая телебашня.

Странно. Проверил все мои карманы. Не только карманы брюк, но и рубашки и жилета. Пропали мой мобильный телефон, очки, ключи от дома и машины, бумажник. С деньгами, банковскими карточками и паспортом.

Исчезли все вещи, связывающие меня с цивилизацией, но вместе с ними исчезли и моя сонливость, и слабость в ногах, и пятна на коже. Руки больше не тряслись, и песня Дорз перестала мучить.

В нагрудном кармане рубашки я нашел — серебряную римскую монету с изображением императора Диоклетиана. На другой ее стороне были вычеканены ворота. Откуда она взялась? Подложили дочери-шалуньи?

И кстати, как это ты разглядел портрет и надпись без очков? Странно. Неужели и зрение улучшилось? Чудо.

Крутил, крутил монетку пальцами, и думал: Все это конечно хорошо, чудо и все такое, но если я в ближайшее время не добуду воду, то милое это приключение кончится на удивление быстро. Околою тут на острове.

Благоразумно решил не думать о смерти, а для начала — искупаться. Авось морская водичка промоет мозги.

Сбросил с себя пахнущие потом тряпки и бросился в воду как юный леопард бросается на трепетную лань.

Вода была теплой и чистой. Игрушечные волны не мешали плавать. Солнечные лучи преломлялись в брызгах тысячами разноцветных лучиков. Я плавал внутри живого, небесно-голубого бриллианта.

Появились сиреневые русалки, они приласкали меня своими нежными грудями с затвердевшими сосками и играли со мной в селезня и утку.

Неожиданно снова заговорил баритон: Посмотрите, как он вертится! Вы, что, дорогой шевалье, ему девочек из кордебалета послали? Даже завидно... может быть и мне искупаться?

— Вам? Почему нет? Только не испугайте его вашим париком, шпагой и кинжалом, любезный маркиз, он еще сырой, в возрасте, может и инфаркт получить. Вы же знаете этих современных людей. Слабаки и невротики. Чуть что — и в ящик.

— И не говорите!

...

Расцеловав всех русалок и наплававшись досыта, решил пройтись вдоль острова и осмотреть свои новые владения. Отправился в чем мать родила... босым. Это так сладко — разгуливать по необитаемому острову голышом!

Монетку на всякий случай положил под язык.

Глядя на пылающие синие небеса и розоватые ракушки под ногами, я внушал себе, что со мной произошло нечто прекрасное. Пусть и невероятное, и загадочное. Долгожданная перемена в моей постылой жизни.

С давно забытых студенческих времен я не чувствовал такого прилива энергии, не ощущал так остро свежесть и пряность существования. Я был счастлив. Один, голый, на необитаемом острове. Какая ирония!

То очевидное обстоятельство, что я спятил, почему-то не пугало. Не пугала и бросающаяся в глаза символичность места, куда забросила меня судьба.

Островок в Адриатике... что может послужить лучшей метафорой для моей судьбы?

Даже то, что я вероятно никогда больше не увижу жену и дочек, не страшило. С женой давно нужно было развестись, а я все тянул и тянул, непонятно зачем, портил ей и себе жизнь. Она еще молода и красива, найдет себе другого.

А дочки... дочки уже не раз давали мне понять, что я замучил их своими нравоучениями, что я неумен и беден, несовременен и смешон... и главное — мешаю им жить.

Мой родительский инстинкт протестовал, но другой, темной стороной мозга я понимал, что они правы. Что мое ежедневное присутствие в их жизни — для них обуза.

...

Остров мой был плоским как дно плоскодонки. Как я сам, как моя жизнь. Метра полтора выше уровня моря.

Деревья и кустарники тут не росли. Зато было много камней и песка. Вереска. И неизвестных мне ядовито-оранжевых цветочков.

Населяли его только ящерицы и насекомые.

Чайки важно разгуливали по пляжу и недовольно поглядывали в мою сторону. Одна пропищала: Что ты тут забыл, убийца? Убирайся!

Убийца?

Кинул в нее камнем. Не попал.

Пошел по твердому мокрому песочку к южной оконечности острова.

Прибой ласкал мне ступни и стирал позади меня мои следы.

С каждым шагом от меня как скорлупки отваливались воспоминания. И сгорали в огне времени. Я забыл свое детство, свою настоящую жизнь, лица родных и коллег по работе. Забыл и себя. И очутился в долгожданной блаженной пустоте.

Так я, по крайней мере, тогда думал.

...

Почему-то был уверен, что обязательно найду что-нибудь на другом конце острова. Что-то интересное.

Сокровище пирата Моргана?

Обломки «Звезды Америки»?

Публичный дом для контрабандистов?

Ничего там не было.

Южная оконечность острова походила на северную. Такой же пляж. Такой же вереск. Те же камни, тот же песок, те же чайки. И такой же, ничего не понимающий, опустошенный, но умиротворенный и явно помолодевший я.

Не расстроился, а рассмеялся. Разве можно обижаться на ороговевшую метафору?

Сел и начал рыть...

Хотел вырыть что-то вроде убежища. Предвидел, что после захода Солнца ветер с Адриатики заставит меня дрожать от холода. Смутно вспоминал предупреждение торговца коврами.

Следовало развести костер, но топить было нечем и спички отсутствовали.

Рыл руками, рискуя сломать ногти. Но не сломал.

И опять услышал голоса.

Бас спросил: Что это он там роет? Могилу?

— Не знаю, монсеньор. Возможно, он хочет вырыть яму и укрыться в ней.

— Почему он не хочет переночевать в специально приготовленной для него комнате, во дворце?

— Простите, монсеньор, но он не видит дворец, он уверен, что находится на необитаемом острове. И готовится к смерти от жажды.

— Ах, как это печально. Он что, понятия не имеет, кто он на самом деле и зачем его сюда притащили?

— Именно так, и я боюсь ему потребуется время на то, чтобы вспомнить и осознать.

— Как и им всем.

— Как и им всем.

— А что мешает ему увидеть дворец?

— Еще раз простите монсеньор, но вы сами не разрешили ему это. Из воспитательных соображений.

— Я?

Бас расхохотался и резко щелкнул пальцами.

На темнеющем горизонте сверкнула ветвистая молния, похожая на горящие рога оленя, а через несколько мгновений до меня долетел и раскат грома.

И тут... пелена спала с моих глаз, и я вдруг понял, что сию не на песке, а на вымощенной крупным розовым, с синеватыми прожилками камнем площади идеального города с известной картины прямо перед входом в монументальное трехэтажное здание, напоминающее старые римские постройки. Сию и скребу ногтями мостовую.

На фасаде здания я разглядел группу фантастических животных и дюжину странных геометрических фигур, предназначение которых я не понял.

В Берлине

Бесконечные стройки, вонь и рычание автомобилей, не приветливые лица вечно спешащих, раздраженных берлинцев и разочарованные физиономии празднующихся по центру туристов, так и не нашедших в этом, разбомбленном когда-то городе, того, что искали, а также пахнущие дешевой едой и текстилем гипермаркеты, сомнительные достопримечательности и даже сами первоклассные музеи — остертели мне уже на третий день нашего пребывания в столице Германии.

Как долго можно вдыхать выхлопные газы на берлинских улицах, таскаться по бутикам, примерять кофточки и блузки, пялиться на помпезные памятники и топтаться у картин и статуй, проклиная боль в коленках?

...

Рестораны, памятники и редкие в Берлине исторические здания — атакуют толпы жаждущих «эвента» туристов. Эвент однако так и не происходит. Поэтому все тыкают пальцами в свои смартфоны, ищут покемонов и фотографируют как одержимые. Снимают самих себя. С Бисмарком, Фридрихом великим или с советским танком, все равно. Но лучше всего на фоне разрисованных художниками бетонных силосных бло-

ков — остатков Берлинской Стены, этого назойливого напоминания о беспомощности граждан перед произволом лживого и агрессивного государства.

В музеях душно... мёртво, как в склепе.

Маслом или темперой нарисованная жизнь. Деревянные, мраморные или бронзовые пародии на человека. Гробы поваленные.

Не могу смотреть на неживое. Скучно. Ну нарисовал какой-то фламандец эту уже две тысячи лет как набившую всем оскомину «Тайную вечерю», и что? Никто не знает, состоялась ли она на самом деле или нет. Средневековые мужики сидят как разряженные мумии... рожи мрачные. Один Иуда с денежным кулечком — живой. Злобный, жадный, завистливый, подлый. Как мы все. А остальные — как будто деревянные. А Иисус еще и напوماжен.

Или вот еще — в центре города поставили рядами сотни бетонных ящиков. Целое поле ими усеяли. Все ящики крысино-серые, гладкие. Метров по пять-шесть. Публике предписано между ними ходить и ощущать страх и стеснение ... вроде как рыбе в сетях. Жена пояснила: Не ящики это, а плиты. Архитектор построил знаменитый. В память о убитых евреях. Мемориал.

Понимаю, сочувствую, я не саблезубый тигр. Но у меня эти плиты никакой скорби не вызывают. Только уныние и тошноту.

Что общего у этих бетонных конструкций с убитыми евреями? Почему именно евреями? В немецких лагерях гибли не только евреи, но и советские военнопленные, цыгане, гомосексуалисты, коммунисты, поляки, иеговисты. Гибли и сопротивляющиеся фашизму немцы.

Заклинания официальных адептов памятника на меня не действуют. Если мемориал не свидетельствует сам о себе, если надо объяснять, кому он, да что надо чувствовать и что не надо...

Дочки мои среди этих ужасных плит — бегали, прыгали, резвились. Хохотали и чирикали как скворцы. Мне не хотелось им что-то объяснять. Отравлять их день правдой о людях

и мире. Узнают и без меня, на что мы все способны. Да и что можно объяснить молодости? Стрекозе? Цветущей магнолии?

Жена — та, прочитав текст на объяснительной табличке, как и положено, прониклась, помрачнела и на меня поглядывала осуждающе. Потому что я мировую скорбь на морде не изображал, шел себе и думал о своем. Пока с одним похожим на меня типом, топающим по пути, перпендикулярному нашему, не столкнулся. Треснулись головами так, что чуть мозги не вышибли друг другу. Спасибо архитектору-деконструктивисту.

Кстати, прямо за ним, за этим полем, нашпигованным бетоном, там, где теперь автостоянка и построенные еще во времена ГДР уродливые панельные дома, стояла когда-то новая Рейхсканцелярия, а под ней располагался бункер, где провел последние месяцы жизни Адольф Гитлер. Там его и Еву Браун и сожгли. Там же госпожа Магда Геббельс отравила своих шестерых детей, себя и мужа. А за двенадцать лет до этого, до этого на площади неподалеку члены Немецкого союза студентов публично жгли книги «враждебных немецкому духу» авторов. Эриха Кестнера, Фрейда, Ремарка, Тухольского...

Кестнер стоял в толпе студентов и смотрел.

Прочитал об этом в путеводителе. Сидя на одной из плит.

...

Жена отомстила мне ночью — я полез к ней целоваться-миловаться, а она меня отшила. Строго так, как инквизитор — еретика.

Виноват в том, что памятник на меня не подействовал. Попытался шепотом объяснить почему — и был назван сквозь зубы «бессердечным эгоистом, ничего не понимающим в современном искусстве».

Ладно. Не впервой. По-хорошему, жена права. Я эгоист и много чего не понимаю. Старею, тупею, костенею. Скоро впаду в маразм и начну пузыри пускать. Каждого из нас ждет свой персональный холокост. Не знаю, кого за это благодарить — демиурга-неумейку, сотворившего такой мир, или природу, прародительницу и убийцу всего живого.

На седьмой день — нам домой лететь. Вечерним рейсом. Из Тегеля.

Предложил в зоопарк сходить, поглядеть на панду и пингвинов, но жена захотела еще один музей осмотреть, этнографический, в Далеме, а дочки жаждали посетить распродажу нижнего эротического белья в Алексе.

Я наотрез отказался и от того и от другого. Хватит с меня. Чуть не поругались.

Решили встретиться в аэропорту. Вещички наши жена собрала, я обязался отвезти их в аэропорт после завтрака. А потом — до восьми вечера каждый сам за себя отвечает.

Завтракали молча. Только дочки переглядывались и хихикали. Потому что я подавился хлебными крошками, закашлялся, запачкал яичным желтком новую рубашку и кофе на казенную скатерть пролил.

Руки трясутся уже года три... Может и паркинсон. Пигментные пятна выскочили на коже. К врачу не ходил, обойдется.

Разъехались.

Автобус мой минут двадцать в пробке стоял перед туннелем, водитель арабскую музыку слушал, пассажиры волновались. А я в окно глядел. На облака, на дома, на берлинцев, на очередь у киоска с дёнерами, на воробьев. Хоть и не музей в Бильбао, а интересно. Чужая жизнь.

Пустая моя душа носилась по воздуху вместе с воробьями.

Прибыл в Тегель. Чемоданы засунул в металлические ящики. Еле влезли. И поехал — на том же автобусе — обратно в центр. Вышел у Цоо.

...

Посетил туалет на вокзале. Историческое место. Воняет конечно, но не грязно.

Слышал из своей кабинки, как вздыхают и стонут испражняющиеся мужчины.

На выходе заметил — какие-то мальчуганы с карамельными лицами стоят у кафельной стены и смотрят на меня клейкими глазками. Как будто ожидают чего-то. Даже знаки делают. Но я их знаков не понял и поскорее ушел.

Купил в киоске на улице пиццу. Дорогую и невкусную. Не умеют готовить пиццу в Берлине. И пирожные тут как будто из опилок сделаны. Выпил бутылочку колы. И пошел... просто так, без цели... по знаменитой улице Курфюрстендамм.

Не знаю, что в ней нашли такого особенного? В магазины забежал — цены бешеные. Кто тут столько зарабатывает, чтобы легкую тряпочку на плечи за четыреста евро покупать... или за кожаный портфель полторы тысячи выложить?

Один иранец чуть меня не уговорил купить ковер. Зачем мне ковер? Иранец хитро прищурился, крякнул и сказал: Кто знает, может быть он вам скоро понадобится. Очень скоро... На ковре можно полежать, понежиться, в ковер можно завернуться, если холодно. С ковром не так одиноко жить.

Свернул с Кудама налево... Тоже улица богатая. Солидные дома, резные двери, большие окна, эркеры, балконы, колонны. Всевидящее око на фасадах.

А на асфальте — под ногами — латунные дощечки с именами и датами.

Тут жила Белка Розенфельд. Родилась 1928... депортирована 1941. Расстреляна в Риге 1943.

15 лет прожила девочка. Моей младшей дочке сейчас столько. Это посильнее действует, чем серые коробки у американского посольства.

Сколько же их тут жило...

И все, что от них осталось — латунные таблички. Как коронки на зубах.

...

Брел, брел, глазел по сторонам. Плутал.

Потом сонливость одолела. Слабость в бедрах ощутил. И неприятное покалывание в груди.

Передо мной пульсировало бурое море мегаполиса.

Выхлопные трубы харкали и ревели как голодные звери.

Лица прохожих превратились в страшные маски.

Фонарные столбы начали изгибаться. Небо — желтеть и тяжелеть.

Запахло серой.

Нашел киоск с провизией, купил сэндвич с сыром и огурцом и еще одну бутылочку колы. Сел на лавочку, съел сэндвич, выпил колу и полчаса подремал. Напевал привязавшуюся песню группы Дорз.

I tell you

I tell you

I tell you we must die

По радио слышал за завтраком.

Встал и дальше пошел.

В магазины больше не заходил, только на витрины таращился. Машинально фиксировал в памяти то, что видел.

Зачем? Кому собираешься отчитываться? Одна бабушка Дора слушала твои рассказы внимательно, задавала вопросы. Дед не слушал, слишком был погружен в свои дела. Отец рано умер, мать не обращала внимание на твоё красноречие. Жене и дочкам твои отчеты давно надоели. Сотрудникам по работе? Господи, совсем забыл, мне же через два дня... опять в рабство, в банк.

Как же все это противно! Сыт по горло. А куда деваться?

С удовольствием сжег бы проклятое здание. Вместе со всеми его зомбированными сотрудниками.

Перед глазами тут же появилась огненная стена.

Пахнуло гарью.

Послышались истошные крики.

Замелькали тени.

По воздуху полетели денежные купюры.

Ладно, ладно, я пошутил. Пусть живут и процветают.

I tell you we must die

Да... тут парики, а тут новые китайские смартфоны... сколько без договора? Не разобрал. Все равно. Книжки на арабском... школа вождения... молодежные шмотки... еще шмотки... все для пирсинга... пуговицы и молнии... ночной бар «Атлантида», заходите, тут вам понравится, наши девочки покажут вам то, что вы никогда не видели... интересно, что они имеют в виду... готические товары... ресторанчик... индийский, китайский, итальянский, вьетнамский... школа та-туировки.

Кондитерская... большой выбор венских деликатесов... пончики и маффины... а тут курри-вурст. Магазин электроники... обувной... рыбный... свежие устрицы... адвокатская контора «Шифрин и сыновья»... секшоп для голубых, розовых, фиолетовых.

Овальная дощечка на стене, похожая на экран допотопного телевизора... тут жил Рудольф Штайнер, основатель антропософского движения.

Увлекался им в юности. Читал, читал... и все время мне казалось, что автор обещает что-то важное, обещает, но выполнять обещание не собирается. Надувает, надувает многословной своей мистикой шарик, заставляет его мерцать как волшебный кристалл... а потом пускает в воздух — лети! Но шарик... хлоп... лопается и падает.

После Штайнера... опять начал слабеть.

I tell you

I tell you

I tell you we must die

Ноги еще несли меня по прыгающим улицам, глаза еще глядели, уши слушали, но голова отказывалась работать. Я шел как испорченный робот, покосившись. Шел и потихоньку оседал. Запинался, моргал и глупо улыбался.

Через некоторое время марево перед глазами сгустилось. Уши заткнуло ватой. В одной из витрин показался Большой козел. Сердце захолонуло.

I tell you we must die

В изнеможении сел на мостовую и закрыл глаза. Попытался поднять голову. Не смог. Прошептал: Помогите, умираю.

Но никто не помог.

Сквозь обморочную дрему услышал, как какой-то до боли знакомый баритон проговорил: Он уже готов, хватит. А-то еще сгоряча прикончите старого ворчуна, а нам придется возиться, воскрешать... назореи поднимут скандал, а монсеньор и так раздражен этими несносными суфражистками с копьями. Нельзя его сейчас нервировать, сами знаете, что может произойти. А тут еще собрание этого проклятого

братства... всегда они собираются не вовремя. По слухам, хотят устроить очередную массовую казнь. Реки крови... Вот же, нейдет чудакам.

Другой голос, тоже знакомый, ответил: Сейчас, сейчас, любезный маркиз, погодите... мы его осторожно распакуем и... и опять запакуем, уже в новом виде... и станет наш Гарри свежим как огурчик с грядки... монсеньор будет доволен. Его кандидат не подведет. Готово! Получите и распишитесь.

— Куда вы его определили?

— Как вы и приказывали, на безлюдный остров в Далмации. Временно. Как только очухается и проветрится, доставим его во дворец.

На чем подают жаркое

Доктор искусствоведения Ламартин и его неуклюжая, худая, обычно молчащая, но на городских вернисажах и в концертных залах не всегда впадет хихикающая жена Верена, жили на четырнадцатом этаже единственного высокого дома в городе.

По непонятной прихоти архитектора лифт был не внутри дома, а вне его. Стеклопанельная лифтовая шахта-башня высилась рядом с домом и соединялась с ним на всех этажах, кроме первого, узкими металлическими, с круглыми дырочками, мостиками с хлипкими алюминиевыми перилами.

Моя подруга Штефани, с детства страдающая акрофобией, вынуждена была, после того, как мы вышли из кабины лифта на четырнадцатом этаже, закрыть глаза.

Холодный декабрьский ветер судорожно завывал, хватал за плечи и грозил приподнять и унести в свинцово-серые, быстро скользящие в небе облака. Обсыпал нам щеки и губы колючими льдинками... как будто толченым стеклом. Скользящий мостик шатался под ногами. Штефани начала дрожать. Заскулила.

Я взял ее под руку и осторожно провел в дом.

Согласно последней моде лестничные площадки в этом доме отсутствовали, а коридоры были так низки и узки, что

приходилось идти боком, то и дело опуская голову. Тут настала моя очередь дрожать и скулить, потому что давно забытая клаустрофобия тут же овладела всеми клеточками моего тела... как будто я не боролся с ней долгие годы и не победил. Все наши победы — мнимые, фиктивные события, плоды самовнушения, зато поражения — прочный фундамент, на котором можно строить жизнь.

С трудом нашли нужную дверь. Медная табличка вполне могла бы украсить средних размеров мавзолеей. Позвонили.

Нам открыл хозяин дома. В кухонном фартуке поверх фрака, смешном поварском колпаке и с дорогой серебряной вилкой и таким же ножом в руках, он распространял вокруг себя дурманящий запах жареной в ореховом соусе свинины, горчицы и корицы.

— Проходите! Проходите, друзья! Раздевайтесь, располагайтесь в гостиной, а я побегу, присмотрю за жарким. Обувь оставьте, только вытрите тряпочкой, вон там... лежит... она... тряпочка. Из зеленой замши. Верена! Верена, милая, где же ты, гости пришли. Выходи, хватит вертеться перед зеркалом. В нашем возрасте это бесполезно.

...

В центре гостиной стоял грубо обструганный, деревенский дубовый стол. Без скатерти. Рядом с ним — стулья, явно изготовленные тем же мастером, главным занятием которого, по-видимому, было производство дыб и колес.

На столе лежали дорогие мейсенские тарелки и элегантные закусочные приборы в стиле ар-нуво. Темно-фиолетовые бокалы из богемского стекла знавали лучшие дни. Стекло кое-где помутнело и растрескалось. Рядом с огромной буханкой черного хлеба на деревянной доске толщиной в большой палец великана лежал длинный нож с посверкивающим ребристым лезвием и зеленой пластиковой рукояткой. Бутылки минеральной воды и «Золотого рислинга» из Радебойля и непонятно что тут забывший стеклянный шар на металлической подставке завершали композицию.

На стенах висели жутковатые картины художников города.

Мы с Штефани принялись их сосредоточенно рассматривать, изображая неподдельный интерес. Давалось это нам не легко, потому что Штефани уже много лет назад пресытилась местной художественной продукцией, с изготовителями которой общалась по долгу службы еще во времена ГДР, да и я, как и любой другой регулярный посетитель общих собраний городского отделения Союза художников Саксонии, тоже давно и хорошо знал работы моих коллег. Их провинциальные потуги создать что-то оригинальное сместили меня, хотя я и отдавал должное присущей некоторым из них истинно арийской работоспособности... Малевать красками они, за исключением двух-трех старых мастеров-экспрессионистов, доживающих свой век в живописных окрестностях города, не умели, но в графике, интуитивно следуя традициям старой немецкой школы, иногда достигали известного уровня. Работы эти, несмотря на их деланный «постмодернизм», напоминающие гравюры Дюрера, Кранаха или Брейгеля, были заведомо лучше всего того, на что был способен в графике я.

— Прошу к столу, — заявил Ламартин, входя в гостиную и держа в одной руке — блюдо с жареным мясом и запечённой в духовке картошкой, а в другой — салатницу с салатом.

Мы сели, разложили еду по тарелкам и налили в рюмки вино...

Верена так и не появилась.

Ламартин осторожно потрогал магический шар, заглянул в него, и провозгласил тост. Или скорее — обратился к нам с небольшой приветственной речью. Надо сказать, господин доктор, всякий раз в подобных ситуациях — говорил о жене, о том, что ей пришлось испытать в трудное послевоенное время, потом переходил на мою скромную персону... и расхваливал меня до небес, безбожно пересаливал и завирался... оказывая мне этим медвежью услугу. Другие художники на меня злились. Слава богу, сейчас мы были одни. И я надеялся на то, что доктор не будет говорить обо мне.

Ламартина тут же понесло.

— Я так рад приветствовать вас у меня дома! Большая радость для нас — то, что вы сидите за нашим столом. Не об-

ращайте внимания на Верену, у нее было сложное детство, ей досталось тогда, в Данциге... отец погиб на восточном фронте, мать умерла от тифа... двенадцатилетняя девочка одна боролась за выживание. Да, она ведет себя особенно, но в ее сердце нет ненависти. Нет! Даже на тех русских солдат, которые ее насильовали на чердаке нашего дома, она не держит зла. Непонятно вообще, как она выжила... несмотря на многочисленные разрывы влагалища и прямой кишки и внутреннее кровотечение... Получила неизлечимую психическую травму. Если бы не вмешательство советского офицера, которого позвала из окна моя матушка, и не срочная операция в военном госпитале... Ее буквально вернули с того света.

Тут господин доктор еще раз заглянул в стеклянный шар. Сделал вид, что увидел в нем что-то интересное, многозначительно помолчал секунд двадцать, прокашлялся и продолжил.

— Поверьте мне, дорогой Гарри, то, что вы родом из России — не играет для Верены никакой роли. Наоборот... Она прекрасно понимает мотивы вашего отъезда из СССР. Вы тоже жертва этой ужасной страны, так и не выдавившей из себя Сталина. Она вас любит и вам сочувствует. И так же, как и я, боготворит ваше творчество. Потому что в ваших работах есть что-то буддистское. Растворение в мировом духе. Отказ от предметности. Мягкость, плавность, глубина... Отрешение и надежда. И твердая, я бы сказал — властная, уверенность в существовании других миров. То, что мы, немцы, давно потеряли. Погрязли в вещизме. Я поднимаю бокал за вас, Гарри, за ваш успех, за ваше счастье, за вашу новую жизнь в этом убогом рациональном мире! Вы наша новая надежда, открытая дверь в Зазеркалье, проводник по метафизическим мирам. Хм... милая Штефани, вы должны понимать, что живете с необыкновенным человеком, ради которого можно...

...

Растерявшаяся от высокопарных слов Ламартина Штефани хотела было что-то вставить, но... в гостиную тихо, как подводная лодка, всплыла Верена. И, не проронив ни слова, села на свое место.

Одета она была в длинное черное платье-коктейль и черные же туфли на невысоком каблуке. На голове ее круглилась немыслимая шляпка с вуалью, прикрывающей плечи и лицо, украшенная искусственными черными розами, между которыми я разглядел глянцево-синего жука. Живого! А я было подумал, что это брошка.

Жук копошился, видимо нервничал, поводил усиками и то и дело раскрывал и складывал надкрылья. Наконец шумно взлетел и сел на одну из висящих на стене картин, на которой было изображено нечто, напоминающее виселицу с двумя повешенными — девушкой и юношей. Видимо принял ее за дерево. Называлась картина так «Он так и не успел».

Господин доктор ловко поймал жука стеклянным стаканом и куда-то унес.

Вернулся, посмотрел на картину, потрогал стеклянный шар, положил жене в тарелку небольшой кусочек свинины, картофель и салат, налил в ее бокал вина и сказал: Милая, я так счастлив... присоединяйся к нам. Я говорил о работах Гарри. О том, что в них чувствуется освобождающее от гнета рационализма дыхание Востока... Новая органика... Новое пространство...

Верена откинула вуаль с лица, поднесла к темным губам бамбуковую флейту и заиграла какую-то неизвестную мне мелодию. Что-то чарующее, японское.

Ламартин накупился и замолчал.

Верена положила флейту на стол и начала музыкально мяукать. Видимо, она представляла себе, что поет.

Мяукала Верена долго. Никто ей не мешал.

Потом она подошла к все еще стоящему с бокалом в руке мужу, подняла вуаль, приблизила свое мертвое лицо к его розовому лицу и ясно и настойчиво проговорила: Надеюсь, ты не убил беднягу Джорджа! Он так впечатлителен. Ты же знаешь, Джордж ничего не ест, думает только о спаривании и ищет партнершу. Крошка Джордж бегает весь день и ночь по этому гадкому аквариуму и ищет свою половину, а его самка умерла, ты убил ее, садист... Убил и наколол на иголку. Ты хочешь наколоть и меня, я знаю. Ты пригласил своих друзей, чтобы они

помогли тебе проколоть меня иглой. Ты смотришь в свой дурацкий шар и ищешь подходящего момента. Ты думаешь, я буду сопротивляться, но это не так. Я готова принести себя в жертву. И еще, я терпеть не могу жареную свинину. И ты знаешь об этом уже больше сорока лет. Зачем ты устроил этот карнавал? Сам жри свою убоину. И пей этот гадкий рислинг. С этого момента зови меня Агатой. Я приняла ее имя и ее судьбу. Я хочу, чтобы твой любимый палач...

Верена кивнула в мою сторону.

— ...оторвал раскаленными щипцами мне груди.

Верена резким движением раскрыла платье и показала мужу и нам свои маленькие посиневшие отвислые груди, покрытые трупными пятнами.

Затем грозно посмотрела на меня, послала моей спутнице воздушный поцелуй и торжественно покинула гостиную.

Вспотевший от волнения Ламартин в изнеможении сел и начал жадно есть жаркое и запивать его рислингом. Мы последовали его примеру.

...

После пяти минут ожесточенного жевания и глотания господин доктор опять заговорил.

— Она права. Верена права. Умоляю вас, Гарри, сделайте это.

— Что я должен сделать? Вылечить вашу жену? Нет, господин доктор, найдите какого-нибудь врача-гипнотизера или психотерапевта, пусть постарается успокоить ее и отговорить... Отвлечь. Или запугать. Не знаю, что в таких случаях делают...

— Вы не понимаете серьезности ее намерений. Если она только заподозрит, что ее хитростью или силой хотят отвадить от этой жуткой затеи — она притворится, что вылечилась, а сама, при первой возможности покончит с собой. И я останусь один.

— Вы что же, на самом деле хотите, чтобы я искалечил вашу жену, оторвал ей раскаленными щипцами груди, как их оторвали согласно бредовой христианской легенде этой юро-

дивой, святой Агате. А потом, она захочет, чтобы ее сожгли в угольной яме с острыми черепицами? И это тоже должен буду делать я? Вы в своем уме?

Тут в наш разговор вмешалась Штефани.

— Милый, неужели ты не можешь совершить это хотя бы из уважения к господину доктору? Он так много сделал для тебя!

— Совершить? Из уважения? Вы что, все помешались? Тебя что, тоже русские солдаты насильовали в Данциге?

...

— Не горячитесь, Гарри, — господин доктор обратился ко мне почему-то чужим голосом, а потом, как бы не торопясь, как в фильмах про привидения, превратился в маркиза, обаятельного циника в дорогом кафтане, старомодном парике, с шпагой и кинжалом за поясом, — вы опять потеряли себя. Это скоро пройдет, не беспокойтесь... Можете мне сказать, где вы находитесь?

— В городе К.. В квартире моего друга, доктора Ламартина.

— Осмотритесь, дорогой Гарри, может быть, вы вновь замечтались? Или сегодня за завтраком съели что-то не то? У вас нет и никогда не было друзей. Вы имеете честь пребывать во дворце монсеньора. И все мы надеемся на то, что вы с честью выполните его новое поручение.

...

Я стоял на сцене, установленной в большом зале с золотой лепниной на стенах и потолке. Множество людей, одетых в странные одежды, смотрели на меня. В руках я держал большие, длинные, на концах добела раскаленные щипцы. Рядом со мной лежала обнаженная до пояса женщина, привязанная к тяжелой железной решетке...

На морском курорте

На морском курорте меня многое раздражало.

Не только зеленокудрые холмы, окружающие курортный поселок колоссальным неровным амфитеатром (из джунглей

по ночам доносились неестественный треск и громкие стоны, как будто какому-то великану ломали кости), синий до черноты океан, пахнувший бертолетовой солью, водорослями и мусором, вызывающие гадостное чувство розовые медузы, которых выносили на песчаный пляж волны, летающие рыбы с выступающими вперед зубами и ядовитыми плавниками, ждущие своего шанса, шныряющие где-то недалеко за коралловыми рифами, тигровые акулы, но и отель, похожий на огромного засушенного и грубо выбеленного краба и сами, разомлевшие на тропической жаре, плотоядные коллеги-курортники с их томными женами и ревущими как гиены детьми, и особенно — ненавидящие нас, богатых бездельников, местные бедняки, вынужденные работать за копейки, есть наши объедки и курить окурки. Их неестественно худые ноги, обутые в заношенные сандалии, их цыплячьи груди, пятнистая кожа и длинные руки, похожие на лягушачьи лапы, и главное, вечная гримаса угодливости и подхалимства на их страусиных рожках — так раздражали меня, что я бил и колот их покрытые перьями спины купленным в магазине сувениров декоративным анкасом из нейзильбера, который всегда висел у меня на поясе. Не сильно, так... только для того, чтобы отвести душу.

Им не было больно, но всякий раз после такого удара или укола я замечал в их туповатых павианьих глазках искорки ярости. Это веселило и успокаивало меня. Потому что нет на свете ничего приятнее, чем безнаказанное унижение и мучительство ближнего.

Раздражала меня и жена.

Прежде всего — своей радостной улыбкой, своей доброжелательностью, порядочностью, чувством меры, вкусом... и еще — слегка обрюзглой, но еще чувственной фигурой, красивой грудью, курносым носиком польской графини и подкрашенными черной помадой губами.

Тем, что она моя жена.

Что я должен вместе с ней гулять, спать, есть. Обычное дело.

И ее, бедняжку, я бил и колол — как погонщик слонику — моим анкасом.

От моих ударов на ее чудесной смуглой коже проступали темно-фиолетовые синяки, а от укулов крючком — показывались маленькие капельки крови, похожие на божьих коровок.

Жена меня жалела и зла на меня не держала, что тоже почему-то раздражало меня.

Даже ее беспрекословная готовность к совокуплению — где угодно и в любое время дня и ночи — то, о чем мечтают миллионы мужчин по всему свету, так и не смогших пробудить в своих сожительницах страстное телесное желание, или убивших его в них своей грубостью или алкоголизмом — раздражала меня. Может быть потому, что секс мне давно осточертел, как и все остальные семейные радости... и я переложил эту супружескую обязанность на своего ушлого двойника.

Но больше всех и вся — меня раздражал я сам.

Рабство в самом себе, в своих желаниях, безальтернативное нахождение в собственном теле, в судьбе, в имени... в ежесекундной экзистенции, самости, менталитете. В страстях.

Поэтому я бил и колол проклятым анкасом, рискуя получить столбняк или заражение крови, и самого себя.

Кожа на плечах и на спине у меня изранена, как у шиитов после проведения обряда татбир.

...

Вот... мы с женой идем по платановой аллее...

Стараемся не шаркать ногами и не нарушать молчание. Жена наслаждается прогулкой, а я пытаюсь не быть в очередной раз раздавленным этим душным вечером, горячим тропическим пространством, напоенным зловонными испарениями, сине-черным зеркалом океана и еле заметно подрагивающей землей.

Кожа моя свербит. Мне хочется чирикать, но я молчу. Катапультую моего беспокойного двойника на Луну, чтобы не сойти с ума.

Чинно здороваемся с идущими нам навстречу соседями по отелю, грузным блондином-тевтоном и его пузатой женой с двумя резвыми дочками.

У дочек на щеках — цветут красные розы. В руках — плюшевые слоники. Они возбуждены. В первый раз за границей. И так далеко от дома! Старшая — явная нимфетка. Крутится и выгибается как грациозный зверек. Разжимает губки и показывает мне исподтишка маленький юркий перламутровый язычок. Младшая — застенчивая, зеленоглазая. Обе пахнут амброй.

— Как дела?

— Все расчудесно, а у вас?

— Лучше не бывает!

— Пробовали панированные в кукурузной муке устрицы?

— О да, пальчики оближешь!

— А суп из бычьих хвостов?

— Мы сегодня заказали жареные окорочка с креветками и фальшивые трюфеля. Как же они вкусны!

...

Сумерки. Ни ветерка.

Сладковатый воздух мреет.

То и дело непонятно откуда выпархивают светлячки и огромные сиреневые бабочки. Бабочки гоняются за светлячками, ловят и пожирают их.

Платаны, кажется, готовы раствориться в предзакатном мареве.

Я потею. Рубашка прилипла к спине.

Сердце бьется тяжело, кровь устала бежать по жилам. Ранки свербят. Душа ноет.

Иду тяжело, как робот. Объялся за обедом чертовыми окорочками.

Моя жена задумчиво смотрит в небо.

Я смотрю под ноги.

Тропические воробьи купаются в пыли на обочине.

Мимо нас проезжают на разбитых велосипедах местные юнцы и показывают нам свои клыки гамадрилов и маленькие красные попки.

Я снимаю с пояса мой анкас и безжалостно колю жену в милое плечо.

За два дня до отъезда жена отправилась в организованную дирекцией отеля экскурсию на близлежащую коническую гору.

К подножью этого недействующего вулкана курортников подвозят на автобусе. Дальше — нужно идти пешком до самого края кратера. Подъем занимает около трех часов. Там «можно насладиться великолепной панорамой живописных окрестностей и представить себе огнедышащее жерло вулкана».

Мне не хотелось тащиться на гору. Мне не нужно представлять себе жерло вулкана. Я сам и есть жерло.

Жена, не без уговоров, согласилась поехать одна. А я решил посидеть на пляже в шезлонге. Почитать привезенную с собой на курорт книгу. Трактат Иоанна Молчальника о страхе и трепете. В тени.

Но почитать мне так и не пришлось. Как только разделся и уютно устроился в матерчатом шезлонге, вроде как в гамаке, — уснул и проспал два часа.

Снились мне почему-то морские львы. Я был огромным самцом и лежал на черных калифорнийских скалах вместе с другими самцами, которые то и дело кусали мне бока.

Проснулся, как это иногда бывает, с готовым решением в голове.

Решил покончить с собой. Сегодня же.

Как это сделать, не решил.

Подошел к воде. Искупаться, что ли? Нет, не тянуло меня в воду, не хотелось плавать. Мирное это занятие плохо сочеталось с моим фатальным решением.

Стоял как соляной столб и глядел перед собой...

Вокруг меня кипела жизнь.

Курортники волокли свои изнеженные тела в неправдоподобно теплую опаловую воду и плавали, лениво поднимая руки, фыркая и поглядывая по сторонам. Дети брызгались и бешено визжали от радости. Декоративные собачки отчаянно лаяли. На горизонте белели холёными боками океанские лайнеры. Парусники...

И вот тогда... в разгар счастья среднего человека... когда никто не помышлял о беде, вода начала медленно-медленно отступать от берега. Потекла прочь... в невообразимые глубины.

Океан уходил, обнажая свое ужасное небо.

Из курортного поселка донесся тоскливый вой сирены.

Люди на пляже не сразу поняли в чем дело.

Некоторые недоуменно смотрели на уходящую воду... жестикулировали, гоготали. У особо чувствительных дам началась истерика.

А затем... все, кто в чем был — побежали в сторону суши, подальше от воды.

Кричали: На холм, на холм, все на холм!

Матери хватали маленьких детей, тащили их за руки, совали под мышки, как свертки, отцы несли детей на руках...

Старухи в инвалидных колясках бешено работали склеротическими руками, изо всех сил толкая увязающие в песке колеса.

Те, кто находился в это время в воде далеко от берега — не имели шанса на спасение, их унесло в открытое море. Я видел их обреченные лица.

Те же, кто плавал недалеко — отчаянно боролись за жизнь и почти все победили. Они выскакивали на берег и убежали как кенгуру от диких собак.

Я остался стоять на своем месте.

Меня тянули за руку, отчаянно кричали мне в уши: Цунами! Цунами!

Я благодарно кивал, но не трогался с места.

Как загипнотизированный смотрел на медленно уходящую воду.

Поражался обилием в океанском дне странных прямоугольных ям.

Через несколько минут на пляже не осталось ни одного человека.

Только примерно в километре от меня, там, внизу, где раньше была вода, бежали по обнажившемуся дну три или четыре фигурки. Они махали руками, кричали что-то, видимо, звали на помощь...

Я не мог им помочь. Позади их уже виднелась и гордо вы-
растала пенящаяся водяная стена.

Вот, она догнала их и беззвучно поглотила.

Сейчас она заберет и меня...

Какое удачное стечение обстоятельств!

Мне не придется нелегально покупать пистолет и стрелять
себе в рот, не надо будет корчиться в петле, перерезать себе
горло, доставать и принимать яд. Природа все решила сама.

Смерть мчалась ко мне со скоростью реактивного само-
лета.

Сейчас, сейчас, еще мгновение, еще одно дыхание и...

Закрыл глаза...

Но волна по непонятным мне причинам потеряла свою
энергию, замедлила свой бег, опала. И подползла ко мне роб-
ко, как больная собачонка.

Все было как прежде.

Небо мрело, земля подрагивала.

Я стоял на безлюдном пляже и чирикал.

Потом лег в свой шезлонг и открыл книгу.

...

Но и на этот раз мне не удалось насладиться чтением.

Ко мне подошел высокий худощавый человек в сутане и
круглых очках, посмотрел на меня скептически и проговорил
низким голосом: Не устаю вам удивляться, Гарри! Как вам
удается каждый раз так далеко заходить в ваших фантазиях?
Курносая жена... курорт... пляж... вулкан... и наконец, цунами!
Какой всепобеждающий эгоцентризм! Вживаться в роль и на-
чисто забывать о том, что вы все еще находитесь у меня во
дворце, на службе. Потрудитесь пожалуйста прийти в себя и
переодеться, нам нужно посетить одно экзотическое место.
Там холодно. Любезный маркиз отыскал для вас на складе
подходящее барахло.

Он брезгливо бросил к моим ногам черные валенки с га-
лошами, старый ватник, ватные же штаны и засаленную
ушанку. Не без труда и отвращения натянул все это на себя.

Мой двойник на Луне, наблюдавший оттуда эту сцену, за-
крыл лицо руками.

— Так-то лучше. Однако, какая кошмарная одежда... будьте так добры, дайте мне левую руку.

И не успел я еще почувствовать ледяной холод его ладони, как мы уже оказались... на Красной площади в Москве.

Постарался понять, в какую мы попали эпоху, но так и не понял.

Покрытая льдом площадь была пуста. Прохожих и часовых не было видно. Только волки или бездомные собаки у Лобного места настороженно смотрели в пустоту. Казалось, они хотели бросится на нас и растерзать... но что-то им мешало. Я прекрасно знал, что...

Над Кремлем развивался флаг. Не разобрал, какой. В небе слабенько мерцали звезды. Часы на крепостной башне показывали три.

Мой спутник повел меня прямо к мавзолею.

Лед под моими валенками подозрительно хрустел. Мне представлялось, что мы идем по замерзшему озеру. Что лед вот-вот треснет, и мы провалимся в черную воду.

Монсеньор шел, не касаясь ногами земли.

Я промямлил: Прошу вас... объясните, что мы тут делаем.

Мой повелитель обернулся, презрительно посмотрел на меня, потом вдруг тихо захохотал. И его хохот был страшнее его презрения. Двойник закрыл руками уши.

— Вы не догадались? Все еще там, на пляже? В ожидании спасительной волны? Нет, Гарри, так просто приобщиться к мистории жизни и смерти невозможно. Многие пробовали... хм... результат вы видите перед собой. Да-с... некоторые новоприбывшие члены небезызвестного вам братства святого Флориана захотели отведать копченого мяса. Особого мяса, понимаете? А я, со своей стороны, решил им посодействовать.

— Понимаю, но, ради всего святого... простите... я не вижу тут ни супермаркета, ни хотя бы мясной лавки... только этот чертов зиккурат и Кремль за ним.

— Кремль мы оставим в покое. Пока. Также как и интересные могилы у стены. А в мавзолей зайдем и заберем лежа-

щее там уже давно мясо. Я конечно мог бы его просто перенести в дворцовую кухню... но эта игра требует достоверности... поэтому мы тут. Вот кстати и подходящая тара.

Он подал мне большой синий полиэтиленовый пакет.

— Боже... еще раз простите... не хотите же вы сказать, что мы заберем из мавзолея мумифицированный труп этого типа... Ленина.

— Именно это я и хочу сказать. И ваша обязанность на этот раз, — доставить его во дворец в целости и сохранности, хорошенько вымыть, отмочить в винном уксусе, я не хочу, чтобы мои гости получили желудочные колики, подсушить, натереть пряностями, закоптить, нашпиговать изюмом, курагой и сухой вишней, разрезать на кусочки и сервировать на большом серебряном блюде в дворцовом актовом зале. И не забывайте — вашу работу будут оценивать самые утонченные гурманы, жившие когда-либо на этой жалкой планете. Многие из них знали Ленина лично...

— Простите, монсеньор, голову подать отдельно?

— Нет, зачем же? Видели, как сервируют жареных поросят?

— Прикажете вставить в рот помидор, лимон или морковку?

— В рот, пожалуй, положите апельсин. На плешь водружите пятиконечную звезду из вареной свеклы. А морковку воткните ему в задницу. У нас тут не институт благородных девиц.

...

Ужин с копченой мумией удался на славу.

Приглашенные или вынужденные его участники-изверги были довольны. Особенно громко восторгались вкусом мяса — после шумного обглаживания ребрышек вождя мирового пролетариата и обсасывания пальцев — Хрущёв и Берия. Мне показалось, однако, что они хвалят мясо одного покойника, а сами имеют в виду другого...

Видимо, это показалось не одному мне. Сидящий во главе огромного п-образного стола монсеньор вдруг встал и хлоп-

нул в ладоши. Пирующие в ужасе замолчали... перестали есть... потупились. Они уже знали по опыту, на какие шутки был способен их повелитель.

Монсеньор провозгласил (о, небеса, с грузинским акцентом): Мы тут посоветовались и решили сделать для вас сюрприз, господа. Прошу внести второе блюдо!

И он еще раз хлопнул в ладоши. Так громко, как будто из браунинга выстрелил.

Огромное серебряное блюдо внесли на подносе чернокожие мужчины.

Для него освободили место и поставили на стол, прямо перед Берией и Хрущёвым.

По праздничной зале прокатился вздох. Послышались восклицания.

— Сталин! Сталин! Тут Сталин! Иосиф Виссарионович! Сосо!

Берия ёрнически закатил глаза, сложил холеные маленькие руки на груди и заныл: Коба, Коба, неужели это ты?

Я видел, как дьявольски сверкнули глаза монсеньора. Он еле заметно для окружающих кивнул и тут же — копченая голова Сталина, тоже украшенная красной звездой из свеклы, — открыла свои мертвые страшные глаза и прошептала: Я, Лаврентий...

Двойники

В середине апреля произошло что-то непонятное. Зловещее. То, что рано или поздно коснется каждого из нас.

Мне трудно писать. У меня дрожат руки и слезятся глаза.

На пастбище неподалеку тяжело вздыхает корова. Еще неделю назад рядом с ней пасся ее теленок.

Возможно это случилось — везде... во всей вселенной. Или — только со мной? Это самое страшное.

Сухо трещат кузнечики. Как они пережили зиму? Наверное, ели песок.

Бог ли решил поиграть с дьяволом в дурака. И проиграл. Или — просто пошел не с той карты. И все посыпалось... И те-

перь, тысяча лет пройдет... и ничего не изменится к лучшему. И ласточки больше не будут гнездиться. И монеты перестанут чеканить. И сливки сбивать.

Я представил себя как другого человека, сидящего в кресле в полусвете старинной библиотеки. Стало до боли жаль прошедшую жизнь. Детство и отрочество провел в доме сумасшедшей старухи. Она все Шопена играла. И кашляла. Школа была ежедневным адом. В университете все было мертво как в морге. А в Германии гигантский крот высосал из воздуха весь кислород.

...

Однажды ночью, около трех, меня разбудил знакомый мужской голос.

— Просыпайся, Гарри, хватит спать. Встань, подсыпь птице корма в кормушку и полей кактусы. Затем — посмотри в окно. Увидишь знамение, не трясись и не нервничай. Это приветствие братства святого Флориана. Спокойно подготовь себя к переменам. Купи раскладушку, теплое пальто, агатовую ступу и пестик. Пригодятся на Фобосе. Там созвездия трепещут скромно и таинственно. И чертополох цветет.

— Что? Как трепещут? Где?

Никто мне не ответил. Только крик цапли донесся с далекой запруды. И ржание лошадей из конюшни. У нас тут их много. Только и делают, что ржут. Ржут, траву щиплют. И на конском бильярде играют. В три шара.

Я был очень удивлен — обычно я никаких голосов по ночам не слышу... сплю спокойно. Даже не ворочаюсь. Ворочаются те, у кого совесть не чиста. Должники, воры, алиментщики. А я никому ничего не должен. Помру тихо.

К тому же у меня нет ни птиц, ни кактусов, только жуки-олени и бабочки — калликоры. Препарированные, на иголках. Получил по наследству от одного ночного сторожа.

И на кой черт мне ступа? Черный перец толочь? От него катар желудка начаться может.

И пальто мне не нужно, у меня куртка есть. С мигающей электрической надписью на спине — The Road To Hell — на фоне одноцветного портрета Криса Ри. Бедняга Крис.

И раскладушка мне не нужна. Я гостей не принимаю. Немого принимать. Меня все забыли, и это к лучшему. Что я теперь? Чудовище. Отживший свое время тип.

Самое худшее — сочувствие пополам с отвращением.

Суставы ноют.

Если бы ко мне вернулась она, моя добрая старушка, легкая как тень...

Смахнул слезу, повздыхал, позевал, повертел перед зеркалом самому себе пальцем у виска, подошел к окну в спальне. Отдернул занавеску, уставился в темноту.

Не заметил ничего достойного внимания. Никаких знамений. Одиннадцатизэтажные панельные дома... чахлая растительность... редкие лужи посверкивают, вчера дождик шел. Все окна темные, жильцы спят как сурки. Город укутан бледной темнотой.

Хотел было уже лечь в кровать... но заметил что-то непонятное на газоне перед домом. Сначала мне показалось, что это полузасохший клен... но затем я понял, что это не дерево, а большая человеческая рука... метров шесть высотой... вылезла из земли. Как бы из кратера. Ладонь ее повернута ко мне. В середине ладони — глаз. Или звезда. Глаз этот открыт и пристально на меня смотрит. Из своей звездной бесконечности...

Хоть бы раз мигнул, что ли.

Ну вот... дожил и до галлюцинаций!

Как, в сущности, коротка, бедна и абсурдна человеческая жизнь!

Погоревал. Но чрезмерно большого значения не придал. Мало ли что ночью покажется... лег и заснул. Во сне ходил гуськом вместе с отрядом скаутов по заснеженным косогорам. Вожатый все время показывал рукой на что-то там, внизу, и говорил: А это, братцы, утонувшая в сумраке... атомная станция. Радиацию просто так, ложкой, не расхлебашь. Попотеть придется. А вы расселись как сычи. На манеж, пожалуйста, на манеж! И в галоп, бездельники!

...

Утром открыл окно и внимательно осмотрел то место, где ночью из земляного кратера торчала рука. Ничего там не

было. Трава и лужи. Пахло лопухами, крапивой и бензином. Я подумал: Вот, все и кончилось. Теперь побегут мирные дни и станут складываться в годы и десятилетия. А я буду неопределенно улыбаться и слушать их свист и треск, сидя у окна и куря черную сигарету с золотой полосочкой.

К сожалению, рукой с звездным глазом дело не обошлось. Не пришлось мне послушать мирный свист времени. Поток его влился не в то русло. И упал темным водопадом в преисподнюю.

Неуловимый морок опустился на город. В нем начали появляться двойники.

Вначале — районов, улиц, зданий, а потом и людей.

Архитектурные двойники выросли как грибы после теплого дождика — на огромных незастроенных пустырях, оставшихся от разбомбленных в последнюю войну кварталов, на месте бывших дачных поселков. Жители города, особенно малоимущие, приветствовали появление новых жилых районов и не обращали внимания на то, что эти новостройки не обсуждались на всевозможных комиссиях, не планировались, не строились годами, а появлялись, обычно между двумя и тремя часами ночи — как будто из ничего. Отдельные новые дома — точные копии уже существующих — тоже выросли как изпод земли по ночам. Там, где уже больше семидесяти лет ничего не было — в проемах между домами, на пустующей земле.

В двойниках-домах жили люди-двойники.

Мне казалось, что только я — один во всем скрежещущем и ревушем мегаполисе — осознаю, что в мире происходит что-то невероятное, чудовищное, грозящее всем нам скорым вырождением и гибелью.

Уличные фонари в городе не светили вовсе. Автомобили исчезли. И велосипедисты.

А пригородные парки так мягко благоухали фиалками. В мутно-молочном тумане мерцали и пропадали болотные огоньки.

Вчера я видел на тротуаре крадущегося человека с собачьей головой. В руке его была сетка с баскетбольными мячами. Или это были тыквы? Не разобрал.

Лет десять назад недалеко от станции Цоо построили первый отель-небоскреб. Здание это, само по себе неплохое, уничтожило однако то особое, зыбкое западно-берлинское очарование, которым славилась площадь вокруг Гедехтнскирхе. Уничтожило своим размером, стилем. Всем тем, что оно репрезентировало.

И вот, несколько дней назад — как всегда ночью — на незастроенном участке рядом с отелем вырос его двойник. Я был там через несколько дней после его появления. Приехал туда африканский терпкий шоколад купить в эко-магазине.

Рядом с церковью разгуливали в ожидании приятных сюрпризов сотни людей. Никто из них на этот новый отель пальцем не показывал, не жестикулировал, не удивлялся. Зато хлоркой пахло сильно. И асбестом.

Даже то, что рядом с одинаковыми, сделанными из розового стекла и хромированной стали, вращающимися дверями отелей-близнецов, топтались абсолютно одинаковые швейцары никого не удивляло. В одинаковых, хорошо выглаженных белых перчатках и черных цилиндрах. С одинаковыми холеными фальшиво-приветливыми физиономиями скучающих негодяев. С одинаковыми темными усами. Возможно, прохожие думали, что эти не усы, а часть обязательной форменной одежды.

...

В вагонах эс-бана мне все чаще попадались на глаза люди-двойники. Мрачные и синие как сфинксы. И коренные берлинцы, и беженцы-арабы, и турки, и циклопы. Одинаковые одноглазые люди в одинаковой одежде. Но никто, кроме меня, этого не замечал... или всем все равно?

Только коричневые оборотни кривили свои страшные волчьи пасти.

Однажды, прямо на моих глазах, два мужа-клона обменялись женами-клонами и не заметили этого. Разъехались так, как будто ничего не произошло. Только там, где это случилось, повисли в воздухе подозрительные пестрые ленточки.

Но больше всего меня поразило рассказ одного знакомого психиатра о происшествии в приемном отделении клиники Шарите.

Ночью туда заявила компания шумных цыган, взрослых и детей. Были среди них и скрипачи, и плясуньи, и барабанщики. И даже один шпагоглотатель.

От встретившего их дежурного врача — они потребовали не медицинской помощи, а католического священника. Они хотели, чтобы священник провел — тут же, в приемном отделении — обряд изгнания дьявола из одной двенадцатилетней цыганочки, заявившей врачу на плохом немецком, что «к ней каждую ночь приходит черный дракон, кусает ее в живот, а потом заставляет ее часами отбивать с ним чечетку».

Врач священника звать не стал, а с огромным трудом оторвал визжащую девочку от матери и отца и отвел к гинекологу (барабанщики бешено стучали, скрипачи скрипели, плясуньи плясали и трясли монистами, а шпагоглотатель так переживал, что подавился шпагой, ему пришлось оказывать первую помощь).

Гинеколог раздел малышку и обследовал. Выяснил, что девочка регулярно подвергается сексуальному насилию. Вагинальному и анальному. И что она — беременна.

Отец ее не стал отнекиваться, а честно признался, что каждую ночь совершает с дочерью половой акт... но «никогда не насилует ребенка, а действует лаской и нежностью». Кроме того, он «разрешает любить ее трем своим неженатым братьям и престарелому отцу-инвалиду».

После того, как дежурный врач не без помощи прибывшей полиции отправил девочку в отделение закрытой психиатрии (это было единственной возможностью, изолировать ее от семьи хотя бы временно и подлечить), цыгане покинули приемное отделение. С угрозами, проклятиями и плевками в сторону врача. И барабанным боем.

А через час или два в приемном отделении снова появились цыгане. Новые, но как две капли воды похожие на ушедших. С двойником-отцом и двойником-девочкой. С плясуньями и барабанщиками. Только вместо шпагоглотателя пришел жонглер. Все повторилось как в страшном сне.

Больше всего в рассказе психиатра меня поразило не то, что взрослые мужчины делали с ребенком (бывает и хуже), а то, что он сказал в конце своего рассказа: Представляешь, два таких жутких случая за ночь — я даже не успел перекусить и выпить кофе. Уши до сих пор болят от проклятых барабанов.

То, что в больницу приходили двойники, его вовсе не встревожило.

...

В околоземном космическом пространстве неожиданно появилась новая орбитальная станция. Которую никто не запускать. Она была точной копией уже существующей станции.

Телевидение и другие поставщики новостей начали, как ни в чем ни бывало, давать в эфир и печатать репортажи о научных достижениях ученых, работающих на двух станциях в околоземном пространстве.

На Алексе стали все чаще появляться целующиеся лесбиянки-близнецы.

А знаменитая белая медведица Альфа в берлинском зоопарке родила медвежонка с шестью лапами.

...

Неделю назад рядом с Потсдамской площадью сама собой выросла новая телебашня, точная копия башни на Александерплац. И тут же начала транслировать те же каналы, что и первая. Только вверх ногами. И это не было замечено ни прессой, ни публикой.

Как не было замечено и то, что из могил в парке Сан-Суси вылезли четырнадцать легавых собак Фридриха Великого и провыли хором (я не шучу) ораторию Баха. После чего разбежались в разные стороны.

Рядом с канцлершей в правительстве Германии вдруг забегала и затараторила вторая Меркель. Казалось бы, это должно было привести в работу правительства хаос. Отнюдь! Они мирно разделили полномочия. Например, если первая, исконная Меркель, уезжала на две недели с официальным визитом в Индию, вторая Меркель — возглавляла заседания правительства в Берлине.

Поговаривают, что есть еще две, но я не верю.

В небе над нами уже давно летают три одинаковые Луны.

А где-то между Юпитером и Сатурном астрономы обнаружили вторую Землю и даже обменялись с ее обитателями радиосообщениями. Те, далекие от солнца земляне, пожаловались на то, что там холодно и скучно. Страны европейского союза уже спорят о том, как будут распределены между ними новые беженцы.

...

Позавчера я, к своему вящему ужасу, обнаружил, что недалеко, за кладбищем, на заброшенном земельном участке стоит двойник моего дома.

Нашей трехподъездной бетонной коробке — около сорока лет. Краска на стенах местами облупилась, швы между блоками обнажились. Двойник выглядел точно таким же сорокалетним бетонным ветераном, ни на год не моложе. И краска также облупилась и швы обнажились. Рядом с ним я испытал что-то вроде пространственного дежавю.

Инстинктивно нашел глазами окна на седьмом этаже. Да, сомнений быть не может, занавески те же. Бежевые, с квадратиками. В окне спальни — оставленная там висеть с прошлого рождества — красная звезда.

Решил, во что бы то ни стало, повидаться с самим собой.

Но сразу зайти не решился.

Меня остановил страх. Я боялся, что если мы посмотрим друг другу в глаза, то нарушится какой-то фундаментальный физический закон и... произойдет аннигиляция. Мы исчезнем или весь мир.

Вчера переборол страх и пошел. Туда. К самому себе в гости.

Был уверен, что мой двойник меня уже ждет.

Как я и предполагал, мои ключи подошли и к подъездной двери и к квартирной.

Вошел без звонка.

Обстановка знакомая. Даже телевизор такой же. И ковер. И два кинжала на стене.

Он сидел в итальянском кожаном кресле и ел бронзово-красную грушу.

Предложил мне жестами сесть в кресло напротив и полакомится сочной курагой, лежащей на блюде. Блюдо покоилось на изящном старинном столике эпохи рококо. У меня дома такого столика не было. Откуда он его взял?

Двойник мой вызывающе посмотрел мне в глаза, явно для того, чтобы продемонстрировать мне необоснованность моих страхов, вытер губы и руки синим платком и заговорил высоким голосом.

Вежливо, но холодно, поприветствовал меня, а затем — чуть ли не полчаса уговаривал меня лететь с ним следующим рейсом на Фобос. Показывал уже купленные билеты. Расхваливал отель, пляжи и публику. Убеждал не забыть взять с собой раскладушку, теплое пальто и ступу. Говорил, что ступа пригодится для приготовления пряностей, потому что суп из бычьих хвостов без пряностей невозможно есть, а тамошние повара ничего в пряностях не понимают и путают иланг-иланг с агар-агаром. А на раскладушке он, так и быть, будет спать сам, потому что на двухместный номер не хватило денег, а отпуск на морском курорте нам обоим необходим как воздух.

На кой черт мне теплое пальто в тропиках — он так и не объяснил.

Нордринг

Жил я тогда в блочном доме в берлинском Марцане. Была у меня соседка по лестничной площадке, Дорит Фидлер. Тихая такая, неприметная женщина. Бывшая гэдээровка. Не высокая, но и не коротышка, не толстая и не худая.

Сколько лет ей было, когда я впервые ее увидел, — не знаю, может 55, а может и 60, но выглядела она на 42.

Ходила, гордо запрокинув голову.

Короткая стрижка. Брюнетка. Седые пряди.

На ее узком лице застыла вечная улыбка, как это бывает иногда у продавщиц, работников похоронных бюро и педиатров.

Взгляд как бы удивленных карих глаз спокойный, уверенный... но с непонятным темным огоньком.

Я говорил ей при встрече: Халло!

Старался, по так и не изжитой привычке мачо, вложить в это слово особый интерес.

Она отвечала сухо и кратко. Халло.

Легкий звук падал и исчезал.

После смерти мужа она жила одна в четырехкомнатной квартире.

Другая моя соседка, все-про-всех-знающая энергичная толстуха рассказывала: У Дорит дома — идеальная чистота. Наверное, убирается все время. Ни пылинки, как в операционной. Кухня умопомрачительная, на стенах — фотографии породистых лошадей. В гостиной крест черный с мертвой головой. Книжки про НЛО и Атлантиду. Бюст Одина с двумя воронами. В спальне — драконы китайские бумажные на веревочках. И везде — горшки с цветами. Бегонии. Всех видов и оттенков. Красиво, но... как будто не по квартире ходишь, а по оранжерее. Или по кладбищу поздней весной.

...

Мы, хотя и жили дверь в дверь, не общались, как это и принято в большом городе. Я занимался своей писаниной, боролся как умел с различными хворями, а госпожа Фидлер жила жизнью молодящейся, не унывающей вдовы. Играла в теннис на платном корте неподалеку, учила английский язык на курсах, регулярно плавала в бассейне, посещала берлинское общество оккультистов «Черная лампа», принимала у себя любовника и гостила все лето в его загородном доме, окруженном ореховыми деревьями и виноградниками, где-то под Дрезденом, — все это поведала мне все та же толстуха...

Даже лифтом не пользовалась, спускалась и поднималась на седьмой этаж пешком.

Друга госпожи Фидлер я ни разу не видел, не пришлось.

Толстуха описывала его так: Солидный господин из Штутгарта, высокий и богатый. Вдовец. После объединения Германии купил недвижимость на Востоке. Владелец конного завода. Не иначе как колдун. Приезжает на своей шикарной

черной БМВ и забирает нашу Дорит с собой. Кажется, они учились в одном классе в провинции, и она была его первой любовью. Друг в друге души не чают.

Толстуха завидовала фрау Фидлер и не скрывала этого.

— Да, завидую. Потому что она — старая, а здоровье и фигура, как у молодухи. Потому что у меня нет богатого любовника с БМВ и призовыми лошадьми. Меня никто не любит, кроме моих крошек...

Крошками толстуха называла своих несносных померанских шпицев, при каждой встрече истошно меня облаивающих и норовивших укунить за ногу.

...

Так мы и жили — параллельными жизнями пять или шесть лет. С стороны квартиры фрау Фидлер не доносилось ни звука.

А несколько недель назад до меня вдруг дошло, что я давно не видел мою соседку. Случилось это в ванной комнате. После того, как я побрился и зубы почистил. Я посмотрел на себя в зеркало и подумал: Давно не видел госпожу Фидлер.

Ну, не видел и не видел. Может быть, переехала.

А несколько дней назад опять встретился с толстухой. Она сажала розы на газоне. А шпицы были к ограде привязаны. Поздоровался и заговорил о нашей соседке. Та отвела взгляд, три раза копнула землю тяпкой и сказала: Ты не знаешь? Она умерла года полтора назад. Заболела. Легла в больницу. Домой не вернулась. Похоронили ее в Грайфсвальде. А квартира стоит не тронутая, потому что наследница, дочка, не хочет разбирать вещи, выбрасывать, ремонтировать. Только бегонии сложила в огромный синий мешок и увезла куда-то. Может, выкинула... Любовник, понятное дело, пропал, может, тоже умер... Да, так все и кончается на свете. Кому мы нужны, мертвые? Могильщикам да червям. И кого теперь тревожит, знала она английский или нет... Нам с тобой тоже не долго осталось небо коптить.

Толстуха любила порассуждать о тщете человеческой жизни и о неминуемом конце.

Меня, признаться, известие о смерти соседки не расстроило. Только кольнуло что-то в горле. И моргать захотелось почему-то.

— Ну, умерла и умерла, что теперь делать? Все умрем. А дочку ее я прекрасно понимаю. Вещи матери выбрасывать — все равно что второй раз хоронить. Мучение.

Постарался поскорее выкинуть госпожу Фидлер из головы.

— Все и так паршиво. Начну рассусоливать да размазывать, — раскисну. Я себя знаю. Вроде бы, получилось.

А вечером, в постели, в полусне, задумался о соседке. Представил себе, как она лежит в гробу... а гроб стоит на сцене, на столе... позади стола — черный крест... в зале публика, все нетерпеливо ждут кого-то. Меня?

Бывает так, начинаешь вдруг думать о том, о чем думать вовсе не хочешь. И думаешь, думаешь. Какая-то неведомая сила возвращает и возвращает неприятные мысли в голову, заставляет концентрироваться на том, от чего хочешь поскорее избавиться. И это противоестественное возвращение, и концентрация, и картинки, которые как бы назло нам рисует наше воображение... причиняют боль.

Опять кольнуло в горле.

Ворочался, ворочался, принял успокоительную таблетку. Гомеопатическую.

Но как ни пытался, ни задремать, ни хотя бы перевести мысли на что-нибудь приятное — так и не смог.

Пришлось прибегнуть к крайнему средству. Помассировал член... представил себе голую грудастую блондинку на безлюдном солнечном пляже. Обычно эта пошлая картинка быстро переносила меня в розовый эротический мир, сажала на волшебные качели наслаждения и не отпускала до семяизвержения.

Нет, не помогло, тучи заволокли небо, брызнул дождь, блондинка оделась и ушла с пляжа, подрагивая от холода и превращаясь в мою умершую жену, качели не качались, а ночной домашний мир стал еще темнее и безнадежнее.

В голову лезли воспоминания о кратких встречах с этой женщиной, незаметной госпожой Фидлер.

От уха к уху каталось эхо: Халло, халло, халло...

Мне чудилось, что она страстно шепчет мне что-то, но я не мог разобрать, что.

То и дело она приближала ко мне свое лицо, как будто слепленное из стеарина, с приросшей к нему улыбкой. Страшное лицо.

Мертвые, наполовину вытекшие глаза... под пятнистой кожей что-то шевелилось.

...

Мука продолжалась до трех часов.

В четырнадцать минут четвертого... дверь моей спальни неожиданно открылась, и в нее беззвучно вошла нагая женщина.

Покойница! Я сразу узнал и узкое лицо, и улыбку, и удивленные глаза.

Сердце сжалось, в горле закололо.

Женщина подошла к моей кровати, пристально посмотрела на меня, кивнула многозначительно... затем открыла среднюю створку моего платяного шкафа и влезла в него.

Призрак?

Или подавленное желание?

Не успел я об этом поразмышлять, как она опять вошла в спальню...

Подошла к моей постели, поглядела на меня несколько секунд — на лице ее отобразились нетерпение и злоба — и опять влезла в шкаф.

Я слышал, как скрипят ее зубы.

Нашел в себе силы пошевелиться и проговорить несколько слов я только во время шестого или седьмого ее появления.

— Не уходите, прошу.

На ее безжизненном лице проступил румянец. Глаза сверкнули. Губы покраснели.

Она присела на край моей постели. Я откинул одеяло и жестом пригласил ее лечь со мной рядом.

— Хочешь меня, ковбой?

Несмотря на то, что ее голос — даже не походил на человеческий, женский, это был голос неодушевленного предмета, мраморной статуи или манекена, вынужденного выдавливать из себя звуки, я ответил: Да, моя повелительница.

Откуда-то до меня долетели аплодисменты.

И она легла рядом... а через минуту оседлала меня.

Во время любви я думал о море. Холодном северном море в шторм. Может быть потому, что тело моей партнерши было холодным как лед.

Аплодисменты не утихали.

После оргазма заснул неестественно быстро. Черный мус-танг унес меня в свою страну.

Проснулся утром как отравленный... тошнило, тело ломило, суставы ныли сильнее, чем обычно.

Позавтракал через силу, мутными глазами просмотрел новости в интернете и только потом вспомнил о ночном происшествии.

Случившееся представилось мне странным, нереальным...

Списал все на фантазию во время мастурбации.

Что только ни померещится во время печального одинокого секса стареющему мужчине?

...

День пролетел мимо меня как воробей, ничего не осталось в памяти, только нерезкая косая черта в воздухе.

К вечеру я разволновался — а вдруг она опять придет? Не для того, чтобы заняться со мной любовью, а чтобы кровь у меня выпить?

Хотел было повесить крестик и последнюю головку чеснока из кухонных запасов на дверь спальни, но вспомнил корчмаря из «Бала вампиров», рассмеялся и не стал этого делать. Может и зря.

Лег в постель и стал ждать. Перед глазами опять замелькала фигура и лицо покойной соседки. Заснул.

В три часа проснулся, мокрый от пота.

А в три часа четырнадцать минут она опять появилась. Нагая. Вошла в спальню и присела на край моей постели.

Невидимый зал дружно заплодировал.

Она приходит ко мне каждую ночь уже три недели.

Каждый раз я просыпаюсь утром... отравленный, с болью во всем теле. В ушах шумит. Все дни напролет ничего не делаю, жду ночи, как наркоман — укола.

Если это продолжится еще какое-то время, я умру.

Пожаловаться мне некому, даже обсудить мое положение не с кем, друзей давно унесла судьба, немногочисленные родные, справедливо обиженные на то и на это, уже годы не отвечают на мои звонки и электронные письма.

Не хочется верить в то, что я спятил или впал в старческий маразм. И к психиатрам идти не хочу. Не верю я этим шарлатанам. Не помогут, только жизнь испоганят.

Решил для начала обратиться к частному детективу.

Пусть покопает, возможно что-то и прояснится. Ведь кроме того, что толстуха мне рассказала, я ничего о Дорит Фидлер не знаю. Может, толстуха все врет...

...

Нашел прямо тут, в Марцане, частное детективное агентство «Аргусово око»... Позвонил, представился.

— Приходите прямо сейчас, господин Сомна. Ваш номер — тридцать пять. Назовите его на входе. И ждите в зале ожидания. Вас вызовут.

Пришел.

На вывеске, рядом с входом в башню, в которой находилось агентство, был изображен огромный глаз. Глаз грозно и бессмысленно смотрел в пространство.

В просторной, хорошо освещенной комнате сидели мужчины. Чем-то похожие на меня. Немолодые, испуганные, обескураженные, люди с серьезными проблемами.

Подумал: Неужели и к ним приходят по ночам покойницы?

Посмотрел на них повнимательнее, и отогнал эту мысль. Скорее — это обманутые мужья. Жертвы шантажа или моббинга. Не получившие наследства наследники...

Вызывали нас по номерам. Через десять минут меня принял маленький плотный человек, почти лилипут, лысый, спокойный, с большими руками и колючими бровями. Энергич-

ный и самоуверенный. В небольшой комнате без окон, на стенах которой висели фотографии каменных истуканов с острова Пасхи.

— Ломан. Частный детектив.

— Очень приятно. Антон Сомна.

— Чем я могу быть вам полезен?

— Видите ли, мое дело не совсем обычное... не знаю, с чего начать. Мне хотелось бы узнать все, что можно, об умершей женщине, моей бывшей соседке.

— Понимаю. Поверьте, тут все дела — необычные. Не стесняйтесь, расскажите мне все, что о ней знаете. Если вы не возражаете, я запишу ваш рассказ на диктофон. После окончания расследования все записи уничтожу.

Я не возражал.

Рассказал ему все. Разумеется, о главном умолчал.

— Господин Сомна, у вас не было близких отношений с вашей соседкой? Извините, я должен это знать.

— Нет, ничего подобного не было. Я видел ее за то время, что живу в Марцане, может быть, семь или восемь раз. В нашем подъезде. Мы не разговаривали даже. Только здоровались.

— Для чего же вам нужны сведения о чужой, практически незнакомой женщине?

— Я автор. Начал писать новый роман, прототипом для главной героини которого, так уж получилось, стала моя умершая соседка. Мне нужен материал... нужны подлинные факты ее жизни.

— А придумать не хотите?

— Придумывать все равно придется. Но, чтобы убедить читателя, заставить его сочувствовать героине, нужно что-то непридуманное... фундамент... Нужна правда.

Детектив посмотрел на меня скептически. В глазах его читалось недоверие. Он слишком хорошо знал людей.

— Вы существенно облегчили бы мне задачу, если бы рассказали все, я подчеркиваю все, обстоятельства дела. Но вы, я вижу, пока к этому не готовы. Что же... идите в кассу и заплатите 800 евро. После этого возвращайтесь сюда, и я кратко

расскажу вам о том, как будет проходить наше небольшое расследование. Касса этажом выше. Лестница слева. Не забудьте взять квитанцию.

...

Заплатил. Кассирша посмотрела на меня сочувственно. Прошептала: Держитесь!

Неужели знает? Или у меня на лбу все написано? Огненными буквами.

Деньги у меня с собой были, потому что интернетная реклама «Аргусова ока» предупреждала: Только за наличные. От двухсот евро в день.

После того, как господин Ломан осмотрел квитанцию, тон его смягчился, взгляд подобрел.

— Для начала я обращусь в муниципалитет и проверю, жила ли действительно указанная вами персона рядом с вами, умерла ли, где и когда похоронена. Не было ли проблем с наследством. Постараюсь достать копии заключения врача и свидетельства о смерти. Загляну на кладбище, проверю могилу. Потом пойду в полицию и узнаю, есть ли у них досье на вашу соседку. Затем найду дочь и побеседую с ней о матери, обыщу ее квартиру. Затем займусь любовником. Посещу конный завод под Дрезденом. Расспрошу хозяина о школьных годах госпожи Фидлер. В пятницу, 24 января... жду вас тут в десять часов утра. Покажу то, что нарыл, а вы решите, достаточно ли вам «правды». Более серьезное погружение в жизнь вашей соседки потребует долгой кропотливой работы и будет вам дорого стоить.

— Как вы все успеете за четыре дня?

— У меня есть свой самолет. А погода, как вы видите, стоит превосходная. Сухая и ясная. Хм... сдается мне, господин Сомна, что вы ждете от меня не посещения кладбища и разговора с дочерью. Последний раз призываю... расскажите мне то, что тревожит вас на самом деле, что заставляет небогатого малоизвестного писателя (извините, мы навели справки) платить 800 евро за... заведомо бесполезное расследование.

У меня опять кольнуло в горле.

— Вы догадались, почему я тут?

— Полагаю, да. Последнее время подобные случаи участились. Мир гибнет.

— Тогда прошу вас, не мучайте меня, выполните свою работу, может быть, вы найдете что-то, что позволит не только объяснить то, что происходит со мной, но и как-то противостоять этому. Имейте в виду, вы, возможно, тоже столкнетесь с тем, с чем я сталкиваюсь сейчас каждую ночь.

— Понял вас. Ну что же, постарайтесь продержаться до пятницы, а за меня не беспокойтесь, у меня есть карманный протонный ускоритель.

И детектив Ломан шутливо изобразил охотника за привидениями из известного фильма восьмидесятых годов.

...

В эту ночь она опять появилась в моей спальне.

Прохрипела своим страшным голосом: Зря ты впутал в наши дела этого смешного гнома из агентства. Он тебе не поможет, ковбой. Никто тебе не поможет. Не хочешь покататься на своей гнедой лошадке?

Раскрыла покрытые трупными пятнами бедра и с силой притянула меня к себе...

...

В пятницу...

В кресле Ломана сидел другой человек. Одет он был как католический священник. В черную сутану с фиолетовыми пуговицами.

Сухощавый, узкоплечий.

Породистое, умное лицо. Очки как у Германа Гессе.

Он говорил, как бы посмеиваясь... кривя тонкие бледные губы.

— С прискорбием должен сообщить вам, что наша фирма понесла тяжелую потерю. Вчера вечером во время полета из Дрездена в Берлин погиб один из наших лучших сотрудников, детектив Ломан. Самолет его по невыясненной пока причине врезался в средневековую башню. Возможно попал в турбулентность. Или гидравлика отказала. Смерть наступила мгновенно. Все его записи, фотографии и другие документы — сгорели. Агентство вернет вам заплаченные вперед деньги.

Человек в черной сутане вежливо поклонился и вышел из бюро. А я поплелся в кассу.

Жалко старину Ломана. Не знаю, что с ним произошло, но подозреваю, что покойная госпожа Фидлер нанесла ему визит в кабине самолета.

Интересно, в какую башню он врехался. Неужели в ту, старинную темную башню, рядом с которой синее озеро, в котором отражается облако?

Вышел на улицу в расстроенных чувствах.

Самолет, башня, бегонии, черный крест, Один, могила в Грайфсвальде, детектив Ломан, мертвая госпожа Фидлер, охотники за привидениями, блондинка на пляже, священник в черном и аргусово око... все это смешалось в голове в пестрый ком, и ком этот превратился в чудовище с огромной плоской треугольной головой... чудовище ревело, постоянно меняло формы и цвета и царапало мне мозги.

Инстинктивно оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на рекламную вывеску детективного агентства — и не удивился тому, что она пропала. Бетонная двадцатипятиэтажная башня высилась в ста метрах от меня во всем великолепии своего уродства.

Решил поехать домой, хотя и предчувствовал, что не увижу больше ни свою улицу, ни наш одиннадцатипятиэтажный дом, ни толстуху с ее спицами.

К остановке тихо подплыл современный красавец-трамвай, неизменно пробуждавший во мне чувство гордости за цивилизацию. Комфортабельное, вместительное, чистое и очень быстрое транспортное средство.

Вошел и сел на первое попавшееся свободное сидение.

...

Моим соседом оказался странный человек в темно-вишневом пальто и вязаной шапочке. На ногах его были кожаные туфли, пожалуй, слишком элегантные для Марцана. Тоже можно было сказать и о квадратных очках в темно-вишневой оправе и о перчатках. В правой руке он держал палочку с конусом электрически посверкивающей сахарной ваты, а в левой — серебряное ведро со льдом, из которого выгладывало золотое горлышко бутылки. Кристалл?

Я отвел глаза от соседа и задумался о своих делах... но через несколько мгновений опять посмотрел на вишневого господина. Сахарной ваты в его руке уже не было — неужели съел? И ведерко отсутствовало. Зато он держал в руках два наполненных до половины узких бокала... один из них он протягивал мне.

— Прошу тебя, Гарри, тебе стоит выпить это. Полегчает.

— Почему вы зовете меня Гарри?

— Потому что так тебя на самом деле зовут.

— Гарри? Гарри кто? Неужели инфантильный Поттер? Трудно представить себе персонажа мерзее! Или Гарри Жестокый, английский пират, или Гарри Кровавый, знаменитый борец с монстрами... Грязный Гарри с пистолетом? Гарри-ангел или Гарри-кусок-дерьма?

— Выбирай сам, меня это не касается.

— Откуда вы меня знаете?

— Мы давно знакомы.

— Я вас не помню!

— Так написано в сценарии, потому и не помнишь.

— В каком сценарии?

— Меня не уполномочивали все тебе объяснять. Я должен предложить тебе бокал шампанского, а ты должен выпить и сказать: Баснословно!

— Ладно, давайте рюмку.

Я выпил и произнес то, что он хотел. Жидкость в бокале заслуживала похвалы. Удивительно приятный вкус.

Издали слышались жидкие аплодисменты. Какой-то нахал крикнул с галерки: А мне не предложите рюмочку? Похвалю по-царски.

На этот выкрик мой сосед отреагировал так: Выпивка и закуски — после второго антракта, ваше величество. Извольте потерпеть.

А мне сказал: Так-то лучше, Гарри! Ага... что у нас тут дальше? Да, да, как я мог забыть...

Сосед легонько тряхнул головой и все вокруг нас изменилось.

Мы все еще ехали в трамвае, одни... остальные пассажиры исчезли.

Трамвай наш покинул знакомый мне мир и мчался куда-то через пустое пространство.

— Куда это мы едем... или летим?

— Мы стоим на месте, это мир вокруг нас летит, летит назад. Через несколько секунд — посадка на Марсе.

Сосед еще раз тряхнул головой... и вот... мы оба уже бредем по красной планете. В серебристых скафандрах... Месим пыль. И переговариваемся друг с другом по радио.

— Вот уж действительно — баснословно. На кой черт вы меня сюда притащили? Что у вас в сценарии — борьба за выживание, поиск ушедших цивилизаций или сражение с роботами?

— Всего понемножку. Вон, посмотри...

Впереди нас сверкала разноцветными огнями громадная футуристическая постройка.

— Это что?

— Чудесное место. Нордринг. Перекресток миров...

— Понятно. Это наша цель?

— В настоящий момент — да. Тебя там ждут.

— Кто меня тут может ждать?

— Не прибедряйся, ты человек известный. Если не ошибаюсь, предпоследняя твоя новелла называлась «Марсианские ликоподы». Так вот, ее прочитали, сочли небезынтесной и... материализовали и оживили все описанные тобой персонажи. В естественном, так сказать, окружении. Тебя ждут для того, чтобы ты сам... выпустил их на волю, перерезал ленточку.

— Простите, но моя книжонка — это всего лишь ужастик, легкое, развлекательное чтиво. Почти что пародия. В какую больную голову пришла мысль материализовать летающих электрических угрей и гигантских демодексов? К тому же существующих только в воображении моих героев, сходящих с ума от радиоактивного излучения.

— Именно, именно, в твоём тексте действуют не только электрические угри, но и астронавты, ученые, специалисты по паранормальным явлениям. Мужчины и женщины. Милые персонажи, надо отдать тебе должное.

— Да, но это условные, упрощенные до функции характеры, облегченные литературные конструкции. Ничего общего не имеющие с живыми людьми. В финале они сами превращаются в чудовищ.

— Не собираюсь вступать с тобой в литературоведческие споры. Вот и двери в шлюз. Входи, не стесняйся. Все, что ты встретишь в этом здании — придумал ты сам. Не забывай об этом! Живи своей мечтой, как завещали древние. А я удаляюсь, адьё, терпеть не могу эти командировки!

Он исчез, а я подошел ко вторым дверям... не дверям, а высоким тяжелым воротам с рельефными изображениями распятых обезьян на левой и правой створках.

Из-за ворот доносились яростное рычание, жалобный визг, чавканье и хруст разгрызаемых мощными челюстями костей.

Ворота медленно открылись, и я шагнул в неизвестность.

Бочка

Терпеть не могу рейсы с промежуточной посадкой.

Тебе хочется поскорее домой, в Берлин, к жене и детям... которых, впрочем, нет и не будет, а ты, тихо проклиная все на свете, летишь в Мюнхен или во Франкфурт. Двигатели мерно урчат, внутренняя обшивка салона неприятно трясется. Того и гляди треснет, и все полетит в тартарары.

Или, еще хуже — алюминиевая птица тащит тебя зачем-то в Прагу или Варшаву. И ты сидишь в ней, как заключенный в камере, и поневоле содействуешь потеплению нашей отравленной выхлопными газами планеты. Теряешь драгоценное время, тратишь непонятно на что жизнь.

Какой позор для столицы Германии — не иметь собственной интернациональной воздушной гавани. Строящийся

уже 14 лет Вилли-Брандт-Аэропорт — давно стал не только индикатором немецкой коррупции, безответственности и лицемерия, но и символом постепенного превращения Германии в страну третьего мира. Непонятно, будет ли он вообще когда-нибудь открыт.

...

И в этот раз... Я возвращался в Берлин из Стамбула. В мыслях уже нежилась в ванне, курил сигару и листал книгу Лавкрафта.

При посадке в самолет, коротенький Боинг 737, узнал, что летим мы не в Берлин, а в Братиславу. На тебе! Черт бы ее побрал, эту столицу недавно отделившейся от Чехии Словакии. Зачем подняли железный занавес? Пусть бы себе висел. Идиоты!

Бежать в кассу, менять билет, ругаться — не было охоты. Потому что я был опустошен и измучен. После долгих и бессмысленных переговоров с техническим руководством дочернего предприятия нашей фирмы.

Ни одно предложение по рационализации процесса производства и повышению эффективности труда рабочих на конвейере, выработанное нашим маленьким коллективом специалистов, не было принято, не было даже доброжелательно рассмотрено. Говорили со мной стамбульские коллеги покровительственным тоном, как говорят богатые и успешные с бедными неудачниками, произвольно меняли тему, тянули время, рассказывали похабные амурные истории... иногда, как бы невзначай, переходили на турецкий и несколько минут тараторили на своем гортанном наречии, смеялись и многозначительно переглядывались.

Догадывался, что они обо мне говорили за глаза.

Посмотрите на этого несмышлениша! Ничего не понимая в процессе производства, он предлагает нам сомнительные новшества. Нас, уже много лет обеспечивающих стабильную работу фабрики, не ставит ни в грош. Молокосос! Непонятно как, уж не с помощью ли терпеливого зада... втерся в доверие одряхлевших и впавших в маразм членов совета директоров,

и вообразил неизвестно что о себе и о своих приятелях-бездельниках из отдела рационализации! Плети, плети дальше, голубок, мы все равно тебя не слушаем. Играй в своей пещерке...

...

Один из них, Халим... полный и нагловатый, с дорогими перстнями на волосатых пальцах и с нефритовыми дракончиками на золотых запонках, томно улыбаясь и почмокивая чувственными губами, предложил мне в конце последнего заседания сходить с ним вместе в какие-то особые бани в предместье Стамбула.

— Там вас будут мыть и массировать профессионалы. Мастера своего дела. Возраст, темперамент и пол банщиков — по желанию клиента. От бодрых еще восьмидесятилетних старцев до пахнущих персиками шестнадцатилетних школьниц. После бани и бассейна — пиршество на природе в компании прекрасных женщин или мужчин. Танец живота или танец с саблями. Сладкие вина, ликеры, фрукты, кадаив и пахлава.

Остальные встретили его предложение ёрническими ухмылками и негромким хохотком. Звонили в маленькие колокольчики. Подмигивали. Кивали своими прилизанными усами головами с напмаженными проборами.

Все наши детализованные планы и разработки мне пришлось, по приказу руководства, оставить у них...

Старый жук Мольтке, проработавший на фирме чуть ли не со времен Теслы, напутствовал меня перед отъездом: Дай им волю покуражиться и покривляться... Они иначе не могут, поверь, тут нет ничего личного. Половину тысячелетия были холопами султана. Теперь разыгрывают из себя султанов сами. Уверяю тебя, после твоего отъезда они внимательно прочитают наши предложения и, скорее всего, потихоньку их реализуют. А потом — естественно — расхвалят себя до небес на годовом собрании. Работники они неплохие, и стоят не дорого... ради этого можно и потерпеть. Когда наши боссы навещают Стамбул, один из них, ну этот, толстый, Халим, водит

их в баню с девочками и мальчиками. Это его единственная обязанность на фабрике. Я, грешник, тоже бывал с ним в бане... незабываемые впечатления...

...

Сели в Братиславе без проблем. Мягко, как на травку.

Капитан объявил, что пассажиры, летящие в Берлин, могут остаться на борту. Вышла из самолета только одна шумная группа местных рыбаков-спиннингистов, проведшая две недели на побережье Мраморного моря. Человек двадцать пять. Весь полет до Братиславы они обсуждали свои рыболовные подвиги, показывали друг другу и соседям собственноручно сделанные блесны и фотографии улова. Почти все пойманные словаками рыбы были иглобрюхами, знаменитыми японскими фугу, безумно вкусными и ядовитыми. Я и не знал, что они водятся в Мраморном море. Благоразумные спиннингисты фугу не ели, а предварительно сфотографировав для славы и потомства, бросали в море. Ели они запеченных в собственном соку в алюминиевой фольге сибасов и местный шашлык.

Минут через тридцать в самолет вошли новые пассажиры, молодые ребята, летящие в Берлин, чтобы насладиться наркотой и разнузданным сексом в знаменитом техноклубе Бернхайн (они громко говорили об этом по-английски, неправильно произнося название клуба), желтый тягач оттащил нас от здания аэропорта, самолет включил двигатели и покатил своим ходом к взлетной полосе.

В этот момент мной овладело скверное предчувствие. Да такое сильное... до спазмов в горле. И с видениями. Как в известном фильме. Но мужества на то, чтобы сорвать вылет и со скандалом покинуть самолет, у меня не нашлось.

...

Мы взлетели.

Спокойно и ровно набирали высоту. Я смотрел в иллюминатор, пытался понять, в какую сторону мы летим. Понял и не поверил себе. Вместо того, чтобы лететь на северо-запад, мы явно летели на северо-восток. В сторону Татр. Их синева-

тые вершины, частично покрытые снегом, уже показались впереди, на горизонте. Видно было и пирамидальную вершину легендарного Кривана, покрытого как шапкой белой тучкой.

И тут...

Самолет как будто налетел на невидимую преграду в воздухе, пронзил ее... и мы оказались в пространстве, в котором все было не так...

Рутинные законы аэродинамики и гравитации тут похоже не действовали. Свет преломлялся и отражался как-то криво. Звуки замедлились. Дышать стало трудно. Мысли плясали. Чувства прыгали.

Наш Боинг неправдоподобно быстро затормозил... остановился в воздухе, задергался, как пойманная рыба в сети, оба его двигателя поперхнулись, закашлялись... затем выплюнули из себя длинные оранжево-розовые огненные струи, запылали, раскололись, их обломки отделились от крыльев. Непонятная сила унесла их куда-то в бок. А наше воздушное судно завалилось на левое крыло, а затем резко пошло вниз по неширокой спирали. Штопор?

Гибель наша была теперь вопросом времени. Пассажиры поняли это и закричали.

От резкого перепада давления внутри салона я почти оглох.

Я не знал, что делают перед смертью. Почему-то глупо рассмеялся. Жизнь давно мне осточертела, но погибать вот так... врезавшись в землю в дурацкой туристической леталке... все-таки не хотелось. Паршивая смерть. Хотя...

Сейчас, сейчас...

Через несколько секунд мы уже видели крыши... совсем близко под нами. На одной из них я заметил одетого в черное трубочиста, похожего на черта. Он смотрел на нас. Рот его был открыт, розовые губы дрожали. Правой рукой он показывал нам средний палец.

В последний момент произошло чудо. Пилотам удалось остановить падение и выровнять самолет. И мы неестествен-

но медленно летели над маленьким городком, сбивая крыльями трубы, старинные телевизионные антенны и голубятни и теряя винглеты, элероны и закрылки.

А потом нырнули вниз. На улицу.

Самолет... как ракета или серебристый автобус... парил какое-то время между домами. Так по крайней мере мне казалось. И парение это почему-то вызывало во мне эйфорию. Мне хотелось, чтобы оно никогда не кончалось.

Возможно это удивительное ощущение стало следствием неправильного восприятия времени. Мои парализованные страхом нервы не транспортировали, а задерживали сигналы, посылаемые глазами мозгу. Или пораженный ужасом мозг сам себя наркотизировал, кто знает.

...

Мы приземлились. Упали. Грохнулись. Разбились.

Переломанный в нескольких местах фюзеляж лежал на развороченной мостовой. Из-под его брюха выбивался огонь.

Раненый капитан нашел в себе силы прокричать: Топливные баки сейчас взорвутся. Бегите! Спасайтесь!

Второй пилот был мертв.

Капитан и одна, пережившая падение стюардесса, попытались открыть запасные выходы. Но им не дали это сделать обезумевшие от страха люди, устремившиеся к главному, открывшемуся при ударе о землю, выходу.

Вторая стюардесса лежала недалеко от меня в неприличной позе. Мертвая. Грудь и шея ее была проткнуты ребристой алюминиевой палкой.

Первыми из самолета выпрыгнули как зайчики молодые люди, летящие в Берлин. Они прошли к выходу — в прямом смысле — по головам остальных пассажиров. За ними вышли мы. Их... нас... было не так уж много. Человек двадцать. Остальные или погибли во время приземления, или были тяжело ранены, не могли передвигаться. Все они и те, кто решил с ними остаться или пытался помочь, задохнулись или заживо сгорели.

Люди торопливо отбегали от самолета... оглядывались. Хватались за голову.

Взрыв топливных баков произошел через десять или двенадцать секунд после того, как я покинул салон. Успел отбежать и инстинктивно спрятаться за старомодным газетным киоском. Киоск как будто облили из огромного ведра горящим керосином. Но на меня упали только три или четыре случайные капли. Пробежал, почти без дыхания, еще метров пятьдесят. Упал. Ударился головой о фонарный столб.

Тут ко мне вернулся слух. Я услышал истошные крики гибнущих в огне людей, чудовищный скрежет, грохот, треск и гул катастрофы. В нос ударил запах керосина и горячей пластмассы.

...

Ко мне подскочила какая-то тень. Заговорила со мной на незнакомом языке. Почему-то я ее понял. Позже догадался почему. Это был идиш, язык моих предков.

— Господин, господин, тут нельзя лежать... опасно.

Тень потихоньку превратилась в мальчика лет двенадцати с бледным лицом. В рваном пальто, кепке, коротких штанишках, старомодных башмаках и дырявых гетрах. Где-то я его видел.

Он схватил меня за руку и потянул. Я дал ему увести меня с улицы.

Мы шли по узенькому проходу между стенами, заросшими плющом. Несколько раз поворачивали. Миновали дюжину дворов и небольших площадей.

Вышли на пустынную улицу. Тут спутник мой меня покинул. Исчез.

Я прислушался.

К моему удивлению — ничего кроме обычного кряхтения и похрустывания вечернего города не услышал. Ни грохота, ни гула, ни сирен пожарных или скорой помощи.

Не увидел и отблесков пламени в окнах верхних этажей.

Безлунные небеса надо мной не были багровыми... чернели... звезды — крупные и яркие, как в пустыне или открытом море. Знакомые созвездия я не нашел.

В воздухе не пахло пожарищем.

Невольно подумал: А случилась ли на самом деле эта катастрофа? Или тебе все это привиделось? Криван, крыши, трубочист, горящий самолет, мальчик в пальто... А на самом деле ты еще в Стамбуле, спишь пьяный и усталый после посещения турецкой бани на своей кровати в номере с видом на Босфор. И тебе снится страшный сон.

Прилег на нечистую лавочку под огромным каштаном. И потерял себя.

...

Нашел себя я в городе, в котором вырос, рядом с семнадцатизэтажным домом, в котором жил в детстве.

Зашел в подъезд. Тут в квартире на восьмом этаже дожидали жизнь мои бабушка и дедушка. Я не один, а с милой подругой. Мы ищем место, где можно побыть наедине.

Бабушка и дедушка давно умерли, они не будут мешать. В кармане у меня ключ от их пустой квартиры.

В подъезде темно. Мы слышим какое-то копошение, топот...

Вот, заиграли невидимые скрипки и арфы...

Синеватые фигуры с прозрачными телами запели знаменитую баркаролу Оффенбаха «Прекрасна ночь, о ночь любви».

Подруга моя дрожит.

Оба лифта не работают. Мы поднимаемся по лестнице на восьмой этаж.

Я долго не могу найти замочную скважину. Наконец открываю дверь.

Мы входим. И тут же сливаемся в страстном поцелуе.

Веду свою возлюбленную в гостиную, там широкая софа.

В гостиной все так, как раньше. Два золотистых кресла, журнальный столик между ними. Книжные полки от пола до потолка. Телевизор и софа. Фотографии на стенах.

Мы быстро скидываем одежду, но...

Но на софе уже лежат два человека. Обнявшиеся их тела медленно материализуются у нас на глазах. Это два глубоких старика. Страшных, нагих, кожа да кости... похожих на оципаных мертвых петухов.

Один из них — мой дедушка, другой — архитектор, добрый его знакомый. Дедушка часто гулял с ним в последние годы жизни по аллеям вокруг главного здания МГУ, старики вспоминали тридцатые годы, совместную работу на строительстве военных заводов на Дальнем Востоке, войну и страшное послевоенное время.

Дедушка пристально смотрит на меня, глаза его в темноте посверкивают. Архитектор индифферентно уставился в потолок. Тишина мучительна, нам стыдно, неловко...

Наконец дедушка заговорил. Не своим... скрипучим и жутким голосом.

— Вот и пожаловал наконец мой дорогой внучек провести дедушку. После стольких лет... Какая честь, какая радость! И не один, а с красавицей. Улик, посмотри, какая у него краля. Ты в юности любил худеньких. А мне всегда нравились дамы поплотнее. Ну что же, коли мы собрались тут все вместе, пора ужинать.

Идем на кухню. Сковородка уже скворчит, на столе — разделочная доска и длинный острый нож. Мы должны вынуть говядину из холодильника, разрезать на куски в два сантиметра толщиной и зажарить.

Но, какое разочарование! Мясо все еще лежит в камере глубокой заморозки. Твердое как гранит.

Я громко объявляю: Мясо не разморожено. Ужин отменяется.

Дедушка подходит ко мне (я вижу сквозь кожу его кости), обнимает и шепчет мне в ухо: Мясо не разморожено? Тогда срежь нам с Уликом кусочки пожирнее с твоей красотки! С ребрышек или с бедер. Парное мясо лучше всего. Так говорили зеки. Сказочно вкусно!

Я в ужасе отталкиваю его от себя. Он падает и разлетается на кусочки, как гипсовая статуя.

Неожиданно я слышу голос бабушки. Она говорит: Сынок, зачем ты убил дедушку? Кто теперь позаботится обо мне? Я умру от одиночества и тоски. Куда я подевала ингалятор? Вот-вот начнется приступ.

И я ищу и ищу ингалятор... один в пустой жуткой квартире.

Очнулся я все на той же лавочке, на улице неизвестного мне городка. Звезды все также сияли на небе. Ожоги саднили кожу. Мысли все еще плясали.

Мальчик в пальто и гетрах потянул меня за руку и сказал тихо: Пойдем, пойдем. Некогда дрыхнуть. Я надеюсь, твой дурацкий самолет не потревожил их.

— Кого, кого, не потревожил?

— Он не знает. Конечно он не знает. Откуда ему знать? Он же оттуда.

— Откуда, оттуда?

— Долго объяснять. Если хочешь сохранить жизнь, иди за мной и молчи. Ничему не удивляйся, просто иди. А когда я скажу — прячься, то прячься.

— Ладно, ладно, понял.

Пошел за маленьким нахалом. Что мне еще оставалось делать?

Мы прошли несколько кварталов по безлюдным улицам. Я не удержался и тихо спросил моего провожатого: Почему все окна темные и фонари не горят?

— Поймешь позже.

— А где машины, транспорт?

— Тут ничего этого нет.

— И магазинов нет?

— Нет.

— А люди есть тут? Кто живет в этих домах?

— Люди? Кто это?

— Люди... как ты да я.

— А разве ты человек?

— А кто я по-твоему?

— Лучше тебе этого не знать.

...

Издали послышалась немисливо фальшивая маршевая музыка, исполняемая на духовых инструментах, и барабанная дробь. К нам явно приближалась какая-то процессия.

Мальчик тут же завел меня в темную арку и прошептал: Слейся со стеной. Не смотри.

Любопытство пересилило страх. Я прижался к внутренней стене арки у самого выхода. Оттуда я видел улицу. И вско-
ро был вознагражден удивительным зрелищем.

Судя по усилившемуся до боли в ушах реву и блянюю труб, процессия подошла к нашему укрытию.

Возглавляло ее большое белое яйцо неправильной формы. Оно катилось по мостовой само собой. Я почувствовал, что в этом яйце — кто-то или что-то сидит. И это что-то знало, что я смотрю на него. И было готово расколоть яйцо и напасть.

После яйца по улице проехала верхом на огромном петухе голая беременная женщина... глаза ее были украшены ужасными бельмами, но она видела. Толстые, похожие на человеческие, ноги петуха были обуты в деревянные голландские башмаки.

Беременная медленно повернула голову ко мне и погрозила пальцем. Я вжался в стену.

За беременной шло странное чудовище — вроде бы черепаха, но с овечьими ногами и головой варана. Длинные его уши... доставали до брусчатки. Во рту варанья голова держала колокольчик. На размалеванном панцире черепахи сидела отвратительная уродка-демоница. Она дудела в длинную, изогнутую дудку, из которой валил дым. За черепахой шли демоны-музыканты, один другого причудливее и страшнее...

За музыкантами катилась колоссальная позеленевшая дубовая бочка без крышки. Катили ее демоны в доспехах рыцарей. Все какие-то неправильные, уродливые, жуткие... В бочке корячились обнаженные люди, оттуда доносились стоны и крики. Внутренняя поверхность бочки была утыкана длинными металлическими шипами. Они приносили людям в бочке невыносимые страдания.

Внезапно ко мне подскочил рогатый демон с рыбьей головой. В рыцарских доспехах. Он вежливо поклонился... затем положил трехпалую лапу мне на плечо и моя одежда и обувь, как по волшебству, исчезли, а мое лицо превратилось в шакалью морду. Я был теперь, как и он, облачен в средневековые

рыцарские доспехи. На голове у меня был шлем с выпуклым забралом. В левой руке — алебарда. Правая нога — босая, а левая — в кувшине. На спине у меня вырос горб.

Идти было не легко. Но я бодро пошел вместе с остальными, то и дело толкая зеленоватую бочку и клацая редкими зубами.

Царица ночи

Выскочил из подъезда как лев из клетки. Хрякнул и ножкой притопнул. Неужели пришло и мне время молодиться, демонстрировать к месту или нет старческий задор и дежурный оптимизм? Хвастаться, что я еще могу три раза подряд...

Все на улице так, как и неделю назад. Дома еще стоят. Машины еще ездят. Хотя и меньше их стало заметно. Жители нашего района бродят. Все с сумрачными лицами. Как гамлеты...

Пошел к автобусной остановке. Натянул маску на морду. Пандемия, ничего не поделаешь. Придется в маске весь концерт просидеть. Главное, в обморок не упасть. И в штаны не наделать. Случалось уже и такое — но не со мной.

Автобус был пустой. Только на задних сидениях развалились трое или четверо подростков, демонстративно, без масок, а ноги на передние сидения положили, стервецы. Один курил. Старался на них не смотреть, не хотел приключений на свою задницу. Хотя мог бы их избить и из автобуса выкинуть.

На Герензеештрассе пересел на эс-бан.

Медленно ехал поезд. Иногда почему-то дергался как паралитик. И скрежетал.

И тут вагон был почти пуст. Третья волна. Некоторые предрекают, что самая страшная будет — седьмая. Три процента населения Европы уже на том свете... А седьмая волна, говорят, унесет каждого четвертого.

На станции Осткройц в вагон ввалилась пьяная компания, человек двенадцать. Жуткие типы с наколками. И вуль-

гарные бабы с ними. Бандиты? Или только изображают крутых? Сейчас никому и ничему верить нельзя. Карнавал в разгаре.

У двоих болтались на боках ножны с мечами. А еще один держал в руке автомат Узи. Подделка или настоящий? Проверять не стал, выскочил.

Следующий поезд пришел через двадцать минут.

На остановке Хакешер Маркт ко мне подошел хорошо одетый мужчина средних лет с тростью и в кепке и проговорил, сверкая рыбьими глазами: Скорее выходите, а-то пропустите Большой гон. Незабываемое будет зрелище!

Сказав это, он проковылял к восточному выходу с платформы. Когда я подошел к лестнице, ведущей на улицу, он был уже внизу. Оглянулся, нашел меня глазами, ухмыльнулся, кивнул и поманил меня рукой.

Вышел на улицу... никого...

Пошел к театру.

На том месте, где Ораниенбургерштрассе вливается в Розенталерштрассе стояли, вытянувшись в линию, сотни мужчин, как будто ждали чего-то... мой человек в кепке был среди них. Он заметил меня, подошел, фамильярно ударил по плечу и прошептал на ухо: Люди говорят, сегодня евреев будут гнать. Из синагоги... Спрятались, на замки позакрывались...

И тут же откуда-то слева послышались свист, улюлюканье и истошные крики.

Мимо нас пробежала группа голых мальчиков лет десяти. На их лицах читался смертельный ужас. Их кажется никто не преследовал кроме крупной черной собаки. Из окровавленной ее пасти вырывался огонь.

Примерно через минуту я увидел бегущих нагих и босых женщин. Рядом с ними бежали мальчики-подростки. В руках у них были палки. Ими они били бегущих женщин. Попытались попасть по ягодицам и половым органам. Женщины отчаянно кричали, мальчишки радостно свистели и улюлюкали. Глаза их сверкали как звезды.

Одна из женщин вдруг споткнулась и упала. На ней все еще был одет непонятно как уцелевший белый старомодный

корсет. Видимо люди, срывавшие с нее одежду, не довели почему-то свое черное дело до конца... Ее тут же, как муравья бабочку в муравейнике, облепили подростки, они сорвали с нее корсет, а затем страшными ударами заставили встать и бежать дальше.

После женщин и мальчишек мимо нас медленно пробежали нагие мужчины...

Все за шестьдесят, некоторые за семьдесят... пузатые, обрюзгшие, задыхающиеся. Их гнали и били палками юноши лет восемнадцати-двадцати с счастливыми лицами и характерными короткими стрижками. Когда один из стариков упал, его не стали поднимать и заставляли бежать дальше, его убили выстрелом в голову. Труп оставили валяться на асфальте у входа в закусную Неаполь.

Человек в кепке поднял с мостовой и подал мне на троточке остаток белого корсета.

— Не хотите ли взять на память? Историческое свидетельство. Вставьте в рассказик или повестушку.

Не знаю, что тут со мной случилось, но я выхватил из его руки трость и изо всех сил ударил его ей по лицу. И быстро пошел к театру.

На входе в театр стояли два охранника. Посмотрели на мой билет и зачем-то потребовали паспорт. А он у меня месяц, как просрочен. Один из охранников хотел было уже отогнать меня от входа в театр, но другой посмотрел еще раз на мой билет, затем сказал что-то на ухо первому, и они пропустили меня. Хмыкая и хихикая.

Публику в масках, праздно слоняющуюся по фойе, я рассматривать не стал, прошмыгнул в зал и начал искать свое место. Странно, но моем билете не был указан ряд, только место. Место 35. Но ни в одном ряду не было места 35. Что за наваждение!

Подошел к тетке, которая раздавала программки, рыхлой и старой, в сиреновом парике и с лиловыми ногтями, сунул ей билет. Она посмотрела на него своими выпученными бесцветными глазами и почему-то встревожилась. Показала скверные зубы и пролаяла: Видите ли, гражданин, это место особое!

— Как это так, особое?
— Особое. Оно... лежачее.
— Как так лежачее?

— А вот так. Вон, видите, в центре зала, прямо у сцены, — кровать двуспальная. Подушки пунцовые. Одеяло синее. Там ваше место.

— Извините, а другого места у вас для меня нет? Я не гордый, могу и на галерке посидеть.

Дама обиделась.

— У нас только партер. От кресла до кресла — два метра, как и положено. Только одно исключение есть — два лежачих места для супружеской пары. Не понимаю, почему вы от своего счастья отказываетесь. Вот, посмотрите, на вашем билете, внизу, маленьким шрифтом написано — лежачее. Идите, ложитесь и слушайте прекрасную музыку. И обнимайте жену. Или сейчас же покиньте театр. Я вызову охрану.

— Не надо...

Пока шел к проклятой кровати, мне казалось, что все на меня смотрят, пальцами показывают и злобно шушукаются. Сгорая от стыда, присел на одеяло. Как бедный родственник. Думал, вот представление начнется, я встану потихоньку и в полутьме займу свободное кресло. Кто-нибудь опоздает. Дирекция часто держит бронь до последнего...

Ко мне подошли четыре вооруженных охранника. Четыре! Один из них, седой и важный как Бисмарк, провозгласил: На кровати нельзя сидеть, уважаемый. У вас место лежачее. Повторяю, лежачее. Понятно? Вы должны раздеться и лечь под одеяло. И поживее, пожалуйста, представление начнется через три минуты.

Пожилой озабоченно посмотрел на свои серебряные карманные часы с выгравированным на крышке святым Георгием, убивающем змия. Постучал толстым ногтем по металлической спинке кровати.

— Или вы хотите, чтобы мы вас насильно раздели?

Он не шутил.

Я скинул с себя одежду и влез под одеяло. Охранники ушли, прихватив с собой мои вещи. Тут свет в зале погас.

На сцену вышли старый аккомпаниатор, похожий на Артура Рубинштейна, и певица, вылитая Анна Нетребко. Аккомпаниатор, распустив фалды фрака, сел на табурет. Его голая задница беспокойно заерзала. Певица оперлась правой рукой о рояль, левую прижала к напудренной, вывалившейся из платья груди, глубоко вздохнула и запела арию Царицы Ночи из «Волшебной флейты». Эту, гневную. В которой Царица Ночи убеждает Памину резать Зорастро.

Певица пела и смотрела вверх. Большие ее груди болтались вправо и влево. Аккомпаниатор ёрзал обнаженным задом по табурету.

...

Рядом со мной под одеялом лежала женщина. Лет сорока пяти. Похожая на ту, что споткнулась...

Она дрожала и прижималась ко мне.

Я обнял ее и осторожно приласкал.

Зал неожиданно зааплодировал. Я думал, публика аплодирует певице. Поднял голову, но ни рояля, ни аккомпаниатора, ни певицы на сцене не было.

Вокруг нашей кровати стояли те же юноши, которые преследовали и били старых мужчин во время Большого гона. Все они держали в руках палки.

Я почувствовал боль только от первых пяти или шести ударов...

Несколько замечаний

«Повелитель четверга» — это часть чернового варианта начала повести. Пролог. Беловой вариант, к сожалению, до сих пор не готов.

...

«Помолвка».

Увы — и это не последний вариант.

О чем этот рассказ?

Каждый читатель понимает любой текст по-своему. Но и я, после окончания правки, тоже читатель и имею право на собственную интерпретацию.

Полагаю, этот рассказ о страхе. Об экзистенциальном страхе. О главном чувстве современного человека. О все крепнущей уверенности индивида в том, что в мире все пошло как-то не так, как надо. И не только в мире, но и в стране, в городе, в семье, в нем самом. О предчувствии катастрофы. Мировой и индивидуальной.

Бытие главного героя — треснуло и расслоилось. Он потерял себя и стал странником. И с тех пор путешествует по абсурдным мирам. Против воли становится участником зловещих событий...

Неожиданно для самого себя попадает на помолвку с Азалией. В первом варианте текста я назвал ее цыганкой, но потом решил, что это — слишком прямая характеристика, и выкинул это слово.

Ясно, что эта девушка с несносной родней, вся эта кошмарная помолвка с ее гостями, с чудовищем на потолке, с каменоломней в отеле, для Гарри — вовсе не исполнение желаний, а очередное испытание. Еще один этап долгого и тяжелого пути в небытие.

И неожиданное совокупление с Азалией на ресторанном столе, превращенном в брачное ложе, — удовлетворяет его физическое желание, но не приносит ему ни счастья, ни экзистенциального облегчения. Азалия — как паучья самка — убивает его после любви.

После такой «помолвки с смертью» Гарри приходит в себя — в Париже, но не в Париже Пикассо и Шагала, а в далеком 1572 году, в канун дня святого Варфоломея. Оказывается, он там палач.

Никакой морали в этом рассказе нет. Как нет ее и в других моих рассказах. Главный герой не претендует на сочувствие, он неприятен самому себе.

Свое выморочное существование он справедливо не считает жизнью, но щедро делится с нами его подробностями. Зачем?

Потому что относительно нас у него есть свои планы. Все мои попытки выпытать у него, что же он задумал, окончились безрезультатно.

Не хватает только, чтобы он опять заявился, собственной персоной, в Берлин, и начал тут выкидывать свои фортеля. Например — мстить Азалии и искать потерянный сапфир.

В следующем рассказе упрошу монсеньора послать его на Марс, в тюрьму 22-го века. Пусть поостынет.

...

Секрет и изюминка повести — она написана в обратном времени. По крайней мере, частично. Хотя, боюсь, читатель этого и не заметит.

...

На чем подают жаркое.

Прочитал перед микрофоном еще один отрывок из готической повести «Покажи мне дорогу в ад».

Разрушение моего русского языка увы продолжается. Затем и читаю — чтобы ухо услышало то, что глаза уже не замечают. Брр... сколько ошибок и неточностей. И сам текст, если отвлечься от мелочей — чистое безумие. Ну что же... каждому свое. Я имею в виду каждому возрасту — свое.

Вспомнил вечер, проведенный у моего давно умершего друга... доктора искусствоведения. Лет двадцать пять назад. Вечер этот почему-то запомнился надолго. Запомнилась и жена доктора, дама действительно не простая. Излучающая поистине некрофилическую эротическую силу. Все мои попытки описать этот вечер в «реалистической манере» не удалось. Пришлось отпустить на волю безумие, абсурд, хоррор... И сразу получилась похожая, правдивая картинка. Хотя конечно никто никому тогда груди не отрывал и об этом не говорил... и вообще все было чинно, по-немецки, скучновато... Но невидимый и до поры беззвучный метаисторический фон-океан бушевал с невиданной силой и, казалось, что он вот-вот прорвет все преграды и затопит все вокруг. Превратит обычную жизнь в кипящий ад. И люди и здания и сам город моего добровольного изгнания — покажут свои истинные обличья...

Чудовищные обличья.

...

На морском курорте

Да, да, господа, правильно «анкус», а я упрямо пишу «анкас». Отдаю дань прочитанному в детстве Киплингу.

Нордлинг. Этот текст можно конечно воспринимать как изощренное издевательство над читателем, в аудиоварианте — над слушателем. Но так можно воспринимать добрую половину мировой литературы, если не всю.

Сюжет рассказа прост до невозможности. У главного героя была соседка. Пока она была жива, он не имел с ней никаких контактов. Потом она умерла и стала приходить к нему по ночам и заниматься с ним сексом. Абсурд, разумеется. Но реакция на это моего героя — еще абсурднее — он нанимает частного детектива, чтобы тот побольше разузнал об этой женщине. Детектив гибнет в авиакатастрофе, а мой герой отправляется на Марс. Прямо в берлинском трамвае.

Улыбнулись? Я смеялся до слез, когда писал.

Самое трудное — наполнить текст живым ироничным содержанием, сохраняя формальную структуру и атмосферу рассказа ужаса и абсурда. На стыке противоборствующих жанров появляются неожиданные золотинки. А моя крошечная душа получает покой. В отблесках и в эхе уркнул.

Указание для любителей аллюзий: Моего героя не даром зовут Антон. Весь рассказ не более чем современный пересказ одного из искушений св. Антония. Разумеется, мой герой реагирует на искушение тоже современно.

...

Отрывки из повести «Покажи мне дорогу в ад» — это, пожалуй, самые опасные мои тексты. Опасные не для читателя, опасные для автора. В них я нарушаю многие золотые правила писательства... рискую... в сомнительном предположении, что читатель сможет и захочет путешествовать со мной вместе по запретным сюжетам. В абсурдных фантомических мирах-компенсаторах.

В БОГЕМИИ

Красный подержанный Рено пятой модели мы с Марианной купили вскладчину в саксонском городке Чопау и через неделю уехали на нем в западную Чехию. Потому что — недалеко. До границы километров сорок, а там... нетронутая природа, старина и все дешевле. Хотели развееяться и повеселиться.

Пообедали в чешском ресторане на границе. Ели картофельные клецки с красной капустой и копченой свининой. На десерт — кофе и шоколадные блинчики. Было так вкусно... что я предложил снять номер в близлежащей гостинице и никуда больше не ездить. Каждый день есть клецки и блинчики. Полчаса — гулять по окрестностям. Остальное время — заниматься любовью. Но Марианна настояла на своем. Это же отпуск! Август в зените. Новый автомобиль. Свобода. Глупо торчать на одном месте.

Поменяли деньги и покатили...

Нашли небольшой пансион на склоне живописного пологого холма километрах в двадцати пяти от Карловых Вар. В дикой глуши.

Марианна заговорила по-чешски с хозяйкой, жизнерадостной госпожой Ханной как с старой знакомой. Та охотно поддерживала разговор. Спросила Марианну, сверкнув цыганскими черными глазами и показав на меня: Кого это ты ко мне притащила? Надеюсь, он по-чешски не говорит. Неужели он тебе нравится? Не верится. Толстый и не от мира сего. От него пахнет медведем. Ты ведь чешка?

А моя верная подруга ее успокоила: Тише, тише, ничем от него не пахнет... Я немка. Мы живем в городе К. Мой друг бывший москвич. Художник. Работает в галерее «Волшебный фонарь». И любит меня. Каждый день.

Я состроил дружелюбную мину и ослабился. Развел руки... посмотри, мол, и убедись, что я хороший, интеллигентный человек без вредных привычек. Только шоколадные блинчики обожаю.

— Русский медведь, — пробурчала Ханна и покачала головой. Как я ненавижу этих русских. Он мне тут все переломает. Или загрызет кого-нибудь.

— Он по крови не русский, — отозвалась Марианна. И добавила: Не переломает, и никого не загрызет. Он тихий и спокойный.

— Знаю я, какие они тихие, — прошипела много пережившая на своем веку Ханна и посмотрела на меня злобно. — Помню шестьдесят восьмой год. Тут, тогда еще в отцовском доме, жили эти советские свиньи. Не знаю, кто они были по крови. Еще хуже фашистов. Уходя, все разворотили и унесли все, что можно было унести. Меня и сестру пытались насиловать, но мы отбилась. Хорошо не убили и не покалечили.

Закатили Рено под навес. Рядом с нашим малышом красовался... возвышался как замок на горе... роскошный звездно-синий Мерседес. Пикап. На капоте его был изображен могучий олень с ветвистыми рогами. Интересно, кто хозяин этого великолепного чудовища?

Притащили сумки на второй этаж.

Комната чистая, светлая, кровать — широкая, упругая, из окна виден прелестный богемский пейзаж. Невысокие зеленые горы амфитеатром, поле, извилистая речушка, крохотный водопад, болотце, с другой стороны дубовая аллея, два охотника возвращаются с охоты.

Один из них тащил на спине убитую косулю. Ее изящная маленькая головка билась о его широкое колено. Другой — два ружья с толстыми дулами.

Как мы позже узнали, это были баварцы из Пассау, отец и сын, Франц и Йозеф. Также, как и мы — гости пансиона госпожи Ханны. Состоятельные люди. Владельцы Мерседеса с оленем. Страстные охотники.

Вечером Ханна зажарила заднюю ногу косули во дворе пансиона. Предварительно вымочив мясо в уксусе и натерев черным перцем, чтобы отбить запах крови.

Сидели вокруг костра на пластиковых сиденьях и сосредоточенно жевали сочное темно-вишневое мясо. Заедали его черным луковым хлебом. Запивали крепким чешским пивом.

Кряжистый, прямоугольный, самодовольный, но уже немного размякший Франц рассказал, как подстрелил животное. Говорил он на баварском диалекте, я понимал его с трудом. Марианна иногда мне переводила.

— Целую неделю бродили по окрестностям. Леса как будто вымерли. Ни кабана, ни косули, ни лисы, даже зайцев и фазанов не видели. Мы уже отчаялись. И вот... идем по просеке и вдруг... хрусть-хрусть... выскакивает нам навстречу из чащи... красавица косуля... Посмотрела на меня нежно, как женщина, своими огромными глазами... напряглась вся, чтобы прыгнуть... я выстрелил ей в сердце. Наповал. А теперь мы едим ее мясо. Люблю Богемию! У нас на отстрел косули или оленя надо просить разрешение у самого обер-бургомистра. И вносить шестьсот марок на охрану природы. А если, не дай бог, региональное общество защиты животных узнает, что мы охотники — сразу начнет публичную травлю. Будут называть нас убийцами, садистами, призывать к бойкоту продукции нашей фабрики. Дойдет до совета директоров. Этим наплевать на то, кто прав, кто виноват. Могут и уволить сгоряча. Хотя мой отец был одним из основателей фирмы. А тут... благодать... Заплатил залог и стреляй. Нам много дичи не надо. Вот, косулю уложили... Нам бы еще оленя взять. Самца с ветвистыми рогами. Гордого как турецкий султан. Знаю, ходит тут где-то недалеко стадо. Чувствую. Освежуем туши. Мясо заморозим. А в Пассау раздадим его знакомым. Дичь все любят.

— А что производит ваша фирма?

Франц немножко помедлил с ответом.

— Оптические волокна.

Почему они все так недоверчивы? Нам, выходцам из бывшего СССР, никто не доверяет. Презирают нас. Считают

людьми второго сорта. Не без причины, конечно. Многие так себя ведут... как будто мы не беженцы или туристы, а завоеватели. Привыкли в ГДР...

Нету больше ГДР. Нет и Варшавского договора. Нет и СССР. Все развалилось. Мы все — банкроты, граждане несуществующей страны. Но так это и не осознали. И гонор у многих остался. Рабский гонор. И новое хамство появилось. Когда-нибудь эта адская смесь еще даст себя знать.

— Да вы не бойтесь, я не шпион, не диверсант, просто человек. По мне — что оптические волокна, что кожаные штаны — все одно. Производите, богатейте, радуйтесь жизни. Я не против богатства. Богатые иногда покупают мою графику.

— А что вы рисуете?

— Чаще всего — абстрактные композиции. Иногда с фигурами. Тут важнее содержания — стиль, композиция, ритм, настроение, цвета, полутона.

В разговор вмешался Йозеф, точная копия своего отца, только моложе его на двадцать пять лет. Краснощекий, бодрый, здоровый, с ухоженной русой шевелюрой и большими розовыми руками, поросшими рыжими волосами.

— Нарисуете нас с отцом. Мы стоим с ружьями. А у наших ног лежит убитая косуля. Пап, заплатим русскому за портрет двести марок?

— Двести марок я вам сам заплачу, если нарисуете меня и Марианну. Без косули.

Франц прорычал: А за сколько согласитесь нарисовать?

— Карандашом? На листе А3?

— Предположим.

— За пятьсот.

— А еще говорят, что художники бедные.

— Работать придется дня три. Лучше я вас завтра после завтрака сфотографирую. Бесплатно. С косулей и ружьями. А после отпуска вышлю вам фото. Если дадите адрес. В благодарность за такой чудесный ужин.

Франц на мои слова никак не отреагировал. Возможно не понял мой немецкий.

Неожиданно заявил: А вы не бывали в Канаде? Там водятся такие огромные гризли. Страшные чудовища. Убивают лошадь одним ударом лапы.

Марианна спросила охотников: Вы тут все наверное знаете? Мы с Антоном любим старинные замки, церкви, загадочные места... посоветуете, куда съездить... что посмотреть.

Франц и Йозеф наморщили лбы. Просьба Марианны их явно смутила.

Неожиданно заговорила молчавшая прежде Ханна.

— Вам, миленькая, надо в замок Хартенфельс съездить. Километров сорок отсюда. На обычной карте его нет, но я покажу вам место. Не торопясь, за часок докатите на вашей колымаге. Последний километр придется идти пешком... Замок этот построили еще в двенадцатом веке. На скалах. Про него такое рассказывают... ужасы-кошмары. Только вот не знаю, пустят ли вас внутрь. Его вроде бы прежним хозяевам возвратили.

Тут я не удержался, спросил: Что же про этот замок рассказывают? Какие такие ужасы?

Госпожа Ханна сердито посмотрела на меня и ответила, обращаясь к Марианне: Говорят, там колодец в скалах прорублен. Немереной глубины. Будто бы достает он до самого ада. Молодого человека туда опускали на веревке. Приговоренного к смерти. Подняли его, а он седой... постарел на тридцать лет. И язык у него отнялся. А по ночам из этого колодца доносятся леденящие душу стоны и завывания... а иногда оттуда вылезают жуткие чудовища, крампусы рогатые. Их многие из окрестных деревень видели. Но говорить об этом боятся.

— Какой вздор! — буркнул Франц. А Йозеф схватил его за руку и попросил: Па, расскажи про церковь, прошу. Вот где настоящие ужасы. До сих пор трясет, как вспомню.

Я насторожился: Про какую церковь? Тут, в Богемии?

Марианна и Ханна тоже попросили рассказать.

Франц не долго отнекивался. Как бы правдоподобно он ни притворялся рациональным, деловым капитаном индустрии, но всеобщее внимание было и ему приятно.

Может быть, его фабрика на самом деле производила колючую проволоку, а его отец не основывал высокотехнологической фирмы по производству оптического волокна, а был бедным мясником. А сам Франц, может быть всю жизнь работал дворником или разнорабочим. И Мерседес с оленем они купили в кредит. А Йозеф и не сын ему вовсе...

Кто знает правду? Даже бог на небесах не знает. Да и не нужно ее знать. Что в ней проку? А вот жуткую историю почему-то все хотят послушать. Сидя вокруг костра. После вкусной еды. Раскуривая сигару.

— Ладно, расскажу, только вы мне все равно не поверите. Я сам себе не верю. В конце двадцатого века... такие чудеса. Мы ведь не романтики. Не верим в черных пуделей, мифистофелей и говорящих гомункулов. Да, случилось это тоже тут, в западной Чехии, недалеко отсюда, еще до Объединения Германий. Блаженное время, я вам скажу. Мы с нашими деньгами чувствовали себя тут миллионерами. Ружья купили самые лучшие в Праге. Наши разрешения на владение оружием тут признали. Охота стоила десять марок в день. На дворе — конец сентября. Для охотника — рай. Воздух свежий, чистый, все еще зеленое, тепло... грибы, ягоды везде... звери сытые, довольные... Однажды... бродили мы по здешним холмам. И тогда — ни человека не встретили, ни зверя. Решили привал устроить, костер развести. У нас и вода и еда были в рюкзаках. И тут Йозеф церковь увидел. В чаще! Среди густого леса. Такого не бывает! Прислушались... Как будто музыка из нее доносилась органная. Решили подойти, посмотреть... даром что воспитаны в католичестве. А дороги к церкви нет, через кусты пришлось продирааться, как в джунглях. Пробились. Посмотрели. Потрогали. Сразу видно — очень старая постройка. Стены из грубо обтесанных камней сложены, мхом поросли, на маленьких окнах — решетки, под ними — витражи. До того грязные, что непонятно, что на них изображено. Архитектура простая — базилика, апсида. Вход в церковь с проти-

воположной от нее стороны. Двери тяжелые, металлические, с рельефами. До того старые, что тоже — ничего не разобрать. Достал носовой платок, смочил водой из фляжки, протер один сегмент... а на нем — ламия или сирена. Не место тут для ламии! Странная церковь. В лесу. С ламией на двери. С большим трудом открыли двери и вошли. Внутри было темно. Пахло зверинцем. Из глубины доносился какой-то шум. Мы невольно остановились и прислушались. Шорохи... шарканье... хрип... Как будто перед нами, в темноте, стояла большая толпа людей. Молча ждущих чего-то. Команды. Переминающихся с ноги на ногу. Тяжело дышащих. Трущихся боками друг о друга. Хорошо, что у нас с собой были фонарики. Посветили. И глазам своим не поверили... Церковь была полна оленей. Олени стояли... как пассажиры автобуса в давку. Плечо к плечу. Их было очень много, может быть несколько сотен. И все они яростно смотрели на нас своими янтарными глазами. И уже через мгновение... они разом двинулись... на нас... как рогатая стена... и побежали к выходу из церкви. Мы едва успели вжаться в стены. Некоторые олени все-таки задели меня рогами... посмотрите, у меня на груди остались длинные параллельные шрамы от глубоких царапин. У Йозефа шрамов нет. Его почему-то не задели. По его версии все было не так. Говори, сынок.

Йозеф выпил пива и, не спеша, начал рассказывать: Я начну с того места, когда мы ощутили запах и услышали непонятные звуки. Запах был — как от потных женских тел. Смесь пота, сладострастия и косметики. А звук... да, действительно... как от толпы, большой толпы вдавленных друг в друга людей. Когда мы осветили фонариками церковь, я увидел эту толпу. Она состояла только из женщин. Голых. Молодых и старых. Красивых и безобразных. Я узнал в первом ряду мою покойную мать, двух теток, бабушку, другую бабушку, ее сестру, несколько моих школьных учительниц, мою первую шлюху и мою первую любовь. Тут женщины двинулись на нас, буравя яростными взглядами... а через мгнове-

ние они все уже бежали к выходу. Как быки в Памплоне. Если бы мы не прижались к стенам, они бы затоптали нас насмерть. Пап, рассказывай дальше.

Франц глухо откашлялся и продолжил.

— Дальше и рассказывать-то особенно нечего. Мы осмотрели церковь. Она была заброшена и пуста. В ней не было ни алтаря, ни статуй, ни органа, ни скамеек, ни светильников или свечей... никаких украшений, никакой религиозной символики. Ничего кроме каменных стен. И никаких следов оленей или женщин. Видимо, мы оба галлюцинировали. Бывает такое в лесу. Мухоморы... Вернулись в пансион мы поздним вечером. В другой пансион, Ханна. Он назывался — «В гостях у черного оленя». Рассказали о заброшенной церкви хозяину, господину... Он ничего об этой церкви не слышал, хотя родился, вырос и жил всю жизнь в этой части Богемии. Это нас не удивило. Ведь мы, уходя, обнаружили, что там, где только что стояла церковь, ничего нет кроме густых кустов. Я в бинокль посмотрел для проверки. Нет церкви! Как будто и не было. Привиделась.

В нашей комнате, после душа и любви, в постели, перед сном...

Марианна спросила: Ты веришь этим рассказам? Церковь в лесу, олени, голые женщины в церкви. Ты мог бы что-то подобное нарисовать. Держу пари, хорошо бы продал рисунок.

— Верю. И со мной что-то подобное случалось. Я, пока тебя не встретил, везде голых женщин видел. И в московском метро, и в автобусах, и в аудиториях в студенческое время. Даже во время экзаменов и в зубном кабинете. А в Германии — так просто в каждом окне.

— И бабушек видел, и теток, и мать?

— Ну, до этого я не докатился. Но представить себе могу, ведь первые эротические импульсы мальчик получает от родных ему людей. И если мужчина позже не находит своей

интимной радости с такой красавицей, как ты, то природа подсовывает ему во время самоудовлетворения знакомые образы. А уколы совести, вместо того, чтобы остудить, распаляют его еще больше. Сладкий яд инцеста...

— А кого ты себе представляешь, когда меня долго нет, и тебе приходится... ну, понимаешь...

— Я представляю себе оленей и косуль.

— Господи...

— Поедем завтра в Хартенфельс?

— Давай. Надо будет Ханну попросить на карте кружок нарисовать.

Утром, после скромного завтрака, тронулись. Отъезжая, слышали выстрелы. Подумали, что Франц и Йозеф нашли наконец своего оленя.

Вела машину Марианна, а я сидел рядом с картой в руках, указывал ей, куда ехать. Штурман я неопытный, поэтому после часа езды по узким чешским серпантинам, мы приехали не туда, куда хотели, а в Тепельский монастырь.

Оставили машину на стоянке для туристов и пошли побродить по монастырю. Вначале обошли парк... полюбовались отражениями на водной глади местного пруда, потрогали кору старых кленов и лип, порезвились как козлята на лужайке...

Смех Марианны казалось повисал в воздухе в форме маленьких живых колокольчиков. И я пытался собирать их жадными губами.

Зашли в церковь Благовещения.

Мощная, крестообразная в плане постройка. Поздняя романика, готика, а внутреннее убранство — в стиле барокко. Одинокий Иисус распят на высоком кресте. Остальное — вспененная материя. Завитушки, волны, огромные мраморные шкафы-табернакли с пестрыми картинами, витые колонны, золоченые капители, сидящие путти, кланяющиеся статуи святых в рост человека, назидательно смотрящие непонятно куда своими незрячими глазами.

Как все-таки жалко, что благородные готические статуи и картины стали в европейских храмах жертвами неправильно понятой реформации, а их место постепенно заняли барочные экстатические псевдосвятости, в которых и следа не осталось от сдержанного и наивного рассказа простецов-евангелистов.

Почти везде... и в любви и даже в христианстве... действует один и тот же закон: прекрасно только новое, юное, еще не испорченное взрослостью, зрелостью, компромиссами, утонченностью, тлением.

Хотя реальность конечно сложнее... это нечто волнообразное, пульсирующее. Как оргазм.

Как раз тогда, когда я обдумывал эту метафору, Марианна потихоньку поцеловала меня в ухо и прошептала: Тут все слишком пышно. Забежим для галочки в библиотеку и поедем дальше. Может, ресторанчик по дороге встретим...

Покинули церковь и направились к библиотеке. Как хищники к месту охоты. Оба с детства любили книги.

Сюрприз! Библиотека для посетителей закрыта. Временно. Час, год или столетие — непонятно.

Стояли у входа с печальными лицами.

Неожиданно из библиотеки вышел какой-то человек в черном, мельком взглянул на нас и попытался ускользнуть. Но догадливая Марианна поймала его за рукав пиджака или рясы...

Заворковала на своем прекрасном чешском. Несколько раз прикладывала руки к груди. Хлопала ресницами, громко вздыхала, убеждала, показывала на меня рукой...

Человек в черном, оказавшийся главным и единственным монастырским библиотекарем, не выдержал такого напора и провел-таки нас в свою сокровищницу. Из уважения к «специально приехавшим сюда ради богемских древностей саксонским соседям» заговорил с нами по-немецки. Это ему было не трудно — он был уроженцем Штутгарта, доцентом Тюбингского университета. Монахи пригласили его в Те-

пельский монастырь, для того, чтобы он составил научный каталог и описание имеющихся в библиотеке рукописных книг и инкунабул.

Библиотека радовала глаз. Огромный, строгий, несмотря на барочный потолок, прямоугольный зал, хорошо освещенный и уютный. Трехэтажный.

Господин Феликсмюллер, так звали доцента, кратко рассказал нам историю библиотеки, не умолчал и о потерях, понесенных ею во времена господства в Чехии марксистской идеологии.

Узнав о цели нашего путешествия, он оживился и сказал: У меня есть для вас кое-что... редкость... прошу вас, наденьте эти перчатки...

Провел нас на третий этаж, подвел к заветному книжному шкафчику и открыл его маленьким ключиком. Там лежало всего несколько книг... старинных... в кожаных переплетах. Одну из них черный человек из шкафчика вынул. А шкафчик запер. Потянул за ручку, проверил, заперт ли.

Мы сели на крохотную скамеечку. Перед нами стоял столик. На этот столик он положил книгу, после чего торжественно открыл страницу 193.

Насколько я понял, это было собрание рукописей пятнадцатого века, превращенное в книгу. На латинском и старонемецком языках. На страницах 193-196 были приведены записи Каспара Шлика, касающиеся его замка Хартенфельс.

Феликсмюллер проговорил заговорщицки: Даю вам три часа. Прошу вас быть максимально осторожными с этим уникальным источником. Вот вам бумага и карандаш. Вы, Марианна, можете законспектировать на ней этот в высшей степени любопытный документ. Возможно, вам придется перевести ваш конспект на русский. Для вашего друга старый немецкий язык будет, пожалуй, трудноват. Завидую вам, у меня не было времени внимательно прочитать этот текст. Просмотрел его по диагонали. И понял, что речь в нем идет о

сверхъестественном и потустороннем. Это значит — не по моей части. Я давно вышел из детского возраста. Меня гораздо больше интересуют имущественные и денежные распри Шлика с его родственниками, арендаторами и ростовщиками. Его отношения с императором Сигизмундом, королем Альбрехтом вторым, Османской империей, гусситами, папой и прочее.

Проговорив это, Феликсмюллер исчез. Как будто сквозь землю провалился.

Мы с Марианной переглянулись. И впились глазами в текст.

Работали мы так: Марианна, не спеша, водила пальцем в перчатке по строке и переводила витиеватые фразы Шлика на простой немецкий. Я записывал их на бумаге и мысленно переводил на русский.

Марианна воскликнула: Ты только подумай, что он тут пишет... аримаспы, эмпаузы... эти ужасные жертвоприношения... неужели все это правда? Это же готовый сценарий для фильма ужасов. Причем вполне современного, даже не очень оригинального. Написанный собственноручно канцлером Священной Римской империи в первой половине пятнадцатого века. Твои любимые Дюрер, Кранах и Грюневальд еще не родились.

Когда Феликсмюллер вновь появился (возник ниоткуда), мы с Марианной заканчивали последнюю страницу. Черный человек взял у нас запись и быстро ее прочитал. Потом пропал вместе с ней. Судя по долетевшему до нас характерному звуку, сделал ксерокопию всех пяти страниц. Появился вновь, отдал нам запись, орлиным оком оглядел книгу, запер ее в шкафчике и только после этого выдал из себя: У вас, Марианна, хороший литературный стиль. Рассказ получился — хоть в печать отдавай. Кстати, если вздумаете где-то это напечатать, уведомите меня. Вот, возьмите две мои визитные карточки. Если навестите за-

мок Хартенфельс, отдайте одну владельцу, графу Михаэлю Шлику, и скажите, что я за вас ручаюсь. Мы с ним знакомы. Пусть мне позвонит, если не поверит. А иначе он вас не только не впустит в замок, но еще и во дворе собаками за-травит. Он смертельно ненавидит незваных гостей. Вторая карточка — для вас. Звоните или приезжайте. В заключение скажу... если вы сдуру полезете в эту расселину, пещеру или в колодец... не забудьте, что внизу в любой момент может случиться обвал. Вас засыпет, и никто вам не поможет. Гигантских муравьев, сколопендр, дьяволов или самого Сатану вы там не встретите, гарантирую, ровно как и других чудовищ и существ, описанных Шликом, зато вы можете случайно попасть в место скопления метана, этого главного убийцы шахтеров, или отравиться радиоактивным радоном, этим вторым убийцей людей в горных пещерах и тоннелях. В подземелье может неожиданно подняться уровень грунтовых вод и вы там утоните... Никакого «входа в ад» вы там, конечно не найдете. Потому что ад не под землей, ад — это то, во что мы медленно, но неуклонно превращаем нашу планету. Вы, Антон, должны хорошо знать, что случилось с Аральским морем и местностью вокруг Челябинска и Чернобыля, а вы, Марианна должны были хоть раз побывать в Лойне, Биттерфельде или в мертвом лесу в Рудных горах...

После обмена любезностями и благодарностями мы покинули библиотеку, а затем и Тепельский монастырь.

Решили вернуться в наш пансион, поужинать и лечь спать. Чтобы завтра пораньше отправиться в путь.

Доехали без приключений. Даже не болтали по дороге. Рассказали Ханне о посещении монастыря. О библиотеке не говорили.

Повидали Франца и Йозефа. Оказалось, да, они выследили своего оленя, но добыть его не смогли. Ушел. Вместе с гаремом и выводком.

Мы с Марианной об этом не жалели.

Перед сном Марианна, зевая, спросила меня: Как ты думаешь, этот чертов Каспар действительно все это написал, или это поздняя мистификация, фейк?

— Все возможно. Ты читала оригиналы того времени... Похоже?

— Я не специалист. Вроде похоже. Он ни разу не употребил слово, не известное в то время. По крайней мере я не заметила.

— Нет, это не простой фейк. Не забывай, Шлик этот был образованным человеком. Это значит знал Библию, имел понятие об античности... Может быть он решил так пошутить. Поиздеваться над потомками. Или это шутка, но не его, а этого всезнайки Феликсмюллера. Он на это способен. Но бумага... переплет... кстати, ты заметила, что на обложке оттиснуто?

— Нет, не обратила внимания.

— Что-то подозрительно похожее на Черное Солнце или двенадцатиконечную свастику Вевельсбурга. Наш черный человек так быстро убрал книгу, что я не успел ее рассмотреть. А пока ты переводила, не было на это времени. Что-то тут не так. Чую.

— Ты вечно что-нибудь чуешь! Что чуешь сейчас?

— Чую, что ты не дашь мне спать, пока не кончишь.

— На сей раз угадал. Э... да ты уже готов к бою, рыцарь.

Встали рано, как и задумали. После душа выпили по чашечке кофе и поехали.

И тут, как назло, пошел дождь. И какой. Тем не менее нашли помеченное Ханной на карте место. Карабкаться по скалам не пришлось... шли по узкой асфальтированной дорожке.

Шли-шли и в конце концов уткнулись в высокие чугунные ворота в каменной стене.

Дождь наконец перестал.

Искали какую-нибудь кнопку, телефон, микрофон... чтобы связаться с обитателями замка, но ничего подобного не

обнаружили. Стали кричать, стучать по воротам. Добились только того, что к воротам подбежали три немецкие овчарки. Это были хорошо ухоженные животные... явно обученные своему делу. Они не лаяли, а только неотрывно смотрели на нас яростными черными глазами. Взгляд этот был красноречив и многообещающ.

Ужасно не хотелось уезжать, не солоно хлебавши. Даже не увидев замка. Решили немного подождать.

И вдруг услышали голос.

— Я Михаэль Шлик, а вы стало быть, та самая парочка... которая вчера посетила библиотеку в монастыре?

— Та самая, разрешите представиться. Моя подруга Марианна, выпускница Лейпцигского университета, а я Антон, эмигрант из бывшего СССР, к вашим услугам, господин граф. Извините за мой немецкий. Марианна может говорить с вами по-чешски, если пожелаете. У нас для вас есть визитка господина Феликсмюллера и его устные заверения, что мы хорошие.

— Да-да, он позвонил мне вчера вечером и рассказал о вас. Попросил принять и показать замок.

Голос графа доносился до нас как будто с неба.

Потом раздался тихий свист, это был сигнал... собаки убежали. А ворота сами открылись. Ровно настолько, чтобы пропустить нас внутрь ограды. И тут же закрылись за нами.

За оградой... ничего не было. Там рос все тот же смешанный лес...

Мы спрашивали сами себя: А где же замок?

Как будто услышав наш вопрос, голос с неба сказал: Дальше, дальше идите по дорожке...

Мы шли и шли. Прошло минут пять, а никакого замка не было видно.

И вот... лес неожиданно кончился, и мы увидели... нет, замком это никак нельзя было назвать... это сооружение возможно когда-то и было замком, но сейчас походило скорее на наскоро возведенную декорацию, построенную для сказочного чешского фильма.

Голос услышал и эту мысль и отозвался: Не судите по внешности, прошу вас, подойдите к фасаду. Прежде чем я пушу вас внутрь, хочу на вас посмотреть.

Подошли к фасаду, если конечно это бесформенное нагромождение деревянных лесов и панелей можно было так назвать...

И тут... с наших глаз как будто пелена спала. Марианна нервно вскрикнула, а меня так шатнуло, что я чуть не упал в глубокий ров, окружающий трехэтажный средневековый замок с башенками.

Мы стояли на перекидном мостике и держались за его шаткие перила.

Опять зазвучал голос. Но уже не с неба. У настоящего фасада замка, рядом с огромными бронзовыми дверями стоял господин в цилиндре. Это был нынешний владелец замка.

— Проходите, прошу вас. Сойдите же наконец с этого дурацкого мостика. Иначе вы поскользнетесь и упадете в ров с крокодилами.

Как бы в подтверждение его слов, мы услышали утробное рычание тропических тварей, доносящееся до нас из рва.

Подошли к графу. Никаких рукопожатий или объятий не было. Граф пристально рассматривал нас, а мы — его. Меня корчило от такой демонстративной недоверчивости, я то и дело отводил глаза и моргал, а Марианна от растерянности начала глуповато кокетничать, поводила плечами, дергала ножкой.

Хорошие люди смущаются, когда на них внимательно смотрят.

Больше всего меня удивило и озадачило то, что граф меня понюхал. Понюхал и удовлетворенно крикнул. Я его нюхать не стал.

Как выглядел граф? Никак. Средний рост. Средний возраст. Черные ботинки, такие же брюки, такой же пиджак, черная же бабочка. И пиджак и брюки знавали лучшие вре-

мена. Руки в темных перчатках. Цилиндр. Тоже, далеко не новый. Горбоносый. Усики. Глаза вроде бы серые или бесцветные. Голос низкий.

— Ну что же, друзья, добро пожаловать в Хартенфельс!

Граф открыл дверь, и мы зашли в замок.

Я не знаток средневековой архитектуры, не знаю, как правильно назвать огромное помещение, в которое мы попали. Атриум?

Это был зал высотой в три этажа. Длинной — метров двадцать пять. В середине его находилась широкая мраморная лестница с перилами, ведущая на второй этаж. Слева и справа от нее — четыре двери в другие покои. Освещался зал сверху через широкое окно в крыше. Бросалась в глаза пустота этого великолепного пространства.

Граф услышал и эту мысль.

— Вас, я вижу смущает то, что у нас тут нет ни рыцарских доспехов, ни оленьих рогов, ни старых портретов, ни мебели... Так вот, все это тут было и в избытке. Но Вторая Мировая война и то, что за ней последовало — внесли свои коррективы. Во время войны в замке располагалось специальное подразделение СС. Тут работали члены общества Аненербе. Почему они находились в этом замке? Потому же, что и вы. Они верили, что тут есть колодец или портал, связывающий наш мир с миром потусторонним. Хотели установить связь с демоническим миром и как-то использовать его в интересах Третьего Рейха. Надо отдать эсэсовцам должное, замок они не разорили. Только, по привычке, забрали с собой, когда уходили, пять дюжин картин маслом и статуи. Где они теперь, неизвестно. Разорили и чуть не сожгли замок солдаты Красной армии и обычные чешские крестьяне после того, как отсюда ушли немцы.

— А когда вам вернули вашу собственность?

— Три года назад. Вернули нам только стены. И все эти три года мы пытаемся привести здание в приличный вид. Один год потратили только на вывоз мусора...

— А как насчет входа в ад?

— Зачем говорить о том, что можно через минуту увидеть. Следуйте за мной. Вы ведь для этого тут и объявились, не правда ли? Поверили старому лгуну Каспару. Я ведь знаю, что вам ехидный Феликсмюллер дал прочитать в библиотеке. Он ничего мне не сказал, но я догадался. Эту книгу, кстати, Феликсмюллер обнаружил в сохранившейся части библиотеки императора Рудольфа второго. В архивах моей семьи, которые отобрали у нас немцы, было много подобных откровений. К сожалению, архивы не сохранились. Они, возможно, лежат в подвале виллы в Далеме... или на чердаке старого дома в Шварцвальде, принадлежащего когда-то одному видному члену Аненербе, сделавшему карьеру в послевоенной Германии. У меня нет сил и средств их искать... С удовольствием переложил бы подобную работу на молодых энтузиастов, таких как вы, например. Подумайте. А, вот мы и пришли. Это капелла. Очаровательное пространство. Как видите, и тут ничего нет. Только готические ниши в стенах для картин или статуй и примитивные фрески на втором ярусе. Сюжеты их традиционны. Благовещение. Архангел Михаил убивает змея. Охота на оленей. Есть правда, ни к селу, ни к городу несколько мифологических животных... грифоны, гарпии... есть и кентавр, стреляющий из лука в полуобнаженную женщину, возможно это Атилла или еще какой-нибудь гунн, убивший святую Урсулу. По преданию, этот самый колодец находится сейчас под нами. А капеллу, да и сам замок, якобы, специально построили для того, чтобы силы зла не посмели выйти из своего подземного узилища. А теперь... внимание, сенсация! Смотрите, вот тут маленькая дверка... раньше тут была картина, изображавшая Страшный суд... мы и не знали о ее существовании... случайно нашли ключ от замка... представляете, он был замурован в стену одной из спален на третьем этаже. Мы начали там малярные работы... и вдруг опп... со стены на пол падает ключ... большой, старинный. Долго искали, от чего же этот ключ, пока также, случайно, отскребывая тут, в капелле старую, еще средневековую штукатурку, не обнаружили в одной из ниш

эту дверку. За ней — лестница. Она ведет в помещение под капеллой. Ни немцы, ни русские, ни чехи не были там, куда мы сейчас спустимся. Идите, смотрите и трепещите! У вас есть фонарики?

— Конечно.

Дверка вывела нас на узенькую темную винтовую лестницу. В руках у графа сам собой появился и загорелся фонарь. Керосиновый что ли? Или карбидный? Фонарь графа отбрасывал неверный сиреневый свет. Мы с притихшей Марианной достали фонарики.

Спускались мы не долго. Минуту... Я заметил, что эта необычная лестница, если на нее посмотреть сверху, напоминала сужающуюся спираль...

Лестница привела нас в круглое помещение. Тоже пустое, но не совсем.

Примерно на высоте моих глаз из круглой стены вылезали острыми концами мраморные треугольники, а под ними, как под карнизами, находились каменные головы гримасничающих демонов. Всего — тринадцать голов. Черные адепты?

С выпученными глазами и открытыми ртами, украшенными звериными зубами. Некоторые из них высунули свои раздвоенные языки. У других были уши, как крылья летучей мыши. Неприятное зрелище.

В центре круглой комнаты, прямо на полу лежала круглая металлическая крышка с выгравированным на ней Черным Солнцем, диаметром с метр. У этой крышки были две удобные ручки, ее можно было поднять! Она, по-видимому, прикрывала тот самый колодец, пресловутый «вход в потусторонний мир».

Хотел спросить об этом графа, но... граф исчез.

Его фонарь остался стоять на полу.

Хуже того, исчезла и лестница.

Приехали...

Моя подруга спросила меня дрожащим голосом: И что мы теперь будем делать?

А я не знал, что ей ответить. Как может персонаж знать то, что и автор не знает?

— Может откроем эту чертову крышку?

— Господи, Антон, только этого не хватало. Забудь про крышку, забудь про ад, про потусторонний мир. Мы уже в аду. Нам отсюда выбираться надо, иначе подохнем.

— Дай мне осмотреться.

Посмотрел на потолок. Должен же там хотя бы шов от лестницы остаться!

Ничего не видно. Ровная сероватая поверхность. Шит!

Посмотрел еще раз на каменных демонов. Они показались мне еще гаже, чем были. И эти треугольники-карнизы, и сами головы — как будто еще дальше выперли из стен. Ужасно.

— Если выберемся — сейчас же уедем из этой чертовой страны. И больше в Чехию — ни ногой! Идиоты.

— Если...

Один из фонариков — Марианнин — погас. Батарейки отказали. Фонарь графа светил слабо.

Инстинкт подсказывал мне, что надо что-то делать. Пока еще есть свет.

А внутренний голос шептал мне в ухо: Спасение там, где погибель. Рискни, чего терять. Прыгни в колодец!

Подошел к крышке с Черным Солнцем, взялся за ручки и дернул на себя. Тяжёлая!

Ура! Удалось ее сдвинуть. Марианна отошла от колодца подальше, села у стены и закрыла лицо руками. А я посветил своим фонариком вниз, в отверстие.

Что я увидел? Действительно, каменный колодец. Видимо, очень глубокий. Силы фонарика явно не хватало, чтобы осветить его до дна.

Потрогал руками пол. Не сразу, но нашел маленький камешек. С полсантиметра размером. Не колеблясь, бросил его в колодец. И начал ждать.

Но ничего не дождался.

Вынул из потухшего фонарика батарейку. Увесистая. Взял ее двумя пальцами. Поднес к середине отверстия. И разжал пальцы.

Видел как она летит. Аккуратно посередине колодца. Не вращаясь. А звука удара ее о дно или стенку — так и не дождался. Жуть.

В бессильной ярости бросил в колодец не работающий фонарик. Слышал, как он бьется о стены колодца. Звуки эти, точнее треск и хруст... постепенно затухали. Но последнего удара о сухое дно или бульканья от погружения в воду я так и не дождался.

Сел рядом с Марианной на пол у стены. Марианна беззвучно рыдала. Погасил свой фонарик, обнял Марианну и попытался ее успокоить. Она не успокоилась, впала в нервическое оцепенение. Я попытался оторвать ее руки от лица — не дала. Всхлипывала и изредка дергалась.

Так мы и сидели... час или сутки... не знаю.

Головы дьяволов, казалось, ожили. Вращали глазами, шевелили ушами, клацали ужасными зубищами, рычали.

Из колодца доносился чей-то глухой смех.

Через день или через неделю.

В круглой комнате танцевали полупрозрачные синие фигуры...

Руки свои, с длинными кривыми ногтями, они подняли над головами.

Отвратительные их лица кривились в экстазе.

Длинные отвислые груди болтались как веревки на ветру.

Дряблые ляжки тряслись.

Их чудовищное пение разрывало мне внутренности.

Но вот... демоницы образовали вокруг колодца три концентрических круга.

Начали творить заклинания.

Потом неожиданно обступили меня и опустились передо мной на колени.

Я встал... сбросил с себя одежду и обувь.

И испытал перерождение.

Тело мое покрыла сама собой выросшая бурая шерсть.

На пальцах рук и ног выросли огромные когти...

Лицо удлинилось и превратилось в звериную морду.

Рот стал медвежьей пастью.

Я ощутил в себе страшную силу и бешено заревел.

Демоницы поднесли ко мне бесчувственную Марианну.

Положили ее передо мной и запрокинули ей голову.

А я...

Взгромоздился на неё всей своей тяжелой тушей...

Вонзил в ее нежную плоть свои когти...

Всунул ей в рот свой толстый язык.

Проник...

А когда кончал, вырвал зубами ее горло.

Авторский комментарий

Мягкая сдержанная проза с ужасным концом, не оставляющим сомнений в том, что наша жизнь, как бы она ни была спокойна и счастлива — в любой момент может обернуться кошмаром. И еще — кем бы мы себя ни ощущали, какую бы маску ни носили (годами, годами), в каждом из нас скрывается умопомрачительно злобное существо.

Написал этот текст давно, но не довел до конца. Это еще один вариант завязки готической повести «Ужас на заброшенной фабрике» (это эвфемизм для бывшей ГДР в узком смысле, и для мира конца индустриальной эры на Западе в более широком). Только «чешский», точнее «богемский». Вроде темно-фиолетового резного стеклянного богемского

бокала в шкафу у бабушки. В конце текста выясняется, при трагических обстоятельствах, что рассказчик — оборотень или даже сам дьявол. Дьявол-медведь. Тогда, когда я это писал, мне показалось это представление нечистой силы — слишком «зоологическим». Это отнимало у нее присущую ей некую универсальность, тотальность. Пришлось вынуть дьявольское начало из рассказчика и вложить его в другого персонажа. Но в этом варианте начала — все так, как задумывалось вначале.

Если хочешь искать зло — ищи его в себе.

МАТЬ ГРЕГОРА

Грегор провел последние двенадцать лет жизни в тюрьме.

Никаких противоправных действий, повлекших за собой гибель или страдания людей или какие-либо материальные потери, Грегор однако не совершал.

Вина его заключалась только в том, что он писал и публиковал на интернетном портале «Голос» тексты-прокламации, в которых призывал к вооруженному восстанию против «оккупировавших нашу родину воров и бандитов», разоблачал и проклинал ее Верховного правителя «и его клику»... сетовал на то, что никто не хочет подвергнуть его свихнувшуюся страну тотальной ядерной бомбардировке.

И все это не под защитой псевдонима, а под своим настоящим именем.

Какая фатальная самонадеянность!

Сердце Грегора пылало, он не мог иначе. Не мог больше терпеть общественную ложь, пропитавшую своим гноем его родину, ее ежедневную жизнь, культуру и науку, не мог терпеть расцветшую коррупцию, приведшую к неслыханному обогащению небольшой группки близких к Верховному правителю людей и обнищанию большинства населения, был возмущен царящими в обществе насилием и холуйством, стыдился кровавых внешнеполитических авантюр своей страны, грозящей уничтожить весь цивилизованный мир, на дух не мог выносить ее Верховного правителя, вызывавшего у него омерзение.

— Проклятая крыса, когда же ты наконец подохнешь?

Но Верховный и не думал умирать, наоборот, становился год от года моложе и здоровее. И явно наслаждался своей властью. Так часто бывает с диктаторами. Им помогает дьявол, и надеяться можно только на время. Но оно убивает всех.

Раньше, при другом, умеренном правителе, Грегора за подобное обличительство в худшем случае оштрафовали бы. Попугали бы психушкой, попытались бы образумить. А если и посадили бы, то месяца на два. Для острстки.

А может быть — и не заметили бы его вовсе. Ну пишет себе и пишет какой-то молодой человек из провинции. Проклинает. Молнии мечет. Кому есть до этого дело?

Но времена изменились, на родине Грегора пришли к власти сотрудники тайной службы, жестокие, бессердечные люди... выявлять и карать врагов было их главным занятием... без чувства юмора и какой бы то ни было симпатии к двадцатичетырехлетнему безработному, живущему на иждивении матери, недавнему выпускнику института мелиорации и сельского хозяйства, проработавшему по специальности только полгода. Они не то, чтобы боялись публицистики Грегора... Слишком хорошо они знали свой народ, слишком глубоко его презирали, они были твердо уверены в том, что все эти призывы не окажут на него никакого влияния. Разве что вызовут неприязнь к их автору. Но червячок сомнения видимо грыз и их. А вдруг... Вдруг симпатическая магия сработает и в стране начнется... это... то, чего они боялись больше, чем вторжения марсиан. И несчастному Грегору дали большой, явно непропорциональный его провинности срок. Чтобы другим неповадно было.

На Грегора донесли такие же как он авторы огненных статей, друзья и соратники «по борьбе с ненавистным режимом», и, как это часто бывает, по совместительству — сексоты.

Он был арестован и доставлен в военный суд. Следствие длилось несколько часов, а сам суд — всего сорок пять минут. Двадцать минут помощник прокурора зачитывал присутствующим на суде кивалам цитаты из текстов обвиняемого. Затем выступил прокурор. Он был краток, упомянул «призывы к насильственному свержению» и «распространение», и приравнял высказывания господина Грегора Цейтлина к террористической деятельности. Потребовал сурового наказания. Адвоката Грегору не полагалось. Зачем, когда и так все понятно.

Сам обвиняемый на суде не присутствовал, сидел в маленькой вонючей камере на откидной койке и тосковал. Только там Грегору стало ясно, что он собственно делал последние годы, как самоупоённо копал себе могилу.

Какой же я идиот, — говорил он сам себе снова и снова. — Вместо того, чтобы спокойно подготовиться к отъезду и свалить... Хоть в Канаду. Нашел бы там работу в лесу. А теперь... придется есть дерьмо ложкой... и непонятно, выживу ли. Какой идиот!

Судьи единогласно и единодушно «закатали» обвиняемого «в глину». Двенадцать лет и пять месяцев. Лишение прав... Тюрьма для особо опасных.

Грегор отсидел свой срок от звонка до звонка.

Испытал на себе все прелести тюремного быта. В общей камере страдал от удушья и геморроя... Там его били, унижали и грабили рецидивисты.

Тюремные власти наказывали его за любую мелочь... невежливо поздоровался с офицером... не так заправил койку... не ту одежду надел. Поэтому половину срока Грегор просидел в карцере. Потерял треть зубов. Три или четыре раза тяжело болел, но выздоравливал. Несколько раз его пытались насиловать урки в тюремной бане, но что-то останавливало их в последний момент. Может быть, яростный взгляд его бесцветных глаз под тяжелыми лиловыми веками, кособокая фигура, ранняя лысина, неприятный каркающий голос, запах изо рта... Или прыщи на ягодицах.

Вчера вечером Грегор покинул здание тюрьмы. Сегодня был доставлен под конвоем к месту дотюремной прописки. Старенький микроавтобус вез его чуть ли не сутки по скверным дорогам (закон запрещал — в целях безопасности — перевозить освобожденных авиа- или железнодорожным транспортом). Пить и есть ему не давали. Три раза разрешили помочиться в травку под наблюдением конвоиров. Для разнообразия отвесили ему пару оплеух, от которых у Грегора сейчас же заболела голова.

Дверь открыла его постаревшая и сильно располневшая за время его отсутствия мать. За ней маячил ее брат Лео, дядя Грегора, здоровенный мужчина в несвежем фраке. По профессии — парикмахер. С мертвенно бледным лицом, розовыми руками и мерзкой привычкой чмокать губами.

Мать надела зачем-то на встречу с сыном свое единственное бальное платье чайного цвета. С кружевами на талии и перьями на рукавах. И с глубоким декольте.

Конвоиры заставили Грегора и его мать расписаться три раза в каких-то бумагах (при этом скабрёзно хихикая пялились на ее грудь, колышущуюся как пудинг), и только тогда сняли с Грегора наручники. Расселись на диване в прихожей, закурили, не спросив разрешения, свои скверные сигареты, и, казалось, вовсе не собирались уходить.

Мать Грегора быстро смекнула, в чем дело, пошла на кухню и упаковала большой кусок пирога, палку балыка и бутылку водки. Торжественно вручила пакет конвоирам и выпроводила их из квартиры.

Дядя Лео смотрел на эту сцену из гостиной, нервно моргал левым глазом и яростно чмокал.

Грегор, до этого стоявший в прихожей и переминавшийся с ноги на ногу, снял наконец пальто и ботинки, промурлыкал что-то себе под нос, неловко обнял и поцеловал мать в щеку, кивнул, скорчив брезгливую гримасу, дяде, и ушел в свою комнату. Лег на кровать.

Попытался заполнить чем-то образовавшийся после тюрьмы в душе вакуум.

Тупо смотрел на свои старые игрушки, которые его мать выставила в его честь на длинной деревянной полке.

Плюшевый Мишка, астронавт, Арапка, деревянный автомобиль, подъемный кран, сделанный из конструктора, Петрушка...

Но игрушки не навеяли приятных воспоминаний... сердце бывшего заключенного устало... воображение и фантазия

отказывались работать и снабжать душу веселыми картинками. Голова Грегора была пуста и гудела как раковина. И в этой пустоте он не прозревал ни ностальгии по прошлому, ни зова будущего. Тоска...

Чтобы не сойти с ума, заставил себя думать о том, как теперь жить.

Сколько раз, лежа на тюремной койке, он представлял себе этот чудесный день освобождения. Смаковал все его сладкие подробности, представлял себе, как он будет ехать и смотреть на еловый лес, полянки, озера... и улыбаться каждой елочке, как будет проезжать по знакомым улицам, идти по двору, в котором прошло его детство, подниматься на лифте на третий этаж, входить в квартиру, есть испеченный матерью пирог с рыбой... но ни разу за все свои двенадцать лет заключения он не думал, что будет делать в своей будущей жизни на воле. Как будет зарабатывать деньги. На что будет надеяться, с кем дружить. Ему казалось, стоит только очутиться дома, и все станет само собой ясно и понятно, и хорошо.

И вот он дома, и ничего не хорошо, ничего не ясно.

Пойти работать? Куда? Опять осушать болота, рыть канавы, бороться с оврагами? До первого паводка? А потом начинать все с начала?

Общаться с осолопевшими от спиртного местными пейзажами? Только не это.

В соседней комнате негромко говорили между собой его мать и дядя, наверное тоже обсуждали его будущее... Грегору это было неприятно. Он прошептал: Перестаньте, прошу!

Его никто не услышал.

В его комнате почему-то пахло хлоркой и чужим одеколоном. Кто-то тут спал. Кто?

— Мать и дядя. Мать и дядя. Мать и дядя, — повторял он машинально, кривя рот.

Дядя... Никаких других родственников у Грегора не было. Отца своего он почти не знал. Тот пропал когда Грегору

не исполнилось и четырех. Мать ничего не рассказывала о его судьбе. Когда-то был брат, но он умер во младенчестве. Брат был от второго мужа матери, тоже быстро исчезнувшего из их жизни.

Друзей у Грегора не было никогда. В школе его травили, в институте — сторонились. Вяло третировали. За глаза называли «тараканом». Воспринимали и оценивали его и другие студенты и преподаватели неправильно, несправедливо. Так казалось Грегору. Но он был слишком горд, чтобы кому-то что-то объяснять. Сторонятся — и ладно! Таракан, так таракан!

Были, конечно позже те самые «соратники по борьбе». Расхваливали его до небес. Но после его ареста они перестали с ним контактировать. По очевидным причинам. Некоторые успели ускользнуть за границу. Другие сели сами или затаились. Портал «Голос» был заблокирован и позже уничтожен разработчиками.

Грегор нежно любил свою мать, заботящуюся о нем все эти долгие мучительные годы, регулярно передававшую ему теплое белье, гостинцы и сигареты на обмен (сам он никогда не курил), но втайне надеялся, что она умрет до его возвращения, и не будет больше его опекать, упрекать, учить, контролировать, наставлять, плакать... Грыз и терзал себя за это, но надеялся... но теперь он был рад, что мать жива и здорова.

Было в его отношении к матери еще одно темное пятно. Нет, не темное, а скорее сиреневое. Пахнущее материнским потом, молоком и его спермой. И это тоже мучило его. Не давало покоя в эти первые минуты расслабления.

И еще этот чертов дядя Лео притащился. Мешок, вафля, ворчун. Брадобрей. Бесконечно нудный. Всезнайка и пустомяля. Будет теперь чмокать... И не выгонишь его.

Пользоваться компьютером Грегору было запрещено. Целый год!

А писать и публиковать тексты в интернете — еще пять лет.

Какая мука для политического графомана с горящим сердцем, убежденного в своей правоте! Ведь эта его бессмысленная писанина стала в последние годы до ареста — не только его главным занятием, но и смыслом его жизни, ее внутренним оправданием.

— Как же я буду молчать? Писать в стол... Но кому нужны мои призывы через пять лет? Султан к тому времени уже умрет.

Из дома Грегору было разрешено выходить в первый месяц его свободной жизни — только чтобы выбрасывать мусор. Дальше — ни шагу.

А затем — еще год — он не имел права находиться вне своей квартиры после десяти часов вечера и до шести утра. Индивидуальный комендантский час. Какой бред, какая поэзия!

— Мы будем вас проверять! Вы нас и не заметите. Два нарушения — и на нары. Без суда.

Конечно на нары, как же без этого... скоты. Не страна, а скотобойня.

Хорошо еще дома жить разрешили. Только потому, что его с матерью квартира находилась в неказистом блочном доме на замызганной улице города, известного своим отравленным выбросами химической индустрии воздухом, расположенного далеко от сверкающей столицы и культурных центров. А так бы еще упекли неизвестно куда...

— Грегоренька, иди ужинать!

Уменьшительно-ласкательная форма его имени причинила ему физическую боль. Голос матери изменился. Грегору казалось, что он слышит голос охрипшей фарфоровой куклы.

— У нас тут для тебя сюрприз! Мы с твоим дядей кое-что для тебя купили! Специально ездили в столицу!

Меньше всего ему хотелось сейчас суеты, сюсюканья, завязанных или зажмуренных глаз, восторженных восклица-

ний, вздымания пухлых рук... всех этих мучительных семейных мыльных пузырей... примерки нового розового пиджака или итальянских туфель...

- Ну что еще?
- Зажмурь глаза!
- Не буду. Сил нет.
- Нет, зажмурь!
- Теперь заходи.

Почти угадал, новый костюм. Маренго. Любимый цвет. И несколько рубашек. Два галстука. Оба серо-голубые. Все это великолепие на плечиках, подвешенных на старой хрустальной люстре в гостиной.

— Посмотри, какая красота! Ты же будешь искать работу! Ты должен выглядеть как человек из уважаемой семьи, а не как гопник.

Пощупал материю. Но наотрез отказался примерять. Тепло его не слушалось. Усики вяло шевелились.

— Позже, прошу вас. Чудный костюм, надеюсь не будет слишком велик. Я похудел. Только куда я в нем пойду? Везде одна и та же дрянь. Свиные рыла вместо лиц.

Сел за обеденный стол и охватил в отчаянии голову руками. Но не разрыдался, слез не было. Неожиданно вспомнил потное дебильное лицо регулярно избивающего его уркагана в первые годы заключения. Заскрежетал зубами. Однажды он преодолел страх, бросился на подонка, схватил за горло и начал душить. Чуть не задушил. Избиения прекратились. Но через несколько лет, в другой тюрьме...

Тут впервые подал голос дядя: Успокойся, Грегор. Мы понимаем, что ты пережил. Постарайся все забыть и начать сначала. Тебя надо постричь. Седину на висках подкрасить. И маникюр сделать. А-то выглядишь на пятьдесят...

Дядя Лео вынул из сумки ножницы и другие принадлежности своего ремесла.

— Ради бога, позже, видишь, я едва дух перевожу... боюсь, в обморок брякнушь. Дай поесть спокойно. Мама, есть суп?

— Конечно, твой любимый, грибной. И сметанка... Я же тебе говорила...

— Налей тарелочку. И воды дай стаканчик. Из-под крана.

— Зачем из-под крана, у нас есть кока-кола. И лимонад.

— Не надо колу, дай воды...

Мать проворчала: Какой ты привередливый, сын! Специально сэкономила, собирала, готовила, чтобы ты хорошо поел-попил после тюрьмы. А ты...

Но воды принесла. И поставила перед Грегором граненый стакан. Обвеяв его неизвестным ему ароматом дорогих духов.

Подумал сквозь туман: Откуда у нее такие духи? Неужели репетиторством заработала?

— Спасибо. Теперь не смотрите на меня, замрите, я хочу супчик похлебать. В тишине.

Дядя Лео почмокал губами и попросил: Лерочка, плесни и мне супца. И белого хлеба нарежь, сестричка!

Улыбнулся и стал похож на чайник для заварки. Грегор заметил это и тихо рассмеялся.

Дядя Лео съел тарелку супа, в который мокал белый хлеб, а затем попросил у сестры водки. Явилась запотевшая бутылка Абсолюта. Лео налил себе полстакана, почмокал и жадно выпил. После этого встал, похлопал Грегора по плечу, поцеловал сестру в плечико и вышел в прихожую.

— Братик, а как же жаркое, пирог?

— Спасибо, спасибо, я сыт и пьян и нос в табаке. Встретил племянника и удаляюсь. В другой раз постригу бедолагу.

Когда за ним захлопнулась входная дверь, напряжение, висящее в воздухе, уменьшилось, Грегору полегчало. Даже показалось, что все не так уж плохо. Перед глазами быстро промелькнули сиреневые соблазнительные картины. Он отогнал их усилием воли.

Налил себе маленькую рюмку водки.

— Мам, а тебе?

— Налей и мне, грешнице. Сейчас принесу жаркое и пирог.

— Положи мне пожалуйста совсем немного жаркого и маленький кусочек пирога. А-то я с непривычки лопну. Или съблюю как Венечка на Курском вокзале. Суп вкусный.

— Для тебя старалась. Грибы на базаре купила. Дорого все.

— Скажи, а зачем ты бальное платье надела? Декольте до пупка.

— Ну как же, праздник. Сыночек любимый из тюрьмы возвратился. Хотела тебя порадовать. Или ты забыл, как...

— Понятно. Как ты жила тут эти двенадцать лет? На свиданиях мы с тобой так ни разу и не поговорили по настоящему.

— Жила как живется, по тебе скучала.

— А откуда деньги на костюм взяла? Дорогой... Неужели в школе или частными уроками заработала?

— Если бы... Нет, мне один человек помогал. Предприниматель. Добрый, щедрый.

Грегор заметил, как сверкнули ее обычно блеклые глаза и затряслись руки.

— Ты мне про него ничего не рассказывала. Про щедрого.

— Боялась, что ты ревновать будешь.

— Я буду ревновать? Ты что? Ты же свободный человек. Я только рад буду, если ты счастливой станешь. Когда свадьба? Тебе ведь еще и шестидесяти нет, самое время замуж за доброго и щедрого предпринимателя. Ягодка. И платье подойдет.

— Как тебе не совестно, бесстыдник. Ягодка... Я вся извелась. Ты же знаешь, что я только тебя люблю. А с ним общалась, только потому что деньги были нужны. Не только на костюм, но и долги заплатить и за квартиру. И Лео помочь надо было. Он все свои доходы в карты проигрывает. А потом ему есть нечего. Нюхает кокаин. Но я ему не судья. Каждый живет, как может. Цены-то поднялись на все, школу вот-вот закроют. Частные уроки никому не по карману, у людей денег нет, инфляция, все идет на военные расходы. Погоди, поживешь, увидишь. Чуть из квартиры меня не выгнали.

— Как так деньги? Ты что же себя продавала? Ради моего костюма?

Грегор сказал это и сразу же пожалел. Но было уже поздно.

Мать его не заплакала, а только сморщила губы... опустила голову и молчала. Затем выпила рюмку Абсолюта, тряхнула кудрявыми волосами и перьями на платье и прошептала: Да!

Грегору стало нестерпимо жалко эту постаревшую женщину в нелепом вульгарном платье, так жалко, что он, сам не понимая что и зачем делает, попросил ее: Мама, можешь вынуть груди из декольте? Я хочу...

Она выполнила его просьбу без усилия, без позы, естественно и легко.

Грегор встал, без труда взял ее на руки, унес к себе в комнату и положил, осторожно, как священник величайшую святыню на церковный алтарь, на свою кровать.

Мать засунула себе за спину две подушки и села, а он лег на ее бедра головой, взял сосок ее правой груди в рот и начал сосать.

ПРИСУТСТВИЕ

Раньше меня часто спрашивали: Зачем ты пишешь?

Незачем объяснять, почему этот вопрос неприятен автору. Но я все-таки объясню. Вопрос этот свидетельствует о том, что спрашивающий настроен скептически, что он вовсе не убежден в том, что «все это» стоило писать и публиковать, множить сущности, заставлять бумагу терпеть и засорять и без того крайне засоренное виртуальное пространство сумасшедшими словесными эскападами.

Вопрос этот вынуждает автора оправдываться. Мол, пишу, потому что не могу не писать, пишу для себя, пишу для славы, для публики, для истории... Ради сохранения языка... сохранения воспоминаний... памяти...

И каждый раз после ответа на этот вопрос у меня возникало чувство стыда и неудовлетворенности. Потому что я понимал, что обороняюсь, да еще и не очень успешно, а это означает, что на самом деле я не знаю, зачем пишу. Вроде как графоман или идиот. И это горькая правда.

Это было нестерпимо. И вот, в ответ на это мучение у меня выработался своего рода безумный ритуал: Каждый день, просыпаясь, я еще и еще раз отвечаю незримому интервьюеру на этот проклятый вопрос. И сегодня тоже... ответил.

И ответ этот был непригляден и прост как правда.

Да, да, я пишу свои тексты и публикую книги всего лишь для того, чтобы...

Так ответить побудил меня приснившийся мне сегодня ночью сон. Длинный и странный. Попробую его пересказать. Хотя это и трудно, уж очень не от мира сего, и одновременно — сон этот и есть мой настоящий мир, мир, кото-

рый я многократно пытался воспроизвести в виде текста, мир, который всякий раз триумфально противостоял моим попыткам.

...

Представьте себе большое овальное помещение, разделенное на что-то вроде ячеек... как это бывает на археологических раскопках. Стены между ячейками невысокие — метр, полтора. Из римского кирпича. Потолок помещения напоминает потолок планетария. Звезды, планеты, туманности. Все в движении.

Воздух в помещении теплый, но не совсем прозрачный. Декоратор напустил туману.

Где-то оркестр играет. Звучит его музыка однако так, как будто музыканты еще не играют, а настраивают свои инструменты. Ля-ля-ля...

В ячейках — столы, стулья, комоды, картины, пыльная рухлядь. Там стоят и сидят люди. Много людей. Одеты празднично. В руках у них бокалы с шампанским. Это гости. Они беседуют. Жестикулируют. Но не все. Некоторые молчат, они погружены в себя. Напряженно думают о чем-то. О чем?

Все ждут чего-то. Нет, Годо никто уже давно не ждет. И мальчик не прибегает, чтобы оповестить всех о его приходе. Кажется, Годо уже приходил, но его не заметили. Не удивительно.

Гости ждут эвента, события. События без черточки после «о». Чего-то обыденного, обыкновенного, рутинного. Но возбуждающего, щекочущего нервы.

Событие это как-то связано со мной.

Я во сне не похож на отражение в зеркале. Какой-то я. Одна из моих вариаций, часто меняющих внешность, судьбу и все остальное. Ведь я оборотень...

Брожу по помещению, захожу в ячейки. Раскланиваюсь. Здравуюсь с гостями. Обмениваюсь ничего не значащими репликами. Жму руки, приветливо улыбаюсь. Гости внимательно смотрят на меня. Доброжелательно оценивают. Делятся друг с другом впечатлениями. Кивают головами. Но некоторые — хихикают. Почему?

Многие ищут глазами кого-то. Кого?

Я знаю, кого. Того, невидимого. Я ощущаю его властное присутствие своим телом. И боюсь его и жажду встречи с ним. Он не человек, не зверь и не чудовище. Он неотъемлемая часть этого пространства. Я не знаю, кто он.

Археологи ищут его в земле. Деликатно скребут глиняный пол скребками.

Одетый в черное священник служит ему, читает проповедь с небольшой кафедры.

Театральный пожарник чистит свою каску. Он видит его в своем отражении.

Попугай в клетке пытается разгрызть орех. И понять его сущность.

Я догадываюсь — это смотрины. Или что-то вроде смотрин. И в одной из ячеек сидит на стуле скромная девушка в белом платье, моя невеста. Ее окружают плотной стеной братья, сестры, родители.

Ищу глазами невесту и нахожу в отдаленной ячейке. Ловлю взгляд ее прекрасных печальных глаз. Жалею ее, ведь она похожа на скелет, так исхудала. Ее кожа стала прозрачной как молодой лед.

Иду к ней.

Или это похороны?

Некоторые женщины плачут. Они оплакивают его. Но он не умер!

Мужчины отводят глаза.

Плотник строгает рубанком крышку гроба и напевает непристойные куплеты.

Вход в ячейку преграждает носорог, отец невесты. Каменный истукан с глазами удава. В скверно сшитом фраке и засаленном цилиндре. Волосы напомажены. Усы как у фюрера. Золотое пенсне.

Отец шипит: Вам сюда нельзя! Нельзя. Позже, все позже. Идите к гостям, сударь мой, уважайте наши традиции. Или примите ванну и натритесь одеколоном. А о приданом даже не мечтайте. Таким как вы и наследства не полагается. Устарели, господин хороший. На осину, на осину...

Какой негодяй! Ухожу от него подальше. Хочу вернуться и ударить его.

Но смиряю себя и продолжаю играть свою незавидную роль. По инерции, как манекен.

Брожу, брожу, киваю...

Знаю, что где-то тут — мои умершие родители, потевшие друзья, бывшие возлюбленные.

Они ждут меня, но я не могу их найти.

Где я? Где мы все? Что это за помещение?

Что за комета скользит по потолку как змея?

Что за смех слышится мне несмотря на шум оркестра, звон бокалов, шушуканье, крики и шарканье?

Кто пригласил этот оркестр? Почему он так и не начал исполнять увертюру?

Почему на мне только старая дырявая ночная рубашка и полосатые носки?

Где мои остроносые туфли и белые кожаные перчатки, которые я когда-то так любил.

Как я сюда попал? Почему не могу вспомнить прежнюю жизнь?

Куда все подевалось?

Почему отяжелели кузнечики и зацвел миндаль?

Почему дрожат стерегущие дом и осыпался каперс?

В одной из ячеек — только одна гостья. Стоит, спиной ко мне. Внезапно я узнаю ее.

Это моя жена. Она ничего не говорит, но я чувствую, что она вне себя от горя. Дрожит, бедняжка. И испускает такие звуки, как сломанная музыкальная шкатулка.

Решительно подхожу к ней, беру за плечи и поворачиваю лицом к себе как куклу. Какой ужас! Это действительно кукла. Она моргает своими искусственными веками из алебаstra. Из опаловых глаз текут слезы.

Или это не жена, а моя давно умершая бабушка?

Не могу вспомнить ее лицо. Мне так ее не хватает.

Осторожно кладу куклу на пол и бреду дальше.

Ощущение его присутствия болезненно усиливается.

Сон превращается в кошмар.
Ячейки в помещении становятся камерами пыток в гигантском лабиринте-лупанаре.
Гости оборачиваются демонами и демоницами.
По потолку бегают зловещие рогатые существа.
Оркестр производит чудовищную какофонию, сквозь которую до меня доносится его самодовольный хохот. Его.
Я бреду по лабиринту.

АБСЕНТ

У восьми озер

Ленинградская область. Дом отдыха «У восьми озер».

Лето не помню какого года. Но помню, что баскетбол, теннис, плавание, кинофильмы про шпионов, лук и стрелы, казаки и разбойники, мороженое и шоколад, Конан Дойл и Луи Буссенар — меня интересовать перестали.

По моим нервным волокнам ходили волны похуже японского цунами. Они легко уничтожали все то, что советская школа, пионерия и комсомол успели во мне построить. Мой член стоял часами без всякой причины, как бы сам по себе... с кончиков пальцев сыпались искры, из ушей шел пар, и я всерьез боялся, что превращусь в дьявола и начну летать по небу и жрать людишек как птица насекомых.

Мои родные не замечали моего состояния. Сердились только на то, что я перестал с ними разговаривать, грубил и убегал из дома. Учителя... Помощи ждать было неоткуда.

Через открытые ворота ко мне пришел разврат, грозя и вовсе сбить с копыт неоперившегося юнца. Но не сбил. Скорее, наоборот...

Разврат этот принял форму симпатичной интеллигентной женщины средних лет.

Одним чудесным солнечным утром, в яблоневом саду, на берегу одного из восьми озер... она подошла ко мне, улыбнулась обворожительно и всепонимающе, но не без дружеской иронии и откровенного интереса к моей, сгорающей заживо в пубертетном синем огне, персоне, потрепала меня по вихрам своей немолодой уже рукой — на ее слегка подпорченных подагрой пальцах было надето не менее дюжины золотых колец, купленных явно не в СССР — и сказала: Я Лидия

Минская, переводчица с английского и французского. Моего мужа зовут Михаил Иосифович, он профессор МИМО. Но для тебя мы — тетя Лида и дядя Миша. Я знавала твою бабушку и деда еще в пятидесятых. Тебя, Гошенька, помню еще младенцем. Ты был такой милашкой. Кудри до плеч. Да... На отдыхе мы — преферансисты. Хочешь, поучим тебя этой прекрасной игре? Тогда приходи к нам, в комнату 58. Через пятнадцать минут. Да, бабушке можешь об этом и не рассказывать. Боюсь, она не обрадуется. Пусть это будет нашим секретом... Понимаешь?

«Понимаешь» она сказала, понизив голос до чувственного кошачьего урчания, но пожалуй слишком аффектировано. Я мгновенно насторожился, но затем мой взгляд случайно упал на глубокое декольте ее пестрого ситцевого платья, не скрывавшее полную ухоженную грудь, и по всем моим ганглиям пробежала электрическая волна такой силы, что думать я не мог и на предупредительный сигнал интуиции не отреагировал.

— Понимаю.

— Придешь?

— Приду.

— Приду, тетя Лида?

— Тетя Лида.

Знакомство с «преферансисткой» и ее многообещающее приглашение меня обескуражило. Интуиция посылала мне сигнал за сигналом — опасность-опасность-опасность! А желание отвечало вяло: А чего ты боишься-то? Тетю Лиду? Нашел кого бояться. А преферанс — игра умных людей...

Интуиция моя знала, что желание хочет вовсе не преферанса. А желание лгало само себе, стреляло во все стороны цветным фейерверком, только не в ту сторону, в которую мне хотелось выстрелить больше всего — между ног тети Лиды.

Зачем природа заставляет нас самих себя бесконечно, обманывать? Придумывать хитроумные отговорки? Хвататься за такое большое количество соломинок, что из них можно было бы собрать Босховский «Стог сена»? Что за путаница?

Откуда этот вечный ложный стыд?

Почему я не мог просто сам себе сказать: Тебе нравится эта тетя Лида. Ты хочешь вступить с ней в половую связь. Так сильно, что штаны трещат и шаровые молнии летают. Сейчас ты пойдешь к ней и сделаешь то, что ты так хочешь.

Почему-почему... Потому что так был воспитан. Как так? А по-советски. Одно вранье ехало на другом вранье. И погнало.

...

Через четверть часа я постучал в комнату 58.

Сюрприз! Открыл мне мужчина. Дядя Миша.

— Что вам угодно?

Голос спокойный, низкий, благородный.

Высокий, полный, старше тети Лиды. В заграничных светлых шортах из мягкой ворсистой ткани и пестрой свободной рубашке. Босой. Ноги холеные. На левой руке — дорогие золотые часы. На правой — несколько золотых же браслетов. Роговые очки. Внимательные глаза. Я сразу заметил, что что-то было в них не то. Соблазн.

Тут к дяде Мише подошла тетя Лида и, ласково положив ему голову на плечо, что-то прошептала на ухо. Милый...

Дядя Миша мгновенно надел на лицо маску гостеприимного хозяина. Профессора, приглашающего студентов в аудиторию, для того, чтобы прочесть им лекцию о Кафке и Музиле. Лучащегося мудростью и доброжелательностью.

Вошел.

Комната особого впечатления на меня не произвела. Двухспальная кровать. Шкаф. Круглый карточный столик. Три стула. На столике — карты, изумрудно-зеленая бутылочка затейливой формы и три хрустальных бокала. Маленькое сито. Несколько кусков сахара. Кувшин с питьевой водой.

Меня пригласили сесть за стол. Я сел, и хозяйева сели.

И тут же дядя Миша разлил в бокалы какую-то зеленоватую жидкость из бутылки... ликер? Потом положил сахар в сито и потихоньку долил в бокалы воду из кувшина, через сахар.

Поднял свой бокал, сверкнувший на солнце голубым и желтым, и провозгласил: Будем здоровы и счастливы, друзья! Выпьем за Солнце, за этот прекрасный день, которое оно нам подарило, за новое знакомство и счастье в его переливающихся лучах, за радостное соитие тел и за божественный полный преферанс!

Дядя Миша поиграл бокалом в солнечных лучах... тетя Лида сжала руки на груди, восторженно глядя на своего мужа.

Я еще не успел удивиться, как они уже выпили содержимое своих бокалов.

Отставать не хотелось... я тоже радовался новому знакомству, Солнцу, преферансу и «соитию тел»... выпил зеленую жидкость маленькими глотками... и сразу почувствовал тупой удар в голову... Жидкость эта была крепка.

Мне показалось, что солнечные лучи, «косою полосой шафрановой от занавеси до дивана» вдруг обвилились вокруг моей шеи, как теплый ласкающий шарф из света... в глазах засверкали золотые струны... они начали переплетаться, превратились в металлические колосья как на фонтане в ВДНХ... я чуть не упал со стула, но удержался и стал смотреть на то, что делает дядя Миша. А он взял в руки карты и начал их тасовать.

Потасовал и разложил колоду по столу длинной лентой, рубашками вверх.

И попросил: Открой, Гоша три карты.

Не слушающейся рукой я открыл ему три карты. Все они были червовыми дамами.

И тут... все три дамы вылезли из своих карт и, взявшись за руки, начали вшестером танцевать какой-то странный менуэт с поклонами и реверансами. Откуда-то вынырнули два червовых короля и два вальта и присоединились к дамам. Один валет почему-то подмигивал мне и смешно задира л ножки в панталончиках.

Меня мутило, а дядя Миша и тетя Лида громко и радостно хохотали.

Затем дядя Миша сказал, поблескивая глазами, похожими на влажные сливы, тете Лиде: Пора, мон шер ами...

Она взяла меня за руку, подняла со стула и раздела, медленно, как наверняка раздевают манекены.

Раздевала, гладила, возбуждала-целовала и все время насвистывала какую-то сладкую мелодию. Потом быстро разделась сама, легла на кровать и увлекла меня за собой. Дядя Миша был уже там.

Как только я проник в пахнущую мускатным орехом тетью Лиду, в меня сзади проник дядя Миша. Не так, как вы подумали. Боли это проникновение мне не причинило. Мы превратились в живой, пульсирующий трехслойный бутерброд. Мечта моя — о близости с взрослой женщиной — осуществилась.

Первым кончил дядя Миша.

Пока я заканчивал дело, он сидел за карточным столом и тасовал колоду. А вечером того же дня я расписал первую в моей жизни пульку. Никаких драм или сексуальных трагедий после этого в моей жизни не произошло. С сумасшедшей этой парочкой я встречался еще годы после этого лета.

Я многим им обязан. Они не только ввели меня в мир эроса, но и познакомили с книгами Гессе и Жан-Поля. Открыли мне глаза на то, чем на самом деле был Советский Союз. И дали мне уроки терпимости к интимным предпочтениям других людей.

А в изумрудной бутылочке был абсент, к которому выездной дядя Миша пристрастился за границей.

Современное искусство

Похожая история, только с другим концом, произошла со мной в декабре 1990 года в Кёльне.

Мне уже стукнуло тридцать девять, я закончил университет, отработал в различных НИИ 15 лет, имел троих детей, неоднократно участвовал в выставках художников-нонконформистов, имел мужество стать эмигрантом-невозвращенцем... но глубину моей наивности невозможно было измерить никаким лотом. Но жизнь измерила.

Да, кстати, ни педерастом-двустволкой, ни другим каким-нибудь секс-маргиналом после того моего приключения «у восьми озер» я не стал. Женился, как и положено, перед окончанием МГУ. По любви. Развелся через семь лет по той же причине. Женился еще раз. Был счастлив в обоих браках. Но погуливал...

Да... я тогда в Германии рисовал, рисовал что было сил в «лагере» для контингентных беженцев, наслаждаясь тем, что не надо больше думать о Горбачеве, КГБ, Афганской войне, о «судьбах проклятой России» и о добывании хлеба насущного. Пособия моего вполне хватало на сытую жизнь.

И к декабрю собралась у меня толстая папка «энигматических рисунков», как я их тогда называл. Это были абстрактные композиции, напоминающие башни или башнеобразные висящие конструкции, призванные внутренним своим многообразием привлекать и всасывать родственное многообразие зрителя и создавать вместе с ним некую общую мерцающую живую структуру... Как бы принадлежащую сразу трем мирам — миру графики, внутреннему миру сознания человека, представляющемуся мне как сюрреалистический ландшафт и миру возвышенно-метафизическому...

Небесному Иерусалиму.

К сожалению, мои рисунки не были по-настоящему моими, а предательски напоминали иературы Михаила Шварцмана, который был одно время моим ментором, но грубо оттолкнул меня, когда заметил, что я ему подражаю. Правильно сделал. Его талантом я не обладал и долгий путь по следам мастера свел бы меня с ума.

Но тогда, в девяностом, мне казалось, что я нашел наконец «свое воплощение». Не такое мощное, как у Шварцмана, но жизнеспособное. Поэтому я решил осчастливить «бездуховный Запад» своей выставкой. Что я для этого сделал? Купил фотоаппарат Полароид, сфотографировал им свои рисунки и начал рассылать крохотные фото в лучшие музеи Германии — в Мюнхенскую Пинакотеку, в Дрезденскую галерею, в музей Людвиг. И еще в десяток других подобных собраний.

Безумие, глупость, наивность? Да.

И я это краешком разума чувствовал. Но меня, как это часто и бывает у дураков, собственное безумие вдохновляло, а не пугало...

Я считал его необходимым атрибутом гения и наслаждался им. Даже не смешно.

На мои письма с обратным адресом «лагерь для беженцев Глаухау» ответил только куратор графического собрания музея Людвиг, господин Д.. Он пригласил меня на беседу, назначил термин на пред рождественское время. Я собрал свои последние марки и поехал в Кёльн. С толстой папкой рисунков в брезентовой сумочке.

Я надеялся на то, что господин Д. расхвалит мою продукцию до небес и купит всю папку для музея, заплатит мне наличными тысяч тридцать, и я смогу остановиться в хорошем отеле... и даже покинуть навсегда осточертевшее саксонское захолустье.

Как это ни странно, но господин Д., симпатичный молодой человек, действительно восторженно похвалил мои работы. Я принял похвалы как должное... не заметил, что это было лишь вежливое, но твердое НЕТ. Нет — дальнейшему сотрудничеству, нет — выставке, нет — деньгам.

Заметил я это только когда выходил из его роскошного кабинета, на стене которого висели работы Энди Уорхола, этого успешного профанатора, так нагло использовавшего невероятную дурость публики и алчность маршанов... которого, может быть именно из-за моего фиаско в Кёльне, я возненавидел позже лютой ненавистью. Он воплощал для меня самую разрушительную тенденцию современного искусства, приведшую к его самоуничтожению — стремление угодить тупой обывательской массе. Сейчас впрочем, я отношусь и к нему и к другим мусорщикам от искусства вроде Йозефа Бойса более терпимо. Каждый живет и рисует, как умеет.

Да... после того, как я вышел из музея на улицу... мне оставалось только пойти на мост и броситься в Рейн. Очень хотелось так и поступить. Но я знал — я выплыву. И все мои проблемы догонят меня как гончие псы — дичь.

Поэтому я на мост не пошел, а решил еще раз попытать счастье — в кёльнских коммерческих галереях, длинный список которых мне подарил на память господин Д..

Не буду описывать это долгое пешее путешествие по Кёльну с картой в руках. Всего я посетил тогда галерей двадцать пять. Обычно мне просто не открывали, услышав мой ломаный немецкий и мою русскую фамилию. Иногда открывали и вежливо объясняли, что не разговаривают с художниками «с улицы». Некоторые галерейщики даже пытались мне внушить, что «время русского искусства прошло», а мне лучше заняться чем-нибудь разумным, например, попытаться устроиться таксистом. Мою папку не открыл никто. До этого дело не дошло.

...

Один галерейщик, последний, папку все-таки открыл. Точнее, это была пара маршанов — муж и жена, господин Бенедикт и госпожа Гизела. Так мне запомнились их имена.

Эти люди пригласили меня в свою галерею, находящуюся на первом этаже современной виллы в голландском стиле, составленной из разноцветных бетонных кубиков, и провели по собранию живописи и пластики. Я был поражен количеством и качеством картин и скульптур русского авангарда. Имена сверкали сильнее красок: Малевич, Кандинский, Татлин, Лисицкий, Ларионов...

Чем-то эти люди сразу напомнили мне дядю Мишу и тетьку Лиду. У госпожи Гизелы на пальцах было не меньше золотых колец, чем когда-то у тети Лиды, и разрез на ее шикарном платье напоминал тот разрез и то, что из него тогда выглядывало, а вальяжный господин Бенедикт носил дома такие же шорты и пеструю свободную рубашку, как дядя Миша «у восьми озер», был бос... и его глаза были тоже похожи на влажные сливы...

Я был склонен тогда к мистическим параллелям и пожалуй даже решил бы, что это именно они и есть — Миша и Лида... реинкарнация или что-то в этом роде, если бы не

знал наверно, что дядя Миша уже лет пять как в могиле, а одинокая старушка тетя Лида доживает свой век в ленинградском доме для престарелых литераторов.

И я не удивился, когда после просмотра моей папочки... с жидкими комплиментами и похлопыванием по плечу... господин Бенедикт предложил мне выпить абсента. Из точно такой же изумрудной бутылочки.

...

После абсента я не галлюцинировал... мне было хорошо. Проклятый кельнский день, полный унижений, наконец кончился. Я общаюсь с настоящими знатоками русского искусства! Пью абсент...

Я и представить себе не мог, чем кончится наступивший вечер.

Мы сидели втроем за столом, господин Бенедикт курил сигару, госпожа Гизела — изящную серебряную трубочку, а я вертел в руках два нежно позванивающих металлических шарика фэн-шуй... Госпожа Гизела, кокетливо поглядывая на меня, отобрала у меня шарики и показала, как надо их вращать в руке.

Господин Бенедикт разглагольствовал о ситуации на рынке искусства. Понимал я только треть сказанного им. Мой немецкий не вышел еще из зачаточной стадии.

— Вы, господин Ш., слегка опоздали. Два года назад в Лондоне работы советских нонконформистов покупали по несколько тысяч фунтов за штуку. Кое с кем заключили многолетний договор. А теперь волна прошла, мода на русских сменилась разочарованием. Потому что влиятельные американские торговцы, которые правят у нас бал, в искусстве действительно не понимают н и ч е г о — решили этот русский проект прикрыть. И сделали так, что в вас стало невыгодно инвестировать. А это — смертный приговор. Да-с. Мне нравятся ваши работы, хотя они... как бы это сказать... элитарные. А сейчас это не в ходу. Нужно, чтобы каждый болван понимал, что нарисовано и для чего. И побрутальнее. Предмет. Цвет. Фигура. Такое покупают. А вы — перемудрили.

А это сейчас выглядит старомодным. А ваш апломб, право, только смех вызывает. Небесный Иерусалим... кому он нужен, когда в настоящий Иерусалим каждый поехать может? Но вы не расстраивайтесь. У меня есть одно предложение... Как вам у нас, нравится? У нас еще и бассейн есть... в подвале. Хотите прямо сейчас искупаться? Мы будем рады, если вы нам составите компанию. Поплаваем, побрызгаемся, побудем детьми... Потом поужинаем и поговорим всерьез. А перед этим еще рюмочку абсента. Я пью его без воды и без сахара. Божественный напиток.

Не знаю, что со мной произошло, но я согласился на совместное купание. Хотя и понимал, что это глупо и может кончиться позитивным тестом на Спид.

Меня заинтриговали слова господина Бенедикта о «предложении и серьезном разговоре».

Пошли в подвал.

По дороге, на лестнице я вдруг почувствовал, что второй бокал абсента может не остаться без последствий. Меня пошатывало, поташнивало... и совсем непонятно почему, захотелось ударить господина Бенедикта по затылку большой никелированной фигурой рыбака с круглой дыркой вместо сердца.

У вас у всех дырки вместо сердца — думал я. Рыбаки засранные... Я тебе покажу «апломб». В морге будешь проповеди русским художникам читать, сволочь...

Приступ злобы однако прошел еще до того, как я увидел волнующуюся голубую водичку в бассейне.

Рядом с бассейном можно было принять душ, вода стекала в дырку в теплом кафельном полу. Я разделся, почему-то не стесняясь чужих людей, встал под душ, прополоскал рот, намылился душистым мылом...

Ко мне подошла госпожа Гизела и стала тереть меня мягкой трехцветной мочалкой. Я воспринял это как должное. Половые органы она мыла мне рукой. Быстро добилась эрекции... а потом, весело хохоча прыгнула в бассейн. Брызги обрызгали на мгновение вокруг ее фигуры огромную корону.

Господин Бенедикт плыл брассом... фыркал и шумно дышал... его правильно поставленная улыбка источала достоинство и доброжелательность.

...

Поплавали. Побрызгались. Почувствовали себя детьми.

Под водой госпожа Гизела тихонько ласкала меня, а я отвечал ей тем же.

Вышли из воды. Господин Бенедикт подал мне шелковый халат с дракончиками и помпончиками.

Ужинали на верхней застекленной веранде, уставленной кадками с неизвестными мне растениями. Ели норвежских омаров под каким-то соусом, пили легкое вино.

После ужина у меня состоялся «серьезный разговор» с господином Бенедиктом.

Госпожа Гизела деликатно молчала, только незаметно для мужа делала мне глазки и иногда как бы случайно распахивала свой умопомрачительный халатик. Под ним было только полупрозрачное черное белье сеточкой. Я возбуждался и нервничал.

Говорил собственно только господин Бенедикт.

Прежде чем я его тут процитирую, хочу спросить кое о чем читателя. Знаете ли вы, что самое трудное для эмигранта, плохо владеющего языком своей новой родины?

Уметь различать «серьезную» и «не серьезную» речь. Почувствовать, где правда, а где ирония, юмор, сарказм. Это и на родном-то языке не всегда легко, а на чужом — невозможно. Почему я спрашиваю?

Потому что то, что сказал мне тогда господин Бенедикт вовсе не было «серьезным разговором». И его «предложение» не было «серьезным предложением», а было скотским притворством, враньем, издевательством, ловушкой для высокопарного самовлюбленного дурака, для меня. И в этот капкан я всунул своё эго, свой уд и голову.

— Дорогой господин Ш., ваше искусство меня убедило... Я хочу заключить с вами коммерческое соглашение на год. Не буду бросать слова на ветер. У меня есть готовый

бланк договора, остается только вписать в него ваше имя и подписать. Вот он. Но прежде чем это сделать, объясню вам кратко ваши обязанности. Вы должны будете прожить весь год, начиная с завтрашнего дня, у нас в галерее. Вам предоставляется оплачиваемый двухнедельный отпуск. Но только после того, как вы отработаете у нас по крайней мере шесть месяцев. Рабочий день ваш — с десяти утра до шести вечера. Главная обязанность — рисовать и помогать нам в галерее. Убирать и чистить будет прислуга, вам придется подменять нас во время отпуска, разговаривать с покупателями, помогать нам развешивать картины для новой экспозиции. Кроме того, вы обязаны предоставлять нам для продажи не менее восьми цветных рисунков размером не меньше А4 в месяц. Авторское право на эти изображения останется у вас, сами работы станут собственностью галереи. Я оставляю за собой право рекомендовать вам стиль, материал, технику и цветовую гамму ваших рисунков. Мы предоставляем вам для жилья отдельную комнату на третьем этаже виллы со всеми удобствами, даже с небольшой встроенной кухней. Рисовать вы можете в большом зале галереи. Материалы, краски, холсты предоставим вам мы. Кроме того мы будем платить вам по две тысячи марок в месяц и оплатим все необходимые страховки. За каждый проданный рисунок вы будете получать премию в размере десяти процентов от продажной цены. Хочу еще заметить, что я не слепой и видел, как моя жена весьма фривольно заигрывала с вами, и вы на это отвечали так, как ответил бы любой другой на вашем месте. Заявляю вам официально, что и я и моя жена являемся свободными людьми и вольны делать в интимной сфере то, что каждому из нас приятно. Поэтому не стесняйтесь.

...

Разумеется, я подписал такой договор. И намотал на ус последнее поучение.

Мне показали мою комнату. Я ей остался доволен. Мне пожелали спокойной ночи и оставили меня в покое.

Я сел в кресло у окна и стал смотреть на ночной Кёльн. Видел хорошо освещенный собор, несколько высоких зданий, телебашню, какие-то трубы на горизонте, из которых валил пар.

Я не знал, что думать, что чувствовать.

Радоваться? Да. Но все это — и вилла, и бассейн, и галерея, и госпожа Гизела с ее ласками, и странный господин Бенедикт, и предстоящий год труда, и договор — казалось мне чем то вроде бутафории. Какой-то игрой.

Да... может быть, и игра. Но договор — вот он. На прекрасной бумаге. И подписи, и цифра прописью...

К сожалению, все это и было игрой. Жесточкой игрой богачей с бедняком. И договор наш был филькиной грамотой. Если бы я хотя бы удосуужился тогда прочитывать то, что подписываю... Но я доверял немцам.

Влез под атласное одеяло и задремал.

...

Но не заснул. Слишком был взволнован.

Через какое-то время дверь открылась и в комнату вошла женщина.

— Госпожа Гизела?

— Да, милый. Я пришла к тебе, чтобы провести с тобой ночь. Я принесла еще две рюмки абсента. Выпьешь?

Голос ее звучал как-то странно. Охрипла?

Мы выпили, я отвернул одеяло, и она нырнула ко мне... обняла меня крепко, схватила меня за член и засунула свой язык мне в рот... жадно целовала мне грудь и живот... взяла член в рот, массируя яички сильной рукой.

Я к таким энергичным ласкам готов не был и кончил через минуту.

И тут... в комнату вошел еще кто-то и зажег свет.

Это была госпожа Гизела!

А у меня в ногах сидел... скорчившись от гомерического хохота, господин Бенедикт... с моей спермой на напояженных губах, в парике, в специальном бюстгальтере с накладными поролоновыми грудями, в шелковом халатике и женском белье.

Госпожа Гизела тоже начала смеяться. А потом вдруг закашлялась, надулась как пузырь... и лопнула, оставив после себя только белые ошметки.

А господин Бенедикт начал танцевать джигу и прошелся вихрем по комнате и по потолку. Подлетел ко мне и заорал прямо в лицо, бешено вращая своими глазами-сливами: Убирайся! Убирайся отсюда, кретин! Вызываю полицию.

Я схватил свою одежду и обувь, и, пролетев молнией четыре пролета лестницы и опрокинув стоящие на ней металлические скульптуры, которые с грохотом упали и разлетелись на куски, выбежал на улицу.

Папку в суматохе забыл.

Когда я одевался, на третьем этаже виллы кто-то открыл окно и швырнул из него мне под ноги мою папку с рисунками. Я услышал смех и ругательства...

Рисунки вылетели от удара об асфальт из папки как ласточки из норы на обрыве. Проезжающий в этот момент мимо меня красненький Опель Омега порвал часть рисунков, поволок их с собой. По оставшимся проехал тяжелый старый Мерседес и замазал их грязью...

Я сидел на тротуаре и смотрел, как машины уничтожают мой Небесный Иерусалим. Мою мечту.

Кажется, в эту горькую минуту я и понял, что такое на самом деле современное искусство.

Невыполненное обещание

Третья похожая история случилась со мной позавчера.
П о з а в ч е р а!

Из-за нее я и первые две истории вспомнил и записал. Сидя тут, в камере.

Да... Шатает меня, носит черт знает где, видите, в прошлое бросило... потому что будущего у меня больше нет... четыре стены вокруг, окно с решеткой... а кому прошлое интересно, да еще и чужое?

Третья история будет еще круче первых двух. Обещаю. И закончится весьма и весьма кроваво, так что если у вас

нервишки... того... то лучше про животных что-нибудь посмотрите по телевизору. Про животных? Сказанул. Вот уж где кровища как вода льется... ад без конца... беспредельщина и каннибализм. Природа.

Неделю назад я получил по почте письмо, от поклонницы. Цитирую письмо по памяти (оригинал забрали полицейские):

Дорогой Ш., мой муж и я — верные поклонники вашей прозы. Давно мечтаем познакомиться с вами. Приглашаем вас к себе на ужин. Меню — жульен из шампиньонов и черепашьего мяса, жаркое из косули, тирамису с клубникой. Из питья — швейцарский абсент «Ангелик» с мадонной на этикетке, приготовленный по оригинальной технологии.

Посидим, поедим, поболтаем. Если у вас будет желание, расскажете нам что-либо о вашем творчестве, а мы познакомим вас с нашим особенным хобби. Хи-хи.

Будем ждать вас в воскресенье, начиная с шести вечера, в Шарлоттенбурге, на улице такой-то, в доме номер... Вход в подъезд — со двора. Лифт, третий этаж, квартира справа, там, где пальма и зеркало.

Приходите! Ждем!

Ли и Эд М.

...

Ехать в Шарлоттенбург мне, естественно, не хотелось. Отъездился я уже. Новых людей не хочу видеть, так же, как давно уже не хочу читать новые книги. Ну разве что моих знакомых писателей иной раз по диагонали почитаю — для того, чтобы было о чем говорить при встрече...

Верные поклонники моей прозы? Что-то не верится. Мазохисты? И это самое «хи-хи» меня озадачило. Может, психованная какая тетка? Писатели — как магниты железный мусор — притягивают к себе всяческих психопатов. И гнойных графоманов и великих прожектеров, революционеров, мечтателей и просто дураков. Рыбак рыбака...

И ее жульен с тирамису мне есть не хотелось, может и гастрит разыграться, буду мучиться потом целый год... из-за вкусной жратвы... обидно и несправедливо, другие вон как жрут... а я хоть и толстяк, а горло тонкое, как у аиста.

И упоминание об абсенте меня озадачило. Неспроста она его упомянула! Или у нее потрясающая интуиция или она что-то где-то обо мне вынюхала и ей чего-то от меня надо... Хм... Что?

И это «особенное хобби» тоже как-то странно прозвучало в письме. Что она имеет в виду? На живца ловит?

Меня? Старика... почти без средств?

Что ей все-таки от меня надо? Душу что ли вынуть хочет и дьяволу продать? Так ведь давно продана, как и у всех у нас, бывших советских. Да... дилемма. Жаркое из косули — это звучит гордо. Последний раз ел на общем собрании товарищества художников «Латерне». Вкуснятина. Но тогда косулю эту Холькер сам в лесу пристрелил, бедняжку, свеживал... а затем сам и приготовил, в красном уксусе три дня отмачивал, обжарил и пять часов в духовке запекал... все, как полагается... мастер... паучий король. Вся квартира в аквариумах с пауками. А жены нет. Убежала от пауков.

Решил поехать в Шарлоттенбург. Если что не так... вильну хвостиком и слиняю.

Поехал.

Уже в с-бане начались знамения. Недобрые.

Собачка на меня вдруг залаяла. Не злая. Шпиц. Просто зашлась в лае. Хотела укусить, но ее хозяйка оттащила. Чем я ее разозлил? Сидел себе мирно за два ряда от нее. Вот же скверная псина! Что-то она почувствовала. Излучение какое что ли? Неужели просто от мыслей голова начинает что-то такое излучать? Я ведь тогда об этом самом «особенном хобби» моих приглашателей подумал. И об этом гаденьком «хи-хи». Занесла меня фантазия далеко-далеко...

Что же это, даже подумать о таком нельзя? Начнешь излучать какой-нибудь ультрафиолет и псы на тебя накинутся как на зомби... а потом и люди.

А когда выходил из с-бана на остановке Шарлоттенбург ко мне нищий привязался. Молодой такой паренек. Худой как скелет, шея синяя, лицо как у птицы...

Глазенками сверкает, пальцами цепляется за мою куртку, хрипит что-то. Я достал монетку — два евро, с портретом

Данте, подал ему. Он монетку схватил... я заметил, что он ужасно на Данте этого похож, только грязен.

Я от него убежал. Мало ли что. Нищий догонять меня не стал, но прокричал несколько раз истощенным голосом: Не ходи туда!

И пальцем свои костлявым показал как раз туда, куда мне идти надо было. А потом подбежал к другому прохожему и вцепился в него...

А когда я у входа звонил, чтобы дверь открыли, увидел над фасадом лепное украшение, вроде гаргульи... голову оленя с рогами и с высунутым языком...

И сразу же догадался, что сейчас произойдет. Так и вышло — голова ожила, язык ее покраснел, глаза заморгали, а рога немного выросли. Гипсовый олень противно улыбнулся и кивнул. Так кивают старому знакомому. Или долгожданному гостю.

Опять занесло меня в фильм категории Б. Судьба.

Ну что же, посмотрим, что на этот раз придумали сценаристы. Развязать все узелки в конце будет трудно. А разрубить их топором у них не хватит мужества. Придется переключивать с больной головы на здоровую... или наоборот. Вручать топор персонажу.

Я поднялся на лифте на третий этаж и позвонил в дверь рядом с искусственной пальмой и треснувшим зеркалом в богатых бронзовых рамах.

...

Мне открыла седая женщина лет шестидесяти в простом открытом платье, не прикрывающем коленей. Лицо ее показалось мне грубоватым. Прекрасно, впрочем, сохранилась дамочка. Зубы отбелены. Кожа ухожена. Сексапильная вполне.

Где-то в глубине коридора замаячил ее муж, неловко изображая своим приталенным торсом и узкими плечами смущение и гостеприимство...

Эд был лысоват. Горбонос. Худ. Под темной жилеткой — белая неглаженная рубашка. Брюки были, пожалуй, слишком широки для его худых бедер. Остроносые темные ботинки.

Эд курил сигарету и смотрел себе под ноги.

— Как же я рада, — воскликнула Ли.

— Как мы рады, — пробасил Эд и затянулся.

— Очень, очень приятно, — выдавил я, хотя в душе уже проклинал себя за то, что сюда притащился. Но приятный запах жаркого примирил меня с жизнью, и я даже смог изобразить на лице что-то похожее на приветливость.

Мы с Ли сухо расцеловались. Эд несколько раз поклонился на бок.

Прошли в гостиную.

Эта большая, метров сорок квадратных, комната поразила меня своей простотой, пустотой.

Два темно-синих кресла. Несколько стульев. Квадратный стол. На столе четыре тарелки с приборами, рюмки и зеленая бутылка. Два больших, зашторенных охряным полотном окна. На стене — зеркало. Под ним комод. На комод — графин с водой. Пол заляпан краской. Большой старомодный мольберт в углу. Несколько больших картин, прислоненных к стене лицевыми сторонами.

Видимо прочитав мои мысли, Ли сказала: Эту комнату мы используем как мастерскую. И Эд и я — художники. Это наше хобби. Но наши картины мы вам показывать боимся. Начнете еще критиковать...

Ага. Вот хобби и разъяснилось, работают, работают, а по уик-эндам немножечко малюют... а меня куда в с-бане занесло... мурашки по коже.

Вечер, наверное, будет смертельно скучный.

— Ну почему же, я ведь не житомирский податный инспектор... Чего меня бояться?

— Bravo! Это из Булгакова.

Тут только до меня наконец дошло, что она говорит со мной на выученном русском, правильно, но как-то безжизненно.

— Мы слависты. Живем в Бостоне. У нас годовой отпуск. Путешествуем по Европе. Были в России, Польше и Чехии. Уже три месяца в Берлине. Тут полно русских и поляков. Мы читали ваши книги. Очень интересно пишете, живо!

— Преподаете?

— Да, и преподаем. Я преподаю русский, польский и чешский. А Эд недавно прочитал годовой курс «Нарративный дискурс Набокова и Хоппер».

— Понимаю. Хоппер? Деннис? Фотограф из Апокалипсиса? Нет, конечно, Эдвард... да-да... Девушка на лугу. Этот тип, и его модели, и интерьеры, и маяки, и сама Америка — так одиноки и меланхоличны, непонятно, зачем они, собственно, нужны... ошибка человечества, как сказал Фрейд... и нарцисс Набок понимает это, но, как эмигрант, не может позволить себе так показывать новую родину, не может ни на один процент стать маргиналом, он всегда должен быть совершенством, магом, гроссмейстером, поэтому он маскирует свою глубокую меланхолию и свое американское одиночество бабочками, шахматной доской и лолитками, которых по видимому сам терпеть не мог, до того холодно он описывает горячий секс с ними... нашпиговывает свою прозу ледяными загадками... как баранину изюмом.

— Bravo, bravo! Очень, очень интересно. Только у Эда другой концепт.

Тут в нашу беседу вмешался Эд. Он жестами пригласил меня сесть за стол и что-то быстро сказал Ли по-английски. И одарил меня растерянной улыбкой. Ли убежала.

Судя по запаху, жаркое подгорело. Из кухни послышалось хлопотливое оханье Ли.

...

Вместо того, чтобы сесть, я подошел к картинам, поднял одну из них и повернул изображением к себе. Почувствовал спиной и услышал, как дернулся и закричал Эд.

Не сразу понял, что собственно на ней изображено. А когда понял, то пристально посмотрел Эду в глаза. Я не был возмущен... я не ханжа... и мои сексуальные фантазии всегда убегали далеко от мира так называемых порядочных людей... мне было лишь интересно, фантазия это или реальность...

Но Эд был непроницаем.

На картине была довольно точно изображена та самая комната, в которой мы находились, ничего не было забыто, даже графин с водой на комодке стоял...

На одном темно-синем кресле развалился Эд, в той же одежде, что и сейчас... а на коленях у него сидел худенький мальчик-негритенок, обняв его длинными бедрами и руками, доверчиво положив курчавую головку ему на грудь. Его толстые губы вытянулись и как бы хотели поцеловать пуговицу жилетки.

На другом кресле сидела старушка Ли в знакомом платье и внимательно смотрела на Эда и мальчика. Правая рука ее была под платьем.

Вот так слависты! Славное хобби!

Эд вздохнул, закурил сигарету и подошел к открытому настежь окну, из которого было видно набережную Шпрее и парк за ней. По парку бегали турецкие дети, шныряли собаки и туристы, важно прогуливались зажиточные бургеры.

— Какая идиллия, — сказал Эд, махнув рукой в сторону парка.

— Овечки бегают, не замечая того, что на них смотрит волк.

— Дорогой господин Ш., мы с Ли действительно прочитали ваши рассказы. Так что не надо тут строить из себя праведника. И вы, и я прекрасно знаем, кто тут на самом деле волк. Вы можете сколько угодно дурачить вашу русскую публику, но меня вам не обмануть. Я знаю, что вы законченный, бесстыжий и наглый развратник. И то, что вы предаетесь вашим порокам в тексте, а не в реальности, да еще и под различными личинами, доказывает то, что вы еще и трус.

— Так поступает любой писатель... в этом единственный смысл творчества.

— Вы редкостный циник, господин Ш., все ваши тексты — изощренное издевательство над публикой, которую вы втягиваете в ваш ужасный мир, состоящий из отчаяния и порока. Поэтому вы нас и заинтересовали.

— Рыбак рыбака? Знаем. Все эти инфантильные слова — развратник, циник — не имеют для меня никакого смысла...

Оставьте это сотрясение воздуха неофитам. Кстати, а мальчик-то где? В соседней комнате? Или уже в могиле? Полицию когда вызывать будем?

— Мальчик? Какой такой мальчик? Вы видите на этой картине мальчика? И кого еще? Хотите вызывать полицию из-за этой картины? А почему не из-за ваших рассказов? Напомнить каких?

— Не придуривайтесь, Эд. Вы зачем меня сюда позвали? Для шантажа? Или опытом поделиться хотите?

Эд не успел ответить, в комнату вошла Ли с блюдом жаркого, бросила украдкой взгляд на картину, вспыхнула, но сдержала себя, ничего не сказала, поставило блюдо на стол и убежала в кухню. Принесла минеральную воду, хлеб, тушеную красную капусту, клюквенный соус и обещанный в письме жульен. Пир на весь мир!

Мы с Эдом сели напротив друг друга, Ли — по правую руку от меня. Я спросил Ли подчеркнуто незаинтересованно: А кому предназначен четвертый прибор?

Ли не ответила... бросила беспомощный взгляд на мужа. Эд недобро сверкнул глазом и заиграл желваками.

— Что, Гоша... ведь так вас звали в детстве? Почуяли запах крови? Погодите, имейте терпение, все разъяснится в свое время. Мы еще абсент не пили. Вы кстати, других картин не видели, они, возможно, заинтересуют вас больше этой... кхе-кхе... девушки перед окном. Может быть, вы все-таки расскажете нам, что вы видите на этой картине. В подробностях. Это очень интересно...

Что это он за бред несет? Он что, что-то другое видит на картине? Никогда не верил в подобную мистическую чепуху. Хотя для Б-фильма самый раз. Как в «Пасти безумия». Не хватает только этого мордоворота Ктулху с осьминожьими щупальцами, растущими из пасти. Какой вздор!

...

Ели мы молча.

От десерта и кофе я отказался. Чувствовал, что предстоит жестокий поединок, не хотел перегружать себя.

После еды Ли убрала со стола все, кроме рюмок и бутылки абсента.

Явился сахар, специальные ложки и ледяная вода из холодильника.

Эд пил абсент, просто смешав его с водой. Ли, как и положено, цедила воду сквозь сахар. Я выпил грамм пятьдесят чистого.

Тут же закружилась голова. Затошнило.

Реальность как бы освободила меня от своего гнета, раздвинула свинцовые тиски. Захотелось взлететь и выпорхнуть через открытое окно на улицу, полетать над парком и рекой. Я бодро встал и повернул следующую картину... впился в нее глазами.

Эд и Ли тоже посмотрели на полотно... покачивали головами... хмыкали... добродушно улыбались. Очевидно, они не видели на нем ни жутких сцен сексуального насилия над детьми, ни пыток, ни казней.

Неужели Эд прав, и в моих рассказах я...

Или во всем виноват этот ужасный напиток?

СОДЕРЖАНИЕ

ВТОРЖЕНИЕ

Вторжение	5
Я люблю тебя, жизнь	15
Зимняя сказка.....	24
Тасманский тигр	31
Оранжерея, крысы и напольные часы.....	39
Лобное место.....	48
Страшная догадка	53
Конец.....	60
Андреевский зал	61
Звонок.....	64
Суд.....	68
В раю	72

УЖАС НА ЗАБРОШЕННОЙ ФАБРИКЕ

Демон	74
Ужас на заброшенной фабрике	78
Реликвия	89
Рождественский базар.....	97
Монсеньор	106
Ящерица.....	116
Согнувшийся человек	125
Мальчик, который был чайником	136
В бассейне	148
Глюк.....	161
Красная папка.....	174

ЧЕЛОВЕК В КОТЕЛКЕ

Человек в котелке	192
Яхта «Сиракузы»	234
Послесловие.....	274

ПОКАЖИ МНЕ ДОРОГУ В АД

Повелитель четверга	279
Помолвка	288
Комната исполнения желаний	300
Палач	302
Дворец монсеньора	307
Остров забвения	314
В Берлине	319
На чем подают жаркое	326
На морском курорте	332
Двойники	341
Нордлинг	349
Бочка	362
Царица ночи	373
Несколько замечаний	377
В БОГЕМИИ	381
МАТЬ ГРЕГОРА	404
ПРИСУТСТВИЕ	415
АБСЕНТ	
У восьми озер	420
Современное искусство	424
Невыполненное обещание	433

Літературно-художнє видання

СЕРІЯ «Бібліотека “Крещатика”»

Заснована у 2023 році

Ігор Шестков
НОРДРИНГ

(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова

Формат 60х84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 2604

Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 28

Гарнітура «Cambria».

Підписано до друку 24.06.2023 р.

Видавець Федоров О. М.,

«Друкарський двір Олега Федорова»

Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,

e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»

Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,

виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції

серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

ИГОРЬ ШЕСТКОВ (Igor Heinrich Schestkow)
Родился (1956) и вырос в Москве. Окончил мехмат МГУ. Работал в НИИ. В восьмидесятых годах участвовал в выставках неофициального искусства в галерее Горкома графиков на Малой Грузинской улице в Москве. В 1990 году эмигрировал в Германию. Берлинец. Автор психоделических и сюрреалистических рассказов, повестей и эссе об искусстве и литературе. В книгу «Нордринг» вошли четыре повести и четыре рассказа.

**ДРУКАРСЬКИЙ ДВОР
ОЛГА ФЕДОРОВА**

